

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР

63.3(2)53.

С31

Л. Т. Сенчакова

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в революции 1905 - 1907 гг.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. В. ШЕЛОХАЕВ

МОСКВА «НАУКА» 1989

М

808873

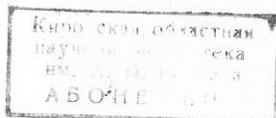
9.(с)1
ББК 63.3(2)522

С 31

Рецензенты:

доктор исторических наук Г. Д. АЛЕКСЕЕВА,

доктор исторических наук В. А. ФЕДОРОВ

Сенчакова Л. Т.

С 31 Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. —
М.: Наука, 1989. — 264 с.
ISBN 5-02-008458-1

В монографии на большом документальном материале анализируются ведущие формы крестьянского движения, их внутреннее развитие, история революционно-демократических крестьянских организаций, деятельность на селе революционных социал-демократов.

Для историков.

С 0503020300-429 155-89
042(02)-89

ББК 63.3(2)522

ISBN 5-02-008458-1

© Издательство «Наука», 1989

ВВЕДЕНИЕ

Выдающимся событием начала XX в. была революция 1905—1907 гг. в России. «Эта революция, — отмечается в Постановлении ЦК КПСС о ее 80-летию, — пробудила к политической жизни широчайшие массы рабочих и крестьян, другие слои населения, ознаменовала начало нового исторического периода — периода глубоких социальных потрясений и революционных битв»¹. Несмотря на поражение, она поколебала устои самодержавно-помещичьего строя, явилась, по определению В. И. Ленина, «генеральной репетицией» Великого Октября, оказала сильнейшее влияние на развитие мирового революционного процесса.

Изучение и всестороннее освещение опыта первой российской революции имеет огромное не только научно-познавательное, политическое, воспитательное, но и революционно-практическое значение. Непреходящ он и поныне для народов, борющихся за подлинную демократию, мир и социализм.

«На русскую социал-демократию, — писал В. И. Ленин еще в 1907 г., — несомненно, ложится обязанность самого тщательного и всестороннего изучения нашей революции, распространения в массах знакомства с ее формами борьбы, формами организаций... Нам надо позаботиться, — и кроме нас никому будет позаботиться, — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни...»².

«Гвоздем» революции являлся аграрный вопрос — ликвидация помещичьего, латифундиального землевладения, что придавало ей специфические черты крестьянской революции. «И это была крестьянская буржуазная революция, — указывал В. И. Ленин, — ибо объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, „о расчистке земли“ для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы». Подчеркивая значение борьбы крестьянства, он писал: «Природа великой буржуазной революции в крестьянской России такова, что только победа крестьянского восстания, немислимая без руководящей роли пролетариата, способна привести эту революцию к победе...»³

Изучение истории крестьянского движения 1905—1907 гг. началось еще в период революции и продолжается до настоящего

времени. Лишь за годы Советской власти она нашла отражение (по нашим подсчетам) более чем в 400 книгах, брошюрах, статьях, диссертациях. Представление об этом дают историографические обзоры⁴, в которых обстоятельно, а в статьях М. С. Симоновой и В. Г. Тюкавкина практически исчерпывающе анализируется литература по теме. Наличие указанных работ позволяет нам ограничить свой историографический очерк самым общим представлением о степени изученности проблемы и выявлением ее недостаточно разработанных аспектов.

Вопросы аграрных отношений и борьбы крестьянства в 1905—1907 гг. занимали в свое время историков, социологов и экономистов как официально-охранительного, так и буржуазно-либерального направления⁵. И те и другие стремились доказать, что крестьянское движение было бессознательным и стихийным, они называют его смута, бунт, насилие, направленным не на уничтожение помещичьего землевладения и господства помещиков, а лишь на улучшение своего экономического положения, удовлетворение чисто местных нужд.

Неонародники (эсеры, энесы и др.) при определении сущности крестьянской борьбы придерживались в целом того мнения, что «это движение стихийное, мало осмысленное, взрыв отчаяния, с одной стороны, и мало резонное и продуктивное стремление реализовать вековечную крестьянскую мечту о земле — с другой. . . что это только аграрные беспорядки, что под ними лежат только экономические интересы, только экономические запросы»⁶. Массовое рабочее и крестьянское движение эсеры оценивали только как стихийно-разрушительное. Во всей эсеровской литературе по аграрно-крестьянскому вопросу лишь «на разные лады муссировались, — как пишет исследователь российского неонародничества В. Н. Гинев, — несколько антисоциал-демократических тезисов»⁷.

В меньшевистской литературе также проводилась версия о способности крестьянства бороться лишь за чисто местные экономические нужды, утверждалось, что крестьяне еще не связывали главный для себя земельный вопрос с политическими вопросами и что русская деревня в бурные годы революции «продолжала жить, в сущности, вне общественно-политической жизни»⁸. Меньшевистские историки довольно подробно, с привлечением большого материала (главным образом данных анкет Вольного экономического общества) описывали крестьянское движение указанного периода. Но ими, как и либерально-буржуазными историками, замалчивался факт воздействия борьбы пролетариата на размах и характер крестьянского движения, по существу, отрицалась возможность революционного союза рабочего класса и крестьянства⁹.

Марксистский этап в исследовании крестьянского движения 1905—1907 гг. связан с именем В. И. Ленина. Ленинское наследие является теоретической и методологической основой советской историографии по проблемам аграрной истории России и крестья-

нского движения. В. И. Лениным была вскрыта суть аграрного вопроса России, указаны пути его решения и революционного обновления страны в целом. Изучение конкретных проблем крестьянского движения, взаимоотношений двух основных классов русского общества — пролетариата и крестьянства, вопросов расстановки классовых сил накануне и в ходе революции невозможно без ленинских трудов по выработке аграрной программы большевиков: «Аграрный вопрос и „критики“ Маркса», «Рабочая партия и крестьянство», «Аграрная программа русской социал-демократии», «К деревенской бедноте». Здесь В. И. Ленин дал научно-теоретическое обоснование политики пролетариата по отношению к крестьянству в буржуазно-демократической революции.

На основании опыта революционной борьбы пролетариата и крестьянства в 1905—1907 гг. В. И. Ленин продолжил дальнейшую разработку теории и программы РСДРП по аграрному вопросу в таких работах, как «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» и др. В последней В. И. Ленин подверг всесторонней критике аграрные программы помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий и дал теоретическое, экономическое и политическое обоснование программы большевиков. Ленинские произведения являются для нас исходными при определении характера аграрного строя России, экономической и социальной структуры деревни, расстановки классовых сил и хода борьбы по крестьянскому вопросу.

В ленинских трудах (периода революции и позднейших) исследованы вопросы о предпосылках крестьянского движения в революции 1905—1907 гг., союзе рабочего класса с крестьянством при гегемонии пролетариата, силе и слабости мелкобуржуазной демократии, зависимости судеб революции от масштабов и решительности крестьянской борьбы, политической работе партии в деревне и др. Ленинские положения о формах, средствах, историческом значении борьбы крестьян, их революционно-демократических организациях будут подробно изложены в тексте монографии, так как они являются не только методологической основой, но и конкретно-историческим источником по данной проблеме.

Работы В. И. Ленина, вооружившие большевиков ясным пониманием законов развития капитализма и особенностей аграрного строя в России, характера и значения крестьянского движения, служили большевистской партии надежным компасом в борьбе классов и партий по крестьянскому вопросу. Ленинские идеи развивались, популяризировались и оттачивались в полемике с буржуазными и мелкобуржуазными историками и публицистами в трудах его соратников, видных деятелей партии и публицистов: В. В. Воровского, М. С. Ольминского, А. Г. Шлихтера, В. А. Карпинского, Н. А. Рожкова, А. В. Шестакова, С. И. Черномордика и других — современников и участников событий¹⁰.

Изучение массового крестьянского движения в революции 1905—1907 гг. началось уже с первых лет Советской власти.

Оно отвечало вставшей перед советской исторической наукой задаче обоснования закономерностей пролетарского этапа освободительного движения, превращения опыта большевистской партии в достояние масс, борющихся за революционное преобразование мира. Но в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции кадры историков-марксистов в количественном отношении были незначительны, отсутствовала на первых порах и необходимая источниковая база. Лишь после публикации документальных сборников в 20-х годах, осуществленной истпартами, появляются и исследовательские работы. До настоящего времени сохраняют свое научное значение труды Е. А. Мороховца, А. В. Шестакова, С. М. Дубровского, Б. В. Граве¹¹.

Эти авторы попытались показать роль социал-демократии в крестьянском движении 1905—1907 гг., проследить рост политической сознательности и организованности крестьян, поставить вопрос о воздействии революционных выступлений пролетариата на крестьянство. Однако для работ 20—30-х, в значительной степени и 40-х годов была характерна узость источниковой базы, которая не позволила историкам всесторонне раскрыть сложный и многообразный характер крестьянского движения в первой революции в России, его размах и масштабы. Выдвигались спорные положения. Так, подъем крестьянского движения в конце 1905 г. Е. А. Мороховец объяснял прежде всего «обострением общего разорения крестьянства под влиянием неурожая, охватившего две трети губерний Европейской России» и утверждал, что крестьянство совсем не понимало необходимости борьбы с царизмом, выказав в революции «чрезвычайную политическую несознательность»¹².

Советская историческая наука утверждалась в острой борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными теориями и в свой начальный период в основном накапливала факты и обосновывала общие концепции по истории революционного (в том числе крестьянского) движения. Большую роль в деле становления ленинской концепции крестьянского революционного движения сыграли дискуссии 20—30-х годов по различным проблемам революции. В них принимали участие такие видные историки, как М. Н. Покровский, В. И. Невский, А. В. Шестаков, С. М. Дубровский и др. Доклады печатались на страницах первого советского исторического журнала широкого профиля «Историк-марксист». Они довольно скрупулезно проанализированы в монографии А. И. Алатрцевой¹³. Дискуссии выявили актуальность изучения проблемы крестьянского движения, неполноту решений одних ее задач и ошибочность в объяснении других.

Наиболее плодотворным в разработке истории крестьянского движения в революции 1905—1907 гг., как и в изучении аграрной истории капиталистической России в целом, оказались три последние десятилетия. За эти годы историческая наука пополнилась большим количеством работ, в которых обстоятельнее, чем ранее, с привлечением более обширного круга источников и с учетом

требований времени стали освещаться различные стороны крестьянского движения, борьбы большевиков за союз рабочего класса с крестьянством. Эта тематика нашла отражение как в общих работах по истории революции, так и в специальных исследованиях.

Большое место вопросам истории разработки программы и тактики социал-демократии в отношении крестьянства уделено во втором томе многотомной «Истории КПСС»¹⁴. Во многих «Очерках» истории местных партийных организаций (а их к настоящему времени издано более 100) имеются главы или разделы по истории крестьянского движения в революции 1905—1907 гг., исследуются вопросы руководства им со стороны революционной социал-демократии. К сожалению, не во всех из них показывается специфика работы социал-демократов в деревне, полностью учитываются достижения советской исторической науки¹⁵.

За последние десятилетия издано много работ, посвященных выступлениям крестьян в различных районах Российской империи (Латвия, Украина, Белоруссия, Северный Кавказ, Сибирь, Башкирия, Марийский край, Московская, Тульская, Тверская, Воронежская, Саратовская, Пензенская, Смоленская, Рязанская, Нижегородская, Симбирская и другие губернии). Появление этих локальных исследований представляет собой закономерное явление и является достижением советской историографии. Их авторы ввели в научный оборот новые материалы и документы из местных архивов, развитие крестьянского движения они стараются показывать в связи с общим ходом революции и учетом региональных особенностей. Неравноценные по своему значению и научному уровню, эти работы расширяют представление о крестьянском движении на местах, дают определенный материал для сравнительно-статистического анализа.

Имеются исследования общероссийского масштаба¹⁶. Среди них следует выделить книгу С. М. Дубровского, в которой раскрываются причины крестьянских выступлений, рассматриваются их направленность и виды, приводятся статистические данные о распространении движения по годам и месяцам, по районам, по формам борьбы и т. д. Диаграммы автора отчетливо показали определяющее воздействие рабочего движения на крестьянское, роль пролетарских стачек как главного средства мобилизации крестьянства на борьбу. Выявленная им динамика крестьянского движения вошла в школьные и вузовские учебники по истории СССР. Но небольшой объем книги и желание автора сказать как можно больше привели к тому, что многие сюжеты, поднимаемые им, изложены как бы конспективно. Подсчеты С. М. Дубровского, выполненные в основном по документам департамента полиции, в свете новейших данных нуждаются в серьезной корректировке.

Анализируя литературу последних десятилетий по истории крестьянского движения 1905—1907 гг., историографы отмечают некоторые общие черты, характеризующие данный этап развития

советской исторической науки. Повысился теоретический уровень работ, в основе их, как правило, лежит аналитический метод. Подвергаются проверке и перепроверке статистические данные, выводы, обобщения предшествующего периода¹⁷. Но остаются еще не решенные и требующие самостоятельного исследования проблемы. Остановимся лишь на некоторых.

Важное значение для учета расстановки классовых сил в стране изучаемого периода — силы революционного натиска — имеет количественная характеристика крестьянского движения, этого массового социального явления. Однако до сих пор не разработана в полной мере единая научная методика статистического изучения крестьянского движения. Это одна из объективно назревших проблем, стоящих перед исторической наукой на современном этапе развития. Она была предметом специального обсуждения на Таллинской (1958 г.) и особенно Киевской (1960 г.) сессиях Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, где были высказаны различные точки зрения¹⁸. О разнообразных аспектах методики изучения крестьянского движения говорится в работах советских исследователей¹⁹, но до настоящего времени этот вопрос, к сожалению, еще не получил окончательного решения²⁰.

Отсутствие единой методики изучения и статистической обработки документальных материалов приводит к весьма существенному разнобою в принципах подсчета крестьянских выступлений, затрудняет как собственно создание подлинно научной статистики крестьянского движения, так и выявление его динамики в общероссийском масштабе. Подсчеты авторов региональных исследований проводились и проводятся на основе различных методик. Не вдаваясь в имеющиеся разногласия относительно выбора основного показателя при учете крестьянского движения и измерения его силы, хочется все-таки возразить В. И. Кострикину, который выдвинул следующее положение: «Одной из важных задач исследовательской работы каждого историка, изучающего крестьянское движение, должен стать самостоятельный подсчет количества крестьянских выступлений. . .»²¹ Представляется, что суть проблемы состоит все же не в этом. Именно для того, чтобы каждый историк не занимался самостоятельными (самодельными) подсчетами (а они, естественно, всегда получаются разными и, следовательно, несопоставимыми), необходимо прежде всего создать аннотированную хронику общероссийского крестьянского движения. Ее создание дало бы возможность исследователям в дальнейшем идти по пути лишь уточнения основных данных. На основе хроники, используя единую методику и технику статистического учета, можно было бы осуществлять и синтез материала. Трудности в этом деле очень велики, и они требуют совместного усилия большого количества историков, архивистов и представителей других подразделений советской исторической науки.

Конечно, количественную характеристику крестьянского движения, совершенно адекватную действительности, получить невозможно. Не все выступления крестьян фиксировались, не о всех

сохранились данные, да и не все явления такого сложного процесса, каким было крестьянское движение в 1905—1907 гг., поддаются статистическому исследованию. Но тем не менее создание научной статистики, выработка рациональных приемов перевода количественных показателей в качественную характеристику движения — важнейшая задача историков.

Значительный интерес в свете проблемы самобытного революционного народного творчества представляет исследование истории различных крестьянских революционно-демократических беспартийных организаций. Они возникли в 1905—1907 гг. и имели большое значение для сплочения крестьянства, превращения его в сознательную и организованную силу. История этих организаций не была еще предметом специального изучения советскими историками, если не считать отдельных замечаний и разрозненных упоминаний о них как в общей, так и в специальной литературе. Есть лишь одна обобщающая статья на эту тему Н. Н. Демочкина²². Но в ее рамках автор не имел возможности представить полную географию возникновения и деятельности всех многообразных революционно-демократических организаций крестьянства, их отличия, специфику, отношение к ним революционной демократии того времени.

В наибольшей степени изучена деятельность Всероссийского крестьянского союза (ВКС). Здесь мы имеем ряд специальных работ²³. И если для 30—40-х годов было характерно представление о ВКС как буржуазно-либеральной организации, то дальнейшие исследования на конкретно-историческом материале показывают, что в целом это была революционно-демократическая организация. Наиболее обстоятельно история ВКС дана в статьях и кандидатской диссертации Е. И. Кирюхиной («Всероссийский крестьянский союз в 1905 г.»). Но позиция большевиков по вопросу допустимости участия членов РСДРП в ВКС изложена ею нечетко. А ссылка на статью В. В. Воровского «Либеральные союзы и социал-демократия», где якобы указано, что членам пролетарской партии не рекомендуется вступать в организации ВКС, просто ошибочна. В статье Е. И. Кирюхиной «Местные организации Всероссийского крестьянского союза в 1905 г.» отмечается, что «организации Союза действовали не только на Украине, но и в Белоруссии и Прибалтике» (с. 115). Вместе с тем и в самой работе, и в составленных автором «Таблицах» данные о существовании организаций ВКС в Прибалтике отсутствуют. Известно же, что как в Прибалтике, так и в Закавказье в период высшего подъема революции получили распространение революционные (распорядительные) крестьянские комитеты. Примечательно, что организаций ВКС не было, кроме Троицкой вол. Бийского у., и в таких центрах аграрных «беспорядков», как Алтай и Забайкалье²⁴.

Различные стороны деятельности ВКС затрагиваются еще в некоторых работах. Однако всесторонняя разработка его истории за весь революционный период, раскрытие борьбы политических партий за союз и через него за крестьянские массы — задача, которую еще предстоит решать.

Во многих исследованиях имеются отдельные сведения о крестьянских революционных комитетах, которым большевики придавали первостепенное значение. Но в целом их место и роль в революции, состав и требования исследованы еще недостаточно²⁵. Требуется детальное конкретно-историческое изучение их истории, что позволит нагляднее представить взаимосвязь экономических и политических моментов, рост сознательного и организационного начал в крестьянском движении.

Мы мало знаем и о стачечных комитетах крестьян и сельскохозяйственных рабочих, боевых дружинах и революционных народных судах на селе. В последнем случае исключение составляет книга Э. Я. Стумбиной²⁶, где впервые обстоятельно раскрывается история возникновения и деятельности революционных судов в сельской местности Латвии.

В целом, несмотря на недолговечность существования в период революции революционно-демократических организаций крестьянства, их деятельность и принципы создания нуждаются в дальнейшем глубоком изучении. Неполнота исторических знаний ведет к ограниченности и неточности теоретических выводов, в частности по проблеме формирования в ходе революции органов революционной власти, которые многими авторами сводятся лишь к Советам рабочих депутатов.

Практически не разработанной в нашей историографии является проблема борьбы политических партий в России (а их только в 1906 г. насчитывалось около 50²⁷) за влияние на крестьянские массы в период революции. Совершенно обоснованно наибольшее внимание уделяется изучению работы в деревне партии большевиков, а в последнее время также партии эсеров. Но и в этой области сделано далеко не все. Недаром на XVI сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории, проходившей в Кишиневе в 1976 г., указывалось на необходимость изучения «практической деятельности» большевиков в деревне в 1905—1907 гг.²⁸

Подводя общий итог, можно сказать, что историография крестьянского движения периода первой российской революции весьма богата. Она включает в себя литературу самую разнообразную, но разрозненную по сюжетам, хронологии, территориальному охвату, конкретному материалу, наблюдениям, частным и общим выводам*.

Предлагаемая работа представляет собой попытку обобщенного монографического исследования истории крестьянского движения на территории Российской империи в 1905—1907 гг. на основе достижений советской историографии и новой конкретной информации. Учитывая многогранность, сложность и масштабность этого явления, автор основное внимание уделяет двум аспектам — формам борьбы крестьянства и формам его организаций (революционно-демократических).

* Отдельные историографические замечания будут даны нами также в тексте монографии.

Первый аспект связан с общей проблемой выбора средств и методов революционной практики. Он необходим для более глубокого раскрытия внутреннего характера, направленности и остроты движения крестьянства, силы его натиска на эксплуататоров.

Второй — с проблемами формирования, развития и претворения в реальность способности крестьянских масс к самостоятельному революционному творчеству; практического осуществления в годы революции ленинской идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

В период революции крестьянское движение выражалось в разнообразных до бесконечности формах — от «традиционных» до новых, рожденных революционным опытом масс. В данной монографии анализируются основные формы крестьянского движения, т. е. наиболее распространенные и эффективные, в которых нашли выход классовая сознательность, революционные энергия и творчество крестьянских масс. Их классификация, распределение в структуре монографии носят, естественно, условный характер. В главе первой будет обращено внимание в основном на «традиционные» формы крестьянского движения, во второй и третьей — на относительно новые, уже выходящие, так сказать, за деревенские рамки, дающие представление об эволюции сознания крестьян, социально-экономической и политической программе их требований, идеологии. По ходу изложения мы будем обращаться как к конкретным, наиболее типичным проявлениям крестьянской борьбы, так и, по возможности, к ее статистическому отражению. Акцент делается на выявлении качественной характеристики и значимости форм крестьянского движения в масштабе страны.

В монографии не ставится задача всестороннего раскрытия организационно-идеологической работы среди крестьянства всех политических партий России, исследования истории партийных объединений в деревне. Эта тема требует специального изучения. Но все изложение материала ведется с одновременным обобщением и систематизацией опыта работы среди крестьянства партии большевиков, единственной из партий 1905—1907 гг. осуществившей в конечном счете с ретроспективной точки зрения свои цели и программу. Задача, стоящая перед партией большевиков в деревне, заключалась прежде всего в создании боевого союза рабочего класса и крестьянства, союза великого по своему историческому предназначению.

Вопросы крестьянского движения в революции 1905—1907 гг. затрагиваются и в буржуазной зарубежной историографии. Уже в 30-х годах вышли в свет специальные монографии Д. Робинсона и Л. Оуэна²⁹. Признавая в какой-то степени наличие объективных предпосылок крестьянского революционного движения (нищета, бесправие, малоземелье, ухудшение материального положения к началу XX в., голод и т. д.), авторы выдвинули тезис о политической индифферентности российского крестьянства. Этот тезис

продолжает развиваться и в работах современных буржуазных историков, большинство из которых изображают революционное движение российского крестьянства в 1905—1907 гг. сугубо экономическим, аполитичным, нисколько не угрожавшим самодержавию³⁰.

В трактовке проблем крестьянского движения в период первой российской революции современная буржуазная историография обнаруживает тесные генетические связи с русской дореволюционной (дворянской, буржуазной и мелкобуржуазной) историографией, оценки которой она пытается гальванизировать и в настоящее время. Постоянными чертами буржуазной историографии, объединяющими буржуазных историков различных течений, являются стремление принизить роль крестьянства и его место в общей жизни страны, пропаганда идей о крестьянстве как консервативной силе, тормозящей прогресс, отрицание его революционных возможностей и способности быть союзником рабочего класса, а также наличия социальных корней революции в российской деревне, изображение крестьянства единым классом (отсутствие якобы в деревне внутриклассовой дифференциации). Даже авторы, стремящиеся встать на почву реальных исторических фактов (например, английская исследовательница М. Перри³¹), не могут выйти за рамки этих буржуазных концепций по вопросу характера крестьянских выступлений, степени их сознательности и особенно влияния большевиков в деревне. Широко распространенным в буржуазной историографии является тезис (идущий еще от разных либеральных, меньшевистских и эсеровских авторов) об отсутствии в период революции союза рабочего класса и крестьянства, какого-либо влияния РСДРП, особенно большевиков, на крестьянские массы. Буржуазные историки стремятся «доказать», что социал-демократы были изолированы от крестьянства, а их программа не отвечала его интересам. Более того, иные буржуазные исследователи утверждают, что до 1905 г. В. И. Ленин негативно оценивал революционные возможности крестьянства³². Хотя хорошо известно, что положение Ленина о союзе рабочего класса и крестьянства, имеющее прочные корни в наследии К. Маркса и Ф. Энгельса, было выдвинуто уже в его первых работах еще 90-х годов XIX в.

Несмотря на коренные изменения в характере эпохи, в условиях революционного и национально-освободительного движения во многих странах в настоящее время, проблемы организации союза рабочего класса с непролетарскими массами трудящихся, борьбы коммунистических и рабочих партий за крестьянские массы, которые и сейчас составляют значительную часть населения большинства стран мира, несомненно, актуальны. И к достижениям советской историографии последних лет следует отнести появление работ, в которых дается подробная критика научно несостоятельных воззрений современных буржуазных историков на марксистскую теорию решения аграрно-крестьянского вопроса, а также критика их довольно неоригинальных общих концепций аграрной эволюции и интерпретаций отдельных фактов аграрной

и политической истории пореформенной России³³. Большое значение в деле разоблачения различного рода фальсификаций российского революционного, в том числе крестьянского, движения имеет дальнейшее подлинно научное и всестороннее изучение его различных проблем советскими историками.

Для изучения революционного движения в деревне 1905—1907 гг. исследователи располагают богатейшей документальной базой³⁴. Публикация документов по истории этого движения началась уже в ходе революции³⁵, но систематической и планомерной характер она приобрела после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Только с середины 50-х годов (подготовка и проведение 50-летнего юбилея революции) по настоящее время опубликовано приблизительно 140 сборников, содержащих более 7 тыс. документов по истории крестьянского движения этого периода по всем регионам Российской империи. Все это положительно сказывается на активизации исследований по истории революции. Но тем не менее документальная разработка темы, как показывают локальные исследования и наша работа в центральных государственных архивах (ЦПА ИМЛ, ЦГАОР и ЦГИА СССР), может и должна быть продолжена.

Документы по истории крестьянского движения 1905—1907 гг. подразделяются на две основные категории: первая исходит из революционного лагеря, вторая — из контрреволюционного (правительственного).

Центральное место в комплексе документов первой категории занимают произведения В. И. Ленина и документы Коммунистической партии. К ней относятся также документы местных партийных организаций, революционные листовки, периодическая печать, наказания и приговоры крестьян и крестьянских обществ, воспоминания профессиональных революционеров и крестьян — участников и свидетелей революции. В условиях подпольной деятельности партийных комитетов хранение и даже составление партийной документации представляло большие трудности, а иногда было просто невозможно. Поэтому дошедшие до нас документальные материалы местных организаций РСДРП очень ценны. Несмотря на свою относительную малочисленность по сравнению с обилием документов царских властей, они свидетельствуют о том, какую разнообразную работу проводили партийные организации в целях активизации и направления крестьянского движения в подлинно революционное русло³⁶.

Основная масса документов правительственного лагеря состоит из разного рода законодательных актов царского правительства по аграрно-крестьянскому вопросу, докладных записок, рапортов, донесений, писем, приказов, постановлений департамента полиции, министерств внутренних дел, юстиции, военных и гражданских губернаторов, полицейских чиновников и других должностных лиц центральной и местной администрации, из обвинительных актов, судебных и прокурорских документов, жалоб и просьб помещиков. Несмотря на тенденциозность этих документов, проникнутых враждебным отношением к народу, они содержат бога-

тый фактический материал, помогающий более полно воссоздать картину крестьянского движения 1905—1907 гг. В них отражается тяжелое положение российского крестьянства, рост его организованности и сознательности, а также влияние на крестьянские массы рабочего движения и деятельности различных политических партий. По ним можно составить представление об истинных причинах и конкретных поводах, о размахе и характере крестьянских выступлений в период революции, требованиях крестьян, мерах по подавлению крестьянского движения³⁷.

Для изучения темы большой интерес представляет центральная и местная периодическая печать (мелкобуржуазно-демократическая и буржуазно-либеральная), периодика идейных противников и временных союзников революционной социал-демократии. Это в основном корреспондентские сообщения, выступления современников событий, теоретические изыскания представителей различных политических партий и течений. Опубликованные в свое время материалы содержат фактические сведения, их авторы по «свежим следам» передавали настроение крестьян и обстановку в деревне, выражали отношение классов и партий к проблемам крестьянского движения. Газетные страницы того времени помогают почувствовать морально-духовную суть эпохи, проследить ход отдельных событий, представить более подробную картину крестьянских выступлений.

Изучение в совокупности источников разных видов позволило уточнить, а иногда и по-новому осветить ряд моментов и восполнить пробелы в слабо разработанных вопросах проблемы.

* * *

Центральным вопросом буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. был аграрный, крестьянский вопрос, сфокусировавший в себе наиболее острые классовые противоречия. «Сущность этого вопроса, — писал В. И. Ленин, — составляет борьба крестьянства за уничтожение помещичьего землевладения и остатков крепостничества в землевладельческом строе России, а следовательно, и во всех социальных и политических учреждениях ее»³⁸.

В результате грабительской реформы 1861 г., проведенной помещиками-крепостниками, многомиллионное крестьянство России страдало от малоземелья, многочисленных остатков крепостничества, непомерных платежей, бесправия. $\frac{4}{5}$ крестьянских семей находились на грани нищенского, полуголодного существования³⁹.

В течение всего пореформенного периода то там, то здесь вспыхивали отдельные волнения крестьян. В начале XX в. их конфликты с помещиками и царскими властями становятся все более частыми и принимают острый и открытый характер. Создается напряженная и опасная для существующего строя обстановка. Крупные недороды (1897—1898, 1901 гг.) в деревне и их прямое следствие — массовый голод крестьян, экономический кризис

1901—1903 гг. в промышленности усилили разорение крестьянства и обострили классовую борьбу в городе и деревне. Всего за 4 года (1901—1904) произошло не менее 1088 крестьянских выступлений (почти втрое больше, чем за 1895—1900 гг.)⁴⁰.

Политическая обстановка в стране к началу XX в. резко изменилась по сравнению с предшествующими периодами. На арену самостоятельных революционных действий в России выступил пролетариат во главе с марксистской партией — РСДРП. Несмотря на недостаток сил и средств, революционные социал-демократы с первых шагов своей практической деятельности уделяли серьезное внимание работе в деревне, воспитанию солидарности рабочих и крестьян в борьбе с самодержавием.

Крайне накалила обстановку в стране в целом и в деревне в частности русско-японская война, ускорившая назревание в стране революционного кризиса.

В период революции с образованием различных партий и группировок развернулась острая идейно-теоретическая борьба, которая породила множество различных теорий и взглядов на способы решения самого жгучего — аграрного вопроса в России⁴¹. В соответствии с двумя путями буржуазного развития сельского хозяйства в России выявились и два основных типа аграрных программ: реформистского разрешения аграрного вопроса в интересах помещиков и революционного — в интересах крестьян. За реформистское выступали партия кадетов и все партии правее ее. За революционное — большевики, а также мелкобуржуазные народнические партии. Между сторонниками этих двух основных направлений, выдвигавших различные способы и методы осуществления аграрных преобразований, развернулась в период революции острая идейно-теоретическая борьба. Ее стержнем стал вопрос о формах собственности на землю, решение которого диктовалось условиями развития капитализма в России. «Все черносотенные помещики, вся контрреволюционная буржуазия (и октябристы и *кадеты* в том числе), — писал В. И. Ленин, — встали на сторону частной собственности на землю. Все крестьянство и весь пролетариат — против частной собственности на землю»⁴². Причина, побуждавшая дворянство и тесно связанную с ним буржуазию выступить против общественной формы собственности на землю, крылась в том, что проблема национализации в России того времени могла быть решена только с помощью социальной революции, которая в конечном итоге неизбежно привела бы к гибели всего прогнившего помещичье-буржуазного строя страны, что, в свою очередь, являлось целью всех революционных российских партий и отвечало классовым стремлениям трудовых масс страны.

* * *

В годы революции революционные социал-демократы, большевики проводили большую работу среди крестьянства⁴³. В сложных условиях нелегального существования партия специально для работы в деревне выделяла партийных работников-профессиона-

лов, создавала аграрные группы и окружные комитеты (в период революции, по нашим наблюдениям, они были созданы не менее чем при 84 партийных комитетах Центральной России, Урала, Сибири, Белоруссии, Украины, Дона, Северного Кавказа, Бессарабии, Прибалтики)⁴⁴. В уездных и волостных центрах, в селах и деревнях образовывались социал-демократические кружки и группы — опорные пункты партии. Согласно последним, но неокончательным подсчетам, организации социал-демократов находились в 551 населенном пункте: 79 — в губернских городах, 312 — в уездных, 160 — в сельской местности⁴⁵. Большую роль в активизации партийной работы на селе сыграли решения конференций, съездов и совещаний, которые давали указания и показывали перспективы работы в условиях развивающегося крестьянского движения. В целом же за годы революции, как нами выявлено, прошло не менее 222 (47 — в 1905 г., 139 — в 1906 г., 36 — в первой половине 1907 г.) областных, губернских, окружных, городских, районных и другого рода конференций и совещаний социал-демократических организаций, на которых поднимались вопросы крестьянского движения и организационной деятельности партии в деревне⁴⁶.

В деле руководства революционными массами недостаточно лишь избрать стратегический курс — направление главного удара. Необходимо еще верно избрать тактику — целенаправленные пути и средства. В своих работах В. И. Ленин неоднократно отмечал, что «социал-демократия обязана руководить... не только в виде постановки правильных лозунгов, но и в деле выбора наиболее решительных и наиболее целесообразных *средств* борьбы...»⁴⁷.

Однако партия никогда не выдумывала и не навязывала массам каких-либо определенных форм борьбы. Они рождались как продукт революционного творчества масс. Но без идейного и организационного влияния партии все формы и средства борьбы «в буржуазном обществе... будучи предоставлены стихийному ходу вещей, истрепываются, извращаются...»⁴⁸. Задача большевистской партии состояла в том, чтобы не повторствовать стихийности, а поднимать движение масс до уровня организованности и сознательности. Из уже выявленных форм движения партия на основе марксистской теории должна была выделить главные, ведущие, помочь развить, организовать и укрепить их, связав с задачами и перспективами развития революции. «Мы, — писал В. И. Ленин, — не навязываем никаких нами выдуманных новшеств народу... не замыкаемся от революционного народа... мы опираемся всецело и исключительно на свободный почин, исходящий от самих трудящихся масс»⁴⁹. При неизменности стратегического курса на протяжении всего периода революции тактика менялась в зависимости от спада и подъема революционного движения и других объективных условий.

Под влиянием революционной борьбы рабочего класса поднимались и широкие массы российского крестьянства, у которого революционные стремления сочетались с мелкобуржуазными пред-

рассудками и иллюзиями, политической незрелостью, неустойчивостью в борьбе. Воспитывать массы, показывать им путь борьбы, вести за собой — такова была великая задача пролетариата и его партии. В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость для партии «способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты»⁵⁰. Это значило, что сама руководящая деятельность партии должна носить творческий характер. Наряду с «определением *линии* действия разных классов» большое значение придавал В. И. Ленин анализу «*форм* их борьбы», так как, «чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее, как борьбу живых, общественных сил, поставленных в такие-то объективные условия, действующих так-то и применяющих с большим или меньшим успехом такие-то формы борьбы. На почве такого анализа и, разумеется, лишь на этой почве вполне уместна, мало того, необходима для марксиста и оценка *технической* стороны борьбы, технических вопросов ее. Признать определенную форму борьбы и не признавать необходимость учиться ее технике, — это все равно, как если бы мы признали нужным участвовать в *данных* выборах, не считаясь с законом, предписывающим технику *этих* выборов»⁵¹.

С развитием революции вопрос о крестьянском движении и его формах приобретал практическое значение. «Теперь надо превратить наши общие лозунги в прямые призывы, обращенные от революционного пролетариата к революционному крестьянству»⁵² — так определял В. И. Ленин задачи партийной организации.

Большое значение имело определение форм борьбы крестьян в ходе революции. Оно имело место на III съезде РСДРП и последующих съездах и конференциях на основе уже приобретенного опыта. На первом этапе движения партия призывала крестьян к отказу от уплаты налогов и податей, поставки рекрутов, несения натуральных повинностей, к бойкоту администрации, правительственных учреждений (судов), полиции, стражников; по отношению к помещикам рекомендовались арендные и сельскохозяйственные забастовки, запрещение вывоза хлеба, рубки леса помещиков и т. п.

На втором этапе, в момент решительной схватки, намечались более действенные меры: разоружение полиции, помещиков и т. д.; захват телеграфов, телефонов, железнодорожных станций, создание народного ополчения, смещение администрации и выборы новых властей; захват правительственных учреждений и казенных денег, передача их в распоряжение революционных крестьянских комитетов под контролем сходов; конфискация помещичьих, монастырских, кабинетских, казенных и церковных земель, необходимого для крестьянского хозяйства инвентаря и передача его революционным крестьянским комитетам под контролем сходов, захват помещичьего и казенного хлеба и т. п.⁵³

В связи с этими массовыми революционными выступлениями крестьянства задачей партии было доводить крестьянство «до сознания необходимости вооруженного восстания, одновременного и согласованного с восстанием пролетариата и мелкого мещанства в городах, как единственного, при настоящих условиях, средства добиться созыва всенародного учредительного собрания»⁵⁴.

Со многими тактическими идеями и лозунгами большевиков (податные и рекрутские забастовки, сельскохозяйственные стачки, бойкот властей и помещиков и т. п.) были созвучны лозунги разных мелкобуржуазных партий, в том числе главной из них — эсеров. Но вместе с тем в большевистской и эсеровской тактиках по отношению к крестьянству имелись и существенные различия. Главное из них заключалось в том, что даже в период наибольшей революционности эсеров (осень 1905 г.) о восстании они говорили «только как о крайнем средстве», «в печати социалистов-революционеров, энесов и трудовиков вопрос о земле в 1905—1907 гг. рассматривался главным образом в плане мирной аграрной реформы, а не решительной крестьянской революции»⁵⁵. По признанию эсеровского официального органа, партия эсеров не готовила массы к вооруженному восстанию, а, наоборот, старалась «склонить рабочих (и крестьян. — Л. С.) на сторону более сдержанной и осторожной тактики»⁵⁶. Не отрицая в принципе необходимости подготовки вооруженного восстания во всех отношениях, в том числе и в организационно-техническом, эсеры в центре своего внимания держали работу в войсках и террористическую практику. Даже в период массовых революционных боев 1905—1907 гг. в основе тактики эсеров оставался индивидуальный террор. Подчиняя всю свою деятельность подготовке террористических актов, эсеры сводили на нет повседневную кропотливую работу в гуще народа и все более отрывались от масс. Были, конечно, в период революции случаи и руководства эсерами рядом вооруженных выступлений крестьянства на местах, «однако, — как пишет М. И. Леонов, — степень значимости их руководства была совершенно недостаточной»⁵⁷.

Различные формы борьбы, выдвигавшиеся большевиками, были своего рода ступеньками, поднимавшими крестьянское движение к сознательности и организованности и сближавшими его с борьбой пролетариата. Тактические лозунги большевистской партии, связывавшие борьбу за конфискацию помещичьих, казенных, удельных, церковных земель с завоеванием политических прав, с ликвидацией всевластия царя и помещиков, были направлены на политическое пробуждение крестьянства и развязывание крестьянского движения. Ибо, как писал Ленин, «исход нашей революции действительно зависит больше всего от устойчивости в борьбе многомиллионной массы крестьянства. . . Решающая роль за деревней, не в смысле руководства борьбой (об этом не может быть и речи), а в смысле обеспечения победы»⁵⁸.

¹ Правда, 1985, 3 янв.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 26.

³ Там же. Т. 20. С. 20; Т. 17. С. 13.

⁴ Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции: Сб. ст. М., 1978 (ст. П. М. Шморгун, Е. Д. Черменского, А. Д. Стенанского); Афиимов А. М., Осипова Т. В. Историографические итоги и задачи изучения истории российского крестьянства периода империализма // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978; Волобуев О. В. Историография революции 1905—1907 годов (дооктябрьский период). М., 1981; Волобуев О. В., Муравьев В. А. Ленинская концепция революции 1905—1907 годов в России и советская историография. М., 1982; Крестьянское движение в Сибири, 1861—1917 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1985; Нарочницкий А. Л. Историография революции 1905—1907 гг. Основные итоги и задачи изучения // Первая русская революция — генеральная репетиция Великого Октября. Тбилиси, 1977; Основные итоги изучения истории первой русской революции за последние двадцать лет // История СССР. 1975. С. 42—60; Симонова М. С. Крестьянское движение 1905—1907 гг. в советской историографии // Ист. зап. 1975. Т. 95; Сенчакова Л. Т. Новейшая историография крестьянского движения в России периода империализма // Новейшие исследования по истории России периода империализма в советской и зарубежной историографии. М., 1985; Тюкавкин В. Г. Историографические итоги изучения размаха крестьянского движения в период первой русской революции // Проблемы историографии и источниковедения истории трех российских революций. М., 1987. См. также историографические обзоры в книгах: Гинев В. Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества 1902—1914 гг. Л., 1983; Трелбратов Б. А. Северокавказское село в революции 1905—1907 гг. Ростов н/Д, 1987; Тропин В. И. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970; Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг. Минск, 1962; Шмыгин И. П. Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905—1907 гг. Ульяновск, 1962; и др.

⁵ Ермолов А. С. Наш поземельный вопрос. СПб., 1906; Прокопович С. Н. Аграрный кризис и мероприятия правительства. СПб., 1912; Обицкий В. П. Новый строй: В 2 ч. М., 1909; Вехи: Сб. ст. о рус. интеллигенции. 3-е изд. М., 1909; и др. См. также: Волобуев О. В. Революция 1905—1907 гг. в публицистике русских буржуазных историков // Ист. зап. 1978. Т. 102.

⁶ Елпатьевский С. Прошлое и настоящее (заметки, очерки, воспоминания): Дворянство и аграрные беспорядки // Рус. богатство. 1906. № 1. С. 97.

⁷ Гинев В. Н. Указ. соч. С. 324.

⁸ Общественное движение в России в начале XX в.: В 4 т. СПб., 1910. Т. 2, ч. 1. С. 62, 119.

⁹ См.: Веселовский Б. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902—1906 гг.). СПб., 1907; Саваренский Н., Марев П., Горн Ва. Крестьянство и революция в России. М., 1907; Маслов П. Крестьянские движения в России в эпоху первой революции. 2-е изд. М., 1924.

¹⁰ См.: Орешкин В. В. Аграрный вопрос в трудах соратников В. И. Ленина. М., 1970.

¹¹ Морозовец Е. А. Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции. М.; Л., 1926; Шестаков А. В. Бунт земли: (Крестьянская революция 1905—1907 гг.). М., 1933; Он же. Крестьянская революция 1905—1907 годов в России. М.; Л., 1926; Он же. Борьба сельских рабочих в революции 1905—1907 годов. М., 1930; Дубровский С., Граве Б. Аграрное движение в России в 1905—1907 гг. М., 1925.

¹² Морозовец Е. А. Указ. соч. С. 8—9, 16.

¹³ Алаторцева А. И. Журнал «Историк-марксист» 1926—1941 гг. М., 1979.

¹⁴ История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. М., 1966. Т. 2.

¹⁵ Так, в «Очерках истории Тульской организации КПСС» (2-е изд. Тула, 1983) сведения о количестве крестьянских выступлений в 1905—1907 гг. даются со сноской на журнал «Тульский край» (1930. № 3(18)), в то время как уже в 1957 г. была опубликована статья Н. Н. Демочкина «Борьба тульских рабочих за союз с крестьянством накануне и в годы первой русской революции» (Учен. зап. МГПИ. 1957. Т. 110, вып. 4), в которой приводятся новые, более чем в 2 раза

- превышающие старые данные о количестве выступлений тульского крестьянства в указанный период.
- ¹⁶ Дубровский С. М. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956; Климов П. И. Революционная деятельность рабочих в деревне в 1905—1907 гг. М., 1960; Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965; Першин П. Н. Аграрная революция в России: В 2 кн. М., 1966. Кн. 1; Тропин В. И. Указ. соч.; Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: В 2 т. 3-е изд. М., 1983. Т. 1: Ленинские аграрные программы в трех русских революциях.
- ¹⁷ См. подробнее: Анфимов А. М., Осипова Т. В. Указ. соч.; Симонова М. С. Указ. соч.
- ¹⁸ См.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958. Таллин, 1959. С. 8—10, 233—235; Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1960. Киев, 1962. С. 53—64, 559—560, 567—569.
- ¹⁹ См.: Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967; Лещенко Н. Н. Итоги статистического изучения крестьянского движения на Украине в период революции 1905—1907 гг. // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978; Кострыкин В. И. Массовые источники о крестьянском движении накануне Октября и статистический метод их изучения // История СССР. 1977. № 3; Крестьянское движение в Сибири, 1861—1917 гг.; Анфимов А. М. К вопросу о методике учета крестьянских выступлений и количестве участников в них // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI—начало XX в.). Таллин, 1986; и др.
- ²⁰ На XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории (Таллин, 1984, сент.) было решено обратиться в Оргкомитет симпозиума с просьбой организовать комиссию для выработки единой методики учета крестьянских выступлений. См.: История СССР. 1985. № 6. С. 198.
- ²¹ Кострыкин В. И. Указ. соч. С. 50.
- ²² Демочкин Н. П. Революционное творчество крестьянских масс в революции 1905—1907 гг. // История СССР. 1980. № 1. С. 45—61.
- ²³ Шестаков А. В. Всероссийский крестьянский союз // Историк-марксист: В 94 т. 1927. Т. 5; Кирюхина Е. И. Всероссийский крестьянский союз в 1905 г. // Ист. зап. 1955. Т. 50; Она же. Местные организации Всероссийского крестьянского союза в 1905 г. // Учен. зап. Кирова. гос. пед. ин-та. 1956. Вып. 10; Мицигин В. И. Использование большевиками организаций Крестьянского союза для укрепления влияния на крестьянские массы в период первой русской революции // Вопросы истории и экономики. Ижевск, 1971; Кучер В. В. Крестьянские союзы в Сибири в 1905—1907 гг. // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1980. № 1, вып. 1; Трехбратов Б. А. Черноморский комитет Всероссийского крестьянского союза в 1905—1907 годах // Изв. Сев.-Кавказ. науч. центра высш. шк. Обществ. науки. 1983. № 4; Гармиза В. В. Рост политического сознания русского крестьянства в период революции 1905—1907 годов. Всероссийский крестьянский союз: (Несколько полемических заметок) // История СССР. 1986. № 6. С. 135—141; и др.
- ²⁴ См.: Кучер В. В. Указ. соч. С. 76; Крестьянское движение в Сибири, 1861—1917 гг. С. 93.
- ²⁵ Подробнее см.: Сенчакова Л. Т. Революционные крестьянские комитеты 1905—1907 гг. // Вопр. истории. 1987. № 5. С. 91—99.
- ²⁶ Стумбина Э. Я. Революционные суды в Латвии в 1905 и 1917 годах. Рига, 1971.
- ²⁷ Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.—1920 г.). М., 1977. С. 32.
- ²⁸ См.: Анфимов А. М., Осипова Т. В. Указ. соч. С. 9. Заметим, что касается деятельности в деревне непролетарских партий, то она вообще совершенно не исследована, а без этого трудно по-настоящему оценить борьбу большевиков за крестьянство, потому что непролетарские партии делали все, чтобы дискредитировать революционных социал-демократов в глазах крестьянства и повести его за собой.
- ²⁹ Robinson G. Rural Russia under the old regime. A history of the Landlord — peasant world and a prologue to the peasant revolution of 1917. L., 1932; Owen L. A. The Russian peasant movement 1906—1917. L., 1937.
- ³⁰ См.: Shapiro L. The communist party of the Soviet Union. L., 1970; Pomper P. The Russian revolutionary intelligentsia. N. Y., 1970; Weissman A. Rural grime in tsarist Russia. The question of hooliganism, 1905—1914 // Slavic Rev. 1978. June; Taylor A. Revolution and revolutionaries. L., 1980; Emmons T. The formation of political parties and the first national elections in Russia. L., 1983.
- ³¹ Perrie M. The Russian peasant movement of 1905—1907: Its social composition and revolutionary significance // Past and Present. 1972. N 57. Nov.; Idem. The agrarian policy of the Russian Socialist-Revolutionary Party: From its origins through the revolution of 1905—1907. Cambridge, 1976.
- ³² См., напр.: Derfler L. Socialism since Marx. A century of the European left. L.; Basinstoke, 1973. P. 76; Moritsch A. Neuere Literatur zur Stolypinschen Agrarreform // Jb. Gesch. Osteuropas. 1976. N 24. S. 241.
- ³³ Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976; Петров А. П. Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М., 1977; Придворова Т. П., Салов В. И. О современной буржуазной историографии первой русской революции 1905—1907 гг. // История и историки. М., 1978; Селунская Н. Б. Критика буржуазных концепций аграрного строя России накануне Октября. М., 1980; Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. Л., 1983; Богачев А. А., Тропин В. И. Современная буржуазная историография о борьбе большевиков за руководство крестьянским движением в годы первой российской буржуазно-демократической революции // История СССР. 1985. № 1. С. 193—208.
- ³⁴ См. подробнее: Лещенко Н. Н. Источники по изучению крестьянского движения периода первой русской революции и методика их обработки // Вопросы источниковедения истории первой русской революции: Сб. ст. М., 1977. Сенчакова Л. Т. Опубликованные документы по истории крестьянского движения 1905—1907 годов // История СССР. 1979. № 2. С. 68—86; Она же. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг.: Документы и листовки социал-демократических организаций: В 2 вып. М., 1979; Крестьянское движение в Сибири, 1861—1917.
- ³⁵ См., напр.: Крестьянские наказания Самарской губернии. Самара, 1906; Аграрное движение в России в 1905—1906 гг.: В 2 ч. СПб., 1908.
- ³⁶ Подробную характеристику партийной документации см.: Сенчакова Л. Т. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. Вып. 1.
- ³⁷ Детальный источниковедческий анализ документов контрреволюционного лагеря дается в указанной статье Н. Н. Лещенко.
- ³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 403.
- ³⁹ Подробнее см.: Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881—1904. М., 1984; Она же. Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881—1904. М., 1980; Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе, 1861—1880. М., 1978; Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975; Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России, 1861—1904 гг. М., 1979; Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987.
- ⁴⁰ Анфимов А. М. Экономическое положение... С. 202, 219.
- ⁴¹ Подробнее см.: Трапезников С. П. Указ. соч.; Тютюкин С. В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. М., 1981; Гилев В. Н. Указ. соч.; Жуков А. Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979; Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983; Колесниченко Д. А. Трудовики в период первой российской революции. М., 1985; и др.
- ⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 407.
- ⁴³ Подробнее см.: Тропин В. И. Указ. соч.; Сенчакова Л. Т. Работа большевиков в деревне 1905—1907 гг. М., 1983. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 12342; Она же. РСДРП и крестьянство в революции 1905—1907 гг. М., 1984.
- ⁴⁴ Сенчакова Л. Т. Организационная деятельность социал-демократов в деревне в 1905—1907 гг. // Ист. зап. 1986. Т. 113. С. 424—425.

- ⁴⁵ Уткин А. И. К вопросу о численности и составе РСДРП в 1905—1907 гг. // Политические партии России в период революции 1905—1907 гг.: Количеств. анализ: Сб. ст. М., 1987. С. 10.
- ⁴⁶ Подсчитано автором по архивным и опубликованным данным.
- ⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 379.
- ⁴⁸ Там же. Т. 14. С. 9—10.
- ⁴⁹ Там же. Т. 12. С. 69.
- ⁵⁰ Там же. Т. 9. С. 208.
- ⁵¹ Там же. Т. 17. С. 43.
- ⁵² Там же. Т. 12. С. 94.
- ⁵³ Пролетарий. 1906. 23 нояб.
- ⁵⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 1. С. 196.
- ⁵⁵ См.: Гинев В. Н. Указ. соч. С. 60; Смирнов С. В. Легальная печать в годы первой русской революции. Л., 1981. С. 106.
- ⁵⁶ Бюллетень партии социалистов-революционеров. 1906. № 1.
- ⁵⁷ См.: Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1: Генеральная репетиция Великого Октября. Первая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1985. С. 489; Деренковский Г. М. Проблема вооруженного восстания в 1905—1907 гг. // Ист. зап. 1986. Т. 114. С. 106, 112; Леонов М. И. Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905—1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье в 1905—1907 гг. Куйбышев, 1985. С. 68.
- ⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 150—151.

Глава первая

РАЗВИТИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ БОРЬБЫ в 1905—1907 гг.

Крестьянское движение — органическая часть первой народной революции в России

В годы первой российской революции широко развернулось крестьянское движение. Оно было вызвано подъемом забастовочной борьбы рабочего класса после Кровавого воскресенья (январь—март, 810 тыс. стачечников). Вступлению крестьян в революционное движение в ходе революции В. И. Ленин придавал «важное значение» и оценивал его как «поворотный для истории факт»¹. Однако крестьянство втягивалось в борьбу медленнее, чем рабочий класс. Размах крестьянского движения достиг определенной высоты в июне 1905 г.

С июля наблюдалось некоторое снижение рабочих стачек, минимальным их число становится в сентябре. К этому же времени относится и сокращение количества крестьянских выступлений. Это объясняется также началом уборочных работ и подписанием 23 августа 1905 г. Портсмутского мирного договора, положившего конец войне на Дальнем Востоке. Заключение мира вселило в крестьян надежду, что царское правительство сможет теперь вплотную заняться решением аграрного вопроса.

Массовые стачки (1227 тыс. человек) рабочих осенью 1905 г. вызвали новый прилив крестьянского движения, который по своему размаху был значительно летнего. В ряде мест выступления крестьян совпали с Октябрьской политической стачкой (или прошли под ее влиянием) и тем самым оказали поддержку пролетариату в его борьбе против самодержавия. Отмечая это проявление союза рабочего класса с крестьянством, В. И. Ленин писал, что «во время крупнейшего подъема, в октябре 1905 г., пролетариат шел во главе, буржуазия колебалась и вилила, а крестьяне громили помещичьи усадьбы»². Значительно расширилась и география крестьянских выступлений.

Героические сражения пролетариата, широко развернувшаяся в деревне революционная пропаганда активно содействовали росту крестьянского движения, которое достигло своего высшего подъема осенью 1905 г. (октябрь—декабрь). На это время приходится, по наблюдениям исследователей, наибольшее за весь период революции количество крестьянских выступлений. В Закавказье, Прибалтике, Поволжье, на Украине они в ряде мест перерастали в открытые восстания. Среди форм крестьянской борьбы преобла-

дали самые активные и наступательные. Произошли сотни разгромов помещичьих имений. Совпадение апогея пролетарского и крестьянского движений осенью и зимой 1905 г. свидетельствовало об определяющем влиянии борьбы пролетариата, о становлении союза рабочего класса и крестьянства в ходе развития революции.

Декабрьские вооруженные восстания в Москве и других городах и районах страны явились кульминационным пунктом первой российской революции. После их поражения начался ее второй период — период спада. Уже в феврале 1906 г. это проявилось в ослаблении борьбы рабочего класса, а затем и крестьянства. Сказались тяжелые репрессии со стороны властей в конце 1905—начале 1906 г. Для подавления крестьянского натиска правительство бросило полицию и войска. Многие участники выступлений были арестованы, осуждены, сосланы в Сибирь, а некоторые и казнены. На снижение уровня крестьянского движения повлияли и начавшиеся в марте выборы в Государственную думу, породившие у значительной части крестьян (особенно у зажиточных) надежды на «мирное» получение земли. В то же время выборная кампания способствовала сплочению крестьян, выработке единых и более четких требований. Но еще до роспуска Думы крестьяне, видя, что вопрос о земле остается нерешенным, снова поднялись на активную борьбу, при этом в нее втягивались и новые слои крестьянских масс, не участвовавшие в движении в 1905 г. На историческую сцену, — отмечала по этому поводу газета „Волжский курьер“ (1906. 20 мая), — выступает крестьянство. И не в роли статиста! А в роли одного из главных действующих лиц».

После роспуска I Государственной думы крестьянское движение получает новый размах, приближающийся по своим масштабам к событиям осени 1905 г. и вновь идущий за подъемом рабочего движения (апрель—июнь 1906 г. — 479 тыс. стачечников). На развитие аграрного движения, как и ранее, большое влияние оказывали массовые выступления пролетариата — стачки, демонстрации, митинги, партизанские действия; революционная агитация и пропаганда, а также усилившийся приток в деревню уволенных с фабрик и заводов рабочих и лиц, отбывших свой срок наказания за участие в революционной борьбе.

С конца августа выступления в деревне пошли на убыль. Большинство губерний к этому времени было объявлено на положении усиленной охраны, участились посылки в сельские местности крупных карательных экспедиций, а арьергардные бои пролетариата были не в состоянии придать крестьянскому движению наступательный характер. Повлияли в какой-то степени и царские аграрные указы. В целом в 1906 и 1907 гг. крестьянскому движению (за исключением лета 1906 г.) был присущ оборонительный и более скрытый характер.

Подъем рабочего движения в апреле—июне 1907 г. (323 тыс. стачечников) вызвал последнюю за период первой российской революции волну крестьянского движения, но она была слабее, чем предыдущие, хотя и представляла еще значительную силу.

Опыт первой революции в России показал, что крестьянское движение зависит от степени развития рабочего движения. Как отмечал В. И. Ленин, «специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий»³. В этом факте проявлялось глубокое влияние пролетариата на крестьянство, формирование союза этих классов в революционной борьбе, закономерности подъема (или спада) крестьянского движения вслед за подъемом (или спадом) рабочего движения.

Изучение революции 1905—1907 гг. позволило В. И. Ленину сделать вывод, что в революционные периоды «формы борьбы... неизбежно бывают гораздо разнообразнее с преобладанием непосредственно-революционной борьбы масс над пропагандистско-агитационной деятельностью вожаков в парламенте, прессе и т. п. Поэтому, если при оценке революционных периодов мы ограничимся определением линии действия разных классов, не анализируя форм их борьбы, то наше рассуждение с научной стороны будет неполно, недиалектично, а с практически-политической стороны оно вырождается в мертвое резонерство»⁴. Этот вывод В. И. Ленина имеет методологическое значение при изучении форм крестьянского движения в период первой народной революции.

2

Крестьяне и русско-японская война

Важным фактором, ускорившим назревание революции в России, явилась начавшаяся в январе 1904 г. русско-японская война — результат обострения империалистических интересов России и Японии в борьбе за сферы влияния на Дальнем Востоке. Царское правительство, переоценивая свои силы и недооценивая силу Японии, было уверено в легкой и быстрой победе. Путем военной авантюры оно рассчитывало задуть зрелую в стране революцию и укрепить свое пошатнувшееся политическое положение. «Чтобы удержать революцию, — заявлял В. К. Плеве, — нам нужна маленькая победоносная война»⁵.

Расчеты русского царизма не оправдались. Планировавшийся небольшой военный конфликт перерос в значительную по масштабам войну. С первых дней она принимает неблагоприятный для России характер. Вскрылись неподготовленность, безнадежная отсталость и дряхлость всего государственного строя. Огромный рост военных расходов, дезорганизация хозяйства, вздорожание цен на продукты и ухудшение положения трудящихся — таковы были результаты этой кампании. Вся тяжесть ее легла на плечи рабочих и крестьян. Война не только не предотвратила революцию, но, наоборот, приблизила ее. Антивоенная агитация большевиков в этот период была неразрывно связана с агитацией против

царизма. За лозунгом «Долой войну!» неизменно следовал лозунг «Долой самодержавие!».

Во время войны на службу было призвано 1 250 000 запасных⁶. Десятки тысяч семей были лишены кормильцев. Недостаток рабочей и тягловой силы (у крестьян забирались лошади) привел к уменьшению запасов и ухудшению обработки почвы. Это не могло не сказаться на урожайности. Правительство же в связи с войной увеличивало налоги и разного рода повинности. Особенно дорого она стоила Сибири. Призыв в армию запасных и привлечение почти всего забайкальского казачества, мобилизация конного поголовья, тяжелая повинность по содержанию на постое солдат, непосредственное соседство с театром военных действий в высшей степени тяжело отразились на сибирской деревне, на ее хозяйстве. Посевные площади значительно сократились, в некоторых районах Забайкалья (особенно на территории Казачьего военного округа) до 50 %⁷. И это при том, что даже в мирное время Забайкалье не могло обходиться без привозного маньчжурского хлеба. Война нарушила эти закупки, вызвав в этом районе продовольственные затруднения, осложнившиеся вдобавок неурожаем 1905 г. В крае начался голод. Все эти явления явились объективной причиной роста недовольства среди крестьян, нарастания протеста против войны и развязавшего ее самодержавного правительства.

Начались выступления запасных (большой частью молодых крестьян) против царских мобилизаций, службы в армии, отправки на фронт. Деятельность прикосновенных к мобилизации лиц, всего ее аппарата, начиная с сельских и волостных властей, сопровождалась использованием служебного положения, прямыми злоупотреблениями при призыве (в частности, освобождение от него за взятки). В ходе мобилизаций (за время войны их было 9) имели место спешка и неравномерное распределение мобилизационных нарядов между уездами, злоупотребления при определении льгот запасным, неподготовленность пунктов к приему новобранцев.

Первые впечатления, которые получал крестьянин, призванный в армию, играли значительную роль в его политическом воспитании, так как ярко раскрывали язвы самодержавно-крепостнического строя. С одной стороны — бесправие крестьян, произвол и насилие царских чиновников, с другой — привилегированное положение дворянства, городской и сельской буржуазии, позволявшее им избегать тягостей военной жизни.

Все это приводило к росту недовольства среди запасных, к их массовым выступлениям против волостных и сельских властей, зажиточного населения, главным образом торговцев, богатых крестьян, помещиков; разгрому лавок, прежде всего со съестными припасами, одеждой и обувью; уклонению от призыва; открытым столкновениям с полицией и войсками, демонстрациям протеста, стихийным «бунтам». По подсчетам В. А. Петрова, только в 1904 г. волнения запасных происходили в 61 городе, 17 селах, деревнях, волостях, местечках, урочищах, на 41 железнодорожной станции — всего в 119 местах (из них в 15 дважды)⁸.

С началом войны в самой деревне значительно усилилась как правительственная, так и революционная агитация. Крестьянину трудно было разобраться во всех происходивших тогда событиях. «Патриотическая» ложь продажной прессы, более всего имевшей доступ в деревню (благодаря обязательной подписке и т. п.), туманила его сознание. Но усилия революционных партий и сама неприглядная российская действительность приводили к нарастанию в деревне глухого недовольства и «даже негодования» на правительство. И вопрос о войне наряду с вопросом о земле был, по донесениям местных властей, главным, волновавшим крестьян весной и летом 1905 г. Война самым непосредственным образом коснулась крестьян, которые, естественно, внимательно следили за тем, что происходило в далекой Маньчжурии. Крестьяне потянулись к газете как к единственному источнику сведений, с помощью которых можно было проверить волновавшие народ слухи о положении дел на театре военных действий. Собираясь и слушая грамотных односельчан, читавших вслух газеты, крестьяне комментировали и обсуждали события далеко не в том духе, как их преподносила официальная печать. Прибывавшие домой раненые солдаты рассказывали о больших потерях русской армии, о неподготовленности к войне. Вместе с военными сообщениями газеты, особенно революционно-демократические, широко проникавшие в деревню, несли массу новых понятий, знакомили крестьян с такими идеями и фактами, которые им до тех пор были совершенно неизвестны. И крестьянская мысль заработала, отыскивая причины тех бед, которые угнетали деревню. Нижегородский губернатор, например, сообщал, что «одним из главнейших интересов крестьян служит война, — ею занято все население. Интересуясь ею, население выписывает газеты и там, где раньше этого не было». Далее говорилось, что многие земские начальники «рисуют отрицательное отношение населения к войне, и желание прекращения ее кроется в том, что война тяжело отзывается на экономической стороне народа и без того неважной, что современная война ужасна и кровопролитна и что мотивы и цели ее совершенно непонятны»⁹.

О таких же настроениях доносил рязанский губернатор. Он также отмечал «значительный интерес сельского населения к военным событиям на Дальнем Востоке», выражавшийся в чтении газет и различных суждениях. Писал о том, что «военные неудачи, действуя удручающе на население, приписываются ими отчасти недобросовестности и неспособности наших военачальников...»¹⁰. В таком же духе были сведения от губернаторов ярославского, тамбовского, харьковского и др.

Начальник Самарского ГЖУ докладывал 24 марта 1905 г. губернатору, что «настроение крестьян тревожное, среди них ходят разные толки, высказывается неудовольствие против войны с Японией; начальствующим лицам называют ворами и изменниками; сегоуют на выдачу кормовых семьям солдат, ушедших на войну, причем указывают, что кормовые выдаются только зажиточным

и богатым семьям, а бедным нет, что на войну берут крестьян, у которых земли мало, а помещиков нет. . .»¹¹.

Прокурор Харьковской судебной палаты С. С. Хрулев в феврале 1905 г. отмечал, что, «говоря о крестьянских беспорядках, особенно распространившихся в текущем году, нельзя обойти молчанием влияние непопулярной и непонятной народу несчастной войны и общей смуты, охватившей наше отечество. Мобилизация, выравнявшая массу кормильцев семей и работников, отразилась на экономическом положении населения и вызвала обострение нужды и общее недовольство. . . Известия о войне и письма солдат вносили еще большее чувство недовольства»¹².

В докладе от 14 марта 1905 г. царю министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов сообщал: «Нельзя скрывать от себя, что война на Дальнем Востоке никакою популярностью среди населения не пользуется, что никакого подъема патриотического чувства в народе нет и не было, что народ только подавлен тяжелыми для него последствиями этой войны и вместе с тем на него самым угнетающим образом действуют слухи о наших военных неудачах. Возвращающиеся с Дальнего Востока раненые, распространяя слухи о понесенных нами поражениях, только еще более возбуждают население против этой войны, продолжение которой должно будет, однако, потребовать от народа еще новых и более тяжких жертв, причем в народе распространено убеждение, что и все эти жертвы пользы не принесут. . .»¹³

Интуитивно подходя к оценке войны как захватнической, крестьяне хотя и смутно, но улавливали связь между войной и всем строем государства. Воронежский губернатор докладывал 2 апреля 1905 г. в министерство внутренних дел, что крестьяне «тайно говорят о том, что войну выдумали „пань“, что она нужна только им и что воюют за чужие земли»¹⁴. Тверской губернатор 7 апреля 1905 г. сообщал по этому же адресу, что «настоящая война среди крестьян мало популярна, так как ведется она далеко от России, и притом из-за „арендованных“, по их мнению, а не собственно русских владений»¹⁵. Один из приставов Сарапульского у. Вятской губ. 9 февраля информировал: «Крестьяне начинают роптать на правительство. Они говорят так: война не нужна народу, что земли в России много, а завоевание Маньчжурии нужно капиталистам и кушцам. Деньги, которые собирают с крестьян на войну, разворовывает начальство»¹⁶. Полтавский губернатор, отметив, что настроение сельского населения «носит далеко не обычный характер, отличается нервозностью и приподнятостью», писал: «Население как будто чего-то ждет. Причин к такому настроению много: неудачная война, внутренние смуты, рабочие забастовки и крестьянские беспорядки, революционная пропаганда в виде прокламаций, которыми наводняется губерния. . .»¹⁷

Таким образом, среди причин, которыми местные власти пытались объяснить революционные настроения крестьян, одно из первых мест занимало отношение крестьян к русско-японской войне. Антивоенные настроения были составной частью растущего

революционного движения. «Войну надо прекратить, заключить какой бы то ни было мир и не проливать крови на неизвестно из-за чего происходящей войне» — таково было мнение большинства крестьян Московской губ.¹⁸ Лозунгами сходов крестьян Смоленского у. в феврале 1905 г. были: «Долой самодержавие!», «Долой войну!»¹⁹.

В июле 1905 г. крестьяне с. Большие Кемары Княгининского у. Нижегородской губ. на сельском сходе составили и отослали в министерство внутренних дел приговор, в котором наряду с другими требованиями настаивали на прекращении войны на Дальнем Востоке²⁰. Одним из главных требований многих крестьянских приговоров 1905 г. было прекращение войны.

Крестьяне любили свою родину, и это проявлялось в мужестве и героизме солдат на полях сражений на Дальнем Востоке. Но они хотели видеть ее иной, где трудящемуся человеку жилось бы легко и свободно. Недовольство же войной, поражениями, сохранением в деревне всех старых порядков рождало надежды, что с окончанием ее все изменится и, главное, крестьяне получат землю. В марте 1905 г. в волостном правлении Сапожниковского у. Рязанской губ. крестьянин Т. Козлов в присутствии многих односельчан рассуждал «о войне и говорил, что пусть господа выставят столько людей на войну, сколько они, крестьяне, выставили своим селом; например, Федоров земли имеет на 250 десятин более против их, крестьян, а на войне у него никого нет, землю они приобрели крестьянскими спинами; обязательно по окончании войны. . . у всех дворянчиков и господишков, „негодяев“, землю отберем». Крестьяне «слушали и ловили с жадностью его слова»²¹.

В апреле земские начальники всех 96 участков Вятской губ., сообщая о настроении крестьян, отмечали, что «больше всего интересует крестьян война. Все известия с поля военных действий быстро разносятся по селам и деревням. Встречаются факты, когда в крестьянстве, особенно среди молодежи, злонамеренными лицами, причисляемыми к социал-демократам, велась преступная агитация в таком направлении: «Лучше будет, когда нас побьют японцы. . . тогда легче будет установить новые порядки и крестьянам будет легче жить». Земские начальники отмечали, что крестьяне тянутся к газетам и запретным книгам, чтобы найти в них ответы на непонятные для крестьян вопросы»²².

Тверской земский страховой агент в ответе на анкету Вольного экономического общества (ВЭО) о крестьянском движении указал, что «политическое самосознание пробудилось у всех крестьян во время японской войны», и с тех пор почти каждый крестьянин, как говорится, «заражен политикой»²³.

Знаменательным является донесение каширского уездного исправника тульскому губернатору от 21 декабря 1906 г., в котором он сообщал: «Ввиду появившихся в газетах статей о том, что русско-японский торговый договор может окончиться конфликтом, последствием чего явится опять война с Японией, до сведения моего дошло, что среди крестьян, а в особенности среди запасных нижних

чинов ходят толки, что в случае объявления мобилизации как только получат на руки оружие, то оно будет употреблено против ныне существующего правительства»²⁴.

Русско-японская война, которая должна была, по мнению правительства, отвлечь внимание народа от безысходной нужды и одурманить его военными победами, приносила одни поражения, возбуждала недовольство народа. Она подняла революционное настроение масс на новую высоту. В период войны началась в стране первая революция, которая в течение восьми месяцев со дня ее начала развивалась все сильнее. Война не вызвала патриотического подъема среди крестьян, наоборот, она породила у них критическое настроение. Ее чуждые и непонятные цели, поражения на фронте, гибель многих солдат — кормильцев семей (Россия потеряла почти 270 тыс. человек)²⁵ вызвали отрицательное отношение к войне. Она «открывала» крестьянам глаза на самодержавие как виновника всех бед. Война наносила удары по привычным представлениям, и, говоря словами В. И. Ленина, «со времени войны с Японией оно (крестьянство. — Л. С.) просвещается с такой быстротой, которой не подозревают многие, привыкшие измерять просвещение только школьной меркой»²⁶. Поддерживаемые и направляемые революционными социал-демократами в нужное русло, антивоенные настроения крестьянства были одним из составных процессов роста революционной сознательности масс в годы революции.

3

Крестьянский «бойкот»

«Податные забастовки»

Борьба крестьян за улучшение своего положения неизбежно должна была распространиться на те или иные устои государственной системы. К их числу принадлежала прежде всего налоговая область, тесно соприкасавшаяся с хозяйственной жизнью населения.

Крестьян разоряли многочисленные и тяжелые платежи царскому правительству. В результате реформы 1861 г. они должны были заплатить за землю огромные денежные суммы. Выкупная стоимость земли на 79 % превышала рыночную (по дореформенным ценам крестьянские наделы стоили 544 млн руб., а в период реформы 1861 г. они были оценены в 897 млн руб.). Политика царского правительства в вопросе о выкупных ценах на землю преследовала две цели: переложить бремя помещичьих долгов казне на плечи крестьян и под видом выкупных платежей за землю заставить крестьян оплатить и выкуп своей личности у помещика (в выкупную сумму была включена и стоимость крестьянских «душ»). Взяв на себя «расплату с собственниками»,

правительство дало крестьянам рассрочку, разложив уплату выкупных платежей на 49,5 года при 5 % годовых. Ежегодные оклады выкупных платежей начислялись с большими преувеличениями, и к 1905 г. крестьяне заплатили за землю 1544 млн руб., т. е. вдвое больше²⁷. Многие крестьяне не имели возможности уплатить выкупные платежи, вследствие чего по этим сборам росли большие недоимки.

Помимо выкупных платежей, крестьянство несло еще бремя всевозможных сборов (казенный, земский, сельский, или мирской, страховой и т. д.). Кроме того, крестьянство выполняло ряд натуральных повинностей (почтовая, подводная, постоянная, арестантская и др.), сохранявших за ним значение «податного» сословия и от которых были свободны другие лица. Крестьянство было основным плательщиком прямых и косвенных налогов. Огромным бременем были косвенные налоги на предметы широкого потребления (керосин, спички, табак, чай, сахар, ситец и т. д.). Налоги и платежи поглощали большую часть дохода крестьянского хозяйства, а в ряде случаев превышали его.

Тяжелое податное бремя, с давних пор служившее предметом ненависти крестьян, в революционной обстановке 1905—1907 гг. привело к такой форме крестьянского движения, как «податные забастовки». Они выражались в отказе целых сел и волостей от уплаты казенных, страховых, земских, мирских и прочих сборов. Неуплата их в значительной степени была связана с тяжелым положением крестьянства в голодные 1905 и 1906 гг. Однако такие годы были и раньше, но деревня с грехом пополам, накапливая, правда, значительные недоимки, все же платила. Теперь же неплатеж принял характер не только пассивного воздержания, но порой и активного противодействия. Крестьяне часто указывали на несправедливое взимание выкупных платежей за землю, объясняя, что они давно с лихвой оплатили землю, полученную при реформе. Отказывались также от внесения податей на содержание волостных правлений, мотивируя тем, что последние служат не народу, а правительству. Такие выступления крестьян носили революционно-демократический характер.

Требование о неуплате податей было сформулировано на III съезде РСДРП²⁸. Оно было направлено на ослабление экономики царизма, его дезорганизацию, политическое воспитание крестьянских масс и вошло в известный «Финансовый манифест» от 2 декабря 1905 г., подписанный ЦК и Организационной комиссией РСДРП, Петербургским Советом рабочих депутатов, Главным комитетом ВКС, ЦК партии эсеров и ЦК ПСС. «Манифест» был опубликован в большевистской газете «Новая жизнь» 2 декабря 1905 г. Эти организации призвали народные массы отказаться от выкупных платежей и казенных налогов, брать вклады из сберегательных касс. Это был призыв к финансовому бойкоту правительства. В. И. Ленин рассматривал «манифест» как приглашение социал-демократии и революционной мелкобуржуазной демократии в целях совместной борьбы, как оформление политической

коалиции революционных партий и беспартийных организаций, как практическое выражение идеи революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян²⁹.

Требование о неуплате крестьянами податей широко популяризировалось в листовках всех революционных организаций. Изданная в 1906 г. прокламация МОК РСДРП «Платить ли подати?» разъясняла крестьянам, что народные деньги, собираемые в качестве налогов и податей, идут тунеядцам и народным врагам, используются прежде всего на борьбу с народом. «Каждая копейка, попавшая в руки царского правительства, отдаляет от вас землю и волю: чем сильнее будет правительство, тем жестче оно станет расправляться с борцами за землю, тем труднее будет народу вырвать у него власть. . . Не платите в царскую казну ни одной копейки»³⁰.

II конференция Окружной организации при Сморгонской группе РСДРП рекомендовала (август 1906 г.) всем партийным организациям «в целях ослабления правительства и революционирования широких масс народа, в особенности крестьянства» развить среди населения широкую устную и письменную агитацию за отказ платить подати, «побуждать крестьян к составлению приговоров на волостных и сельских сходках в соответственном духе, при раскладке податей отказываться в ассигновании на все нужды, за исключением тех, которые служат непосредственным нуждам народа (школы) и проч.»³¹.

На съезде представителей крестьянских групп, созванном Саратовским губернским комитетом РСДРП в декабре 1906 г., была принята специальная резолюция «О податях», в которой крестьяне призывались «не платить ни земских, ни государственных податей». Съездом был выработан типовой приговор об отказе платить подати, предназначенный для распространения в крестьянстве³². Антиподатная агитация большевиков повышала политическую сознательность крестьян.

Выступления крестьян, сопровождавшиеся отказами платить подати и налоги, начались с весны 1905 г., усилились они осенью, особенно после издания манифеста и соответствующего указа от 3 ноября, когда в целях «успокоения крестьян» Совет министров высказался за отмену выкупных платежей и за расширение деятельности Крестьянского банка по скупке земель у помещиков и продаже их крестьянам. Эта акция правительства открывала перед дворянами возможность избежать угрожавшего захвата их земель крестьянами и продавать земли по очень выгодным ценам. Что касается выкупных платежей, то по указу от 3 ноября 1905 г. годовые оклады выкупных платежей бывших помещичьих, государственных и удельных крестьян подлежали с 1 января 1906 г. уменьшению наполовину, а с 1 января 1907 г. взимание этих платежей должно было вовсе прекратиться. С этого времени наделы крестьян объявлялись «выкупленными» и с них должны были быть сняты те ограничения (главным образом в праве распоряжения (праве продажи) земель), которые по реформе 1861 г. лежали

на наделных крестьянских землях «в силу выкупного долга». Но в действительности крестьяне выплатили выкупные платежи уже до 1 января 1906 г. почти в двойном размере против фактической оценки земли в 1861 г. Недоимки же по выкупным платежам царское правительство продолжало собирать вплоть до его свержения в 1917 г. К тому же отмена выкупных платежей была использована для увеличения других платежей (так, например, значительно были повышены земские сборы)³³.

Манифест 3 ноября должен был, по замыслу правительства, «отколоть» деревню от города, заглушить крестьянское движение, направив помыслы крестьян на устройство «своих» дел. Большевики разъясняли народу, что представляет собой новая царская «милость», и призывали готовиться к всеобщему восстанию. В ноябрьской 1905 г. листовке Петербургского комитета РСДРП говорилось, что при «грозных признаках приближающегося восстания» царь и Витте «принялись за старое средство — сочинение манифестов!

И вот Россия осчастливилась увидеть новые «милости», специально даруемые крестьянам царем, все еще нахально именуящим себя „самодержцем“!

В чем же эти „милости“?

Крестьяне не хотят платить никаких налогов теперешнему правительству, а царь обещает им через год уничтожить выкупные платежи!

Крестьяне во многих местах восстали и отбирают земли у помещиков, а царь обещает помочь им ссудой из Крестьянского банка покупать земли для расширения своего хозяйства!

Крестьяне требуют передачи им всех удельных, государственных, монастырских и кабинетских земель — царь об этом старательно умалчивает!

Крестьяне требуют уничтожения сословного, бесправного положения сельского населения — царь об этом ни слова!

Вслед за всей Россией крестьяне требуют полной передачи власти в государстве всему народу — об этом царь, конечно, ничего не говорит! И т. д. И т. д.

Эти «милости» кровавого Николая и временщика Витте такого же сорта, как и предыдущие»³⁴.

Отмена выкупных платежей, как и другие уступки правительства, была провозглашена слишком поздно и не соответствовала ни назревшей нужде, ни ожиданиям крестьян. Они в большинстве отрицательно отнеслись к «милости» царя. Начальник Смоленского ГЖУ доносил 14 ноября 1905 г. в департамент полиции: «. . . манифест от 3 ноября. . . не удовлетворил ожиданий крестьян. Недовольство поддерживается современной печатью и ораторами. . . на митингах, которые устраивались прежде в городах, а ныне привлекают тысячи слушателей в селениях. . . Смута охватывает сельское население»³⁵.

Земский начальник 4-го участка Судогодского у. Владимирской губ. доносил 23 ноября губернатору о том, что «опубликован-

ный и распространенный среди народа высочайший манифест от 3 ноября с. г. не внес. . . успокоения в крестьянскую среду, так как крестьяне. . . не довольствуются милостями монарха, дарованными оным манифестом. Их вождения идут гораздо дальше»³⁶. Суджанский уездный предводитель дворянства телеграфировал 12 ноября курскому губернатору: «Раши с шестьюдесятью казаками объявили в Суле манифест 3 ноября. Народ ответил гомерическим смехом»³⁷. В с. Селиверстове Тарусского у. Калужской губ. после прочтения манифеста крестьянин И. Ганшин «во всеуслышание предлагал освистать его», а потом «сходить за известною надобностью на манифест»³⁸.

В одном из перлюстрированных полицией писем от 8 ноября 1905 г. (Орловская губ.) автор его, крестьянин, писал: «Все эти милости да манифесты пахнут отравительной микстурой, которую предлагают через час по столовой ложке, все больные видят в ней обман доктора. Здесь будто бы читали в волостном управлении последний манифест об уничтожении с крестьян выкупных земельных платежей в 1907 г. . . так что сулят журавля в небесах, а в руки не дают и синицы. Большая часть понимает эту милость наглым обманом»³⁹.

Манифест от 3 ноября не «заглушил» революционной борьбы крестьян.

В 1906 г. крестьяне отказывались платить подати, ссылаясь на то, что ждут решения Государственной думы о налогах. И особенно усилился финансовый бойкот правительства с июля 1906 г., после роспуска царем Думы. Крестьянские выступления за отказ от денежных платежей, как правило, носили организованный характер, с предвительным вынесением постановлений на сходах и коллективным сопротивлением властям при взимании податей. При описи и продаже имущества недоимочных крестьян общественники или не являлись на торги, или даже брались за колья и топоры и изгоняли из деревень полицию, сборщиков податей, а также кулаков и торговцев, скупавших по дешевке крестьянское имущество. Об этом поступали многочисленные донесения местных властей.

Из Клинского у. в декабре 1905 г. уездный исправник сообщал московскому губернатору: «В уезде настроение вообще тревожное: ежедневно со всех концов уезда я получаю сведения о брожении крестьян. Почти все население уезда прекратило всякие платежи: мирские, земские и выкупные, некоторые селения не делают даже раскладки»⁴⁰.

Волостной старшина Лихвинского у. Калужской губ. Степин 8 апреля 1906 г. утверждал, что за его 16-летнюю службу иногда случалось, что крестьяне «отказывались уплачивать подати то по неимению средств, а то и по упорству, но никогда не было такого решительного отказа уплачивать подати, как случилось в ноябре и декабре 1905 г. и продолжается сейчас». Причину отказа крестьян от уплаты податей он объяснял «главным образом их тревожным настроением с октября 1905 г., когда повсеместно в России происходили беспорядки»⁴¹.

Крестьяне не только перестали платить подати, но и требовали от властей возврата денег, числившихся их продовольственным запасным капиталом*. Крестьяне многих деревень, а иногда и целых волостей приходили в города и требовали выдачи продовольственных капиталов. И хотя их выдача не была разрешена свыше, крестьяне заставляли все-таки местные власти отступать и выдавать деньги (например, в ряде уездов Калужской губ.)⁴².

Податной инспектор Рославльского у. Смоленской губ. доносил, что только в ноябре 1905 г. крестьяне уезда недодали около 32 тыс. руб. окладных сборов⁴³. Отказывались платить подати крестьяне Ябургского и Гдовского уездов Петербургской губ. Тех, кто продолжал платить, они «поджигали»⁴⁴. Крестьяне дер. Вети Дмитриевского у. Курской губ., по донесению уездного исправника от 5 апреля 1907 г., «осуществляя идею демократической пропаганды . . . несколько лет не платили недоимку»⁴⁵. Отказ от уплаты податей, налогов и сборов в 1906 г. принял массовый характер в Вологодской губ. Общая недоимка по губернии к началу 1907 г. достигла 2 828 404 руб., что почти втрое превысило сумму недоимок, которая имелаась на 1 января 1905 г.⁴⁶ Так же обстояло дело в Олонецкой губ.⁴⁷

В Казанской губ. лишь по одной Кошелевской вол. Цивильского у. за 1905 г. недоимок набралось более 10 тыс. руб. В феврале—марте 1906 г. крестьяне дер. Чураксы того же уезда решили отобрать у сборщиков собранную уже подать и разделить ее между собой, отказавшись от дальнейших выплат. Это решение было приведено ими в исполнение⁴⁸.

Нижегородские власти докладывали в ноябре 1905 г., что в уездах «заметно полное уклонение от платежа всякого рода повинностей»⁴⁹. Если в 1904 г. по Нижегородской губ. выкупных платежей поступило 66,2 % и оставалось недоимки 33,8 %, то в 1905 г. — соответственно 20 и 80 %⁵⁰.

В Саратовской губ. казна недополучила с крестьян в 1903 г. 34 % государственного поземельного налога и выкупных платежей, а в 1905 г. — уже 77 % суммы по тем же платежам, не считая земских сборов. Кроме того, крестьяне Среднего Поволжья в 1905—1907 гг. почти всюду прекратили вносить арендную плату помещикам и до минимума свели взносы по сделкам, заключенным с удельными именьями. В Саратовском округе недоимка с крестьян-арендаторов в 1905 г. составила около полумиллиона рублей⁵¹.

В Вятской губ. крестьянское движение началось весной 1905 г. именно в связи с раскладкой земских и других сборов. Поступление податей в губернии к концу 1905 г. почти прекратилось, а недоимка достигла 2,5 млн руб.⁵² В 1906 г. совещание земских

* Продовольственным капиталом назывались деньги, которые собирались в каждой деревне на случай голода, недостатка семян, градобития и т. п. Эти деньги считались общественным запасным капиталом, хранились в казначействе и выдавались по распоряжению земских начальников. Фактически это был дополнительный налог с крестьян.

начальников и податных инспекторов решило прибегнуть к силе. Но этот план потерпел неудачу. Так, в дер. Зайцево Уржумского у. Вятской губ. стражники конфисковали было имущество крестьян за неплатеж податей, но на следующий день толпа до 2000 человек, разогнав их, вернула все отобранное⁵³.

С апреля 1905 г. поступали сообщения об отказе от уплаты выкупных платежей крестьянами Уфимской губ. За 1906 г. в губернии с последних было собрано лишь 15 % всех налогов⁵⁴.

По селам и деревням Новгородской губ. в 1906 г. разъезжали волостные старшины и на сходах зачитывали губернаторский указ, в котором говорилось о немедленной уплате податей и недоимок, в противном случае, предупреждалось, будет применена вооруженная сила. «Крестьяне, — писала газета „Страна“ (1906. 9(22) янв.), — выслушав приказ, говорят: „Не платили два года и платить не будем, да и не с чего. . .“ — и, как будто их дело и не касается, спокойно расходятся с мирского сбора: „Самим жрать неча, а тут еще с приказами суются“».

Отказывались от уплаты податей и несения различных повинностей и крестьяне Сибири. Исполняющий делами енисейского губернатора Гирс в донесении от 28 декабря иркутскому военному генерал-губернатору заявил, что для успешного сбора податей необходимо «назначить на постой в каждое селение по роте солдат»⁵⁵. В целом отказы платить подати и выполнять повинности составили за годы революции 22,7 % всех выступлений крестьян Сибири⁵⁶.

По Белоруссии К. И. Шабуня дает следующую динамику массовых отказов крестьян от уплаты податей и повинностей: в 1905 г. весной и летом — 3,2 %, осенью — 5,1, в 1906 г. — 3, в 1907 г. — 10,6 % всех крестьянских выступлений⁵⁷. Увеличение удельного веса этой формы борьбы в 1907 г. исследователь объясняет общим сокращением в период спада революции массовых и открытых выступлений.

В 1906—1907 гг. крестьяне 14 сел Молдавии организованно отказались платить налоги и изгнали из своих сел податных инспекторов, сборщиков налогов и сопровождавших их урядников и стражников⁵⁸.

«На многих сельских сходах, — доносил 3 декабря 1905 г. начальник Екатеринославского ГЖУ в департамент полиции, — открыто постановлено прекратить уплату податей. . .»⁵⁹ 11 июня 1906 г. в с. Татарском Ставропольской губ. около волостного правления собралось человек 100 крестьян и сельскохозяйственных рабочих. К ним вышел инспектор и стал требовать с присутствующих 1500 руб. податей за арендованную у казны землю. Татарцы заявили: «Дайте нам землю и завтра же будут подати. . . Если вы придете силой брать подати, то мы будем бунтовать»⁶⁰. Таким образом, уплата податей тесно связывалась ими с вопросом о земле. Газета «Тульская речь» (1906. 14 нояб.) писала: «В некоторых местностях, например в Курской, Симбирской губерниях, крестьяне не только не платят земских сборов, но даже прекращают

платежи долгов земству за взятые пожарные машины, сельскохозяйственные орудия и семена. И этот отказ в требованиях уплаты податей и недоимок объясняется не финансовыми затруднениями (хотя, конечно, и они играют немалую роль), а мотивами чисто политического характера: „Дайте земли, — говорит крестьянство, — тогда рассчитаемся со всеми. . . Прирежут земли — будем платить“».

Подольский губернатор докладывал 15 февраля 1907 г. в министерство внутренних дел, что крестьяне ряда сел «отказываются, несмотря на убеждения местных властей, от платежа недоимки, накопившейся за 1905 г. и 1906 г. по выкупным платежам». Причем в с. Крыжполе при первой же попытке описи имущества раздался набатный звон и сбежавшиеся крестьяне (около 300 человек) выгнали из села волостного старшину⁶¹.

По данным Екатеринодарской казенной палаты, в 1906 г. с населения Черноморской губ. властям удалось взыскать лишь 56 % общей суммы всех налогов⁶².

Жители Горийского, Шаропанского и Зугдидского уездов Кутаисской губ. уже в январе—феврале 1905 г. принимали «преступную присягу» не платить податей⁶³. Осенью 1906 г. это движение широко распространилось на Озургетский и Ново-Сенакский уезды. В сентябре в села были посланы подразделения солдат и казаков. Но на собираемых военным начальством сходах жители стояли на своем. В с. Суреби в ночь на 10 сентября мужчины, отправив свои семьи и имущество в горы, окружили присланный для сбора податей военный отряд. Не понадеявшись на силу отряда (около 100 штыков и 55 шашек), полковник Толмачев послал за подмогой. Прибыла учебная команда. Ввиду явного превосходства войск царских властей Центральный Гурийский комитет, не желавший напрасного кровопролития, отдал распоряжение уплатить подати. И лишь после того, как это распоряжение стало известно в селах, жители уездов внесли штрафы, подати и недоимки⁶⁴. Была продемонстрирована высокая революционная дисциплина.

Массовые отказы были распространенным явлением, особенно осенью 1905 г., в прибалтийских деревнях. Уже в апреле 1905 г. крестьяне Мексийской вол. Верроского у. Лифляндской губ. «заявили волостным должностным лицам, что они общественных сборов более платить не будут и являющихся к ним для взыскания таковых встретят с оружием»⁶⁵. Податной инспектор Вилкавишского и Науместского уездов докладывал 18 ноября 1905 г. своему начальству, что «накопление недоимок окладных и других сборов. . . объясняется причинами не экономическими, а исключительно политическими. . . по уездам разъезжают неизвестные агитаторы, которые подстрекают население не платить податей. . . Цель их — не только поднять население против правительства, но и причинить как можно больше вреда правительству, в том числе и материального». Виленский губернатор доносил Николаю II о том, что «к концу года (1905 г. — Л. С.) губерния находи-

лась в состоянии, близком к полной анархии. Сельское население, не уплатившее и третьей части причитавшихся с него мирских и казенных сборов, встретило новый, 1906 г. с громадной недоимкою. . . с озлоблением против властей и порядка управления»⁶⁶.

В Туркестане отказ национального крестьянства от уплаты налогов и других денежных обложений принял в годы революции повсеместный и массовый характер. Только за два года (1905—1906) и только по трем областям (Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской) вследствие массовых отказов крестьян от уплаты податей образовалась недоимка в 1 076 623 руб.⁶⁷

По сведениям Главного управления по делам местного хозяйства, «к 1-му января 1906 года в 34-х земских губерниях недоимки земских окладных сборов за частными владельцами числились в сумме 35 млн руб. . . от крестьянских же надельных земель за первые шесть месяцев 1905 года, при годовом окладе в 32 млн руб., поступило 15 млн руб., а в 1906 году, при окладе в 35 млн руб., за это же время поступило только 8 млн руб.»⁶⁸.

Огромная задолженность крестьянства по выкупным платежам, разного рода налогам, земским и мирским сборам, образовавшаяся в 1905—1907 гг., не только свидетельствовала о разоренности крестьянских хозяйств, но и ярко выражала протест угнетенных и эксплуатируемых масс против всей грабительской системы управления царской империи. Отказ от уплаты податей и различного рода налогов — одна из форм антиправительственного бойкота, получившая в годы революции широкое распространение по всей стране. Часто она сопровождалась поджогом волостных правлений, где хранились налоговые документы. Властям приходилось проводить целые кампании по выколачиванию податей с использованием полицейской стражи, выездами на места уездных исправников и земских начальников. Происходили столкновения.

В отличие от многих других форм борьбы, имевших подчас сезонный или локально ограниченный характер, движение за неуплату податей, различного рода налогов, против несения повинностей, ставшее массовым в конце 1905 г., развивалось достаточно равномерно вплоть до июня 1907 г.⁶⁹ Массовый отказ российского крестьянства от уплаты податей и налогов представлял большую опасность для самодержавия, так как наносил удар по финансовой системе царизма, расстройство которой сказывалось в определенной степени и на дезорганизации контрреволюционных сил для расправы с рабочими и крестьянами. Вместе с тем, выступая против непосильного налогового гнета, крестьяне повсеместно объективно боролись за землевладение, свободное от пут полуфеодальных налогов и платежей.

«Рекрутские забастовки»

Особое значение в годы революции имела такая форма крестьянского движения, как «рекрутские забастовки». Работа среди крестьянской молодежи призывного возраста, по мнению больше-

виков, не только играла большую роль в деле революционизирования крестьянства, но и была одним из важнейших направлений борьбы партии за отвоевание на сторону народа армии. «К оторванному от обычной среды, одинокому, темному, запуганному солдату, которому вбили в голову самые дикие взгляды на все окружающее, — писал В. И. Ленин, — подступиться гораздо труднее, чем к молодежи призывного возраста»⁷⁰.

Работа РСДРП среди новобранцев имела две главные задачи: 1) «пробудить сознание рекрута»⁷¹, подготовить из него революционера; 2) добиваться коллективного отказа рабочих и крестьян от мобилизации в армию «в целях дезорганизации самодержавия и поддержки революционного натиска на него»⁷².

Политическую агитацию среди новобранцев большевики начали еще до начала революции. Усилилась она во время русско-японской войны, и особенно в связи с очередной осенней мобилизацией 1905 г. Характерной для этого времени является листовка Вятского комитета РСДРП: «. . . в случае мобилизации не отпускайте своих сыновей и братьев на войну, а если они находятся на военной службе, то берите с них клятву, что они не будут стрелять по приказу начальства в восставший народ, а примкнут к нему и выступят с ним на борьбу с правительством за свободу»⁷³.

Много листовок к рекрутам и о них было издано большевистскими комитетами осенью 1905 г. Идеологическая работа среди новобранцев в это время увязывалась с задачей проведения вооруженного восстания. Конференция РСДРП Уральского и Средневожжского районов (октябрь 1905 г.) предложила местным комитетам наряду с пропагандой отказа от поставок рекрутов призывать к организации крестьянских комитетов, подготовке открытого выступления⁷⁴. Среди крестьянских новобранцев устраивались политические митинги.

Работа большевиков, а также других революционно-демократических партий давала свои плоды. Так, жители с. Бандза Кутаисской губ., доносил Николаю II наместник на Кавказе Воронцов-Данков, «категорически отказались от исполнения воинской повинности по призыву и отводу помещений для воинского присутствия. . . открыто заявив приставу, что они воспротивятся этому с оружием в руках и что до открытия Государственной думы не дадут ни одного солдата. . . В населении уезда заметно большое общее волнение ввиду усиленной пропаганды революционеров с целью достижения вооруженной силой демократической республики»⁷⁵. По рапортам уездных начальников Кутаисской губ., во время осеннего призыва 1905 г. крестьяне Лашхетского участка Лехчумского у. «не представили ни одного солдата»; в Зугдидском у. «из общего по уезду числа подлежащих к призыву. . . 1116 новобранцев явилось всего 384 и вместо подлежащих взятию на службу 449 новобранцев принято всего 126, из коих 49 новобранцев разошлись, не приняв присяги»; в Редуткальском участке «из числа 351 призываемых явилось только 52 и взамен 162 новобранцев принято только 9, из коих 7 уклонилось от присяги»⁷⁶.

В Кутаисском у. из 400 явилось всего 20, в Озургетском из 50 — «нуль»⁷⁷.

8 декабря 1905 г. крестьяне Везенбургского у. Эстляндской губ. на своем собрании вынесли решение о невыполнении воинской повинности⁷⁸. Из 338 вызванных к 5 декабря в Вырусское военное управление явилось только 85⁷⁹.

В 1906 г. работа большевиков среди призываемой в армию сельской молодежи не только не ослабла, а, наоборот, резко расширилась, стала более совершенной в организационном отношении. Большую работу провели большевики по срыву рекрутского набора осенью 1906 г. Две линии выдвигались по этому вопросу в РСДРП. Меншевицкий ЦК выступал за тактику «пассивного» бойкота рекрутчины, предлагал превратить лозунг «Не давать рекрутов в армию» в самостоятельный, не связанный с другими.

Однако многие партийные комитеты не согласились с меньшевистским планом «рекрутской кампании». Они справедливо считали, что этот лозунг, не связанный с борьбой крестьян за землю, против царя и помещиков, будет ошибочным и вредным. Большевики стояли за тактику «активного» бойкота, т. е. за связь бойкота рекрутчины с подготовкой к вооруженной борьбе. Они отчетливо понимали, что хорошо организованная кампания позволит поднять политическую сознательность крестьянства, объединить его, более прочно спаять с рабочим классом. «Спаять его воедино, — говорилось в передовой „Пролетария“ (1906. 19 сент.), — связать революционное крестьянство с революционным населением города, и в первую очередь с революционным пролетариатом, мы можем именно только в таком живом вполне определенном деле, как бойкот рекрутчины».

Областное бюро Центрального района РСДРП разработало «План политической кампании в связи с рекрутским набором». 29 августа 1906 г. он был опубликован в газете «Пролетарий». Признавая большую заинтересованность в кампании широких масс крестьянства, Областное бюро вместе с тем считало необходимым широко привлечь к участию в ней городских рабочих. Это способствовало практическому осуществлению союза рабочих и крестьян. Городские рабочие «найдут здесь приложение своей революционной энергии и политическому опыту, еще сильнее закрепят в сознании крестьян значение пролетариата как авангарда и вождя революции, значительно облегчат нам агитационную и организационную работу и в то же время приобретут некоторые руководительские навыки».

В организационном отношении план Областного бюро сводился к следующему. Местные партийные организации посылают в селения своих агитаторов, чтобы довести до крестьян лозунг отказа от поставки рекрутов. Сельские и волостные сходы принимают по этому вопросу специальные постановления. При сочувственном отношении жителей нескольких смежных сел и деревень рекомендовалось избрать комитет, который под непосредственным руководством партийной организации обеспечил бы расширение террито-

рии движения. Кроме того, план Областного бюро рекомендовал «самостоятельную организацию молодежи, подлежащей призыву». Бюро призывало использовать все средства (демонстрации, плакаты и т. п.), чтобы поставить всю кампанию «как можно шире и серьезнее. . . сделать ее центром общего внимания».

Этот план явился руководящей директивой для всех большевистских окружных комитетов Центрального района в их деятельности по организации рекрутчины. Он был одобрен II конференцией социал-демократических организаций Центральной России⁸⁰.

МК РСДРП, обсудив план работы в связи с рекрутским набором, постановил: «1) немедленно открыть соответствующую письменную агитацию; 2) организовать всех, подлежащих набору, в особые кружки; 3) связать всех, подлежащих набору, с соответствующими партийными организациями на местах; 4) принимать соответствующие резолюции на сходах и всех собраниях; 5) разъяснять значение этой политической кампании солдатам на действительной службе»⁸¹.

В другой резолюции, принятой на заседании Московского окружного комитета (сентябрь 1906 г.), подробно раскрывается значение проводимой партией рекрутской кампании: «Принимая во внимание: 1) что рекрутская кампания находится в тесной связи с общей борьбой крестьянства за свободу и землю; 2) что различные политические выступления крестьянства должны быть возможно более согласованы между собой; 3) что борьба против укомплектования армии вовлекает в революционный поток незначительные еще им элементы; 4) что правительственные войска, раздробленные для борьбы с многочисленными крестьянскими выступлениями, легче дезорганизуются и поддаются революционной агитации, М(осковский) о(кружной) к(омитет) признает необходимым: 1. При агитации в пользу рекрутской кампании подчеркивать значение отказа в рекрутах как средства борьбы с правительством. 2. Агитировать за отказ в даче рекрутов как за политическую демонстрацию и средство дезорганизовать армию».

В сентябре же МК РСДРП издал отдельной листовкой «Примерный приговор для отказа от рекрутчины», опубликованный потом в газете «Пролетарий». В нем, в частности, говорилось: «Таким образом, мы, крестьяне, вынуждены объявить царскому правительству решительную войну. Поэтому мы решаем не давать правительству ни одного рекрута; мы отказываемся давать своих братьев и сыновей на службу нашим врагам; мы будем защищать их всеми силами и мерами»⁸².

Развернутую резолюцию о рекрутской кампании приняла вторая Общеуральская конференция РСДРП (сентябрь 1906 г.). В ней отмечалось, что «социал-демократия в рекрутской кампании должна преследовать цели революционизирования самосознания и массовой организации крестьянства как главного поставщика вооруженных сил царизма и самих рекрутов, как будущей опоры господства царизма над народом». Знаменательным и дальновид-

ным был один из пунктов резолюции: «...если царское правительство все же заставит дать рекрутов, то добиваться вынесения приговоров с наказаниями рекрутам обучаться военному искусству затем, чтобы с оружием в руках защищать дело народа в его борьбе за волю и землю». В целях большей плановости и согласованности выступлений конференция рекомендовала образовывать беспартийные комитеты из призывников и Советы рекрутских депутатов. Эти организации связывать между собой, вносить, по возможности, единство в их действия. До создания таких комитетов и Советов теперь же необходимо, где только есть возможность, организовать вождей и агитаторов, ясно понимающих те общие и частичные задачи, которые ставит себе социал-демократия в настоящий момент и в связи с рекрутской кампанией»⁸³.

Нижегородским окружным комитетом РСДРП было решено, что в зависимости от настроения масс местные партийные организации могут в отдельных случаях «довести дело до демонстрации, захвата воинского присутствия и уничтожения списков рекрутов, захвата всего сборного пункта. . . Распустить новобранцев по деревням, где они должны организовываться для самообороны»⁸⁴. Подобные же решения принимались и другими большевистскими комитетами. Областное бюро выступило инициатором контакта в этой революционной кампании с организациями эсеров и союзами — крестьянским, железнодорожным, учительским, почтово-телеграфным и военным.

В листовке «К рабочим и крестьянам» (октябрь 1906 г.) за подписью Пензенской группы РСДРП, Пензенского губернского комитета партии эсеров, Пензенского бюро ВКС, Пензенского ж.-д. союза говорилось: «Товарищи крестьяне, товарищи рабочие! Наступает время, когда правительство обратится к народу за солдатами. . . чтобы их направить против народа, для того, чтобы их заставить расстреливать голодных крестьян и рабочих. . . мы не дадим ему больше солдат.

Вам неоткуда ждать помощи, сила в вас самих. Сговаривайтесь с соседними селами, убеждайте их действовать дружно, сообщая, чтобы получилась большая сила; составляйте приговоры на сходах о том, что вы не даете правительству солдат. Говорите новобранцам, что правительство — враг народа, что служить такому правительству — преступно. Старайтесь не отпускать рекрутов из сел и деревень. . . Укрывайте общими силами рекрутов. Покажите царскому правительству, что в народе — сила. . . Это даст толчок широкому народному движению. . . и приблизится то время, когда штыки, ружья, пушки, пулеметы повернутся против угнетателей народа»⁸⁵.

Владимирское ГЖУ в своем донесении в департамент полиции сообщало, что во время призыва новобранцев Владимирская окружная организация РСДРП и ее Суздальская группа «буквально засыпали» сельскую местность воззваниями и прокламациями⁸⁶. В результате проведенной в губернии работы 16 сел и деревень составили приговоры об отказе давать правительству рекрутов⁸⁷.

Соответствующие листовки выпускали уральские комитеты РСДРП. В Миньярском, Стерлитамакском, Златоустовском и других уездах Уфимской губ. проходили митинги и демонстрации рекрутов и новобранцев, на которых выступали большевики. Демонстрации проходили под лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует Учредительное собрание!»⁸⁸. 18 октября на Катав-Ивановском заводе Уфимской губ. без разрешения начальства был собран сельский сход, на котором 131 человек подписал приговор не давать сыновей в солдаты⁸⁹. 22 ноября 1906 г. газета «Уфимский рабочий» сообщала, что на сельском сходе на Миньярском заводе новобранцы перед отправкой в армию дали обещание не стрелять в народ, научиться владеть оружием, чтобы использовать его, когда потребуется перейти на сторону восставшего народа.

Отказались от рекрутской повинности крестьяне Сызранского у. Симбирской губ. В Самарской губ. уклонились от военной службы «без уважительных причин» в 1903 г. 476, в 1905 г. 863, в 1906 г. 985 крестьян⁹⁰.

Демонстрации новобранцев под красными флагами и лозунгами «Долой самодержавие!» проходили в селах Украины.

Толпы рекрутов, являвшиеся в уездные города и бывшие весьма восприимчивыми к агитации, внушали страх местным властям. Полиция и воинские команды на призывных пунктах усиливались казаками и пехотой. Кое-где изменяли сроки призыва и на длительное время отпускали новобранцев домой. Но в ряде мест все-таки произошли выступления новобранцев, вылившиеся в стихийные бунты. Это, однако, не было проявлением анархического буйства, как пытались изобразить власти. Это были стихийные взрывы классовой борьбы угнетенных масс крестьянства против помещиков и органов государственной власти.

Когда большевикам стало ясно, что революция все больше идет на спад и решающую борьбу в ближайшее время вести будет невозможно, они стали переносить центр тяжести на революционную обработку новобранцев с тем, чтобы создать из них кадры солдат-революционеров внутри царской армии⁹¹. Совет Курской организации РСДРП, например, осенью 1906 г. принял резолюцию об агитации в связи с рекрутской кампанией, в которой постановил прекратить дальнейшую агитацию за отказ от поставки рекрутов в настоящем году и предложил «сосредоточить все силы организации на призываемых в целях наибольшего революционирования армии»⁹². В протоколе заседания ПК РСДРП (октябрь 1906 г.) записано, что ПК считает целесообразной «агитацию, зовущую идти в ряды армии, и в этом направлении ПК предлагает Петербургской организации изменить агитацию»⁹³.

Большевики даже стали призывать сельскую молодежь вступать в армию с тем, чтобы в нужный момент перейти на сторону революции. Это привлекло к себе внимание царских органов. «Эта новая тактика революционных деятелей, — писал 10 октября 1906 г. генерал-майор Ширинкин заместнику царя на Кавказе, —

заслуживает особого внимания местных властей, так как она легко может ввести их в заблуждение кажущейся покорностью населения и упадком революционного настроения, тогда как в действительности это будет доказывать только, что революционная агитация приняла более опасную, скрытую форму, неуловимую и недоступную для моментального воздействия на нее репрессивными мерами»⁹⁴. Власти не без основания опасались, что если большевикам удастся осуществить такую тактику, то в армию поступит значительное количество революционных агитаторов, способных оказать влияние на воинские части. Недаром директор департамента полиции 26 октября 1906 г. послал московскому генерал-губернатору следующую телеграмму: «Ввиду сведений о решении подпольных организаций отказаться от агитации против воинской повинности и намерении их, наоборот, содействовать проникновению революционных элементов на военную службу необходимо обратить особое внимание на это обстоятельство в настоящий призыв и принять все зависящие средства к самой упорной борьбе с этим злом путем выяснения совместно с чинами корпуса жандармов неблагонадежных новобранцев и сообщения о них надлежащих сведений воинским начальникам для установления бдительного надзора и принятия со стороны военного начальства собственных мер»⁹⁵. На каждого новобранца стало составляться «политическое» досье.

Таким образом, ненависть крестьянских масс к существующему строю и помещикам проявлялась в период первой российской революции и в отказах от службы в царской армии, в массовых волнениях крестьян-новобранцев, которые не являлись на призывные пункты, иногда громили воинские присутствия и учреждения.

Кампания по срыву рекрутского набора, проводимая большевиками и рядом других революционных партий и организаций, не смогла полностью осуществиться, но она сыграла большую роль в повышении политической сознательности крестьянства. На одном из понятных крестьянам примере была показана необходимость их сплочения и объединения с рабочим классом для борьбы с самодержавием. Большевики неизменно проводили идею неразрывной связи агитации за отказ от военной службы с задачами революционной борьбы. Бойкот в значительной мере революционизировал крестьянскую молодежь, подлежащую призыву, приобщил ее к организованной политической борьбе под руководством пролетариата и его партии, привел к частичному срыву рекрутского набора, активизировал работу партийных групп в деревне.

Бойкот и замена местных властей

Видное место в крестьянском движении заняла такая форма антиправительственного бойкота, как отказ крестьян выбирать навязываемых им должностных лиц сельского и волостного управления. В периоды подъема крестьянского движения она повсеместно перерастала в насильственное смещение враждебного народу аппарата управления на местах.

III съезд РСДРП призывал крестьян к коллективному отказу от исполнения «постановлений и приказаний правительства и его агентов». IV съезд на основании уже накопленного опыта работы рекомендовал крестьянам «бойкотирование местных властей и замену их новыми, по возможности, выборными»⁹⁶.

Российское крестьянство было бесправно в гражданском отношении. Крепостнические пережитки сохранились в политико-юридической области: обязательное «обеспечение наделом»; прикрепление к земле и к определенному сельскому обществу; отсутствие свободы передвижения в связи с тем, что у крестьян были срочные паспорта, требующие возобновления, что ставило их в тягостную зависимость от властей тех деревень, с которыми у них иногда была порвана всякая общественная и хозяйственная связь. В области суда и управления крестьяне подчинялись административной опеке. Все органы сословного «самоуправления» — волостные и сельские, содержащиеся за счет самих крестьян, находились в полной зависимости от земских начальников, назначаемых правительством из помещиков. Административный и полицейский аппарат, с помощью которого царское самодержавие держало под постоянным надзором сельское население и вело борьбу с проявлениями какого бы то ни было протеста или неповиновения существующими порядками, был чрезвычайно разветвленным. «Начальства над нами, крестьянами, столько, что не знаешь, кого больше бояться. Закон у них один — палка», — говорили деревенские жители⁹⁷.

Крестьянское движение 1905—1907 гг. наносило ощутимые удары по аппарату власти самодержавия. Однако кругозор крестьян, особенно в начале революции, был слишком ограничен, чтобы движение могло принять характер широкой борьбы против государственных учреждений. Борьба крестьянской массы велась против институтов, имевших к ней наиболее близкое и непосредственное отношение, прежде всего против органов волостного и сельского управления. За насильственным их смещением в ряде районов следовало создание самочинных народных органов власти. Там, где имелись прочные связи с революционной социал-демократией, они превращались в органы восстания, зачатки новой, революционной власти на селе (крестьянские революционные комитеты и др.).

В других районах страны, где движение не дошло до создания революционных крестьянских комитетов (и им подобных организаций), крестьяне стремились улучшить старую форму сельского и волостного управления путем самовольной замены должностных лиц. Местные органы крестьянского управления в основном укомплектовывались ставленниками сельской буржуазии, которые становились волостными старшинами, сельскими старостами, писарями и проводили политику, угодную утверждавшим их в должности земским начальникам, т. е. помещикам. Они имели в своих руках десятки рычагов для обирания и эксплуатации крестьян и были непосредственными проводниками распоряжений

властей в деревне. Вот их-то крестьяне, осуществляя на практике свое стремление к воле, и стремились заменить людьми, заслуживающими доверия, бывальыми и опытными. От упорства и стойкости, смелости и мужества последних в значительной степени зависела и стойкость крестьянского движения. Иногда крестьяне прибегали к завуалированным методам, уменьшая старшинам, писарям и судьям жалованье в 2—4 раза. В отдельных случаях вообще отказывали в нем. Процесс замены старой низовой администрации наиболее интенсивным был в период подъема революции, но он продолжался и в период ее спада.

В октябре—ноябре 1905 г. смена сельских властей осуществлялась крестьянами ряда уездов Рязанской губ. 4 ноября 1905 г. забастовали все рабочие (около 800 человек) на суконодельной фабрике при с. Мурмине Рязанского у. С этого дня фабричные рабочие и крестьяне стали устраивать совместные шествия с красными флагами по различным селениям Мурманской вол. По наблюдениям властей, «в этих манифестирующих скопищах ясно определились руководители движения и самый план действий, направленный к понудительному прекращению исполнения сельскими должностными лицами своих служебных обязанностей и к другим коренным изменениям существующего общественного порядка по принципу „свободной воли народа“». 5 ноября жители различных сел (около 5 тыс. человек) с красными флагами явились к волостному старшине с возгласами «Ура, свобода, долой самодержавие!». 6 и 7 ноября в с. Казари крестьяне пришли к местному старосте, вызвали его на улицу и принудили нести красный флаг. В том же селе 14 ноября крестьяне составили два общественных приговора об избрании новых старосты и сельского сотника. С 4 по 20 ноября во всех селах волости крестьяне заявили сельским должностным лицам, «что они должны исполнять требования только народа, который им платит жалованье, а начальству повиноваться не смеют»⁹⁸.

В октябре—ноябре 1905 г. самовольное переизбрание сельских властей происходило в Епифановском, Веневском, Каширском, Ефремовском, Белевском и Чернском уездах Тульской губ.⁹⁹

В конце 1905 г. вспыхнуло движение в Юрьевском у. Владимирской губ. В Давыдовской вол. этого уезда населением были сменены все волостные и сельские должностные лица и заменены вновь избранными, в Ильинской вол. содержание волостному писарю и старшине было сокращено наполовину¹⁰⁰. Интенсивным было движение в Гжатском у. Смоленской губ., граничащем с Московской губ., большинство мужского населения которого занималось разного рода промыслами в столице и работало на фабриках. По сообщению смоленского губернатора, в ноябре—декабре 1905 г. в нескольких волостях сходы «сменили волостных старшин и судей, назначив вместо них своих, и вообще движение приняло очень серьезные размеры»¹⁰¹.

По данным корреспондентов ВЭО, борьба псковских крестьян против сельской и волостной администрации захватила 53 волости,

т. е. 40 % их общего числа в Псковской губ.¹⁰² Властей сменяли крестьяне ряда сел Казанской и Нижегородской губерний¹⁰³.

При выступлении в октябре 1905 г. крестьян с. Карай-Салтыкова Кирсановского у. Тамбовской губ. не было сообщения с другими населенными пунктами (оборван телефон). И крестьяне никого, в том числе конных нарочных, не пропускали¹⁰⁴.

В Курской губ. в ноябре 1905 г. «положение так стало серьезно, — доносил один из земских начальников, — что властям без конвоя невозможно проехать по деревням, где возникли беспорядки; брань и угрозы на каждом шагу и полное непризнание властей»¹⁰⁵.

В Харьковской губ., в Веселовской вол., крестьяне 12 декабря 1905 г. отстранили от должности представителей местной власти, мотивируя свое решение тем, «что они отстаивают отживший порядок»¹⁰⁶. В с. Сытая Буда Новозыбковского у. Черниговской губ. крестьяне в январе 1906 г. «отвергли предложение земского начальника о выборе сельских десятников на 1906 г., объявили ему, что не желают вообще подчиняться не только властям, но и существующим законам». Крестьяне избрали своего «гражданского» старосту, составили для него инструкцию, согласно которой он должен «подчиняться обществу и не подчиняться полиции, начиная с исправника и до полицейского стражника включительно, не подчиняться вообще никакой административной власти до тех пор, пока в стране революция, пока не будет собрано Учредительное собрание и не установится справедливый порядок». Старостой был избран крестьянин социал-демократ С. П. Луговой¹⁰⁷.

В с. Холмы Березенского у. Черниговской губ. в декабре 1905 г. крестьяне, отказавшись от выдвинутых начальством кандидатур на посты полицейских десятских и старосты на 1906 г., избрали старостой и десятскими «новых лиц, участвующих в революционном движении, и дали этим новым должностным лицам инструкцию: не принимать присяги, не являться никуда по требованиям начальства»¹⁰⁸. В Области Войска Донского также происходило смещение старост, старшин, а в ряде станиц и атаманов¹⁰⁹.

Крестьянские волнения, выражавшиеся главным образом в замене должностных лиц, происходили с октября 1905 г. в Ставропольской губ. Особенно значительными они были в селах Прасковейского у., расположенных вблизи линии Владикавказской железной дороги. В с. Соломенском в декабре 1905 г. крестьяне сместили старых должностных лиц, образовали самоуправление, отказались выполнять распоряжения начальства, составили приговоры о закрытии винных лавок, упразднении полиции, должности земского начальника. «Порядок» был восстановлен только по прибытии в село войск¹¹⁰.

Аналогичные события происходили в селах Херсонской губ. В с. Станислав Херсонского у. в январе 1906 г. «ставленники земского были заменены народными выборными. Сюда вошли все наиболее стойкие защитники интересов бедноты»¹¹¹.

Активно заменяли должностных лиц сельского управления крестьяне ряда уездов Воронежской губ., оказывая вооруженное сопротивление полиции и казакам, стремившимся «восстановить в правах» смещенных¹¹². То же происходило в Калужской и Петербургской губерниях¹¹³.

В ответе на анкету ВЭО одного из учителей Переяславского у. Владимирской губ. было отмечено, что за годы революции «резко изменили свои отношения крестьяне и к властям. Преподобной покорности и страха теперь нет. Можно даже сказать, что роли теперь переменялись. Что и было в начале 1906 г., когда везде почти сменялись сельские и волостные власти. . .»¹¹⁴

Крестьяне требовали введения «полного самоуправления в наших местных делах. Все лица, которые будут ведать общественными делами, должны быть свободно выбраны нами без всякой указки со стороны высшей администрации»¹¹⁵.

Летом 1906 г. крестьяне Валовской вол. Макарьевского у. Костромской губ. открыто заявляли уездному исправнику, «что они не признают ни нынешнего правительства, ни судов, ни меня как представителя власти»¹¹⁶. 16 июля 1906 г. крестьяне с. Михайловка Усть-Медведицкого округа самовольно назначили новых старшину и старосту. Явившийся полицейский пристав арестовал было вновь избранных лиц, но крестьяне их освободили, а пристава избили¹¹⁷.

Известны случаи демонстративного бойкота и вышестоящих властей. В июле 1905 г., например, население одного из аулов Акмолинского у. наотрез отказалось дать сменных лошадей акмолинскому военному губернатору, инспектировавшему область. Более того, оно избило посланных за лошадьми стражников и предъявило ультиматум уряднику, прибывшему на выручку¹¹⁸.

Активную форму в начале 1906 г. принял протест крестьян Веденского округа (Северная Осетия). Они потребовали убрать начальника округа подполковника Ханжалова, отличавшегося жестокостью и коварством. Дважды — 17 февраля и 15 марта — в Устар-Гордое собирались крестьяне (до 3 тыс. человек) во главе с почетными старцами округа. Собрания эти, по словам очевидца, имели «вид военного лагеря». Ни уговоры генерал-губернатора, ни его усиленная казачья охрана не помогали. Крестьяне решительно требовали убрать Ханжалова, пригрозив в случае отказа восстанием. И генерал-губернатор был вынужден, как он писал в донесении наместнику, «имея в виду, что с чеченцами шутить нельзя», отозвать Ханжалова. Это была победа крестьян. В условиях повсеместных революционных выступлений власти вынуждены были не только лавировать, но и отступать¹¹⁹.

«Народ совершенно отвернулся от нас», — докладывал 11 сентября 1906 г. горийский уездный исправник тифлисскому губернатору, сообщая о «безотрадном и крайне тяжелом положении, в которое были поставлены чины уездной администрации»¹²⁰.

В августе 1906 г. крестьяне Котельничского у. Вятской губ. самовольно собрались в Сорвижском и Морозовском волостных

правлениях, сместили волостных писарей и других должностных лиц и выбрали новых. В с. Коса Слободского у. той же губернии крестьянами было оказано вооруженное сопротивление полицейской страже при исполнении служебных обязанностей¹²¹.

18 декабря 1906 г. в с. Троицком Васильсурского у. Нижегородской губ. крестьяне отстранили от занимаемой должности монархически настроенных старшину и писаря и выбрали в волостное правление лиц, пользующихся доверием. Исправник приказал арестовать вновь избранных. Но, как писала местная газета, «толпа окружила волостное правление и стала бить окна. . . избивала урядника, некоторых стражников, остальные разбежались. Избитый земский начальник скрылся на чердаке волостного правления. . . арестованные крестьяне были освобождены»¹²². В с. Новодевичьем Симбирской губ. крестьяне в начале 1907 г. сменили администрацию, установили самоуправление, постановив не платить подати и войск не пускать. 14 марта в село вошла охотничья команда. Произошло столкновение, в результате которого один крестьянин был убит, 50 тяжело и многие легко ранены. Жителям пришлось смириться¹²³.

Во многих местах земские начальники подавали рапорты об отставке. Они боялись показываться в уездах. А если и показывались, то не иначе как в сопровождении стражников.

В Сибири за годы революции было 24 случая непризнания и самовольной смены должностных лиц¹²⁴.

Особенно враждебно относились крестьяне к полиции, стражникам как наиболее близкому звену бюрократически-полицейского государственного аппарата, душившего стремление к свободе. Крестьяне бойкотировали полицейскую стражу, создавали атмосферу общественного презрения к ней. Стражникам из односельчан предлагалось или уйти со службы, или отказаться от земельного надела. Представлялось несправедливым, что, во-первых, они идут против «мира», а мирской землей пользуются; во-вторых, зарабатывают вдвойне: и от земли берут доход, и от правительства жалованье. И поэтому во многих местах крестьяне решили: «Будет! Нет им больше земли!» Так было, например, в ряде сел Могилевской губ.¹²⁵

Ненависть к «усмирителям» — стражникам и их начальству, так же как к казакам и карательным отрядам, принимала характер сознательной борьбы с ними.

Крестьяне прибалтийских губерний на своих сходах постановляли не давать карательным отрядам подвод, не продавать фуража и каких-либо продуктов. Лиц, нарушавших этот запрет, избивали, а их имущество уничтожали¹²⁶.

Крестьяне с. Еланское—Колено Новохоперского у. Воронежской губ., представлявшего, по определению уездного пристава, «оппозиционный пункт для властей», на волостном сходе (более 2000 человек) 21 декабря 1905 г. решили: «. . . полицию упразднить, ни по каким делам к полиции не обращаться, а все полицейские обязанности возложить на волостного старшину. Полиции и каза-

кам и вообще войску оказывать всякое сопротивление»¹²⁷. В 1906 г., по сообщению газеты «Страна» (1906, 17 (30) сент.), по всей Воронежской губ. стражники подвергались «неприятностям. В квартирах им отказывают; корма для лошадей не продают, на каждом шагу терпят они насмешки, а подчас им мнут и бока».

Лубенский исправник (Лубенский у. Полтавской губ.) доносил 31 декабря полтавскому губернатору, что «стражникам сообщалась боязнь, нерешительность в действиях по службе и презрение к ним крестьянского населения, которое не желает нанимать стражникам квартир, отпускать им за деньги продовольствие и фураж для лошадей, даже хлеба отказывают продавать стражникам. Все это, вместе взятое, заставляет стражников бросать службу»¹²⁸.

Крестьяне с. Алакаевка Богдановской вол. Самарского у. вынесли официальное решение, чтобы стражникам «квартир не давать, провизии не отпускать, кто даст напиток воды, или курить, или даст спичку, того крестьяне должны из общества исключить и не считать своим товарищем»¹²⁹. В с. Новая Чартория Волынской губ. на крестьянском митинге в августе 1906 г. было решено: «... не давать квартир стражникам и бойкотировать тех крестьян, которые не подчинятся этому решению»¹³⁰.

В представлении от 3 июля 1906 г. киевского губернатора об усилении крестьянского движения в губернии отмечалось: «Появление полиции, стражи и войск для прекращения насилий вызывает страшное раздражение крестьян. . . Солдат и стражников оскорбляют, в селах отказываются добровольно снабжать их за деньги провиантом и фуражом и издеваются над ними»¹³¹. Об этом же сообщали смоленские власти: «Подвод же от населения добыть невозможно ввиду ненавистного к ним (стражникам. — Л. С.) отношения населения»¹³². И так было повсеместно.

Развитие революционной борьбы убедительно подтвердило мысль В. И. Ленина о том, что «восставший народ станет низвергать все и всяческие правительственные учреждения царского самодержавия»¹³³. В сельской местности это выразилось прежде всего в стремлении крестьян избавиться от опеки помещичьей власти и царской администрации путем самовольной замены в системе крестьянского общинного самоуправления помещичьих и кулацких ставленников, т. е. путем фактического захвата власти на местах (к этому призывала крестьян и революционная пропаганда). Крестьяне старались выбирать на должность сельских старост, волостных старшин своих единомышленников, которые обычно являлись вожаками крестьянских выступлений. Сельчане, в свою очередь, активно защищали их от репрессий со стороны правительственных властей, вступая в постоянные стычки (вооруженные и невооруженные) с полицией, казаками и войсками. По сути дела, это была борьба за демократизацию органов власти на местах. Крестьянские выступления против местных органов власти приводили к ослаблению и дезорганизации аппарата царизма.

Бойкот аграрных мероприятий царизма

Крестьянство России страдало от остатков крепостничества и малоземелья. Крестьяне и после «освобождения» 1861 г. оставались «низшим» сословием. Они были лишены права свободно распоряжаться даже тем клочком наделной земли, который у них имелся. С общинно-уравнительно-наделным землевладением и землепользованием, которые так оберегались царским правительством (а после отмены крепостного права $\frac{4}{5}$ наделных земель оказались в общинном землевладении¹³⁴), были связаны круговая порука (отмененная лишь в 1903 г., да и то не везде), прикрепление крестьян к земле, ограничение свободы передвижения вообще, стеснение сельскохозяйственной инициативы крестьян-общинников, внутринаделная чересполосица, ограничение купли-продажи и т. д. Общинно-наделное землевладение в том виде, в каком оно тогда существовало, противоречило вступавшим в силу новым капиталистическим условиям хозяйства (диктовавшим свободу мобилизации крестьянской земли, хозяйственной инициативы и передвижения крестьян) и лишь ухудшало положение массы крестьян. Экономическая необходимость требовала уничтожения наряду с крепостническим, помещичьим землевладением и этого пережитка средневековья. Поэтому, говоря о необходимости чистки землевладения от средневекового хлама, В. И. Ленин писал, что она «в первую голову должна коснуться главным образом земель помещичьих и наделных крестьянских, ибо то и другое землевладение теперь, в данном своем виде, приурочено к отработкам, к наследию барщины, к кабале, а не к свободному капиталистически развивающемуся хозяйству»¹³⁵.

Катастрофическое положение деревни, обнищание крестьян и опасность всекрестьянского возмущения заставляли царское правительство обращать внимание на аграрно-крестьянский вопрос еще задолго до революции. В конце XIX — начале XX в. оно создавало многочисленные комиссии, делало те или иные «уступки», осуществляя в основном политику лавирования¹³⁶.

Революция 1905—1907 гг. явилась сильным толчком к изменению аграрного законодательства царского самодержавия. Сам П. А. Столыпин, по сообщению «Воронежского телеграфа» (1906. 11 авг.), в беседе со специальным корреспондентом парижской газеты «Matin» признавал: «Революционное движение зависит от аграрного вопроса». Убедившись во время революции в том, что оно не может полагаться на патриархальность и забитость крестьянства, и желая оставить в неприкосновенности помещичье землевладение, правительство в эти годы начинает менять свою аграрную политику. Оно постепенно отказывается от традиционной искусственной консервации общины и связанных с ней средневековых форм землевладения, берет курс на насаждение среди крестьянства частной собственности. Правительство решает внести раскол в деревню. С этой целью были изданы законы, направленные на обогащение деревенской буржуазии — кулачества за счет

дальнейшего ограбления и разорения деревенской бедноты. Специальным указом от 4 марта 1906 г. предписывалось во всех уездах империи создать землеустроительные комиссии, имевшие назначение облегчить «насуточные нужды сельского населения при непереносимом сохранении законных прав частных владельцев»¹³⁷. Комиссии должны были оказывать посредничество между крестьянами и частными землевладельцами при размежевании чересполосных угодий, общих владений и сервитутов; содействовать крестьянам в покупке у помещиков посредством Крестьянского банка чересполосных и вклинивавшихся в наделные земли участков. Последним преследовалась также цель ускорить распродажу накопившихся у банка за время революции помещичьих земель, избегав падения цен на них. В состав комиссий, помимо помещиков, чиновников и земских деятелей, должны были избираться также представители от крестьян (по три на уезд). Их выбирали по жребию из числа кандидатов, выдвинутых волостными сходами. Комиссии всецело проводили политику царского правительства. Интересы трудового крестьянства были на заднем плане. Сознательная часть крестьянских масс сразу поняла смысл новой затеи правительства и стала решительно бойкотировать ее (крестьяне не являлись на сходы, которые выбирали представителей, волостные сходы подчас вообще отказывались рассматривать этот вопрос). Крестьяне считали землеустроительные комиссии «лопушками и петлей» для себя в руках «хитрых помещиков». Их не удовлетворял состав комиссий. Крестьяне Опочецкого у. Псковской губ. говорили, что в них «собраны любимцы земского начальника, а которого не хотели крестьяне его любимца избирать, то он тех крестьян считал за бунтовщиков и сажал в тюрьму»¹³⁸. В Псковском у. из 18 волостей отказались от выборов 12¹³⁹. Отказ крестьян от выборов в землеустроительные комиссии, которые проходили летом 1906 г., носил массовый характер в Белоруссии. В Сенякском у. Могилевской губ. бойкотировали выборы в девяти волостях из 15. Подобное же положение наблюдалось и в других уездах¹⁴⁰. В июле 1906 г. из 16 волостей Курмышского у. Симбирской губ. выборы в комиссии состоялись лишь в одной волости¹⁴¹. Отказывались от выборов крестьяне Славутского, Клеванского и Деражанского волостных сходов Заславского и Ровенского уездов Волынской губ.¹⁴² В Московской губ. из 71 волости шести уездов так поступили крестьяне 28 волостей¹⁴³. В Курской губ., несмотря на все усилия царских властей, к августу 1906 г. выборы в комиссии совершенно приостановились вследствие «почти поголовного отказа крестьян». Причем «как на мотивы не желания участвовать в правительственных землеустроительных комиссиях указывалось на то, что все эти и другие комиссии, устраиваемые министрами, имеют в виду только интересы помещиков, собственников земли, а не крестьян»¹⁴⁴. В «Обзоре деятельности уездных землеустроительных комиссий за первый год их существования» прямо отмечалось, что на процессе создания комиссий сказалось «несочувственное к ним отношение со стороны... крестьян». За весь 1906 г. комиссии смогли начать работу лишь в 184 уездах¹⁴⁵. По офи-

циальным данным (к началу 1907 г.), только в 43 губерниях Европейской России отказались от выборов в комиссии крестьяне 734 волостей¹⁴⁶.

Массовый отказ деревенского населения выбирать в землеустроительные комиссии был фактом политического значения. Он подтверждал, что крестьяне добивались перехода помещичьих земель в свои руки и что никакого примирения у них с землевладельцами и правительством быть не могло. Во многих районах землеустроительные комиссии были образованы лишь в 1907 г., после подавления революции.

Пытаясь разрядить революционную обстановку в деревне и в стране в целом, царское правительство издало еще ряд законодательных актов. Указом от 12 августа 1906 г. «в целях увеличения крестьянского землевладения» Крестьянскому банку передавалась часть земель удельного ведомства для продажи крестьянам (но надо заметить, что большая часть земель удельного ведомства, примерно $\frac{2}{3}$, заключалась в лесах, по закону передаче не подлежащих). 27 августа был подписан указ «о предназначении казенных земель к продаже для расширения крестьянского землевладения». По нему могли быть отчуждены оброчные статьи и часть лесных угодий, всего около 7,5 млн дес., расположенных большей частью в пустынных северных частях Европейской России. Естественно, что и эта мера не могла заметно удовлетворить земельную нужду российского крестьянства, особенно остро чувствовавшуюся в средних и южных губерниях, где удельных и казенных земель было мало. Кроме того, как отмечалось в газете «Черноземный край» (1907. 17 янв.), «вместо того чтобы использовать удельные, казенные и кабинетские земли в целях удовлетворения земельного голода безвозмездно, они продаются крестьянам, и за такую еще цену, что самим же продавцам — казне, уделам и Кабинету прямой расчет вместо не всегда верного дохода от земли (особенно за последнее время благодаря «смуте» в деревне) иметь постоянный денежный доход».

5 октября был издан указ об отмене некоторых правовых ограничений для крестьян при поступлении на государственную службу и в учебные заведения (в частности, обязательной приписки к сельскому обществу, ограничительных для крестьян правил о паспортах и др.). Этим же указом как бы отменялось право земского начальника налагать на крестьян взыскания без суда, но в то же время сохранялось такое же право за сельскими старостами и волостными старшинами (что давало возможность земским начальникам действовать через последних). Были и еще указы такого же паллиативного свойства¹⁴⁷.

И наконец, 9 ноября 1906 г. был издан подготовленный П. А. Столыпиным указ под скромным названием «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования»¹⁴⁸. Основной его идеей, знаменующей разрыв самодержавия с традиционной политикой искусственной консервации общины, было насильственное разрушение общины и насаждение личной крестьянской

земельной собственности. Первая статья указа устанавливала, что каждый домохозяин, владеющий землей на общинном праве, имеет теперь право требовать укрепления в его личную собственность причитающейся ему части земли. Чтобы увеличить число сторонников выделения, указ устанавливал, что домохозяева, имевшие земли больше душевого наделения, могли укрепить за собой эти излишки. Расчет был сделан на то, что более зажиточная часть крестьян, стесняемая общинными порядками в своих хозяйственных начинаниях и имевшая земельные излишки, первая потребует выдела из общины.

Выделенная земля признавалась личной собственностью домохозяина. Она могла (правда, в ограниченных рамках) продаваться, покупаться и закладываться*. Зажиточные, таким образом, получали возможность скупать надельные земли у бедняков. Этим путем царское правительство пыталось разрешить аграрный вопрос, удовлетворив требования на землю наиболее хозяйственно сильной части деревенского населения за счет ограбления деревенской бедноты (а не за счет перераспределения частновладельческих и тем более помещичьих земель). Самодержавие и дворянство надеялись, что в итоге столыпинской реформы в деревне будет создан относительно широкий слой сильных и богатых крестьян («маленьких» помещиков), которые станут надежными плательщиками и одновременно твердым и прочным оплотом «порядка» и опорой «большим» помещикам. И через несколько лет, если в деревне будет «покой», реформированная Россия навсегда покончит с революцией. «Ставка на сильных» имела целью обуздать «слабых». Крестьяне-собственники в целом виделись в качестве оплота против революции, союзника и даже помощника дворянства. Правительство было заинтересовано в расслоении крестьянства, отмечала газета «Костромич» (1907. 30 янв.), чтобы «дружный натиск крестьянства на дворянские земли заменить междоусобною войною в среде самого крестьянства и властвовать, разделяя». Такова была помещичья аграрная программа, направленная на укрепление царского строя.

Органической частью столыпинского аграрного законодательства должно было явиться и переселение крестьян на казенные земли в малообжитые азиатские и сибирские районы России. Главная цель при этом сводилась к тому, чтобы «разрядить» атмосферу в Центральной России, «постараться *сбыть* побольше *беспокойных* крестьян в Сибирь»¹⁴⁹. Для этого при помощи своего пропагандистского аппарата царизм сеял иллюзии «о молочных реках и кисельных берегах» Сибири, о возможности безбедного устройства крестьян на обширных сибирских просторах и тем отвлекал их от революционной борьбы за землю в Европейской России.

Ломка архаического общинного землепользования была эко-

* Превращение надельных земель в личную собственность крестьян по указу от 9 ноября не вполне уравнивало их с частновладельческими. Пользование ими предоставлялось крестьянам без права продажи лицам, не принадлежавшим к крестьянскому сословию. Были и другие ограничения.

номически прогрессивной, она способствовала развитию капитализма в сельском хозяйстве. Но ломалось общинное землепользование в целях сохранения помещичьего землевладения, хотя это лицемерно толковалось идеологами дворянства как нечто, направленное на защиту крестьянского землевладения.

Практические мероприятия правительства стали проводиться сразу же вслед за появлением указа от 9 ноября, т. е. задолго до рассмотрения его в законодательных органах*. Но, как отмечает Г. А. Герасименко, «в 1906—1907 гг. землеустройство не затронуло по-настоящему надельных земель и общины. Усилия властей тогда были направлены на организацию землеустроительных комиссий, разбивку имений Крестьянского поземельного банка на участки и распродажу их крестьянам. Соответственно и противодействие крестьян землеустроителям шло на этих направлениях»¹⁵⁰.

Сам указ от 9 ноября крестьянство в большинстве своем встретило отрицательно и даже враждебно. По данным Е. Г. Василевского, из более чем 600 крестьянских наказов и приговоров по II Государственную думу, хранящихся в ЦГИА СССР, ценных в данном случае тем, что они отразили настроения крестьян преимущественно первой половины 1907 г., практически нет ни одного, в котором крестьяне полностью бы поддержали указ. И напротив, в значительном числе приговоров и наказов содержалось резкое осуждение новой аграрной политики царизма. С ним сразу же выступили крестьянские общества из 15 губерний всех регионов страны — от Поволжья до Прибалтики (Нижегородская, Киевская, Бессарабская, Витебская и др.)¹⁵¹. Крестьяне Костромской губ. требовали «отмены закона 9 ноября 1906 г., разрешающего выход из общины и продажу надельной земли, так как закон этот через 10—15 лет может обезземелить большую часть населения и надельная земля очутится в руках купцов и самостоятельных крестьян-кулаков, а вследствие этого кулацкая кабала с нас не свалится никогда» («Думский листок». 1907. 31 марта).

Деревенскую массу не соблазнили пресловутые «блага» частной собственности на землю. Крестьяне Арзамасского у. Нижегородской губ. также писали: «Закон об утверждении нас, крестьян, собственниками, т. е. чтобы землю каждый крестьянин имел право продавать по своему усмотрению, мы совершенно отвергаем, и как была наша земля переходящей по наделу, так мы и требуем, чтобы осталось по-прежнему»¹⁵².

Волостной сход Рыбацкой вол. Петербургского у. в своем «постановлении» подробно обосновал свой протест против указа от 9 ноября: «По мнению крестьян, этот закон Государственной думой одобрен не будет, так как он клонится во вред неимущих и малоимущих крестьян. Мы видим, что всякий домохозяин может выделиться из общины и получить в собственность землю; мы же чувствуем, что таким образом обездоливается вся молодежь

* После утверждения III Государственной думой, Государственным советом и царем указ от 9 ноября 1906 г. стал законом лишь 14 июня 1910 г.

и все потомство теперешнего населения. Ведь земля принадлежит всей общине в ее целом не только теперешнему составу, но и детям и внукам. Всей землей правила вся община... Она не может допустить и мысли, чтобы малосемейные, но многоземельные крестьяне обогащались за счет многосемейных, но малоземельных крестьян» («Думский листок». 1907. 31 мая).

Так же отрицательно относились крестьяне и к такому виду правительственной «помощи», как переселение. Они находили, что незачем им ехать в неведомые места, когда рядом имеется в изобилии частновладельческая земля. Крестьяне Малоярославецкого у. Калужской губ. писали еще в I Государственную думу («Речь». 1906. 31 мая): «Министры отказали нам в земле, прочитали, что частновладельческих земель отчуждать нельзя, а откуда же тогда мы возьмем землю, без которой нам надо умирать голодной смертью. Министры говорят, что в Азии где-то есть много свободной земли и можно нас туда переселить. А мы понимаем это дело так: спокон веков у нас заведен обычай, что на новое место идет старший брат, а младший остается на корню. Так пускай и теперь поедут в Сибирь или в Азию наши старшие братья, господа помещики-дворяне и богатейшие землевладельцы, а мы, младшие, хотим остаться на корню здесь, в России».

Крестьяне с. Яковлева Орловской губ. заявляли («Речь». 1906. 31 мая): «Мы в кабале у помещиков, земли их тесным кольцом окружили наши деревни, они сытеют на наших спинах, а нам есть нечего, требуйте во что бы то ни стало отчуждения земли у частновладельцев-помещиков и раздачи ее безземельным и малоземельным крестьянам. Казенных земель у нас нет, а переселяться на свободные казенные земли в среднеазиатские степи мы не желаем, пусть переселяются туда наши помещики и заводят там образцовые хозяйства, которых мы здесь то-то не видим».

Костромские крестьяне говорили местным властям («Костромская газета». 1906. 1 июня): «Если вы уж очень хвалите Сибирь, так и переселяйтесь туда сами. Вас меньше, а следовательно, и ломки будет меньше. А землю оставьте нам».

Указ от 9 ноября разочаровал крестьян. Они понимали, что в условиях сохранения земли в руках помещиков никакие хутора и отруба не улучшат их положения. В ряде мест сходы принимали решения, запрещающие кому бы то ни было выходить из общины на выдел. Иногда они силой разгоняли представителей власти вместе с землемерами, снимали межевые знаки, срывали работу топографических экспедиций. Начались столкновения между общинниками и выделенцами. Крестьяне, несмотря на угрозы и расправы, открыто выступали против неугодной им реформы, против помещичьего решения аграрного вопроса.

В работах об аграрной реформе Столыпина отводится, как правило, место и анализу борьбы крестьян против нее, правда, в основном в уже послереволюционные годы¹⁵³.

Общеизвестно, что одной из особенностей первой российской революции явилось одновременное развертывание двух социаль-

ных войн. В статье «Социализм и крестьянство» В. И. Ленин разъяснял: «... в современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое переустройство общества»¹⁵⁴.

В крестьянском движении периода 1905—1907 гг. при наличии самостоятельных предпосылок, причин и направлений вторая социальная война (сельского пролетариата против сельской буржуазии) была тесно связана с первой (всего крестьянства прежде всего против феодальных пережитков, против помещиков). Борьбу крестьянства против столыпинской аграрной реформы одни исследователи (А. М. Анфимов¹⁵⁵) относят к проявлениям первой социальной войны, другие (С. М. Дубровский, Л. П. Липинский¹⁵⁶) — второй. Конечно, движение против столыпинщины имело сложный характер, и элементы второй социальной войны, несомненно, в этом движении присутствовали. Впрочем, как и в «чисто» антипомещичьем движении, здесь также имелись черты второй социальной войны, особенно если учесть, что многие помещики (да и кулаки) сочетали крепостнические и капиталистические способы ведения своего хозяйства. Но в целом, с нашей точки зрения, борьба крестьянства против столыпинщины относится в основном к первой социальной войне, так как прежде всего это была борьба за крестьянский путь развития в сельском хозяйстве, т. е. за уничтожение помещичьего землевладения, экспроприацию помещичьих земель в пользу крестьян.

Столыпинская же реформа проводилась в явно реакционных целях сохранения землевладения помещиков, их доходов, политической власти. Это была попытка разрешить аграрный вопрос за счет самих крестьян, ценой разорения, пауперизации миллионов в интересах горстки деревенских богачей, а в конечном счете в интересах помещиков и царизма. И она была реакционна. Поэтому крестьяне, выступая против столыпинской реформы, боролись не столько за сохранение общины, сколько против столыпинских методов ее ломки, за революционное разрешение земельного вопроса, за то, чтобы коренным образом сломать весь старый, прогнивший помещичий строй, чтобы разгородить все межи дворянского и надельного землевладения. В этом заключалась глубоко демократическая, прогрессивная сторона крестьянской борьбы против столыпинского землеустройства.

Сельскохозяйственные забастовки

В пореформенное сорокалетие, характеризовавшееся усиленным развитием капитализма в стране, в деревне неуклонно происходил глубинный процесс расслоения почти стомиллионной

крестьянской массы на классы буржуазного общества. Крестьянство дифференцировалось («раскрестьянивалось»). С одной стороны, огромная масса крестьян разорялась, превращаясь в деревенских полупролетариев (безземельные батраки, малоземельные, безлошадные, безинвентарные крестьяне), вынужденных продавать свою рабочую силу, и в мелких parcelльных собственников, едва сводивших концы с концами. С другой стороны, часть хозяйственно более сильных крестьян обогащалась, превращаясь в крестьян-буржуа (кулаков, широко использовавших наряду с новейшими капиталистическими приемами эксплуатации кабалу, ростовщичество, отработки). Сельская буржуазия (около 20 % крестьянских дворов) сосредоточивала в своих руках почти половину всей купчей, арендованной и более трети надельной крестьянской земли, половину всего рабочего скота и почти 70 % всех улучшенных сельскохозяйственных орудий. Промежуточное звено в деревне представляли середняки (приблизительно 30 % всех крестьянских хозяйств). Под воздействием законов капиталистической конкуренции этот слой крестьянства «размывался», расслаивался, за счет чего и шло в деревне образование двух крайних групп — новых классов: сельской буржуазии и сельского пролетариата¹⁵⁷.

Не только безземельные и безлошадные крестьяне, но даже многие из тех, кто имел земельные наделы, не могли прокормить семью без продажи своей рабочей силы. Не имея возможности обеспечить существование семьи за счет собственного хозяйства, они занимались отхожими или местными промыслами. Десятки тысяч крестьян в поисках работы уходили в города, на строительство железных дорог, шахт и рудников, нанимались в батраки к помещикам и кулакам, переселялись за Урал, в Сибирь, на Дальний Восток.

Мигрируя по стране, крестьяне убеждались, что мужик и вообще рабочий человек везде угнетаем и бесправен. Это не могло не вести к осознанию ими своих классовых интересов, налаживанию интернациональных связей. Часть отходников, втягиваясь в фабрично-заводское производство, в конце концов порывала с сельским хозяйством и пополняла ряды промышленного пролетариата, воспринимая его идеологию и мораль. Неземледельческий отход, писал В. И. Ленин, «вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности»¹⁵⁸. За счет деревенских выходцев, сохранявших родственные и разные деловые связи в сельской местности, происходил постоянный рост городского населения, особенно в крупных городах с развитой промышленностью. Усиливались взаимосвязь и взаимовлияние города и деревни.

Наряду с промышленным широкое распространение получил и земледельческий отход. Разоренное и все более нищавшее крестьянство центральных и юго-западных губерний устремлялось (особенно в сезон сельскохозяйственных работ) на юг и юго-восток

страны (в южные малороссийские губернии, на Дон, Северный Кавказ, в Заволжье), где в связи с быстрым ростом капиталистического земледелия и со сравнительно слабой заселенностью этих районов был большой спрос на сельскохозяйственный труд. К концу XIX в., по определению В. И. Ленина, число сельскохозяйственных рабочих в Европейской России (без прибалтийских и западных губерний), для которых работа по найму являлась главным источником существования, составляло не менее 3,5 млн человек, то есть примерно 20 % всей мужской рабочей силы¹⁵⁹. Около половины сельскохозяйственных рабочих нанимали крестьяне, преимущественно кулаки, других же — помещики, подвергая их чудовищной эксплуатации.

И еще до революции в общем потоке социальных движений в деревне заметно выделялась борьба сельских рабочих за заработную плату с ее характерными формами (коллективный стовор с целью поднять расценки, отказ от работы — стачка).

Характеризуя задачи большевиков в деле организации крестьянского движения, В. И. Ленин в апреле 1905 г. писал: «Городская стачечная волна может и должна перекинуться на деревню не только в виде крестьянских восстаний, но и в виде настоящих рабочих стачек, — особенно ко времени покоса и жатвы»¹⁶⁰. Во время революции сельскохозяйственные стачки под влиянием пролетарского забастовочного движения приобрели довольно широкий размах.

Советская историография всегда придавала важное значение изучению стачечного движения не только в городах, но и в сельской местности¹⁶¹. Но в большинстве работ внимание обращалось и обращается на стачки в основном сельскохозяйственных рабочих. Исключением среди последних исследований является статья Н. Н. Леценко, в которой автор, пользуясь статистическим методом, попытался дать представление о размахе сельскохозяйственных стачек всех форм (правда, в масштабе лишь Украины), определить их основные этапы, количество участников, социальную направленность¹⁶². Нашей задачей в данном разделе является освещение на основе изучения специальной литературы и документов проблемы (ее некоторых спорных вопросов) стачечного сельскохозяйственного движения в целом по стране, анализ и характеристика этой формы борьбы крестьян и сельских рабочих в 1905—1907 гг.

В период первой российской революции стачечные выступления в деревне можно в целом условно разделить на три группы: 1) сельскохозяйственных рабочих, 2) одних крестьян, 3) сельскохозяйственных рабочих и крестьян. Стачки первой группы были направлены против капиталистической эксплуатации и сопровождались такими пролетарскими требованиями, как повышение заработной платы, нормировка рабочего дня, страхование от болезней и несчастных случаев, улучшение питания, условий быта, т. е. улучшение условий найма. Эти выступления относились ко второй социальной войне в деревне, основным содержанием которой была

2
борьба сельских тружеников с деревенскими предпринимателями (помещиками-капиталистами и сельской буржуазией). Стачки второй и третьей группы (они преобладали) сочетали в себе требования сельскохозяйственных рабочих и крестьян и относились в основном к первой социальной войне, т. е. к антипомещичьей борьбе всего крестьянства. В этих стачках наряду с требованиями повышения зарплаты и улучшения условий труда бастующие добивались сдачи в аренду различных угодий на лучших условиях (арендные забастовки), восстановления сервитутных прав, а иногда и передела помещичьих земель¹⁶³. В борьбе за изменение арендных условий в принципе участвовали все слои крестьянства, но цели этой борьбы у кулаков и бедняков были различные. Кулак хотел за счет понижения арендной платы расширить поле своей предпринимательской деятельности (в стачках он, естественно, не участвовал). Бедняк же стремился понижением арендной платы прежде всего улучшить положение своей семьи. И до революции 1905—1907 гг. крестьяне нередко просили помещиков увеличить количество земли, сдаваемой в аренду, понизить арендную плату, улучшить условия труда батраков и т. п. В годы революции они уже не просят, а требуют и подкрепляют это своими действиями, отказываясь вообще заключать арендные договоры и контракты с помещиками или объявляя забастовку.

Особенностью забастовочного движения в сельской местности был его сезонный характер. Оно начиналось в большинстве случаев в весенние месяцы и, достигнув кульминации в летнее время уборки урожая, самой страдной поры для деревенского населения, затем шло на убыль.

В ходе борьбы стачки приобретали организованный и упорный характер. Обычно еще до объявления стачки происходило собрание сельскохозяйственных рабочих (и крестьян), на котором обсуждались требования и избирались уполномоченные. Иногда участники стремились придать своим решениям (приговорам) юридически законченную форму, скрепляя их множеством подписей, заверяя печатью сельского старосты или даже волостного старшины. В случае отказа помещика удовлетворить предъявленные ему требования объявлялась стачка. Иногда участники сходов направлялись в следующее поместье, где также организовывали стачку.

Помещики стремились внести раскол в среду бастующих и сорвать стачку путем приглашения работников со стороны. К этим работникам, а также к штрейкбрехерам из местных бастующими применялись угрозы, а если это не помогало, то и насилие. По отношению к помещикам бастующие старались соблюдать спокойствие, выдержку.

По мере того как развивались события, землевладельцы проявляли нервозность. Они требовали помощи от уездных, губернских, центральных властей. Однако действия солдат, казаков и стражников в деревнях, арест и наказание активистов не приводили к существенным результатам. Стачки продолжались. Сельские работы — сезонные. В период уборки урожая достаточно было

объявить стачку всего на несколько дней, чтобы зерно осыпалось и урожай пропал. Так что помещики вынуждены были идти на уступки.

Организованность сельскохозяйственных стачек отмечали царские власти. Подольский губернатор докладывал 2 апреля 1905 г. министру внутренних дел Булыгину о том, что «брожение, направленное к принуждению помещиков увеличить плату за все виды сельскохозяйственных работ... приняло вид массовой организованной стачки, направляемой против имущественных прав частных владельцев»¹⁶⁴. Непременный член Подольского губернского присутствия Синегуб, выезжавший в места волнений, останавливаясь на причинах их, отмечал: «Однородность характера беспорядков во всех селах в связи с указаниями некоторых из крестьян на то, что фабричные рабочие достигли уже удовлетворения их требований и что для достижения таких же результатов необходима только солидарность всего рабочего населения России, указывает на то, что забастовки фабричных рабочих послужили примером для забастовок по селам»¹⁶⁵.

Четко характер забастовочного движения вырисовывается из представления от 21 июля 1905 г. прокурора Одесского окружного суда Левченко министру юстиции: «... при возникновении в минувшем июне аграрных крестьянских беспорядков в уезде... тотчас же выяснилось, что беспорядки эти решительно везде имели совершенно одинаковый, стереотипный характер, из чего следовало заключить, что движение было заранее организовано... Наиболее существенными признаками беспорядков надлежит признать: 1) последовательное появление почти во всех экономиях огромных скопищ народа, иногда более 1000 чел., и 2) предъявление к землевладельцам разного рода требований, иногда в письменной форме, клонящихся к облегчению материального положения крестьян и крайне невыгодных для землевладельцев». Тут же отмечалось, что «для достижения своих целей крестьяне сравнительно весьма в редких случаях прибегали к насилию или к сопротивлению полиции и войскам, ибо почти всегда помещики под гнетом и давлением многочисленной и возбужденной толпы сейчас же словесно соглашались на все требования крестьян и даже подписывали предъявляемые им письменные договора и обязательства»¹⁶⁶.

В забастовках наряду с сельскохозяйственными рабочими широкое участие принимали и крестьяне, причем не только те, кто непосредственно работал у помещика, но и все окрестное крестьянство, заинтересованное в исходе забастовки. Часто их инициаторами были городские рабочие, приезжавшие в деревни после увольнения хозяевами фабрик и заводов.

Сельскохозяйственные рабочие вместе со всеми крестьянами ненавидели прежде всего помещиков. Прибегая к стачкам, они стремились тем самым улучшить не только свое положение, но и «выкурить» помещиков из имений, конфисковать их землю.

Управляющий Киевским уездным округом сообщал 27 мая 1905 г. в Главное управление уделов о том, что забастовки «распро-

странились как на удельные имения, так и на частные. Действительная же плохо скрываемая, а иногда и открыто высказываемая цель возникших беспорядков: заставить помещиков и арендаторов бросить земли»¹⁶⁷. Из Полтавской губ. сообщали, что «крестьяне придают огромное значение забастовкам, превосходящим даже значение, приписываемое им революционными изданиями, а именно: крестьянство видит в них вернейшее средство для постепенного перехода земли в их владение»¹⁶⁸.

Киевский губернатор Саввич в докладе от 12 июня 1906 г. министру внутренних дел обрисовал характер стачек в губернии следующим образом. Цель выступлений — не только добиться повышения заработной платы, но и «сделать невозможным для крупных землевладельцев дальнейшее ведение хозяйства. Эта последняя цель забастовок ясно обнаружилась в тех местах, где землевладельцы, идя навстречу требованиям забастовщиков, удовлетворяли их претензии полностью»¹⁶⁹. Стачки же продолжались.

Тульские власти отмечали (июнь 1906 г.), что забастовки «являются в настоящее время самым могущественным орудием в деле борьбы с помещиками. . . чувствуется строго обдуманная система, которой крестьяне твердо держатся. Руководителей забастовки ввиду общего сочувствия местного населения выявить почти невозможно для местной полиции, а между тем такой род бойкота грозит экономическим крахом для помещиков»¹⁷⁰.

Корреспондент газеты «Козловская жизнь» (1906. 16 июня) так писал о целях забастовок: «Неправильно было бы объяснять эти приговоры желанием заработать лишнее с помещика. Нет. Это — новая фаза аграрного движения, это — попытка мирным путем добыть землю. Так и говорят сами крестьяне, от мала до велика. „Везде, — сказал мой возница, — господишек выгоняют, вот и наши мужики хотят“, и устанавливают цены, по которым обработка земли становится убыточной. Они уверены, что ставят помещиков в положение безвыходное. Обрабатывать землю убыточно, а оставлять хлеб неубранным или землю необработанной нельзя. . . Значит, помещик или сам откажется от земли, или же ее отберут. Надо только немного твердости и настойчивости, и цель будет достигнута».

В. Обнинский констатировал: «Это не были с.-хоз. стачки в тесном смысле слова, т. е. действия, клонящиеся к улучшению общих экономических условий; нет, это было именно выкуривание помещиков путем назначения безобразно высоких цен на свой труд или предложения заведомо неприемлемых арендных условий; наконец, нередко были и случаи категорических отказов от работ за какую бы то ни было цену»¹⁷¹. Чтобы не давать повода для вмешательства полиции, крестьяне старались вести себя спокойно, дела обсуждали без угроз, с помещиками объяснялись без грубостей.

В 1905—1907 гг. степень распространения стачечного движения как формы борьбы деревенского пролетариата и бедноты против

помещичье-кулацкой эксплуатации в разных районах страны была различной. Интенсивным оно было в районах более развитого капиталистически сельского хозяйства и наибольшей концентрации сельскохозяйственных рабочих: в Прибалтике, на Украине, Северном Кавказе, в некоторых белорусских и литовских губерниях, ряде уездов Саратовской, Самарской и других губерний.

Сельскохозяйственные рабочие Прибалтики включились в борьбу под влиянием революционных выступлений промышленного пролетариата. В январе 1905 г. одновременно с рабочими г. Шавлях забастовали сельские рабочие Шавельского у.¹⁷² Стачки батраков в феврале—марте 1905 г. приняли массовый характер и распространились по всей северной и южной Эстонии (только за первые три месяца 1905 г. по меньшей мере в 60 поместьях)¹⁷³. В марте они начались в Латвии, где проходили под руководством социал-демократических организаций и сопровождалась массовыми политическими демонстрациями. Там, где бастующие действовали единодушно, они добивались улучшения своего положения. Новая, более грозная волна прокатилась по Латвии в июле—августе 1905 г., в наиболее страдную пору полевых работ. В одной лишь Курляндии бастовало 30 тыс. батраков. Летняя стачка в Латвии закончилась победой сельскохозяйственных рабочих. Они добились повышения зарплаты (на 10—30 %) и сокращения рабочего дня. Стачка значительно повысила роль сельских организаций РСДРП в руководстве революционным движением на селе¹⁷⁴. В Литве за весь период 1905—1907 гг. сельскохозяйственными забастовками было охвачено 82,4 % всех уездов¹⁷⁵.

На Украине только в одной Подольской губ. в мае—июне 1905 г. движение сельских рабочих охватило 230 селений (летом 1906 г. — 225¹⁷⁶). По данным М. Н. Леценко, в 1905 г. на Украине было 1544 стачки, в 1906—1907 гг. — 1204¹⁷⁷.

В Белоруссии в 1905 г. бастовали сельские рабочие 25 уездов. В 1906 г. до 40 % крестьянских выступлений в Белоруссии было связано с прекращением работ и требованием повышения заработной платы. Наиболее активным это движение было в Брестском, Пружанском, Гродненском (Гродненская губ.), Новогрудском и Слуцком (Минская губ.) уездах. Оно было подавлено войсками. Но помещикам все же пришлось повысить заработную плату сельскохозяйственных рабочих от 10 до 20 %¹⁷⁸.

Надо отметить, что сельскохозяйственные забастовки имели и свои слабые стороны. Например, они часто возникали стихийно, без подготовки и организации, ограничивались пределами одной экономии. Во многих случаях выдвигались лишь весьма скромные экономические требования. Но сам факт применения стачек на селе как формы борьбы против помещиков свидетельствует о значительном росте политического сознания деревенского населения. И хотя часто стачки жестоко подавлялись войсками, помещики все же вынуждены были повышать заработную плату и делать ряд других уступок, что, естественно, вселяло в крестьян и сельских

рабочих уверенность, осознание силы коллективных действий, вовлекало в борьбу новых участников.

Царское правительство, серьезно встревоженное сельским стачечным движением, в апреле 1906 г. выработало «Правила против возникновения стачек среди сельских рабочих». Согласно «Правилам», за подстрекательство к забастовкам и участие в них, а также за повреждение помещичьего имущества виновные подвергались тюремному заключению. Как и по закону о стачках фабрично-заводских рабочих, жестоко наказывались лица за участие в «сообществе», своей деятельностью побуждавшие сельских рабочих к стачке (заключение на срок до четырех лет). Особенно суровые меры предусматривались за «противодействие вооруженной силе» (лишение всех прав состояния и ссылка на каторгу до восьми лет)¹⁷⁹.

Однако тактика запугивания сельских рабочих и крестьян в конечном счете провалилась. В 1906 г. сельскохозяйственное забастовочное движение приняло еще больший размах и стало организованнее, а посадить в тюрьмы многие тысячи бастовавших крестьян правительство, естественно, было не в силах. Важную работу среди сельских рабочих по мобилизации их на борьбу с помещиками и самодержавием, по разоблачению вышеуказанных «Правил» вели различные организации революционно-демократического лагеря. Чтобы быть ближе к сельским пролетариям, знать их нужды, завоевать доверие, профессиональные революционеры старались быть в самой гуще. Серьезное внимание обращали они на рынки найма, где собиралось немало сельскохозяйственных рабочих. Не имея возможности охватить все или хотя бы большинство сел, они учитывали, что здесь собираются те рабочие, которые расходятся по разным хозяйствам и могут быть зачинщиками или активными участниками стачек и других революционных выступлений, нанимаясь для этого на работу; проводили митинги, собрания, беседы, принимали участие в стачечном движении. Они призывали сельских рабочих и крестьян к организованной стачечной борьбе: помогали выработать требования, преодолевать разногласия между местными и пришлыми рабочими. В основных центрах концентрации сельскохозяйственного пролетариата массовые стачки часто начинались по призыву социал-демократических комитетов, в листовках и обращениях которых к сельским рабочим излагались важнейшие политические требования, и прежде всего свержения самодержавия.

Летом 1906 г. по всей стране вновь прокатилась мощная волна сельскохозяйственных забастовок. И. д. грозненский губернатор Кистер, донося 16 июня 1906 г. о развитии крестьянского (в основном забастовочного) движения в губернии, отмечал, что «в объявленной крестьянами экономической борьбе видны признаки сплоченной организации, поставившей себе задачей довести дело до конца, хотя бы самим пришлось понести „ужасные“ лишения»¹⁸⁰. Начальник Воронежского ГЖУ говорил о необходимости мирного соглашения с крестьянами, ибо аресты невозможны,

так как «зачинщиками являются все крестьяне»¹⁸¹. В период забастовок летом 1906 г. в Орловской губ. крестьяне собирали сходки, обсуждали организацию забастовок, составляли приговоры и вообще, по отзыву одного из исправников, действовали «открыто и с упорной настойчивостью, не поддаваясь убеждениям и увещаниям». Однажды в период забастовки крестьян с. Борисова Севского у. Орловской губ. в июне 1906 г. земский начальник кн. Макулов, зайдя в одну из крестьянских изб, увидел там «сложенные около 30 кос, колья, кирпичи и 10 заряженных охотничьих ружей. На вопрос г. Макулова: „Что это?“ — крестьяне отвечали: „Если нас начнут бить, то мы будем защищаться“»¹⁸².

Значительный спрос на наемную рабочую силу сельских пролетариев предъявляло бурно развивавшееся капиталистическое земледелие на юге России. Поэтому не случайно в 1906—1907 гг. острый и массовый характер приняла здесь борьба сельскохозяйственных рабочих. Так, в Кубанской обл., по далеко не полным данным, во время весенне-летних работ 1906 г. в стачках участвовало 80 тыс. рабочих в 100 экономиях только Лабинского, Баталпашинского и Кавказского отделов (в два с лишним раза больше, чем в 1905 г.)¹⁸³. Следует отметить рост их организованности. В начале движения свое бедственное положение сельскохозяйственные рабочие часто объясняли ростом применения в сельском хозяйстве машин и громили их. Под влиянием промышленных рабочих и революционной пропаганды весной 1906 г. бастовавшие сельские рабочие выступали с требованиями 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, освобождения арестованных товарищей, конфискации помещичьих и кулацких земель, свержения самодержавия¹⁸⁴.

Стачки сельских рабочих прокатились по Ставрополю, Таврии, Дону. Один из очевидцев писал: «Движение крестьян в Таганрогском, Донецком и др. округах с крестьянским населением застало землевладельцев врасплох: пока последние съехались в свои усадьбы, „приговоры“ крестьян уже успели выработаться и благодаря продуманной забастовочной тактике местами стали настолько быстро проводиться в исполнение, что положение некоторых помещиков в Донецком округе из дачного превратилось в крепостное...»¹⁸⁵.

Из среды сельскохозяйственных пролетариев выделяются руководители революционной борьбы, пропагандисты, связанные с большевиками. В Ставропольской губ., например, таким был батрак Ф. Пучков. Он поддерживал тесные отношения с местными большевиками, получал от них литературу, которую распространял среди рабочих села и крестьян. В Кубанской обл. сельский рабочий Ф. Жуков председательствовал на партийном совещании социал-демократов в станице Кавказской¹⁸⁶.

В июне 1906 г. произошла всеобщая забастовка рабочих удельных имений в Кахетии. Газета «Тифлисский листок» сообщала, что забастовкой руководили социал-демократические организации¹⁸⁷.

Массовостью отличалось летом 1906 г. стачечное движение

в саратовских деревнях. В июне—июле произошло совместное выступление пришлых рабочих и местных крестьян в Балашовском у. Саратовской губ. Эта объединенная стачка охватила 40 крестьянских обществ уезда. Руководил ею стачечный комитет. Стачка длилась 17 дней, и хотя не все требования бастующих были удовлетворены, но тем не менее все же они одержали победу: была повышена зарплата¹⁸⁸. В целом в Саратовской губ. в 1906 г. число сельскохозяйственных забастовок увеличилось по сравнению с 1905 г. более чем в 2,5 раза (66 стачек против 24). Если в 1905 г. они охватили 15 волостей в пяти уездах губернии, то в 1906 г., по сведениям однородных источников, — 50 волостей в девяти уездах (во всех, кроме Кузнецкого)¹⁸⁹.

В мае 1906 г. в с. Гламаздине Дмитриевского у. Курской губ. началась забастовка рабочих помещичьих экономий Залочного, «окончилась она немедленной надбавкой требовавшейся увеличенной платы как поденным, так и сроковым рабочим и служащим». По донесению земского начальника, это была первая забастовка «в нашей местности». Слух о ней прошел по другим местностям, где тоже стали устраиваться забастовки¹⁹⁰. В июне 1906 г. 22 крестьянских общества Ястребовской вол. Старооскольского у. Курской губ. снимали рабочих у землевладельцев и предъявляли требования понижения арендной платы и повышения платы сельскохозяйственным рабочим¹⁹¹.

Летом 1906 г. «революционно-аграрный пожар»¹⁹² в Тамбовской губ. выражался в массовом составлении крестьянами приговоров с определением цен за работы в экономиях по уборке урожая, в снятии рабочих, забастовках (приговоры о том, чтобы не выходить на работы к землевладельцам на прежних условиях и обязательствах, а по ценам, обозначенным в приговорах, распространялись в Тамбовской губ. с весны 1905 г.)¹⁹³.

«Крупное стачечное движение, — как писала газета „Эхо“ (1906. 27 июня), — в июне 1906 г. развернулось в Землянском у. Воронежской губ.» В Козловском у. той же губернии осенью 1906 г. крестьяне решили: «Не брать в аренду у помещиков ни одной десятины, и плата годовым рабочим в экономиях должна быть по летней расценке». В результате организованных и единодушных действий крестьян «местные помещики стали заигрывать с крестьянами и идут на уступки. Большинство из них разрешило крестьянам пасти скот на своих пастбищах; солому и корм продают по удешевленной цене и с рабочими стараются обходиться по-человечески»¹⁹⁴.

Успехом закончилась летняя забастовка в Рязанской губ. Как докладывал 26 июля 1906 г. рязанский губернатор, «уборка урожая началась около двадцатого во всех южных уездах при значительно повышенной заработной плате. В имениях, где соглашения не последовало, происходят недоразумения»¹⁹⁵. Сельскохозяйственные забастовки «в связи со все возрастающей революционной пропагандой в городах», как доносил псковский губернатор, в июне 1906 г. были распространенным явлением в губернии¹⁹⁶.

В ходе борьбы укреплялся союз промышленных и сельскохо-

зяйственных рабочих. Данные свидетельствуют о том, что фабрично-заводские пролетарии приходили на помощь сельским рабочим и крестьянам и наоборот. Часты были забастовки крестьян, имевших дополнительные заработки на заводах и фабриках, расположенных в сельской местности (погрузочно-разгрузочные работы и т. п.). Так, значительная часть крестьянского населения Изборской вол. Псковского у. занималась возкой плитняка на алебастровые заводы. Когда администрация понизила плату, крестьяне забастовали. Подвоз плитняка, нужного заводам, прекратился. Заводчикам пришлось пойти на уступки¹⁹⁷. Подобные забастовки происходили осенью 1905 г. в районе Бондюжского лесохимического завода в Елабужском у., Белохолуницкого завода в Слободском у. и на лесопромышленных промыслах в Уржумском у. Крестьяне требовали повышения оплаты труда. Рабочие заводов оказывали им всяческую помощь¹⁹⁸.

Не остались в стороне и трудовые деревенские массы таких отдаленных от развитых центров районов, как, скажем, Якутия. Крупным революционным событием в истории Якутии стала забастовка с середины декабря 1905 г. до середины января 1906 г. чекурских крестьян-ямщиков. Она была проявлением не только открытого неповиновения властям, но и борьбы крестьян против подводной повинности как одной из форм их крепостнической эксплуатации. Примечательным в выступлении чекурских крестьян является тот факт, что они первыми в крае применили стачку, образовали комитет, предъявили коллективное требование царской администрации. В этом сказались результаты большой работы политических ссыльных¹⁹⁹.

В целом забастовочное движение в деревне в 1905—1907 гг. отличалось разнообразием форм и организации, уровнем классовой арелости сельскохозяйственных рабочих и крестьян того или иного района. В одной из последних книг А. В. Ушакова присутствует спорный, хотя далеко не новый тезис о том, что «наибольшим упорством и сплоченностью отличалась борьба *местных* (курсив наш. — Л. С.) сельских рабочих, которые в меньшей степени, чем пришлые пролетарии, зависели от постоянных заработков в экономиях и кулацких хозяйствах. Пришлые рабочие из-за крайне тяжелого материального положения, которое вынуждало их идти на заработки, не всегда соглашались на забастовку»²⁰⁰.

Однако весь документальный материал говорит о том, что ведущая роль того или иного отряда сельскохозяйственных рабочих во многом обуславливалась особенностями аграрного развития, сложным переплетением капиталистических и крепостнических форм эксплуатации в различных регионах страны. В западных и южных губерниях, например, основной контингент забастовщиков составляли пришлые безземельные пролетарии, в центре же основная масса стачечников состояла из бедноты, сочетавшей работу по найму с ведением собственного хозяйства и стремившейся прежде всего к укреплению своего хозяйства. Основная цель этих забастовщиков состояла в достижении меньшей арендной платы. Для этого и снимались у помещиков рабочие и велась

борьба с теми, кто соглашался работать на прежних условиях.

По данным А. В. Шестакова, стачками сельскохозяйственных рабочих в 1905—1907 гг. было охвачено 336 уездов Европейской России (включая Польшу), в них участвовало 1—2 млн человек²⁰¹. Однако точное число этих стачек в период революции и количество участников движения установить невозможно: их статистика не велась, материалы же департамента полиции дают лишь разрозненную картину событий. С. М. Дубровским по далеко не полным данным, взятым главным образом из материалов департамента полиции, было выявлено 723 выступления сельскохозяйственных рабочих, в основном стачек, и 474 случая снятия крестьянами рабочих и служащих и бойкота помещиков²⁰². Позднейшие подсчеты М. Н. Лещенко, например, только по Украине говорят о почти 3 тыс. сельскохозяйственных стачек²⁰³. Множество данных, подсчеты специалистов по отдельным районам свидетельствуют о широчайшем размахе стачечного движения на селе, о том, что в период революции стачки прочно вошли в практику борьбы сельского пролетариата и беднейшего крестьянства против помещиков и кулаков. Они были одной из массовых и организованных форм выступлений сельских тружеников, мобилизации и вовлечения их в борьбу против помещиков и самодержавия.

4

Крестьянство в наступлении

С времен крепостничества в борьбе со своими угнетателями крестьяне прибегали к таким наступательным захватно-разгромным формам, как потравы, порубки, захваты имущества, поджоги, разгромы и т. п. Такие насильственные действия против имущества или личности эксплуататора, прежде всего помещика, еще в середине XIX в., если не ранее, получили название «аграрный террор». Вопрос о его целесообразности как формы революционной борьбы поднимался в свое время землевольцами, чернопередельцами, народовольцами и членами других организаций.

В период первой российской революции среди народников нового времени — эсеров — в вопросе об «аграрном терроре» существовали различные точки зрения²⁰⁴. Одни считали его главным средством борьбы крестьянства с помещиками и правительством и присовокупляли сюда необходимость убийств (независимо от политических) и самих помещиков. Другие относились к «аграрному террору» отрицательно, считая, что он «грозит измельчением всему крестьянскому движению»²⁰⁵. В целом же эсеровский ЦК на страницах своих печатных органов, развивая вопрос о тактике партии в деревне, неоднократно указывал на то, что социалисты-революционеры для экономии своих сил должны направлять крестьян лишь на политические убийства, так как всевозможные потравы, порубки, поджоги («красный петух») и другие средства порчи помещичьего имущества и так составляют излюбленный прием борьбы крестьян против помещиков. Дискутируя годами

об отношении к поджогам, потравам, порубкам и тому подобным проявлениям «аграрного террора», эсеры, как отмечает В. Н. Гинев, «в конце концов проявили себя по отношению к крестьянству именно как педанты, культивировавшие в своей среде пренебрежительное отношение к этим формам движения», «занимая позицию сторонних наблюдателей в отношении так называемого аграрного террора, широко практикуемого крестьянами в борьбе с помещичьим землевладением»²⁰⁶.

Большевики считали, что крестьянство добьется своей цели не с помощью «аграрного террора», а путем всенародного вооруженного, возглавляемого рабочим классом восстания против самодержавия. Тактика большевиков по отношению к крестьянскому движению включала в себя энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, борьбу за создание союза рабочих и крестьян, организацию революционных крестьянских комитетов для осуществления революционным путем демократических требований вплоть до конфискации помещичьих земель.

На страницах своих газет и листовок большевики призывали крестьян не жечь и разорять помещичьи усадьбы (они бы пригодились освобожденному народу), а готовиться к вооруженной борьбе и вместе с рабочими организованно выступить против царского самодержавия. «Не надо без толку жечь и грабить имения, — писал Петербургский комитет. — Все надо делать обдуманно, и всем должны руководить ваши комитеты»²⁰⁷.

Забота о будущем звучит в листовках ЦК РСДРП: «Со временем леса и имения будут нашей собственностью, и поэтому мы во время настоящей борьбы не должны ни поджигать, ни разрушать, ни разбивать»²⁰⁸. Окружная организация Нижегородского объединенного комитета РСДРП писала: «Крестьянам нечего брать пример с подлого правительства и его хулиганов. Не нужно уничтожать усадьбы, скот и леса. Все это может пойти на нужды народа»²⁰⁹.

В листовке «К карталино-кахетинским крестьянам» Тифлисский комитет РСДРП предупреждал их: «Остерегайтесь также и тех, кто проповедует вам жечь дома, уничтожать имущество и рубить лес. Разве вы потому бедны, что существует лес, что построены дома? Совсем нет! Причина та, что это богатство принадлежит не вам, а другому; потому следует не уничтожать его, а возвратить народу, чтобы вами созданное богатство оставалось у вас же. Об этом вот и старается рабочая партия и предлагает вам союз»²¹⁰.

«В организованности — залог победы!» — вот один из основных лейтмотивов большевистских листовок, обращенных к крестьянству. «Организуйтесь, крестьяне! И когда придет время, дружно, всем крестьянским миром, вооруженными идите в города и бейтесь там вместе с рабочим народом за землю и свободу под Красным знаменем Российской социал-демократической рабочей партии», — призывала крестьян листовка Сумской организации РСДРП²¹¹.

Разъяснительная работа, проводимая большевиками, помогала крестьянам найти истинно революционный путь борьбы и подлинного руководителя в этой борьбе — партию большевиков. Но, призывая крестьян к уничтожению помещичьего землевладения, большевистская партия, конечно, не мыслила себе осуществления этого мероприятия мирным путем. В. И. Ленин следующим образом ставил вопрос о крестьянской расправе с помещиками, об уничтожении их имущества, усадеб и т. п.: «... говоря о форме движения, надо особо упомянуть и о крестьянской борьбе... Ясно... что целью восстания должно быть здесь не только полное разрушение или устранение всех и всяких местных властей, с заменой их новыми, народными властями (общая цель всякого восстания, все равно: в городах, в деревнях, в войсках и т. д.), — но также *изгнание помещиков и захват* помещичьих земель. Впредь до решения всенародного учредительного собрания крестьяне, несомненно, должны стремиться к *фактическому* уничтожению помещичьего землевладения. Об этом не приходится много говорить, потому что крестьянского восстания без расправы с помещиками и захвата земель никто не стал бы, наверное, и представлять себе. Понятно, что, чем сознательнее и организованнее будет это восстание, тем реже будут случаи истребления зданий, имущества, скота и т. п. С военной точки зрения для достижения известных военных целей уничтожение — напр., сожжение зданий, а иногда и имущества — есть мера вполне законная и обязательная в известных случаях. Только педанты (или изменники народу) могут особенно оплакивать то, что крестьяне прибегают всегда к таким средствам. Но незачем скрывать от себя, что иногда истребление имущества является лишь результатом неорганизованности, неумения *взять себе* и удержать за собою имущество врага вместо уничтожения его, — или результатом *слабости*, когда воюющий *мстит* врагу, не имея силы *уничтожить*, раздавить врага. Мы должны, конечно, в своей агитации всячески разъяснять крестьянам, с одной стороны — полную законность и необходимость *беспощадной* борьбы с врагом вплоть до истребления имущества, а с другой стороны — показывать, что от степени организованности зависит возможность гораздо более разумного и выгодного исхода: истребления врага (помещиков и чиновников, полиции особенно) и передачи всех и всяких имуществ во владение народа или во владение крестьян без всякой порчи (или с возможно меньшей порчей) имущества»²¹². Из этой обширной выдержки видно, что В. И. Ленин учил большевиков диалектически, гибко и реально подходить к фактам крестьянской борьбы²¹³.

Земельные захваты

Определяющую особенность социально-экономического и общественного строя в России начала XX в. составляло переплетение нарождающегося монополистического капитализма с многочислен-

ными пережитками крепостничества, полицейским произволом и деспотизмом самодержавия. Тормозящее влияние остатков крепостничества особенно сказывалось в сельскохозяйственном производстве. Экономической основой их сохранения здесь были прежде всего засилье дворянских латифундий и та система ведения помещичьих хозяйств, которая сложилась в результате грабительского характера крестьянской реформы 1861 г. Эта реформа, сохранив колоссальные владения помещиков, обезземелила основную массу крестьянства. 30 тыс. помещиков Европейской России принадлежало почти столько же земли, сколько 10,5 млн беднейших крестьян. В среднем на одно помещичье имение приходилось свыше 2300 дес., а на крестьянский двор — 7 дес.²¹⁴. В связи с ростом населения размер надела на мужскую душу уменьшился с 4,8 дес. в 1861 г. до 2,6 дес. в 1905 г. Крестьянское землевладение в начале XX в. характеризовалось худшим, чем у помещиков, качеством земель, голодной земельной нормой, чересполосицей, дальнеземельем, почти полным отсутствием леса, нехваткой лугов и пастбищ, неравномерностью наделения и т. п. К тому же при размежевании земель помещики отрезали в свою пользу уголья, которыми ранее пользовались крестьяне. «Отрезки» и искусственно созданная чересполосица обрекали деревню на зависимость от помещиков, которые широко использовали переходную, так называемую отработочную, систему ведения хозяйства. Страдавшие от малоземелья крестьяне вынуждены были работать в помещичьих имениях за плату (деньги, натурой, в счет аренды земли и т. п.), но своим инвентарем. Это позволяло владельцам вести хозяйство, практически не вкладывая в него своих капиталов, не обзаводя даже собственным сельскохозяйственным инвентарем. Окруженные массой мелких, задавленных выкупными платежами и налогами крестьянских хозяйств, дворянские латифундии продолжали оставаться средоточием ростовщически-кабальных форм эксплуатации нищавшего крестьянства²¹⁵. Система отработков, остатки барщинного хозяйства, вздутые ростовщические цены на землю фактически сохраняли крепостнические отношения между землевладельцами и крестьянами. Для упразднения отработок и кабалы в деревне, писал В. И. Ленин, «для уничтожения этой язвы на теле русского народа есть только одно средство: *уничтожение помещичьей земельной собственности...*»²¹⁶.

«Крестьянину нужна земля, и его революционное чувство, его инстинктивный, первобытный демократизм *не может* выразиться иначе, как в наложении руки на помещичью землю», — утверждал В. И. Ленин в 1905 г., накануне III съезда РСДРП²¹⁷. Этот съезд вынес решение оказывать самую энергичную поддержку всем революционным мероприятиям крестьянства, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель, т. е. всех земель нетрудового владения²¹⁸.

Большевики писали в своих листовках: «Крестьяне, вам должна принадлежать не только вся власть в волости, но и вся земля.

Требуйте земли и воли. Берите ее. Для этого выбирайте свои крестьянские комитеты. Пусть они рассмотрят этот вопрос, пусть они распорядятся всеми пахотными и луговыми землями так, как вам это выгоднее и лучше»²¹⁹. «Землю теперь же нужно захватывать у помещиков и казны. Пусть, когда соберется Учредительное собрание, земли уже будут у крестьян и Учредительному собранию останется только узаконить произведенный захват»²²⁰. Такая постановка со всей определенностью указывала на то революционно-политическое значение, которое имело организованное проведение захватов земли.

Деятельность партийных организаций в деревне не всегда проходила без ошибок²²¹. Некоторые партийные организации не поняли резолюции III съезда об отношении к крестьянскому движению. Об этом говорит тот факт, что после съезда в редакцию «Пролетария» поступали письма, авторы которых просили разъяснить эту резолюцию. В частности, московский окружной организатор А. В. Шестаков просил ответить: может ли социал-демократ поддерживать экспроприацию тех помещичьих земель, на которых ведется высоко интенсивное и культурное хозяйство? По мнению автора письма, переход таких земель в руки мелкобуржуазных собственников был бы шагом назад в смысле капиталистического развития данного хозяйства. Поэтому он предлагал внести к этому пункту резолюции следующую оговорку: «... если экспроприация этих земель в крестьянскую (мелкобуржуазную) собственность будет высшей формой развития данного хозяйства на данных землях».

Отвечая на этот вопрос, В. И. Ленин в статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» разъяснял партийным работникам, что такая оговорка произвольно сузила бы смысл резолюции III съезда РСДРП. Ведь в резолюции ни слова не говорится о том, что партия пролетариата обязывается поддерживать переход земель именно в руки мелкобуржуазных собственников. Резолюция говорит лишь о том, что мы поддерживаем крестьянство «вплоть до конфискации», т. е. вплоть до отнятия без вознаграждения, но вопрос о том, кому отдать землю, резолюция не решает. И это не случайно. В условиях развернувшейся революции центр тяжести для пролетарской партии состоял не в прожектах «черного передела» или национализации, а в революционно-демократической стороне крестьянского движения и в особой организации сельского пролетариата. Надо было прежде всего разрушить старый полукрепостнический строй, а уже потом в зависимости от конкретной обстановки и соотношения классовых сил решать вопрос о земле. «Мы стоим за конфискацию, мы уже заявили это. Но кому посоветуем мы отдать конфискованные земли? Тут мы не связали себе рук и никогда не свяжем заявлениями вроде тех, которые неосторожно предлагает автор письма. Автор забыл, что в той же резолюции III съезда говорится об „очищении революционно-демократического содержания крестьянского движения от всяких реакционных примесей“, это раз, а второе: о необходимости „во всех случаях и при всех

обстоятельствах самостоятельной организации сельского пролетариата“. Вот наши директивы... ибо от революции демократической мы сейчас же начнем переходить... к социалистической революции»²²².

Сразу после IV съезда, в мае 1906 г., в брошюре «Доклад об объединительном съезде РСДРП» В. И. Ленин, анализируя итоги съездовской дискуссии по аграрному вопросу, отметил справедливую критику делегатом Борисовым («разделистом») формулировки второго пункта проекта аграрной программы, где речь шла о праве крестьянских комитетов распоряжаться конфискованными помещичьими землями. Борисов предложил слово «конфискованными» заменить словом «захваченными»²²³. В. И. Ленин согласился с ним и, развивая свой проект аграрной программы, обосновал необходимость выдвижения большевиками лозунга немедленного захвата крестьянскими комитетами помещичьих земель с тем, чтобы эти же комитеты распорядились землями вплоть до законодательного решения Учредительного собрания²²⁴. «Без этого лозунга, — подчеркивал В. И. Ленин, — у нас будет программа кадетской или полукadetской аграрной реформы, а не крестьянской революции»²²⁵. Большевицкий лозунг немедленного организованного захвата помещичьих земель имел принципиальное значение в период буржуазно-демократической революции в России.

Самочинный захват крестьянами помещичьих, удельных, казенных и монастырских земель начался уже весной 1905 г., с наступлением полевых работ. Массовые потравы помещичьих лугов и полей исключительно сильны были летом 1905—1906 гг. в районах, пораженных засухой. Падал от бескормицы скот. Погибали от голода люди. Поэтому неудивительно, что в годы революции самовольные потравы и покосы, имевшие место и до нее, получили особенно большое распространение и стали для деревни обычным явлением.

В апреле 1905 г. крестьяне с. Стреличева Речицкого у. Минской губ. по решению общего собрания отобрали у помещика сенокосные луга. Для подавления волнения в Стреличево 25 мая прибыли земский начальник и уездный исправник в сопровождении полиции и роты солдат. Они хотели арестовать зачинщиков. Но крестьяне заявили: «Не дадим арестовывать, бери всех». Причем «крестьяне взялись друг за друга руками и образовали стену». Полицейским не удалось разорвать ее. Вперед выступили солдаты. Когда они дали предупредительный выстрел, большая часть крестьян упала на колени с криком «Бейте нас, стреляйте». Исправнику пришлось приказать прекратить всякие действия против крестьян²²⁶.

В Воронежской губ. крестьяне с. Мастюгина Коротоякского у. в конце марта 1905 г. постановили приговор о разделе 420 дес. земли соседних помещиков. Они размежевали ее невзирая на увещания волостного старшины, чинов полиции и земского начальника. 6 апреля 800 человек, вооруженных кольями и вилами,

вспахали часть захваченной земли. Были вызваны войска, и выехал губернатор. Но мастюгинцы «заявили 20 апреля полиции, что не допустят, даже ценою жизни, бывших владельцев к осуществлению их прав»²²⁷.

Прокурор Кишиневского окружного суда 1 апреля 1905 г. сообщал прокурору Одесской судебной палаты, что крестьяне с. Погорничены Оргеевского у. самовольно обрабатывают 300 дес. земли помещика Назарова, «считая их якобы своими»²²⁸. Крестьяне ряда сел того же уезда летом 1905 г. отмежевали по 700 дес. и более помещичьих земель²²⁹.

В с. Медведовка Стародубского у. Черниговской губ. 12 апреля 1905 г. крестьяне всем селом выехали в поле и засеяли 18 дес., принадлежащих местной помещице. Через некоторое время экономия под охраной войск перепахала это поле и посеяла заново. Однако крестьяне во время уборки урожая скосили хлеба и, кроме того, забрали помещичью рожь на площади 33 дес. В село приехал губернатор, собрал сельский сход и арестовал шесть крестьян. «Такое распоряжение вызвало волнение в толпе, которая, бросившись к арестованным, смешалась с ними, а в селе начался набатный звон». Но силы были неравны, 79 крестьян были арестованы²³⁰.

Крестьяне с. Жилинки Бузулукского у. Самарской губ. весной 1905 г. сговорились «всем обществом» завладеть землей соседнего владельца «и даже составили распределение ее по наличным душам по 5 дес. на 400 душ»²³¹. Однако прибытие вице-губернатора и казачьих сотен не позволило крестьянам привести задуманный план в действие.

40 лет тянулась судебная тяжба между крестьянами д. Печки Псковского у. и баронессой М. Н. Бюнтинг из-за участка земли, равного 170 дес., на который крестьяне, бывшие государственные, предъявили претензии как на свою собственность. Не добившись положительного решения мирным путем, в апреле 1905 г. крестьяне захватили эту землю, и «ни арендатор, ни лесник, ни работники имения не решались не только им противоречить, но даже и показываться на соседнем с крестьянскими участками»²³². В мае 1905 г. 10 дес. помещичьей земли отобрали крестьяне д. Пакалово Великолукского у. Псковской губ.²³³ В Псковской губ. наряду с самовольными покосами и потравами была довольно развита и такая форма движения, как угон помещичьего скота.

К числу первых и наиболее массовых выступлений крестьян Смоленской губ. весной 1905 г. относится захват земель графа Уварова крестьянами Бельского у. Пристав, объезжавший «взбунтовавшиеся селения» с целью уговорить крестьян, сообщал, что некоторые из них высказались: «...если их, крестьян, за это посадят, то будет бунт и они пойдут громить усадьбу графа Уварова, что в Петербурге народ бунтуется и не смотрит на то, что в него стреляют и убивают»²³⁴. Пример рабочих воодушевлял крестьян, которые учились у них стойкости и упорству в борьбе.

В апреле 1905 г. крестьянский центр при Темир-хан-Шуриной группе РСДРП организовал захват земель местных помещиков-беков близ Петровска. В нем участвовало более 2 тыс. жителей селения Тарки и Атлыбоюк, вооруженных огнестрельным и холодным оружием. Власти подняли сотню Дагестанского конного полка. Крестьянский центр выпустил прокламации о действиях алтыбоюнцев и таркинцев. Их мужественная борьба произвела большое впечатление на дагестанское крестьянство. Начался массовый поджог скирд и разгромы домов беков. Напуганные волнениями крестьян, учитывая их нарастание, власти вынуждены были уступить спорный участок крестьянам²³⁵.

В Северной Осетии крестьяне сел. Алагир в мае 1905 г. захватили казенные земли, арендуемые горнопромышленным обществом «Алагир». Упорный характер носила борьба крестьян с. Разбун против помещика Туганова, землями которого они стали распоряжаться с весны 1905 г. Только в июле 1905 г., как сообщалось в донесении начальника Владикавказского округа, «самоуправство» крестьян было прекращено с помощью казаков²³⁶.

Весной и летом 1905 г. в Тамбовской губ. крестьянское движение выразилось в потравах помещичьих земель, увозе ржи и сена с полей землевладельцев. 12 июля крестьяне ряда деревень Арбеньевской вол. Кирсановского у. (около 500 человек) взяли себе почти 10 тыс. копен ржи и 4 стога сена с полей землевладельцев Петрова-Солового и графини Шаховской. Подводы с хлебом были отвезены «на крестьянские дворы под охраной крестьян же, сопровождавших их на лошадях верхом. При этом большинство крестьян было вооружено вилами, а некоторые — ружьями и револьверами»²³⁷.

В летние месяцы 1905 г. движение по захвату крестьянами помещичьих полей и лугов распространилось в Черниговской губ. Крестьяне местечка Любеча Городянского у. завладели лугом графа Милорадовича, а крестьяне с. Творшина Суражского у. — дугами и полями местных помещиков и увезли с них урожай. Крестьяне с. Казаричи того же уезда, считая 49 дес. земли местной помещицы своими, прогнали косцов, присланных арендатором этого участка²³⁸. Крестьяне слободы Прелестной Изюмского у., остановив на сходе отобрать у помещика Бантыша 1030 дес. земли, 23 ноября вышли в поле и отмежевали ее себе²³⁹. Осенью 1905 г. в Черниговской губ. были случаи, когда крестьяне снимали служащих в помещичьих хозяйствах и забирали управление ими в свои руки, назначая администрацию из своей среды. Таких случаев было немного, но они представляют большой интерес как первые попытки конфискации помещичьих имений. Они произошли в с. Локнистом Черниговского у., в с. Бегача Городянского у. (а также в ряде сел Саратовского у. Саратовской губ.)²⁴⁰.

В сентябре 1905 г. жители пос. Гордиевского Хоперского округа потребовали от помещика Авилова добровольного отказа от земли «на том основании, что помещичья земля, по убеждению их, принадлежит им, крестьянам». Встретив сопротивление, они

разделили помещичью землю между собой и приступили к ее распашке, пустили свой скот на помещичьи выгоны. Приехавшему для усмирения помощнику окружного атамана заявили: «...земли у нас мало, потому что помещик захватил крестьянскую землю себе. Уставную грамоту крестьяне подписывали из-под палки, боем можно заставить все подписать... Мы начали ее пахать и будем пахать, сеять и убирать чтобы там ни было: нам все равно приходится пропадать от нужды»²⁴¹. В пос. Скелеватовском крестьяне самовольно запахали землю, принадлежащую заводчику Пастухову, и снимали с нее урожай в 1905—1906 гг.²⁴²

Подчас сельчане предварительно составляли приговоры обществ о присоединении определенных участков земли к своим наделным землям и лишь после этого приступали к ее захвату и разделу. В представлении прокурора Херсонского окружного суда в министерство юстиции приводился такой факт: «В некоторых местах Днепровского у. крестьяне до такой степени были уверены, что, земля от помещиков будет отобрана и передана им, крестьянам, что например, 2 декабря состоялся приговор Каирского сельского схода о разделении земли помещика Агаркова в количестве 5000 дес. между крестьянами, после чего 14 декабря крестьяне выехали на место и разделили эту землю между собой»²⁴³.

С осени 1905 г. крестьяне горнозаводских и государственных волостей Нерчинского округа на сельских и волостных сходах начали принимать постановления о ликвидации кабинетских имений в упразднении их администрации, а также о переходе лесов и земель в распоряжение общин. К крестьянам присоединились и забайкальские казаки²⁴⁴. Крестьяне-тунгусы Урульгинской вол. Читинского у. в декабре 1905 г. от имени трех сельских обществ вынесли приговор о том, что с этого времени все свои земли и леса, захваченные несколько лет назад Кабинетом, берут под свой надзор²⁴⁵.

По данным К. Я. Найкшина, в одной Самарской губ. — районе массовых крестьянских восстаний — организованный захват земли и леса был осуществлен в 106 помещичьих имениях²⁴⁶. В Саратовской губ. летом 1905 г. копыны увозили с полей помещиков целыми селами, в каждом из которых была инициативная группа²⁴⁷.

Характерно, что «ловушки» для крестьян в виде «отрезков», созданные в 1861 г., теперь оказывались страшными для самих помещиков. Помещица Кавелина из Козельского у. Калужской губ. в ноябре 1905 г. писала в Петербург, что она «...окружена» крестьянской землей. Ей хотелось бы сосредоточить свою землю в одном месте, поближе к усадьбе, а крестьянскую — в другом, подальше. Она даже готова была бы, несмотря на малое количество земли (200 дес.), отдать в пользу крестьян несколько десятин»²⁴⁸.

В 1906 г. крестьяне осуществляли захват и запашку помещичьих и казенных земель даже чаще, чем в 1905 г. Эти выступления отличались массовостью и нередко приводили к вооруженным столкновениям с полицией и войсками. Обычно они начинались по приговору сельского схода. Крестьяне либо выносили постанов-

ление разделить и запахать землю помещика, либо, считая ее своей, объявляли арендуемый участок собственностью общества. Наступательный характер борьбы за землю иногда проявлялся в скрытых формах, одной из которых было использование крестьянами неопределенности и спорности границ с частными владельцами.

В с. Ясеновом Лебединского у. Харьковской губ. крестьяне, вооруженные дубинами, 23 мая 1906 г., прогнав местную стражу, начали раздел земли княгини Юсуповой. Присланный отряд казаков не мог справиться с толпой и вернулся обратно. Прибывший затем эскадрон только к вечеру 25 мая сломил сопротивление крестьян²⁴⁹.

Попытки крестьян в 1906 г., еще до роспуска I Государственной думы, осуществить захват и раздел помещичьей земли свидетельствовали о том, что под воздействием революционной агитации часть крестьян постепенно освобождалась из-под влияния либеральной буржуазии, убеждавшей их ждать решения Думы о земле.

В мае 1906 г. крестьяне с. Дубровина Рязанского у. «всей деревней запахали и засеяли помещичьи земли... и на сельском сходе заявили, что землю они считают своей»²⁵⁰.

Воронежские помещики летом 1906 г. местами сами «стали жечь и травить свою рожь, — сообщала газета „Мысль“ (1906. 1 (14) июля). — „Все равно пропадает, так уж пусть им не достанется“, — говорили они, полные ненависти к этим „им“, веками угнетаемым и эксплуатируемым ими же самими и их предками».

В 1906 г. крестьяне Саратовской губ. осуществляли захват и запашку помещичьих земель в четырех имениях Аткарского у., в шести — Балашовского и в тринадцати — Саратовского, Камышинского, Царицынского и Вольского уездов²⁵¹.

В Новгородской губ. в августе 1906 г. крестьянами деревень Пятница, Мокровица и Покровская Боровичского у. «соседняя помещичья земля с лесом была разделена между крестьянами полосами»²⁵².

4 августа 1906 г. помещики Даниловской и Ореховской волостей Области Войска Донского послали министру внутренних дел телеграмму, в которой говорилось, что крестьяне «землю делят, сеять, пахать не дают. Просим распоряжения о принятии мер»²⁵³.

Продолжались подобные действия крестьян и в первой половине 1907 г. Так, 31 мая 1907 г. помещик Мазаев телеграфировал начальнику Кубанской обл.: «Жители села... захватили мой участок, выкосили траву сто пятьдесят (десятин). Выезжают по сто и более подвод с оружием в руках»²⁵⁴.

Являясь одним из активных и наступательных видов крестьянской борьбы, захват земли был непосредственно направлен против дворянского землевладения — главной опоры самодержавного строя. «Захватные» столкновения первоначально, как правило, возникали из-за участков земли (в основном «отрезков»), на которые крестьяне претендовали «на законном основании», считая их «своими», неправильно отобранными во время проведения реформы 1861 г. Обращаясь за содействием к властям и не находя

у них поддержки, потеряв надежду на то, что земля будет дана сверху, крестьяне прибегали к силе, самочинно захватывая земли. Чаще всего это были земли, которые они арендовали у помещиков или казны. При этом обычно ссылались на давность пользования тем или иным участком, на право «выслуги». С развитием революции крестьяне начинают уже «разверстывать» — в планах и на деле — и собственно помещичьи (казенные и другие) земли, пахотные и разные угодья. Объясняли они свои действия одним соображением: «Все равно земля наша»²⁵⁵. И, как высказался на волостном сходе в феврале 1906 г. один из крестьян д. Заборье Подольского у., «мы добьемся того, что земля, находящаяся во владении помещиков, перейдет во владение крестьян»²⁵⁶. Захват земли казался простым и надежным средством. По представлению крестьян, он впоследствии должен был быть санкционирован Думой или каким-либо другим представительным учреждением.

Захваты земель, потравы и покосы по своему хозяйственному значению для крестьян и по убыткам для владельцев были иногда не менее значительными, нежели, например, частичные разгромы имений. Иногда их размеры были весьма внушительны. Но главное их значение, особенно захватов земли (практически конфискации), организованных в ряде мест крестьянскими комитетами, заключалось в том, что они объединяли революционные сельские элементы, углубляли и расширяли классовую борьбу в деревне. Как отметил П. Н. Першин, «повсеместные в массовом масштабе захваты становятся одним из решающих факторов победы демократической революции и потому предreshают ту правовую санкцию конфискации земель, которую должен оформить высший законодательный орган, если он правильно отражает волю избравшего его народа»²⁵⁷. Закономерно, что в 1917 г. в процессе подготовки Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин, партия большевиков, учитывая исторический опыт революции 1905—1907 гг., призывали крестьян к немедленному организованному захвату помещичьих земель в целях конфискации и национализации.

Борьба за лес

Видное место в крестьянском движении занимала борьба за лес. Леса и лесные угодья в царской России находились в монопольном владении помещиков, а также лично Романовых (удельные леса) и казны²⁵⁸. Отобрав лесные угодья у крестьян после реформы 1861 г., помещики эффективно использовали свое монополистическое положение владельцев для эксплуатации окрестных крестьян как прежним, феодальным способом (сдача в аренду расположенных в лесах пашен и лугов, мест рыбной ловли в реках и озерах, плата за право выпаса скота, сбора хвороста, мха, ягод и т. д.), так и капиталистическим (наим крестьян для ведения лесного хозяйства, заготовки леса и изделий из

него — строевого теса, шпал, дров и т. д.). Помещики самым хищническим образом истребляли лес, вырубали его и сбывали в безлесные губернии России, в крупные города и за границу.

Площадь немногочисленных крестьянских лесов часто наполовину, если не больше, распаивалась. К тому же она заполнялась, как правило, малоценными породами деревьев, а строевой лес в их наделах встречался крайне редко. Между тем древесина была необходима для изготовления орудий труда и предметов обихода, строительства жилья и хозяйственных помещений, их ремонта и отопления, крестьянских промыслов.

«Лесной голод» доводил крестьян до отчаяния. «Кругом в лесу, — жаловались мужики, — а дров нет». Крестьяне Нагишевско-Орловской вол. Епифанского у. Тульской губ. «снимали крыши с амбаров, сараев, отпиливали углы изб на дрова, в чем пристав при дознании лично убедился, пройдя по дворам»²⁵⁹.

Острая нужда в лесе, тяжесть поборов, взимаемых с крестьян за пользование им, усугублялись злоупотреблениями лесной администрации (во многих местах, используя острую нужду населения в лесе, лесная стража — объездчики и лесники, пользуясь бесконтрольностью и безнаказанностью, облагали крестьян особыми денежными сборами в свою пользу). Все это вызывало резкое недовольство крестьян, порождало острые конфликты. Начавшаяся в стране революция послужила сильнейшим толчком для развертывания борьбы крестьян за лес и его богатства. Она выражалась в самовольных порубках крестьянами казенных и частных лесов.

Самовольные порубки были распространены и до революции. Но в период революции они, как свидетельствуют документы, стали массовыми, открытыми, упорными и представляли собой довольно активную форму крестьянского движения, так как нередко борьба за лес перерастала в борьбу против представителей местных властей. Крестьяне действовали более согласованно, часто целыми деревнями, предварительно обговорив свои действия на сходах. Во многих местах порубки прекращались только силой больших отрядов полиции или воинских команд.

Многочисленные официальные документы свидетельствуют о массовой порубке лесов по всей стране с самого начала революции.

С марта 1905 г. крестьяне Витебской губ. стали производить «опустошительные рубки помещичьих лесов, оказывая при этом вооруженное сопротивление лесной страже, чинам местной полиции и даже военным командам, вызванным для содействия гражданским чинам»²⁶⁰. 21 апреля 1905 г. произошло вооруженное столкновение крестьян Бельского у. Смоленской губ. с полицией при попытке последней отобрать у крестьян срубленный лес, причем, по донесению пристава, этот факт «совершен крестьянами на почве политического брожения»²⁶¹.

Когда в феврале 1905 г. начались порубки помещичьих лесов в Курской губ., власти сразу же усмотрели, что это была «уже не

простая кража леса и не сопротивление пьяных полиции, а нечто более серьезное, с чем нельзя было бороться. . . местными силами». 12 февраля, например, в них участвовали крестьяне двух сел, Сальное и Холзовка, на 65 подводах, оказавшие активное сопротивление полиции²⁶². Летом 1905 г. в Курской губ. порубки леса имели, по выражению обоянского уездного исправника, характер «массовый в смысле общей инициативы и организованной защиты от преследования со стороны власти»²⁶³.

Самарский губернатор в донесении от 21 июня 1905 г. министру внутренних дел о крестьянском движении весной 1905 г. в губернии отмечал, что 40 замеченных случаев проявления самоуправства крестьян по отношению к чужим землевладениям выражались чаще всего в самовольном выгоне для пастьбы скота, выкашивании травы и в порубках. Отмечая, что «подобные явления бывали и в прежние годы», он вскрывал разницу в их характере: «. . . тогда они были единичными и сопровождались большой скрытностью, в настоящее же время самоуправства совершаются открыто, число участников в них много больше и держат они себя вызывающе. . .»²⁶⁴

В одном только Новосильском у. Тульской губ. осенью 1905 г. порубки шли в 63 имениях²⁶⁵.

Сильным было порубочное движение в северных губерниях — Архангельской, Вологодской и Олонецкой. Только за первые два года революции и только в одной Вологодской губ. за самовольные порубки леса было возбуждено 27 458 дел и привлечено к ответственности более 16,5 тыс. человек²⁶⁶. Когда в октябре 1906 г. пристав 3-го стана Шенкурского у. заявил крестьянам-порубщикам, что «если будете самовольно рубить удельный лес, то будет прислано войско», крестьяне ответили: «И пусть присылает. Мы не боимся, всех не перестреляют»²⁶⁷.

«Самовольно и совершенно открыто» рубили «леса частновладельческие и казенные» крестьяне ряда деревень Новгородской губ.²⁶⁸, поволжских губерний²⁶⁹.

Осенью 1905 г. массовые порубки производились в ряде уездов Костромской губ. Только в дачах княгини Гагариной, расположенных в Ветлужском у., «был вырублен лес на протяжении 60 верст в количестве 40 000 дерев на сумму 34 000 руб.». Сами власти признавали, что надо принять «во внимание бедственное положение крестьян, не имевших собственного леса и поставленных в необходимость покупать таковой в имении княгини Гагариной, где в последнее время дрова сильно вздорожали, а строевой лес, за редким исключением, и вовсе не отпускался»²⁷⁰.

Уральские власти сетовали, что «привлекать к ответственности порубщиков. . . не представляется возможным по обширности района, охваченного порубками, а равно по отсутствию лесной стражи, запуганной и скрывающейся»²⁷¹.

Карательные экспедиции и другие репрессии царской администрации не могли ликвидировать эту форму борьбы крестьян. 12 июня 1906 г. проходила самовольная порубка леса в имении

землевладельца Хвоцинского (Пензенская губ.). Были высланы конные стражники, которым крестьяне оказали вооруженное сопротивление, «для чего последними заранее были заготовлены и спрятаны в одном месте колья, палки и косы»²⁷².

На Алтае крестьянская борьба вылилась в основном в форму массовых самовольных порубок леса, который почти целиком принадлежал Кабинету. Были и земельные захваты, отказ от повинностей и пр. Но в силу меньшей здесь остроты земельного вопроса они были почти незаметны на фоне грандиозных «лесных беспорядков». Докладывая 16 октября 1906 г. о причинах волнений крестьян Бийского у., управляющий Бийским имением отметил как общие («политическое возбуждение того времени, охватившее и крестьянскую массу. . . влияние прокламаций и возвращение на родину дезорганизованной массы запасных нижних чинов»), так и частные. Основной контингент солдат, призванных в армию во время русско-японской войны, составляли, как известно, сибиряки. Их демобилизация пришлось как раз на месяцы высшего подъема революции. Запасным солдатам при увольнении их из армии было обещано, что дома им будет отпущено достаточное количество леса для ремонта их жилищ, не ремонтировавшихся в течение двух лет, и для других нужд. Но этого на местах сделано не было. И запасные возглавили порубочное движение в Алтайском округе. Во многих случаях крестьяне соседних деревень выступали одновременно. Они выезжали в лес на подводах («. . . количество ежедневных подвод исчисляется тысячами», — сообщал 19 декабря 1906 г. начальник Алтайского округа²⁷³), вступая в открытую борьбу с лесными объезчиками и местной администрацией, применяя для этого и огнестрельное оружие. В самовольных порубках, охвативших сотни сел, участвовали как русские крестьяне, так и местное население. Только в течение зимы 1905/06 г. в Барнаульском, Бийском, Змеиногорском, Локтевском, Озерском, Павловском, Сузунском, Томском и Чулымском имениях было вырублено 740 975 деревьев стоимостью 153 482 руб. (по несколько заниженным подсчетам студентов Лесного института). В 1907 г. в судебных учреждениях Алтая состояло в производстве 85 546 «порубочных» дел на сумму 864 321 руб.²⁷⁴

По сообщению Тобольского ГЖУ, «лесная стража прекратить эти порубки не в силах»²⁷⁵. Массовые порубки кабинетского и казенного леса составили 21 % всех выступлений сибирского крестьянства за годы революции²⁷⁶.

В Вятской губ. число «нарушений» лесного устава в 1906 г. составило 26 987 случаев. Почти 27 тыс. крестьян было привлечено к суду. Когда же администрация пыталась принимать меры к изъятию у крестьян вырубленного леса, она неизменно встречала упорное сопротивление²⁷⁷.

Массовую «самовольную» порубку лесов производило национальное крестьянство Туркестана. Оно отказывалось платить сборы за пользование лесом и расправлялось с чинами лесного ведомства (лесниками, лесобъезчиками, лесной стражей). На Се-

верном Кавказе, где почти все леса принадлежали казне, порубочное движение было направлено против захватнической политики царизма и носило практически антиправительственный характер. Оно имело место главным образом в богатых лесом предгорных и горных районах.

Стучали крестьянские топоры в годы революции в барских лесах и усадьбах губерний Центральной России, Украины, Белоруссии, Бессарабии, Прибалтики, Туркестана. Причем часто крестьяне рубили лес «с оружием в руках»²⁷⁸. Вместе с тем они беспокоились и о сохранении лесных богатств. В требованиях к царским учреждениям, наказах депутатам Государственной думы, приговорах волостных сходов предлагалось запретить помещикам и государству разбазаривать лесные богатства. Крестьяне брали под контроль эксплуатацию леса, не допускали нерациональных порубок, хищнического истребления леса, к чему часто прибегали помещики, напуганные революцией. Крестьяне запрещали помещикам пользоваться лесом, мотивируя это тем, что леса «принадлежат» (или должны принадлежать) народу²⁷⁹.

19 ноября 1905 г. крестьяне Софьинского сельского общества Дунианской вол. Великолукского у. Псковской губ., собравшись в волостном правлении на сход, вынесли приговор о воспрещении местной помещице рубить лес в принадлежащей ей лесной даче впредь до разрешения Государственной думой вопроса о прибавке крестьянам земли, предупредив, что в случае если она приступит к рубке леса, то они, крестьяне, силой заставят прекратить ее, а усадьбу сожгут. Примеру последних последовали крестьяне соседних волостей²⁸⁰.

Большую сознательность проявили крестьяне Старо-Буянской вол. Самарского у. во время своего восстания осенью 1905 г. На собрании 26 октября они подняли вопрос о том, «что этот доставшийся теперь им лес не нужно вырубать хищническим образом, а нужно экономно пользоваться им только для своих нужд: „А если мы сейчас будем его рубить без толку — кто себе, а кто и на продажу, — говорили сами крестьяне, — то детям нашим ничего из него не останется, да еще, пожалуй, и самим-то не хватит“»²⁸¹. Лесную стражу они отстранили, а на ее место выделили охрану от самого общества.

В Прибалтике осенью 1905 г. крестьяне выносили решения о контроле за баронскими лесами, об установлении в них своих порядков. Избирались специальные лесные комитеты, которые должны были заниматься продажей леса и выдачей покупателям квитанций, по которым можно было бы получать купленный лесной материал (на него, в свою очередь, устанавливалась определенная такса).

Порубка леса — одна из распространенных форм стихийного протеста крестьян против частной собственности. В них находила свое яркое выражение ненависть крестьян к тяжелому социальному гнету. Потери помещиков, казны, удела, церкви, причиняемые порубками, были очень велики, тем более что восстановление

леса (одного из источников их богатств) требует значительного времени. Поэтому в отдельных случаях владельцы леса, чтобы «прекратить беспорядки», вынуждены были идти на уступки, например продавать лес крестьянам на льготных условиях. Следует также отметить, что в ряде мест под влиянием революционной пропаганды на смену стихийным порубкам леса приходила защита леса как общенародного имущества. Крестьяне проявляли при охране и использовании леса революционную инициативу и сознательность.

Борьба за хлеб

Одной из форм борьбы, которую РСДРП рекомендовала крестьянам, являлась конфискация (захват) «в целях борьбы с голодом» «запасов хлеба и других жизненных припасов у казны, монастырей и частных владельцев»²⁸².

В России за 16 лет, с 1883 по 1898 г., 9 раз были неурожайные годы. Им сопутствовали голод и эпидемии, оканчивавшиеся, как правило, катастрофическим увеличением смертности в сельской местности. Неурожай и голод 1901 г. охватили почти 20 губерний с 27 млн населения в пострадавших уездах. Все это обостряло нужды и бедствия крестьянства.

В 1905 г. неурожай был в 150 уездах 25 губерний (в основном Центрального района — с наибольшими остатками крепостничества, господством латифундиального дворянства). Здесь не собрали и половины урожая предшествующих лет. При обследовании положения крестьян 64 деревень Тетюшского у. Казанской губ. было выяснено, что «среди крестьян полное разорение; хаты их пусты; все, что было в доме, продано, крыши раскрыты, дворы не загорожены, амбары и гумны пусты, скот распродан. В настоящем году ничего не уродилось — ни хлеба, ни трав; нет ни одежды, ни обуви. Толпы женщин и детей наполняют леса, где собирают желуди, которые перемалывают, и пекут из них лепешки»²⁸³.

В 1906 г. неурожай был еще большим (причем в тех же центральных и поволжских губерниях).

В связи с этим самостоятельное значение имели распространенные в период революции захваты крестьянами продовольствия и фуража.

В Рязанской губ. они начались с разгрома 12 мая 1905 г. хутора купца Никитина в Ранненбургском у. и конфискации большого количества хлеба крестьянами двух бедных и голодных деревень — Братовки и Соловых²⁸⁴.

На Украине летом 1905 г. привилась такая форма борьбы крестьян, как увоз с поля помещичьего хлеба, так сказать, на корню.

Это явление было широко распространено, например, в Черниговской губ. Крестьяне с. Творишина Суражского у. 29 августа 1905 г. собрали для себя с помещичьего поля 18 копен гречи, 16 копен овса, оказав при этом сопротивление полиции.

В с. Куршанович Новозыбковского у. эти акты приняли настолько массовый характер, что сюда были посланы карательные отряды²⁸⁵.

Крестьяне Саратовской губ. забирали не только помещичий хлеб, но и государственный. По сообщению прокурора Саратовского окружного суда, в ночь с 14 на 15 июля 1905 г. крестьяне Аткарского у. захватили на ст. Лопуховка 4 вагона овса, принадлежавшего интендантству. Губернатор выслал в район казаков²⁸⁶. В октябре 1905 г. беднотой этого же уезда в районе станций Жерновка и Лопуховка Рязано-Уральской железной дороги было разобрано 20 товарных вагонов и увезено до 20 тыс. пудов ржи, а в районе ст. Березовка с помощью рабочих, которые приехали туда на специальном делегатском поезде, изъято из вагонов и складов до 9 тыс. пудов хлеба, предназначенного для отправки по торговым сделкам помещиков²⁸⁷.

Крестьяне с. Натальина Самарского у. 8 ноября 1905 г. составили приговор о ходатайстве перед графом Орловым-Давыдовым о выдаче им ссуды на продовольствие. Не дождавшись ответа помещика, они 10 ноября направились в усадьбу и захватили 14 585 пудов пшеницы²⁸⁸. В хуторе помещицы Докучаевой крестьяне Николаевского у. в том же месяце реквизировали почти 50 тыс. пудов хлеба²⁸⁹.

23 ноября 1905 г. жители с. Сомова Карачевского у. Орловской губ. отобрали на хуторе дворянина Гринева 1852 пуда ржи и приблизительно 900 пудов овса. В ночь на 25 ноября того же года крестьяне хут. Оржицкого и других соседних деревень (Пирятинский у. Полтавской губ.) явились во двор экономии княгини Мещерской и взяли из амбаров около 30 тыс. пудов зернового хлеба²⁹⁰. В ноябре 1905 г. самовольно были разобраны хлебозапасные магазины нескольких деревень Калужской губ.²⁹¹

11 декабря 1905 г. крестьяне с. Машкауцы Оргеевского у. изъяли и разделили между собой 340 пудов пшеницы, овса, ячменя и 1500 пудов кукурузы местного помещика. Такие же события развернулись и в других селах Бессарабии²⁹².

Сильный голод постиг и Урал (например, в Уфимской губ. крестьяне уже с сентября 1906 г. питались мякиной и желудями). Уфимский комитет большевиков дал указание «работающим в деревнях товарищам: 1) доводить до сознания крестьян, что истинным виновником голода является самодержавное правительство и что дело помощи голодающим должно быть передано в руки народа; 2) поддерживать стремление крестьян к захвату помещичьих и казенных запасов хлеба с тем, чтобы захваченный хлеб был передан в распоряжение революционных крестьянских комитетов под контролем сельских обществ»²⁹³.

В соответствии с этим орган Уральского комитета РСДРП «Солдатская газета» (1907. 5 марта) писала: «Чтобы не было голода, надо добиться такого порядка: сам народ должен быть хозяином в государстве, только депутаты народные могут распоряжаться народным добром. Чтобы не было голода, надо завое-

вать народу всю власть и отнять ее у царского правительства. Чтобы не было голода, надо полную свободу народу завоевать, чтобы мог он устроить свою жизнь, как лучше ему. Чтобы не было голода, надо всю землю крестьянам отдать».

Захват помещичьего хлеба и разбор хлебозапасных магазинов приняли на Урале особенно массовый характер. В октябре—ноябре 1906 г. крестьяне ряда деревень распределили между собой сотни пудов ржи и овса из помещичьих владений и общественных складов. Власти были вынуждены неоднократно посылать казачьи сотни на «военную прогулку по Мензелинскому и Стерлитамакскому уездам»²⁹⁴.

В начале 1907 г. в Елабужском у. Вятской губ. крестьяне Граховской и Могжинской волостей самовольно разобрали в течение января почти 25 тыс. пудов хлеба. Жандармский унтер-офицер, посланный для прекращения «беспорядков», вынужден был признать, что они это делали «под влиянием голода»²⁹⁵.

18 мая 1907 г. 600 жителей деревень Смоленской губ. явились в г. Сычевку и потребовали выдачи им продовольственной ссуды. Пять часов уездный исправник убеждал их разойтись. Только присутствие вооруженных стражников остановило просителей от погромных действий. Но, перед тем как уйти, они послали телеграмму министру внутренних дел. 21 мая в город пришли уже 1000 бедняков, которые потребовали от исправника немедленной выдачи продовольственной ссуды и запрещения купцам продавать муку по повышенной цене. Произошло вооруженное столкновение, при котором были убитые и раненые²⁹⁶.

Разбор хлебозапасных магазинов был одной из распространенных форм борьбы крестьян Сибири, экономика которой была совершенно расстроена в связи с русско-японской войной.

В захватах помещичьего хлеба (и фуража) с полей, гумен и из амбаров, в разборах казенных хлебозапасных магазинов, вызванных, казалось бы, конкретной причиной — голодом, ярко проявлялось, как и в других формах движения, недовольство крестьян господством помещиков и царской властью.

Разгромы и поджоги

Крестьянская борьба против помещиков в революции 1905—1907 гг. — это и разгромы и поджоги помещичьих имений. Такие формы борьбы всегда практиковались в российской деревне. Особенно распространены были поджоги. Они не требовали единодушия протестующих, были сравнительно легко выполнимы и относительно «безопасны», так как могли осуществляться небольшими группами людей или даже одиночками. Поэтому не ставились под угрозу личная безопасность и имущественные интересы большинства крестьян. Результаты их часто были эффективны. Перед призраком «красного петуха» умирялись аппетиты и порывы даже самых жестоких эксплуататоров. С. М. Дубровский назвал поджоги «универсальным средством борьбы, которым крестьяне оказывали то или иное воздействие на помещиков»²⁹⁷.

Из крестьянских выступлений начала 1905 г. наиболее значительные события произошли в Глуховском и Новгород-Северском уездах Черниговской губ. Они начались с разгрома экономии и заводов в середине февраля в Дмитриевском у. Курской губ., затем охватили соседний Севский у. Орловской губ., а оттуда перешли в смежный Глуховский у. Черниговской губ.²⁹⁸

В хут. Михайловском Глуховского у. в ночь на 23 февраля 1905 г. были разгромлены имение и сахарорафинадный завод, принадлежащие дворянам Терещенко. Они имели огромное хозяйство, состоящее из множества экономий и заводов (сахарных и винокуренных) и расположенное на стыках трех губерний — Курской, Орловской и Черниговской. В разгрома сахарорафинадного завода в хут. Михайловском принимали участие крестьяне сел и деревень, расположенных на расстоянии до 5—6 верст от завода, а количество участников доходило до 5—6 тыс. человек русских и украинцев. Дознанием было установлено, что крестьяне окрестных деревень — «люди крайне бедные, имеют небольшие наделы, в среднем около $3\frac{1}{24}$ десятины на ревизскую душу, а, например, в селе Ломлинка Глуховского уезда на 38 дворов приходится 32 десятины; многие же из крестьян и совсем надела не имеют, земля очень плохого качества (песок, болото и глина), так что своего хлеба не хватает, недостаток выгонов, отсутствие леса и лугов. . . Вследствие такого недостатка в земле крестьяне вынуждены были искать заработков путем отхожих промыслов, отправляясь для этой цели на юг — в Одессу, Ростов-на-Дону, Ялту, Юзовские заводы». По возвращении же из отхожих промыслов крестьяне становились более требовательными к начальству. При разгрома имения крестьяне забрали зерно, муку, крупу и отруби (около 10 тыс. пудов), а на сахарном заводе — запасы сахара, затем подожгли все заводские постройки. По распоряжению крестьянских руководителей остались нетронутыми больница, амбар с сахаром на железнодорожной станции, который предназначался для отправки на дальневосточный фронт, казармы рабочих, почтовая контора и железнодорожная станция.

24 февраля в Глуховский у. прибыл черниговский губернатор с большим отрядом полицейских и войск. Началась расправа, длившаяся почти 10 дней. Всего по делу было привлечено к ответственности 168 человек, которые в сентябре 1905 г. выездной сессией Киевской судебной палаты были осуждены на каторжные работы, в исправительные арестантские отделения и к тюремному заключению на разные сроки.

Выступления крестьян, связанные с разгромом экономии и сахарного завода Терещенко, не прошли бесследно. По селам ближайших уездов, как говорится в жандармских донесениях, «быстро разносся слух» о том, что крестьянские отряды намереваются уничтожить все барские экономии. Эти слухи вызвали среди помещиков большую панику, многие из них бежали из имений²⁹⁹.

В феврале 1905 г. разгрому подверглись также имения вел. кн. Сергея Александровича и ряда помещиков в Орловской губ.

К началу апреля в тюрьмы г. Орла и других уездных городов за участие в крестьянских беспорядках было брошено до 2000 человек³⁰⁰.

Массовый характер носила борьба рязанских крестьян. Они зачастую выступали селами, предварительно определив свои действия на сходах. Крестьяне сел Алексеевка, Константиновка, Бобровка Сапожковского у. в июне 1905 г. предъявили местному помещику требование снизить арендную плату за землю, сдать им лучшие земли и сократить работы в имении. Когда эти требования были помещиком отклонены, крестьяне подожгли его имение, нанеся материальный ущерб более чем в 10 тыс. руб.³⁰¹

Одним из решительных действий крестьян Пензенской губ. в июне 1905 г. был разгром имения помещика Голова в с. Сивинь Краснослободского у. На сельском сходе 12 июня крестьяне (300 человек) составили приговор, в котором потребовали, чтобы Голова отдал им запольную землю и базарную площадь, «а в случае несогласия его на это постановили всю просимую ими землю разделить между собою и запахать». Крестьянам было отказано. Тогда они разгромили экономию Голова и увезли 3400 пудов хлеба. В село были посланы казаки. Сивинское дело заинтересовало крестьян окрестных деревень. Они приезжали в Сивинь «узнать, чем кончится дело, чтобы потом произвести подобный же разгром у своих владельцев»³⁰².

Стремление крестьян «выкурить» помещиков из их гнезд достигло под влиянием рабочего движения наивысшей точки осенью 1905 г. Помещичьи имения полыхали в огне пожаров в губерниях Центральной России и на окраинах. Из Тамбовской губ. сообщали в октябре 1905 г.: «Горизонт весь в многочисленных заревах»³⁰³. 1 ноября 1905 г. тамбовский губернатор телеграфирует Витте: «Аграрное движение быстро растет, масса усадеб уничтожена, землевладельцы бегут. . .» 2 ноября он доносит Дурново, что «разгромы принимают уже грандиозный характер. . . крестьянство, озлобленное полным неурожаем, представляет жестокий горючий материал», а 9 ноября, что «в Борисоглебском у. очаг мятежа перешел к Юго-Восточной линии железной дороги, где много заводов и богатых имений. Горячие схватки, лихие наезды для отбития транспортов награбленного добра, раненые, убитые, разоренные, сгоревшие усадьбы невольно переносят свидетелей как на настоящий театр войны»³⁰⁴.

В Курской губ. осенью 1905 г., как это видно из доклада генерал-адъютанта Дубасова Николаю II, «свыше ста усадеб было разгромлено и сожжено; уничтожен весь инвентарь и скот. Настроение крестьян таково, что в большинстве случаев о возвращении помещиков в их усадьбы не могло быть и речи»³⁰⁵. Только в Новоскопском у. осенью 1905 г. «из 56 помещичьих имений было разорено 54, принесших сотни тыс. убытков их владельцам»³⁰⁶. Разгромив в октябре 1905 г. имение графини Апраксиной, крестьяне дер. Шиловки Путивльского у. заявили, что они борются за землю, «политую кровью их дедов при крепостном праве»³⁰⁷.

Из Воронежской губ. отовсюду сообщали: «Именья горят». И. д. новохоперского уездного исправника доносил 21 ноября 1905 г. воронежскому губернатору, что «крестьяне сел Поганки и Тюменевки. . . действовали по заранее обдуманному уговору и произвели погром и грабеж имущества у смежных владельцев». В разгроме хуторов Пирогово и Сторожево в Павловском у. 27 ноября участвовало до 250 крестьян на 125 подводах. Некоторые крестьяне были вооружены ружьями, револьверами, дубинками, вилами и топорами. Несмотря на нападение казаков, крестьянам удалось разгромить эти хутора и увезти помещичий хлеб³⁰⁸.

Разгрому помещичьей усадьбы в ноябре 1905 г. крестьянами Кузьминской вол. Кологривского у. Костромской губ. предшествовала подготовка. Накануне разгрома один крестьянин сказал зашедшему к нему рабочему усадьбы, что «на завтра у них назначена „забастовка“, что у них составлен уговор. . . разгромить усадьбу и что, как только соберется побольше народу и увидят, что загорелась солома, по этому сигналу нахлынуть в усадьбу». Так и было сделано³⁰⁹.

В Пензенской губ. только с 1 по 20 ноября подверглись разгрому 63 именья. На каждый день приходилось по 2—3 разгрома и поджога³¹⁰. «Поджоги эти обставляются так ловко и скрытно, — сообщали пензенские власти, — что даже агентурным путем не удается обнаружить следы виновных, почему судебные следователи вынуждены направлять такие дела на прекращение». Власти определили связь этих поджогов с революционной агитацией, которая усматривалась, по их мнению, «в упорном укрывательстве несомненно известных обществу поджигателей, а также в том странном обстоятельстве, что вслед за сожжением усадеб крестьяне нередко выступают с просьбами о продаже им земли сожженной экономии». Более того, как докладывал пензенский губернатор, «усадьбы поджигаются в полной уверенности в безнаказанности и с полной уверенностью, что терроризированные постоянными поджогами землевладельцы в конце концов будут вынуждены оставить свои усадьбы»³¹¹.

2 декабря самарский губернатор направил телеграмму в департамент полиции: «Беспорядки выражаются погромами имений почти повсеместно в губернии»³¹². Почти каждый вечер небо озарялось заревом пожара.

Разгромы и поджоги причиняли владельцам значительные убытки. Пожарами уничтожались жилье, хозяйственные постройки, семенные фонды, сельскохозяйственный инвентарь. Поместья превращались в груды развалин. Напуганные помещики бежали из имений, оставляя на произвол судьбы свое хозяйство. Страх их и местных властей был вполне оправдан.

Крестьяне в целом разбирались, какие помещики «плохие» (черносотенцы), какие «хорошие» (либералы, в филантропических целях кое-что делавшие для деревни через земства — строительство школ, больниц и т. п.). В связи с этим разгромы начинались, как правило, с имений наиболее жестоких помещиков.

Но, когда у крестьян особенно отчетливо создалось настроение в направлении полного «выкуривания» всех помещиков из их гнезд, разгромам стали подвергаться помещичьи именья без различия политических оттенков их владельцев. Жгли и разрушали именья помещиков добрых и злых, тихих и энергичных, заурядных помещиков-крепостников и либералов, консерваторов, реакционеров. Для крестьян все они были единым миром мазаны. Их усадьбы душили крестьян. Иногда разгромы приобретали характер своеобразных кампаний, продолжавшихся несколько дней или даже недель.

Здесь необходимо отметить одно очень важное обстоятельство. Проведению крестьянами таких «кампаний» осенью 1905 г. во многом способствовали октябрьско-ноябрьско-декабрьские забастовки железнодорожников. В ноябре—декабре 1905 г., по официальным данным, забастовкой были охвачены 33 железные дороги из 34, имевших общероссийское значение³¹³. Революционные железнодорожники оказали огромную помощь восставшему крестьянству, препятствуя перевозке карательных отрядов. В печати и в донесениях царских чиновников неоднократно встречаются сообщения об отказе машинистов из чувства солидарности с борьбой крестьян перевозить карательные отряды для подавления аграрного движения. В результате, несмотря на панические сообщения с мест, посылаемые на выручку помещикам войска прибывали на места событий уже тогда, когда от усадеб оставался лишь пепел.

С исключительным «усердием» крестьяне Тупичевской вол. Городнянского у. Черниговской губ. в октябре 1905 г. расправились с именьями помещика-либерала Свечина, члена Черниговского комитета партии кадетов и председателя Черниговской земской управы³¹⁴.

Старший фабричный инспектор Полтавской губ., донося 29 декабря 1905 г. в министерство финансов о революционных выступлениях крестьян Миргородского у., отмечал, что крестьянские беспорядки «имеют объектом имущество землевладельцев, основание которого есть земля, которая, по укрепляющимся в массе понятиям, должна перейти к обрабатывающим ее крестьянам»³¹⁵.

В конце ноября—начале декабря 1905 г. разгром помещичьих имений носил открытый характер в уездах Таврической губ. 27 ноября и. д. днепровского уездного исправника посылает рапорт таврическому губернатору о том, что «аграрное движение продолжается с поражающей быстротой. Владельцы, управляющие и служащие уезжают, оставляя на произвол судьбы экономии». Крупные крестьянские волнения произошли в Мелитопольском у., в имении вел. кн. Михаила Николаевича. Поводом для выступления послужил отказ в требовании о выдаче хлеба. 6 декабря 1905 г. ночью крестьяне явились на хут. Красный, разгромили имение и увезли 40 тыс. пудов зерна, увели сотни коров, лошадей, волов, овец. В последующие три дня были разгромлены и сожжены усадьбы в других экономиях. В выступлении участвовало более 5 тыс. крестьян. Захваченное имущество и скот они разделили между собой³¹⁶.

6 декабря помещики Херсонского у. Херсонской губ. и Днепровского у. Таврической губ. посылают прокурору Херсонского окружного суда письмо, в котором говорится: «Совершающиеся погромы, поджоги, полное разрушение и сожжение владельческих усадеб. . . возрастают до невероятных размеров». Прокурор также подтверждал: «. . . аграрные беспорядки не прекращаются. . . экономии землевладельцев после разграбления их подвергаются истреблению огнем, совершенно разорено до ста хозяйств, между ними много крупных (есть владельцы, потерпевшие убытки свыше миллиона)»³¹⁷. В телеграмме помещиков Днепровского у. от 14 января 1906 г. военному министру Редигеру говорилось, что «разгромлены и сожжены почти все экономии и хутора на площади трех четвертей уезда»³¹⁸.

Местные власти сообщали в департамент полиции о настроении крестьян Таврической губ.: «. . . настроение крестьян крайне возбужденное; крестьяне настроены против администрации и помещиков, при малейшем подстрекательстве готовы на разгром, зачинщиков разгрома не выдают, свои планы крепко держат в тайне»³¹⁹.

Об размерах крестьянского движения можно судить и по количеству «аграрных» следственных дел. Так, в Херсонском окружном суде по состоянию на 1 марта 1906 г. числилось 137 нерассмотренных дел о разгроме 124 экономий на территории губернии. По этим делам числилось около 900 обвиняемых крестьян³²⁰. По Курской, Орловской, Воронежской и Черниговской губерниям были признаны виновными в разгроме помещичьих имений 4117 человек³²¹.

Осенью 1905 г. острые формы приняла классовая борьба в донской деревне. Крестьяне громили и сжигали помещичьи имения. Очевидец писал: «Горели и крупные и мелкие, родовые и благоприобретенные, и дворянские, и крестьянские (т. е. кулацкие. — Л. С.), и немецкие экономии»³²².

Мощную «иллюминацию» помещичьей собственности устроили своим господам крестьяне Прибалтики. 30 ноября 1905 г. лифляндский губернатор докладывал в министерство внутренних дел о том, что «восставшее население Рижского и Венденского уездов уничтожило почти все усадьбы местных помещиков. . . Если немедленно не будет прислана войско значительной силы, то может произойти Варфоломеевская ночь. . . Катастрофа близка. . .». В тот же день начальник Рижского гарнизона доносил Николаю II о том, что «в прилегающих к Риге уездах фактическая власть перешла в руки революционеров. . . На большом пространстве, в особенности Рижского уезда, сожжены и разграблены все помещичьи усадьбы. . .»³²³.

Прибалтийские крестьяне жгли имения главным образом тех помещиков, баронов, которые держали у себя войсковые части и с их помощью жестоко расправлялись с крестьянами. Поджоги имений производились организованно, с санкций крестьянских распорядительных комитетов и под руководством назначенных

лиц, причем помещичьей прислуге давалась возможность свои вещи заблаговременно вынести из имения. Наряду с поджогами помещичьих построек распространенной формой борьбы в прибалтийских деревнях явилось разрушение крестьянами помещичьих кабаков и винокурен, а также государственных винных лавок. Этим крестьянство выражало протест против осуществления посредством неограниченной винной торговли политики спаивания и одурманивания народа, проводившейся царским самодержавием и помещиками в целях отвлечения его от революционной борьбы и получения огромных прибылей от продажи спиртных напитков. Закрытие винных лавок было общим требованием всех крестьянских собраний. Разрушение винокурен и винных лавок, как и помещичьих имений, в Прибалтике приняло особенно большой размах в период высшего подъема революции — в ноябре и декабре 1905 г. Отобранные деньги шли на нужды революции.

Разгромы и поджоги имений продолжались и в период спада революции (но в связи с массовыми репрессиями наиболее распространенными стали тайные поджоги).

В январе 1906 г. крестьянами Саратовской губ. было разгромлено имение министра юстиции Акимова «Немчиновка»³²⁴.

С весны 1906 г. крестьяне Тульского у. угрожали помещику, заведующему огнестрельными припасами Тульского оружейного завода Цветкову, что разгромят его имение (в с. Криволучье), если он из него не уйдет. При этом крестьяне заявляли, что «земля наша, и мы должны на ней жить». Они сожгли имение и таким образом «выкурили» Цветкова в город³²⁵. Только за сентябрь—октябрь 1906 г. и в одном лишь Ефремовском у. Тульской губ. произошло почти 60 пожаров в помещичьих усадьбах³²⁶.

С 24 июня по 3 июля 1906 г. в Бобровском у. Воронежской губ. крестьянами было разгромлено или сожжено 73 имения³²⁷. Перед началом каждого выступления жители селений собирались в каком-нибудь заранее условленном месте, затем по сигналу поджигали усадьбы, постройки, захватывали хлеб, имущество.

По наблюдению и. д. орловского губернатора предводителя дворянства Володимерского, высказанному им в письме от 14 июня 1906 г. на имя Столыпина, «поджоги производятся не везде, а лишь там, где предполагаются, как следствие пожара, немедленные уступки покосов и урожая. Самые поджоги всегда известны заранее всей соседней деревне, исполняются обдуманно и потому неуловимы»³²⁸.

В дер. Высокое Храповичской вол. Витебского у. в доме крестьянина Ф. А. Волкова в конце июля 1906 г. под видом вечеринки состоялась сходка крестьянской молодежи, на которой «обсуждался план нападений на помещичьи усадьбы». В с. Чулаковка Днепровского у. Таврической губ., по донесению исправника, в ночь на 29 августа 1906 г. в доме одного крестьянина состоялось собрание 60 человек, на котором они «порешили, начиная с 15 и не позже 17 сего сентября, произвести погромы экономий»³²⁹.

Только с 1 по 6 ноября 1906 г. в Новооскольском у. Курской губ. было разгромлено и сожжено 52 помещичьи экономии³³⁰.

В декабре 1906 г., как сообщал корреспондент газеты «С.-Петербургские ведомости», в с. Парадеево Ардатовского у. Симбирской губ. «пять сельских обществ под влиянием агитаторов подняли на шести фонари и под этими стягами пошли громить усадьбы гг. Иванова и Белякова». Характерно, что раздел барского имущества производился «по жребию, без спора между собой разделили на пять обществ 60 волов, несколько сот пудов ржи, 160 пудов конопляного масла». Приведа еще ряд фактов аграрного движения в Ардатовском у., корреспондент этой буржуазной газеты сделал вывод: «Это не отдельный выстрел из браунинга в ненавистного человека и не случайная бомба, брошенная в какое-либо учреждение: это серьезнее»³³¹.

По сведениям министерства внутренних дел, в течение 1905 г. в 24 губерниях Европейской России было разгромлено до 2 тыс. дворянских усадеб³³². Эту цифру использовал в «Докладе о революции 1905 года» В. И. Ленин. Высоко оценивая крестьянское движение осенью 1905 г., он вместе с тем выражал сожаление, что «крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они *должны* были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевладения»³³³.

Позднейшими исследовательскими работами историков получены следующие результаты о разгромленных и сожженных в 1905—1907 гг. «дворянских гнездах»: в Черноземной полосе (Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерниях) — 695, в Рязанской губ. — 35 разгромов и поджогов*, в Среднем Поволжье (Саратовской, Самарской, Симбирской, Казанской губерниях) — свыше 700, в Пензенской губ. — 327², на Украине — свыше 500³, в Прибалтике — 579, в Грузии (только осенью 1905 г.) — 108⁴, в Белоруссии — 28⁵. Эти цифры были суммированы М. С. Симоновой, которая сделала вывод, что «по шести важнейшим районам крестьянского движения было около 3 тыс. разгромленных дворянских имений, что в 1,5 раза превышает данные Земского отдела МВД»³³⁴.

* Цифра неточна. Разгромов помещичьих имений — 35, поджогов помещичьих имений, хлеба и т. д. — 244. См.: Статистическая таблица форм крестьянского движения в Рязанской губ. в революции 1905—1907 гг. // Крестьянское движение в Рязанской губернии. . . Приложение 1.

² По другим данным, только за 1906 г. в губернии было 545 поджогов. См.: Кузьмин А. З. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905—1907 гг. Пенза, 1955. С. 179.

³ По уточненным данным, в годы революции крестьяне Украины совершили около 700 нападений на владения эксплуататоров, в результате которых уничтожили (без поджогов) более 500 помещичьих экономий и кулацких хуторов, а вместе с усадьбами и магазинами — более 600. Кроме того, было зафиксировано более 700 поджогов. См.: *Леценко М. Н.* Українське село в революції 1905—1907 рр. С. 346.

⁴ *Хуцишвили Я. Г.* Вооруженное восстание в Грузии в 1905 году // Ист. зап. 1954. Т. 49. С. 120.

⁵ Разгромов имений — 28, мельниц и отдельных строений — 52, поджогов — 105. См.: *Шабуня К. И.* Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в 1905—1907 гг. Минск, 1962. С. 422.

Но имеются также подсчеты разгромов помещичьих имений по Московской губ. — 20, Тульской — 18 (только за 1906 г.)⁶, Бессарабской — 37, Уфимской и Оренбургской — 40³³⁵, а также по губерниям Верхнего Поволжья (Владимирской, Костромской, Ярославской) — 67, Калужской — 12, Тверской — 84, Смоленской — 125 (за июль—август 1905 г., июль—август 1906 г.), Нижегородской — 61 (октябрь—декабрь 1905 г.), Кубанской обл. — 242 (за 1906 г.)³³⁶. Можно считать, что мы имеем сведения, хотя далеко и не полные, почти о 4 тыс. разгромленных и сожженных в 1905—1907 гг. дворянских имений.

Приведенные подсчеты подтверждают выводы С. М. Дубровского о том, что разгромы и поджоги «охватывали преимущественно черноземные губернии и тянулись по центру России с запада на восток. Первое место по количеству разгромов занимают центрально-черноземные губернии, затем нижневолжские, средневолжские и, наконец, украинские»³³⁷. Правда, новейшие подсчеты показывают, что средневолжские губернии идут перед нижневолжскими, и к перечисленным районам следует прибавить прибалтийский.

В числе разгромленных и сожженных оказались крупные имения многих представителей высшей дворянской аристократии: в Курской губ. — князя Касаткина-Ростовского, князя Кочубея, графа Орлова-Давыдова, графини Апраксиной; в Полтавской — княгини Урусовой; в Саратовской — графини Воронцовой-Дашковой, княгини Волконской, князя Щербатова, герцога Лейхтенбергского, Столыпина, Шувалова, Каткова; в Тамбовской — графини Шиловской, князя Шаховского, Петрово-Соловова, Воейкова; в Черниговской — графа Мусина-Пушкина; в Воронежской — шталмейстера Родзянко, сенатора Шевича, графини Паниной, княгини Щербатовой и др.³³⁸.

Остановимся подробнее на значении этой формы борьбы. Во время разгромов помещичьи усадьбы, здания, большие материальные ценности уничтожались почти дотла. Не помогала агитация РСДРП, о которой говорилось выше, о желательности не трогать помещичьи имения, так как они потом, когда власть перейдет в руки рабочих и крестьян, смогут быть ими использованы. Слишком острой была классовая ненависть крестьян к помещикам. И конечно, при применении разгромных форм борьбы главным их желанием было лишить помещиков возможности вернуться в свои «гнезда».

Но не только. Были и другие мотивы. Вот как говорил о них на делегатском совещании ВКС делегат Черниговской губ.: «... во многих местах крестьяне организовались и сделались грозной силой против помещиков, чиновников и духовенства... После уборки хлебов крестьяне во многих волостях соединились и объявили стачку, предъявив требования. Помещики испугались и

⁶ Кроме того, в этот же год произошло 76 поджогов помещичьих имений. См.: *Демочкин Н. Н.* Борьба тульских рабочих за союз с крестьянством накануне и в годы первой русской революции // Учен. зап. МГПИ, 1957. Т. 60, вып. 4. С. 96.

уступили. Не все, однако, так поступили. . . некоторые вытребовали у губернатора казаков. Казаки побили в тех селах, куда пришли, крестьян нагайками. Крестьянам не понравилось, что помещики угостили их, да не своими пирогами. И экономии тогда запылали. Мы хорошо знаем, что это бесполезная штука, что не следует истреблять народное богатство, но что же крестьянам оставалось делать? Тут грубо попиралось их человеческое достоинство»³³⁹. Из этого высказывания черниговского делегата, в котором он обобщил крестьянские настроения, четко видно, что крестьяне, понимая «бесполезность» разгромов и поджогов, часто были вынуждены применять их как форму боевых, военных действий против перешедшего в наступление противника — помещика.

Громя и сжигая имения, которые в условиях действия карательных отрядов, восстанавливавших права владельцев, крестьяне все равно не могли использовать в хозяйственных целях, они развозили по своим домам господское имущество, представлявшее для них ценность: сельскохозяйственный инвентарь, хлеб и т. п., уводили скот. Обвинительные акты рисуют, как правило, дело таким образом, что в аграрном движении все сводилось только к увозу зерна и разных вещей. Но не поживиться шли в имения крестьяне, а уничтожать барские гнезда и возвращать себе землю. Вещи же увозили, чтобы добро не пропадало и даром не горело. Здесь был простой хозяйственный расчет. Зачем гореть инвентарю и продуктам, когда их можно использовать. Понимая, что власти с их репрессивным аппаратом не дадут возможности собрать урожай с захваченной помещичьей земли, а шансы удержать эту землю были ничтожны, крестьяне подчас ее и не трогали (потравы же, покосы и т. п. носили, естественно, сезонный характер), а нацеливались именно на разгром усадеб, рассчитывая, что помещик, лишившись насиженного места и средств обработки земли, или совсем откажется от нее, или продаст, или сдаст ее в аренду по низкой цене.

Многие удивлялись, зачем крестьяне сжигали все помещичьи постройки. На подобный вопрос саратовцы, например, так ответили владельцу, когда явились к нему с предложением покинуть усадьбу: «Ежели мы оставим постройки в целости, то через 2—3 месяца ты сможешь вернуться и зажить по-старому, ну а если построек не будет, то раньше двух лет тебе здесь делать нечего. Да вот еще на случай придут казаки, — им было бы готовое помещение, а так придется жить по крестьянским хатам, что для ихнего брата, может быть, не способно»³⁴⁰. И оттого-то горели, горели помещичьи усадьбы, «дворянские гнезда», баронские замки, разорялись свеклосахарные, водочные, крахмальные и тому подобные заводы и фабрики, производство которых соприкасалось с сельским хозяйством, существовало трудом людей, работающих на земле.

Громя поместья, крестьяне, однако, почти никогда не прибегали к физическим насилиям ни над владельцами, ни над служащими экономий. Это обстоятельство признавали и власти. Посылая осенью 1905 г. бесчисленные телеграммы в министерство внутрен-

них дел о том, что «крестьяне грабят, жгут имения», саратовский губернатор тем не менее отмечал: «Людей не убивают»³⁴¹. И в таких районах сильного разгромного движения, как Воронежская и Тамбовская губернии, власти признавали, что «обращает на себя внимание полное отсутствие случаев насилия над личностью как самих землевладельцев, так и экономических служащих»³⁴². В. П. Обнинский также подчеркивал миролюбие крестьян и несоизмеримость репрессий с их поведением: «Народ двинулся на помещичьи экономии, оставив. . . в покое самих помещиков. Страна видела аграрную революцию, где кровь лилась только с одной стороны»³⁴³.

Нельзя одновременно не сказать об отношении крестьян к черносотенным погромам, которые занимали видное место в системе мер царских властей в борьбе с революционным движением. Имеющиеся материалы показывают, что наиболее сознательные из них во многих местах довольно быстро раскусили контрреволюционную сущность погромов, уяснили себе истинные цели и намерения правительства и решительно выступили против подобных акций, оказывая активный отпор черносотенным агитаторам³⁴⁴.

Буржуазные и мелкобуржуазные историки, извращая сущность и характер крестьянского движения 1905—1907 гг., выдавая его за «бунт» и «смуту», объявили разгромы и поджоги помещичьих имений «наименее целесообразной формой борьбы крестьян», утверждали, что они носили «спорадический характер. Громили экономии или из-за нужды, или из мести и вражды к земледельцам»³⁴⁵. Но если в дореволюционный период подчас следствием бытовых неурядиц действительно являлись подчас следствием бытовых неурядиц в деревне, то в годы революции, как свидетельствует весь документальный материал, они были прежде всего проявлением классового протеста, своеобразным методом решения аграрного вопроса крестьянством. Примечательно, что и сотрудники министерства внутренних дел, следившие за распространением «пожарной эпидемии» в стране (а деревянная Русь горела всегда), прямо связывали «особенно сильное увеличение числа пожаров» в 1905 и последующие годы «со смутой этого времени»³⁴⁶. А в книге бывшего министра царского правительства А. С. Ермолова признавалось: «Поджоги эти можно рассматривать как последствие целого ряда причин, коренящихся в современных условиях русской жизни». По его мнению, не было смысла принимать противопожарные меры, «не затрагивая всех тех обстоятельств, которыми они вызываются»³⁴⁷.

Накопившееся за десятилетия жгучее раздражение крестьян против помещиков искало выхода, и притом скорого, немедленного, чтобы сейчас же были видны «результаты». И в период революции оно нашло свое проявление в уничтожении имений помещиков, являвшихся не только прямыми источниками крестьянских бед, но и символом того, что давило, угнетало, принижало крестьян.

В годы революции разгромы и поджоги производились с определенным умыслом и расчетом: во-первых, терроризировать владельцев, заставить их бежать из усадеб, сделать невозможным дальнейшее ведение помещичьего хозяйства; во-вторых, гарантировать себя от их возвращения в ближайшем будущем; в-третьих, осуществить заветную мечту — захватить помещичьи хозяйства и земли «даром» или получить их по «дешевой» цене.

В ряде случаев это были не рядовые разгромы имений, а настоящие крестьянские восстания, о чем говорят их массовость и характер действий — вооруженные наступления на усадьбы, сопровождавшиеся схваткой с охраной, т. е. боевыми действиями. В них ярко проявлялась вековая неприязнь крестьянства к помещикам. Такие выступления часто совершались по постановлению крестьянских сходок и проводились по определенному плану. Но этим организованность в большинстве случаев и заканчивалась. Крестьяне отдельных деревень выступали сепаратно, объединяясь иногда лишь с соседними деревнями. Отсюда их полнейшая беспомощность, когда от наступления приходилось переходить к обороне. Но тем не менее разгромы помещичьих усадеб явились грозным предупреждением российскому дворянству, что недалек час их расплаты за те мучения и издевательства, которым они подвергали крестьян.

Крестьянские восстания

В работах В. И. Ленина подчеркивалось, что революция 1905—1907 гг. в России, будучи крестьянской по своему основному вопросу, была по характеру и задачам буржуазно-демократической; пролетарской — по руководящей роли в ней пролетариата и по формам (стачки, восстания) борьбы с самодержавием; народной — по характеру движущих сил (революция подняла к исторически самостоятельному творчеству огромные массы народа, самые глубокие общественные низы).

Программные и тактические установки РСДРП по аграрно-крестьянскому вопросу определялись общим стратегическим планом большевиков на этапе буржуазно-демократической революции и непосредственно связывались с вооруженным восстанием и завоеванием власти народом. В статье «Современное положение России и тактика рабочей партии» В. И. Ленин писал: «Мы всецело стали за лозунг отобрания земли. Но отобрание земли лишь пустой звук, если оно не означает победы вооруженного восстания... Проведя отобрание земли, мы зовем крестьян на восстание»³⁴⁸.

На основании решений III съезда РСДРП большевики разъясняли не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего восстания. В программу подготовки вооруженного восстания входила также задача предупреждать и удерживать его преждевременные вспышки. Но революцию творили миллионные массы, которые не имели еще достаточного опыта. И естественно, что при нарастании событий совершенно

неизбежными были стихийные взрывы вооруженных восстаний. Они были характерны и для российской деревни, особенно осенью 1905 г. Разгромы дворянских имений, бегство помещиков в города, образование революционных крестьянских комитетов, вооруженные столкновения с войсками и казаками — все это свидетельствовало об обострении борьбы и появлении в ней признаков всеобщего вооруженного восстания.

Во главе революции шел промышленный пролетариат. Деревня оказывала ему поддержку. Наиболее ярко она проявилась в бурные декабрьские дни 1905 г., когда Московское вооруженное восстание явилось боевым сигналом к выступлениям трудящихся масс во многих городах и районах страны³⁴⁹.

Подмосковное крестьянство прямо заявляло о своей готовности оказать поддержку рабочим. Слова не расходились с делами: они снабжали рабочих продуктами и деньгами, вступали в боевые дружины ближайших железнодорожных станций, сражались на баррикадах Москвы и на линии Московско-Казанской железной дороги с царскими войсками.

На Украине рабочие восстания произошли на Екатеринославщине и в Донбассе — промышленных районах, где были сконцентрированы значительные массы украинского пролетариата. Крестьяне оказывали бесплатную продовольственную помощь рабочим Горловки, Енакиева, Алчевска, Николаева и других городов и промышленных поселков. Екатеринославский Совет рабочих депутатов организовал для рабочих бесплатные столовые, которые крестьяне пригородных сел регулярно снабжали продуктами³⁵⁰.

В селах Донбасса, расположенных близко от промышленных центров, были созданы боевые отряды, поддерживавшие тесную связь с рабочими дружинами. Крестьяне многих сел и районов принимали непосредственное участие в вооруженных выступлениях рабочих (Горловка, Александровка, Никополь и др.). Но вооружены они были вилами, топорами, крючьями, и только небольшая часть — ружьями.

В декабре 1905 г. железнодорожники ст. Люботин Харьковско-Николаевской железной дороги и жители окрестных сел, объединившись в «Люботинский сельский комитет», «заведомо поставивший целью своей деятельности ниспровержение существующего строя», организовали боевую дружину. Дружина, выгнав со станции всех должностных лиц и чинов жандармской полиции, приостановила движение по указанной дороге с 9 по 17 декабря³⁵¹.

Крестьяне участвовали в действиях боевых дружин станций Дебальцево, Ясиноватая, Авдеевка, Гришино, Панютино. 14 декабря железнодорожниками ст. Панютино совместно с крестьянами соседнего селения (почти 60 человек) был захвачен вагон с оружием³⁵². В Александровке на баррикадах в разгар боя «были лица всех возрастов и положений: рабочие, крестьяне, служащие, интеллигенты; 15-летние юноши и глубокие старцы»³⁵³. 27 декабря забастовавшие железнодорожники и местные крестьяне (более 200 человек) пытались завладеть ст. Никополь³⁵⁴. Харьковский

временный губернатор отдал приказ сжигать села в окрестностях Люботина в случае поддержки крестьянами этих сел восставших люботинских железнодорожников³⁵⁵.

В конце декабря 1905 г. в местечке Долгинцеве, как докладывал Дурново Николаю II, «двумя тысячами мятежных рабочих руководил комитет из пяти лиц. . . К мятежникам примкнули рабочие ближайших рудников и крестьяне окрестных деревень. В руках мятежников находятся часть Екатерининской ж. д. и Ингулецкая ветка. Мятежники вооружены ружьями и револьверами, частью отобранными у солдат и станционных жандармов; кроме того, они имеют 20 пироксилиновых бомб»³⁵⁶.

В «Бюллетене БСК» (1905. 26 дек.), посвященном итогам борьбы пролетариата Донбасса, большевики заявили, что с поражением вооруженного восстания пролетариат не побежден. «Мы кладем свое оружие в ножны и ждем сигнала, когда совместно со всей Россией вступим снова в борьбу». Большевики ставили перед пролетариатом задачу: «Организуйте крестьянство так, как организованы мы сами. Еще один натиск. . . и победа будет за нами».

В Ростове-на-Дону, крупнейшем промышленном центре юга России, восстание началось 13 декабря. Действия рабочих находили живой отклик в донской деревне. Крестьяне не только ближних, но и дальних селений снабжали восставших продовольствием, вступали в ряды дружинников. Осетинские крестьяне «составили ядро знаменитой минералводской дружины. В Ростове-на-Дону осетины храбро сражались рядом с рабочими на баррикадах»³⁵⁷. По численности дружины ряда осетинских селений насчитывали до 500 человек³⁵⁸. Они принимали активное участие в революционных выступлениях в Минводах, Пятигорске, а также в Георгиевске при попытке захвата артиллерийского склада.

Вооруженное восстание ростовских рабочих оказало значительное влияние на развитие революционного движения на Владикавказской железной дороге. Боевые дружины станций Кавказская, Армавир, Минеральные Воды, Тихорецкая, Пятигорск и других, в которые входили и крестьяне, разоружали полицию и жандармерию, захватывали оружие и становились хозяевами положения. В этих отрядах сражались русские, украинцы, осетины, грузины, черкесы и др. Это было ярким проявлением классовой солидарности, свидетельством авангардной роли пролетариата в борьбе трудящихся национальных окраин.

На революционном митинге на ст. Минеральные Воды 16 декабря один из ораторов говорил: «Вы видите здесь горцев, казаков, крестьян и рабочих. . . Это значит то, что мы поняли нашего общего врага, что мы объединяемся на него»³⁵⁹. В ходе боевых действий выработывалось общее взаимопонимание целей и задач в борьбе против царизма, складывался союз угнетенных горских народов с русскими рабочими и крестьянами.

Отчетливо союз рабочих и крестьян проявился в Черноморской губ. Большую работу в этом отношении проделал Новороссий-

ский Совет рабочих депутатов. Он посылал агитаторов в деревню, помогал крестьянам в создании революционных комитетов и пр. В дни вооруженного восстания в Новороссийске крестьяне Новороссийского округа совместно с рабочими-дружинниками разоружали полицейских, урядников и других представителей царской власти, давали часть своего оружия для вооруженной борьбы рабочим. Такие действия крестьян помогали Новороссийскому Совету рабочих депутатов стать органом революционной власти не только в городе, но и во всем округе.

Сходное положение сложилось и в Сочи. Для укрепления связей с Сочинской группой РСДРП крестьяне в деревнях округа избирали специальных связных, через которых они получали не только информацию о ходе подготовки к восстанию, но и прокламации и революционную литературу. Во многих деревнях и поселках — Волкове, Абазинке, Пластунской, Хосте, Адлере — крестьяне создали боевые дружины, с помощью которых они свергли старые, реакционные сельские правления и избрали новые. К концу декабря почти во всех деревнях Сочинского округа функционировали новые, выборные сельские правления. Крестьяне округа горячо откликнулись на призыв к борьбе Сочинской группы большевиков. В Сочи явилось более 1000 вооруженных крестьян из Сочинского округа и соседней Абхазии (среди них — русские, грузины, украинцы, армяне, черкесы). Всех объединяла ненависть к царскому самодержавию — носителю социального неравенства. На дорогах, ведущих в город, крестьяне дежурили днем и ночью, старались не допустить прихода карателей. В таких дежурствах принимали участие все жители, и даже дети. Восстание началось 28 декабря. Восставшие построили баррикады, установили проволочные заграждения, захватили правительственные помещения, в том числе и казначейство, сожгли все бумаги в суде. Четыре дня ими осаждались казармы, где находился Сочинский гарнизон. 1 января противник вынужден был сдаться. Революционный народ одержал победу. 2 января в знак победы была устроена мощная демонстрация. Вооруженные рабочие и крестьяне с пением «Марсельезы» прошли по главным улицам города, неся на штыках своих ружей нанизанные погоны разоруженных полицейских и офицеров³⁶⁰.

Декабрьские события в Сочи имели одну особенность: здесь вооруженное восстание рабочих в значительной степени сочеталось с крестьянским движением местных горцев. Но, начатое значительно позже ростовского и новороссийского, оно оказалось изолированным, что и позволило властям ликвидировать его.

Поддержкой восставшим рабочим были и крестьянские выступления против помещиков, происходившие в это время повсеместно. Не случайно в разгар декабрьского вооруженного восстания в Ростове наказной атаман в телеграмме министру внутренних дел сообщал: «Прилагаю все старания усилить гарнизон, но у меня мало войска, сотни разбросаны по всей области для подавления крестьянских беспорядков, а также на рудниках и заводах»³⁶¹.

На Северном Кавказе в крупных селах и округах по примеру рабочих крестьяне вступили в вооруженную борьбу против помещиков и администрации. Они смещали должностных лиц, требовали политических свобод, разоружали стражников, создавали новые органы правления.

В Осетии подобные выступления начались 20 декабря с разгрома крестьянами административных зданий и лавок в Ардоне. 21 декабря вспыхнуло восстание в сел. Алагир, в котором приняли участие более 3 тыс. крестьян 25 селений и аулов. Канцелярия начальника участка и дома должностных лиц были разгромлены, уничтожены документы, освобождены арестованные, местная власть изгнана. Выступления крестьян произошли в других селениях Осетии³⁶².

Высоким накал революционной борьбы в декабре 1905 г. был в Закавказье, особенно в Грузии. В течение декабря 1905 г. и начала января 1906 г. вооруженной борьбой была охвачена почти вся Грузия. Надо отметить, что одной из характерных примет декабрьского восстания здесь была тесная связь рабочих и крестьян, их взаимопомощь и взаимодействие. Второй особенностью являлась относительно большая насыщенность оружием, чем в других районах страны. Наконец, третьей — тактика повстанцев в борьбе с противником, носившая черты партизанской войны³⁶³. Вооруженное восстание в Грузии складывалось из множества больших и малых сражений. Когда правительство двинуло против рабочих Тифлиса войсковые части, Имеретинско-Мингрельский комитет РСДРП послал на помощь тифлисскому пролетариату 700 вооруженных дружинников из числа красных сотен Озургетского, Зугдидского, Сенакского и Кутаисского уездов³⁶⁴.

Боевым дружинам приходилось бороться не только против полиции и жандармов, но и против регулярных войск. Например, 28 декабря в Ткибули 150 дружинников вступили в бой с ротой 129-го Бессарабского пехотного полка. Блестящим успехом повстанцев стал захват ими Сурамского перевала. В конце декабря в Квириллах и Белогорах дружинники вели крупные боевые действия против стоящих здесь двух рот 77-го Тенгинского пехотного полка. В боевых действиях по разоружению воинских частей и прекращению железнодорожного сообщения через Сурамский перевал принимали участие дружины Михайлова, Кутаиси, Самтреды, Чохатаур, Белогоры.

После подавления восстания в Москве и на юге России, в Грузию были направлены значительные силы, которые вместе с войсками военного округа, полицией, жандармерией и черносотенцами смогли сломить сопротивление повстанцев.

С конца ноября гражданской войной была охвачена Прибалтика. Широкий размах получило здесь крестьянское движение. Руководство социал-демократии придало ему силу и организованность. Латышский пролетариат, будучи одним из передовых отрядов российской социал-демократии, оказал мощное воздействие на революционную борьбу в прибалтийской деревне. «Он больше,

чем кто-либо другой, — писал В. И. Ленин, — втянул в великую революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельскохозяйственный пролетариат и латышское крестьянство»³⁶⁵.

Значительным событием 1905 г. в Латвии было Тукумское вооруженное восстание. Тукумская социал-демократическая организация, насчитывавшая около 300 членов, решила дать надлежащий отпор силам контрреволюции, издевательствам местных баронов над населением, выразившихся в истязаниях и убийствах народных милиционеров. На призыв тукумцев в город прибыло до 3 тыс. батраков, крестьян, вооруженных косами, вилами, дробовиками. Был разработан план восстания, забаррикадированы улицы, и после отказа военного начальства вывести войска из города 1 декабря началось наступление. В результате упорной борьбы войска были разбиты. Повстанцы освободили из тюрем политических заключенных. Вместо них посадили арестованных полицейских и чиновников. Над городом взвилось красное знамя. Власти пошли на переговоры. Узнав о подготовке артиллерийского обстрела города и трезво рассчитав свои возможности, повстанцы согласились на перемирие. Оно было заключено при условии, что генерал, возглавлявший войска, никого из восставших не привлечет к ответственности за применение оружия, осудит баронов, творивших кровавую расправу над местным населением, и предоставит милиционерам возможность свободно выйти из города. Генерал пообещал выполнить требования восставших, и прибывшие на помощь тукумцам батраки и крестьяне разошлись по хуторам. «Тукумская республика» продержалась три дня.

Крупным центром революционных событий стала Руена, расположенная на границе между Латвией и Эстонией. Революционным движением руководила Руенская социал-демократическая организация — сельский центр «Лиесма». Хорошо организованная из рабочих и крестьян боевая дружина (600 человек) разоружила полицию, сместила местную власть. Когда началась декабрьская железнодорожная стачка, повстанцы захватили железную дорогу Руена — Пернов. «Руенская республика» просуществовала до 20 декабря. Она была разгромлена карательными отрядами генерал-палача А. А. Орлова.

Восстание и вооруженные бои с участием тысяч сельскохозяйственных рабочих, батраков и крестьян проходили в декабре 1905 г. в Тальсене, Вентспилсе, Айзпуте, а также в районах Лиелварде, Вецкаленеве, Стамириене и в других местах³⁶⁶.

Участники декабрьских восстаний в стране проявляли высокий героизм, однако они были плохо вооружены и не имели необходимого опыта вооруженной борьбы, нередко у них не было даже конкретного плана действий, регулярной связи с партийными организациями. Восстания рабочих не были поддержаны единовременным крестьянским выступлением. Характеризуя революционное движение в тот период, В. И. Ленин писал: «... рабочий класс в своем политическом развитии опередил крестьянство, а кре-

стьянство по своей готовности к всероссийскому революционному выступлению *еще не догнало рабочего класса*»³⁶⁷. В активную борьбу включались крестьяне прежде всего тех районов, которые были расположены близко к рабочим центрам, железным дорогам и железнодорожным узлам. В период декабрьских вооруженных восстаний большевикам не удалось слить воедино три потока революционного движения — рабочий, крестьянский и солдатский. Но трудовые массы России обогатились ценным опытом непосредственной борьбы с противником. Качественно новым в движении декабря 1905 г. было стремление крестьян установить боевой союз с восставшими рабочими. Продовольственная помощь рабочим в городах, участие в совместных боевых действиях — все это являлось конкретными формами осуществления союза рабочего класса и крестьянства.

В. И. Ленин высоко оценил приобретенный партией и массами опыт боевых выступлений против самодержавия. Отвечая на злобные измышления либералов и меньшевиков о том, будто декабрьская борьба была заговором меньшинства, он писал: «Это было классовое движение огромных масс пролетариата, пустившего в ход чисто пролетарское орудие борьбы, стачку, и присоединившего к себе невиданные на русской политической арене массы полупролетариев (железнодорожники, почтовые служащие и т. д.), крестьян (Юг, Кавказ, Прибалтийский край) и мелких буржуа городов (Москва)»³⁶⁸. В восстании В. И. Ленин видел школу будущих классовых битв трудящихся.

Декабрьское вооруженное восстание в Москве и других городах было высшей точкой революции. После его поражения начался период постепенного отступления революции и перехода царского правительства в наступление против рабочего класса и крестьянства. Но рабочий класс и крестьяне отступали медленно, с боями, переходя местами в контрнаступление. Крестьяне поднимались на вооруженные восстания против местных землевладельцев и властей. О характере вооруженной борьбы российского крестьянства во второй период революции дают представление некоторые отдельные эпизоды.

3 января 1906 г. началось восстание крестьян с. Киять Буинского у. Симбирской губ. Они установили в имениях помещиков свои порядки. Прибывший в село исправник со стражей арестовал 30 человек. Но односельчане, собравшись вместе, решили применить вооруженную силу и отбить их. Боясь этого нападения, исправник освободил арестованных. Министр внутренних дел Дурново, получив сообщение о событиях в Кияти, наложил на него следующую резолюцию: «Действия буинского исправника признаю неправильными: обязан был употребить оружие, но не мог выдавать арестованных»³⁶⁹.

В январе 1906 г. произошло крупное восстание крестьян в Молдавии. В с. Комрат (10 тыс. человек населения) Бендерского у. Бессарабской губ. часто происходили митинги и демонстрации, на которых жители требовали захвата и раздела помещичьих

земель. 5 января 1906 г. они решили арестовать местные власти, а для управления селом избрали комитет. Он-то и объявил Комратскую вол. республикой, вынес решение об отмене всех налогов, о прекращении мобилизации лиц запаса для царской армии, конфискации земель местного помещика и разделе их поровну между нуждающимися. На подавление выступлений выехал вице-губернатор с двумя эскадронами драгун. Узнав об этом, комратцы начали готовить вооруженный отпор, соорудив на дорогах к селу баррикады. Но драгуны, обойдя их, вступили в село. 10 января жители были согнаны на площадь и окружены плотным кольцом блюстителей порядка с обнаженными саблями. Комитет был арестован, одновременно с ним почти 200 крестьян. У крестьян было отобрано свыше 200 ружей и револьверов, холодное оружие, изъята нелегальная литература³⁷⁰.

9 февраля 1906 г. вспыхнуло восстание крестьян в Ардатове (Симбирская губ.). Крестьяне напали на городских, на разъезд конно-полицейской стражи и на высланный им на помощь казачий взвод. Были разгромлены квартиры исправника, архив, казначейство и пожарная охрана³⁷¹.

В июне 1906 г. произошло восстание в Царевосанчурске Яранского у. Вятской губ. Тысячная толпа крестьян, съехавшихся на ярмарку в Царевосанчурск, разгромила арестный дом, квартиры двух земских начальников, а также контору и квартиру управляющего имением генерала Дурново. Отряд вооруженной полиции обстрелял безоружную толпу из винтовок³⁷².

Восстание крестьян в Бобровском у. Воронежской губ. началось 25 июня 1906 г. и продолжалось 10 дней. Оно охватило 18 из 23 волостей уезда. С 28 июня по 3 июля в уезде были разгромлены и сожжены 52 усадьбы и хутора, принадлежавшие дворянам, купцам и кулакам-арендаторам. Восстание сопровождалось непрерывными вооруженными столкновениями с полицией и казаками³⁷³.

В июле 1906 г. произошло восстание в дер. Байряки Бугульминского у. Самарской губ. Группа безземельных крестьян этой деревни, из числа запасных солдат, еще весной столкнулась с купцом-землевладельцем Ждановым из-за аренды земли. Байрякинские крестьяне «постановили всем обществом ехать рубить лес Ждановых, возить хлеб их себе домой и поделить землю»³⁷⁴. 16 июля на хутор Жданова в разгар порубки прибыл отряд из 30 стражников и устроил облаву на крестьян. Последние оказали сопротивление и сами напали на полицейских. Самарский вице-губернатор И. Ф. Кошко в своих воспоминаниях писал: «Ведение нападения на полицию взяли на себя запасные солдаты, решив в атаке применить . . . способ обхода флангов. . .»³⁷⁵ 20 июля в Байряки явился сам Кошко с полуротой солдат. Началась расправа.

Восстание в с. Кай Вятской губ., начавшись 18 августа, продолжалось восемь дней. События начались с того, что в этот день был престольный праздник и в село съехалось много крестьян Слободского и Глазовского уездов, молодежь на улицах стала петь революционные песни. Полиция арестовала нескольких юно-

шей и девушек. В 11 часов вечера большая группа крестьян двинулась к квартире урядника и потребовала немедленно освободить арестованных. Произошла стычка со стражниками. На следующий день крестьяне двинулись к волостному правлению и на состоявшемся сходе объявили о создании «Кайской республики». Они избрали свой орган власти, назвав его «всенародное вече». Надо отметить, что жители с. Кай уже давно были распропагандированы ссыльными большевиками. Вооружившись кто чем мог, крестьяне организовали боевую дружину, разоружили полицию, установили вокруг села патрули. Для подавления восстания вятский губернатор двинул две казачьи сотни и драгун, которые потопили крестьянскую «республику» в крови³⁷⁶.

В августе 1906 г. подняли восстание крестьяне Николаевской слободы Царевского у. Астраханской губ. 25 августа в ответ на арест нескольких слобожан, заподозренных в связях с революционерами, крестьяне разогнали местную полицию и стражников, арестовали земского начальника. Разгромили канцелярии пристава, земского начальника и волостное правление. Захватили оружейный магазин, порвали телеграфные и телефонные провода. Устроили караульную службу вокруг Николаевки. Но оружие у повстанцев было слишком мало. Власти прибегли к помощи прибывших казачьих сотен и подавили восстание. Свыше 60 человек было арестовано в качестве «организаторов мятежа» и отправлено в тюрьму³⁷⁷.

Крупным революционным выступлением в Таврической губ. в 1906 г. было восстание в с. Большая Лепетиха Мелитопольского у. В конце августа 1906 г. в этом крупном селе (приблизительно 20 тыс. жителей) проходила ярмарка. Исправник, опасаясь, что на нее съедется много крестьян и при их революционных настроениях могут возникнуть волнения, послал в село стражников. Появление «незваных гостей» вызвало негодование, и их выгнали силой. Одновременно крестьяне сожгли дом священника, разгромили лавки купцов, заподозренных в вызове стражников, захватили телеграф. Восстание было подавлено военной силой³⁷⁸.

В январе 1907 г. жители с. Завьялова Бийского у. подняли восстание, поводом к которому послужили действия карательных отрядов. На помощь завьяловцам из с. Быстрый Исток двинулось почти 5 тыс. крестьян. Власти отмечали организованность восстания: «Набатов церковного колокола в селениях собираются сходы, составляют приговоры не признавать никаких властей. Идут усиленные вооруженные приготовления. По дорогам расставляются караулы, чтобы не допустить полицию, других чинов... Благодаря умело организованному бунтовщиками сторожевому охранению сведения с места беспорядков не доходят». Только войску удалось предотвратить соединение крестьян и жестоко расправиться с завьяловскими повстанцами. Это было одно из самых крупных выступлений сельчан-сибиряков. Вооруженные столкновения имели место еще в 22 пунктах Алтайского округа³⁷⁹. Наивысшая революционная активность алтайского крестьянства

среди западносибирского не была случайной. В алтайских селах находилось наибольшее количество внегородских промышленных предприятий, а следовательно, и наемных рабочих³⁸⁰.

В феврале 1907 г. произошло восстание крестьян нескольких селений Ядринского у. Казанской губ. Центром восстания явился с. Чемеево. Крестьяне под руководством рабочего И. М. Морева выступили против вооруженного отряда стражников, прибывшего на помощь местной власти в сборе податей и продаже имущества крестьян за недоимки. Восстание было подавлено. 18 наиболее активных его участников во главе с Моревым арестованы³⁸¹.

24 апреля 1907 г. произошло вооруженное столкновение крестьян с. Арпачева Новоторжского у. Тверской губ. со стражниками при захвате земли местной помещицы. Крестьяне, собравшись по набату, встретили блюстителей порядка выстрелами из револьверов, зарядили употребляемую для салюта пушку кусками железа и произвели из нее по ним четыре выстрела. Лишь к 10 часам вечера в селе было восстановлено спокойствие, инициаторам захвата земли и вооруженного выступления пришлось скрыться³⁸².

Крестьянские восстания 1905—1907 гг. свидетельствовали о способности крестьян выступать вооруженными массами против существующих порядков. Они показывали, как много натерпелись крестьяне от помещиков и сколько ненависти накопилось у них против своих притеснителей. Организация крестьянских восстаний была довольно традиционной. Для выступлений, поводом к которым часто служил какой-нибудь конкретный факт, например репрессивные действия властей, объединялись села и деревни, некоторые из которых фактически становились организационными центрами. Крестьянская масса выдвигала своих руководителей. Бывало, что в этой роли выступали находившиеся в деревне рабочие или отставные солдаты. Организовывалась планомерная агитация: крестьяне развозили по окрестным деревням красные знамена, призывая идти на помещиков, брать себе землю. Часто сигналом к восстанию служил деревенский набат. Во время восстаний и других массовых выступлений в волостных и сельских правлениях срывались государственные гербы, уничтожались царские портреты, податные книги, земельные акты, судебные дела и списки военнообязанных.

Крестьянские восстания были подавлены превосходящими силами самодержавия. Основные причины их поражений сводились к следующим: локальность, импульсивность, слабая организованность, недостаток оружия, нерешительность и быстрый переход к обороне. Эти восстания редко были связаны с революционными выступлениями рабочего класса.

На практике 1905—1907 гг. видно, что там, где рабочим удавалось добиться хотя бы временного успеха (в декабре) в городах (в основном южных и прибалтийских), крестьянство поддерживало их более активно и энергично. В ходе восстаний в ряде мест осуществлялось свержение местных властей и создание зачаточных органов революционной власти.

Партизанская война

Одной из форм борьбы народных масс за демократию, социальную свободу и национальную независимость в период первой российской революции была партизанская война.

«Партизанская борьба, — писал В. И. Ленин, — есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания и когда наступают более или менее крупные промежутки между „большими сражениями“ в гражданской войне». Ленин подчеркивал, что «ведут ее отдельные лица и небольшие группы лиц. Частью они принадлежат к революционным организациям, частью (в некоторых местностях России *большую* частью) не принадлежат ни к какой революционной организации»³⁸³.

Средства и приемы этой войны, как и революционного движения в целом, видоизменялись и совершенствовались. В первую очередь В. И. Ленин относил к ней вооруженные действия трудящихся. Главнейшей непосредственной задачей партизанских боевых выступлений были разрушение правительственного, полицейского и военного аппарата и беспощадная борьба с черносотенными организациями, прибегавшими к насилию над населением и запугиванию его. В. И. Ленин указывал на допустимость боевых выступлений и для захвата денежных средств, принадлежащих царскому правительству, с тем, чтобы они были обращены на нужды восстания. Партизанскими боевыми выступлениями должна руководить партия³⁸⁴, иначе народные массы не смогут в полной мере раскрыть свои возможности и в конечном счете обречены на провал.

«Широкое развитие и распространение получила эта форма борьбы, несомненно, — писал В. И. Ленин, — лишь в 1906 году, т. е. после декабрьского восстания. Обострение политического кризиса до степени вооруженной борьбы и в особенности обострение нужды, голодовки и безработицы в деревнях и в городах играли крупную роль в числе причин, вызвавших описываемую борьбу»³⁸⁵. Партизанские действия были направлены против карателей, насильников из числа военно-полицейского и чиновничьего аппарата, на добычу оружия, конфискацию принадлежащих правительству денежных средств на нужды революции. В ходе событий осваивалась тактика ведения боевых действий.

В качестве примера подобной борьбы Ленин указывал на движение «лесных братьев» в Латвии, которое он характеризовал как революционную партизанскую войну. Она была одним из ответов народных масс на действия правительственных карательных отрядов после подавления декабрьского восстания. Один из руководителей партизанского движения в Латвии, Д. Бейка, писал: «Лесных братьев... никто не придумывал. Лесные братья — это организованные солдаты революции, которые отступили из сельских центров на новые позиции»³⁸⁶.

Борьба «лесных братьев» была вооруженной борьбой трудящихся Латвии против царского самодержавия, ее поддерживали

широкие массы населения. Крестьяне «братьев» снабжали одеждой, пищей, давали ночлег, извещали о передвижении войск. Благодаря поддержке населения они оказывались неуловимыми для карателей.

Действовали латышские партизаны под руководством местных партийных организаций, подчинялись указаниям ЦК РСДРП. В состав их отрядов входили крестьяне, сельскохозяйственные рабочие, представители интеллигенции — латыши, русские, литовцы и лица других национальностей. Боевая деятельность «лесных братьев» заключалась преимущественно в истреблении палачей латышского народа, шпионов и предателей революции, в конфискации оружия, дезорганизации волостных правлений. Чтобы воспрепятствовать движению кавалерийских отрядов царских карателей, партизаны вдоль опушек лесов устраивали колючие проволочные заграждения, перекапывали дороги рвами. По некоторым данным, «лесные братья» вели борьбу в 91 волости Курляндской губ. и 84 — Лифляндской губ., что составляло 40 % общего числа волостей указанных губерний. В Витебской губ. «лесные братья» вели борьбу в девяти волостях (12 % общего числа волостей латышской части губернии). Всего в Латвии, по приблизительным подсчетам, было почти 5 тыс. «лесных братьев»³⁸⁷.

Партизанское движение в Латвии приняло особенно широкий размах с апреля по август 1906 г. в связи с новым подъемом революционной борьбы в стране. По неполным данным, с апреля до середины ноября 1906 г. в Лифляндской и Курляндской губерниях имели место 643 разного рода активные партизанские акции³⁸⁸.

Помимо вооруженной борьбы, партизаны вели организационную и идеологическую работу. Они созывали и охраняли митинги и демонстрации в селах, разъясняли на собраниях и в устных беседах крестьянам и сельским рабочим задачи и цели борьбы, распространяли нелегальную литературу. В их рядах поддерживалась строгая дисциплина. Был выработан устав, и каждый был обязан его выполнять.

Царские власти привлекли значительные силы на борьбу с партизанами, но не смогли сломить их сопротивление. Лишь в ноябре 1906 г., когда революционное движение значительно ослабло, конференция делегатов и пропагандистов сельских партийных организаций приняла решение о прекращении борьбы. Это решение подтвердил ЦК РСДРП. Партизаны прекратили борьбу организованно и непобежденными. Часть из них легализовались, многие эмигрировали за границу.

Борьба «лесных братьев» сыграла большую роль в революционном движении Латвии. Она ослабила контрреволюцию, замедлила наступление реакции, содействовала укреплению боевого союза рабочих и крестьян для будущих революционных боев.

Широкое распространение получила партизанская борьба революционных рабочих и крестьян-бедняков против царских карателей и местных угнетателей в Эстонии.

Большого размаха достигли в 1906 г. действия «красных сотен» в Грузии. Они систематически оказывали вооруженное сопротивление карательным отрядам, вели борьбу с помещиками и сельской буржуазией. Горийский уездный начальник в декабре 1906 г. писал тифлисскому губернатору: «Сельские управления не функционируют, школы закрыты, учреждения акцизного, лесного, учебного и пр. ведомств, за исключением самого гор. Гори, бездействуют. . . помещики и землевладельцы изгнаны из своих поместий. . . земли захвачены крестьянами. . . Духовенство, окончательно потерявшее свой престиж, во многих местах вовсе изгнано»³⁸⁹.

Марксисты, как известно, осуждают террористические акты, не связанные непосредственно с революционной борьбой масс, но подобные выступления крестьянства Закавказья, сочетавшиеся с широким массовым движением, приносили определенную пользу и приводили к ослаблению царизма. Говоря о значении террористических актов со стороны представителей революционных классов, обусловленных движением широких народных масс, В. И. Ленин писал: «Только в прямой, непосредственной связи с массовым движением могут и должны принести пользу и индивидуальные террористические действия»³⁹⁰.

Яркой страницей в летописи крестьянского движения в Азербайджане, Дагестане, Чечено-Ингушетии стало качагское (абреческое) движение. «Развертыванию качагского (партизанского. — Л. С.) движения, — пишут дагестанские историки, — способствовало и то обстоятельство, что население Дагестана в отличие от русских крестьян было почти поголовно вооружено. Значительную часть партизан составляли бежавшие из-под ареста участники аграрных волнений. Особенно крупными были действия качагов в Южном Дагестане. . . а также в Северном, близ границ Терской области. Действуя отрядами в несколько десятков человек, качаги (среди которых были и русские) сжигали бекские усадьбы и хозяйственные постройки, убивали помещиков, купцов, представителей царской власти, совершали внезапные налеты на рыбные промыслы, железную дорогу, воинские посты. . . Крестьяне укрывали их в случае необходимости, снабжали продуктами питания, одеждой, обеспечивали ночлегом, передавали сведения о передвижении воинских частей. При такой поддержке качаги были неуловимы»³⁹¹. Об этом же пишут и азербайджанские историки: «Качаги пользовались поддержкой у крестьян, которые снабжали их одеждой, пищей, оружием, часто предоставляли убежище и ночлег, предупреждали об опасности, о появлении воинских частей»³⁹².

В свою очередь, качаги оказывали огромную помощь крестьянам. В районах действия качагских отрядов власти опасались применять против непокорных крестьян силу. Действия качагов облегчали крестьянам захват помещичьих земель, порубку леса и пр. Качагское движение, поддерживаемое крестьянским населением, было направлено против социального и национального гнета и эксплуатации. Качагство изнуряло местные органы власти, пра-

вительственный аппарат, что существенно способствовало развитию революционного движения Северного Кавказа и Закавказья.

В Молдавии широкую известность получил отряд «народных мстителей», возглавляемый Г. И. Котовским. В 1906 г. они некоторое время держали в своих руках Кишиневско-Оргеевский тракт, совершая нападения на купцов, захватывая у них деньги и используя их для борьбы против помещиков. Отбывали у полицейских отрядов крестьян, арестованных за участие в освободительной борьбе. Боевые действия котовцев воодушевляли крестьян на борьбу за землю, свободу.

Многие официальных документов сохранилось о так называемом «разбойничестве» во время революции в Туркестане, которое также являлось одной из форм партизанского движения местного коренного населения, в основном крестьянства. Движение бедноты против байства возглавлял здесь Намаз Пиримкулов. Оно началось в 1905 г. и продолжалось до конца 1907 г. Сотни джигитов действовали мелкими отрядами, по 5—6 человек. Следственное производство «по делу о шайке разбойников в Самаркандской области, организованной Намазом Пиримкуловым», которое находилось у военного прокурора Туркестанского военно-окружного суда, составило 14 томов; кроме того, у мирового судьи 2-го участка Самаркандского у. было в производстве еще 63 судебных дела об этом же. Основной причиной неуловимости «разбойников», боровшихся против богачей и низовой царской администрации, являлась помощь и поддержка населения.

В проекте «всеподданнейшего отчета» командующему войсками Туркестанского военного округа за 1906 г. сказано: «Случаев вызова войск для содействия гражданским властям и вообще в целях предупреждения и прекращения беспорядков и для поимки разбойников было 630; вызывалось 75 рот, 29 сотен, 301 пешая, 246 конных команд». И это только за один 1906 г.! Если принять во внимание, что вызовов царских войск для прекращения «беспорядков» в городах было сравнительно немного, то будет ясно, что войска в крае боролись в основном с «разбойниками». Приведенные цифры свидетельствуют о довольно широком размахе партизанского движения среди крестьянства Туркестана. Это была, по сути дела, крестьянская война³⁹³. Только к концу революции, когда начался спад массового движения, царские власти получили наконец возможность эффективно бороться с «разбойничьими» отрядами.

Борьба «лесных братьев» в Латвии, качагство (абречество) в Дагестане, Азербайджане, Чечено-Ингушетии, движение «народных мстителей» в Молдавии, «разбойничество» в Туркестане и другие аналогичные движения были не чем иным, как партизанской борьбой местного крестьянства против угнетателей. Она была тесно связана с общереволюционной борьбой в стране. Движение «лесных братьев» в Латвии было наиболее организованным, так как оно в значительной мере развивалось под непосредственным влиянием социал-демократии. На Северном Кавказе, в Молдавии и Туркестане социал-демократические организации не при-

нимали такого непосредственного участия в руководстве подобными выступлениями. Поэтому здесь они носили стихийный и разрозненный характер и не могли вылиться в массовое организованное революционное движение. В таких партизанских отрядах, в том числе и у их руководителей, отсутствовало ясное представление о целях борьбы, методах достижения победы над эксплуататорами. Они выступали как стихийные мстители за страдания народа, протестовавшие против несправедливости общественного и государственного порядка, господствовавшего в стране.

Партизанский метод борьбы был распространен, особенно для окраин Российской империи (гайдучество, абречество и пр.), и в предшествующие периоды крестьянского движения. В Центральной России еще до реформы 1861 г. беглые крестьяне также создавали вооруженные отряды и устраивали нападения на помещичьи усадьбы. Но в 1905—1907 гг. крестьянская партизанская борьба в широком смысле этого понятия шла повсеместно. Этот момент в нашей литературе почему-то упускается. Здесь важно следующее положение В. И. Ленина. В статье «Кризис меньшевизма» (1906 г.) он прямо писал: «...не будьте же доктринерами, господа: взгляните, что значит это „постоянное брожение“ деревни наряду с „мелкой борьбой“, „карательными экспедициями“... Описываемое... положение дел есть не что иное, как длительная партизанская война...»³⁹⁴ Партизанская борьба была одной из своеобразных форм борьбы крестьянства в период первой российской революции, носившей не только социально-политический, но и ярко выраженный национально-освободительный характер.

* * *

Таким образом, в революции 1905—1907 гг. крестьянство Российской империи активно использовало такие формы борьбы, как отказ от уплаты податей и поставки рекрутов, выборов навязываемых властями должностных лиц сельского и волостного управления и создание самочинного крестьянского управления. Этим оно выражало протест против бюрократическо-чиновничьего аппарата царизма и всего господствующего строя.

Действенными и распространенными были сельскохозяйственные забастовки.

В борьбе с крупным частновладельческим и казенным землевладением крестьяне прибегали к самовольным захватам сенокосов и пастбищ, запашкам помещичьих (казенных, церковных, удельных) земель, порубкам леса и, наконец, поджогам и разгромам имений. Тем самым они фактически лишали землевладельцев экономической базы их господства. Аграрные волнения крестьянства подводили итог долго копившемуся недовольству против пережитков крепостничества и, несмотря на их недостаточную наступательность и организованность, были острыми формами революционных выступлений сельского населения. Они не могли решить исход «великой битвы», но недооценивать их, как это делали, например, меньшевики, значило совершенно не понимать

революционной диалектики. «Думать, что мыслима социальная революция, — писал позднее В. И. Ленин, — ... без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так значит отречься от социальной революции... Кто ждет „чистой“ социальной революции, тот никогда ее не дожидется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции»³⁹⁵.

Многие формы борьбы крестьянства не были новыми, но в годы революции они приняли дотоле невиданно острый, массовый и целенаправленный характер, стали составной частью общенародной борьбы. Крестьяне действовали уже не тайком, в одиночку или небольшими группками, как это бывало ранее, а коллективно, всем «миром», и открыто. Эти выступления, сопровождаясь, как правило, схватками с представителями карательных органов, являлись, по сути дела, локальными вспышками, близкими к восстанию против власти, за свободное землевладение.

Крестьянское движение было органической составной частью революционного процесса 1905—1907 гг. В декабрьских событиях 1905 г. взаимодействие пролетариата и крестьянства в ряде мест принимало форму боевого союза. В. И. Ленин писал: «Это факт, который остается фактом, что восстает пролетариат, восстает и крестьянство...»³⁹⁶ Подводя итоги, он заявлял: «При участии рабочей массы в городском восстании, при массовом нападении на врага, при решительной умелой борьбе за войско... при обеспеченном участии деревни в общей борьбе — победа будет за нами в следующем всероссийском вооруженном восстании!»³⁹⁷

Выступления крестьян против местных землевладельцев и властей в 1905—1907 гг. были показателем их способности к самым активным формам революционной борьбы. Закономерным результатом обострения классовых конфликтов явилась и повсеместная партизанская борьба в сельской местности. Объективно направленные против жестокого гнета и эксплуатации, крестьянские «волнения» подрывали мощь самодержавия, усиливали поляризацию и дифференциацию различных слоев и групп в деревне, способствовали появлению сознания того, что освобождение от вековой нужды и угнетения — дело общее, требующее объединения сил.

Вынужденная «новая» (стольпинская) политика царизма не только не разрешила аграрный вопрос, а, напротив, как показали дальнейшие события, углубила остроту классовой борьбы в деревне. Она не могла остановить крестьянское движение, на которое оказывали влияние общереволюционные события в стране, борьба рабочего класса и пропаганда идей революционных партий.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 315.

² Там же. Т. 15. С. 333.

³ Там же. Т. 30. С. 311.

- ⁴ Там же. Т. 17. С. 42—43.
- ⁵ См.: *Витте С. Ю.* Воспоминания: В 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 291.
- ⁶ Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1905 г. СПб., 1907. С. 32; см. также: *Петров В. А.* Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. М.; Л., 1964. С. 33. (по подсчетам В. А. Петрова — 1754 146).
- ⁷ *Дулов В. И.* Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск, 1956. С. 83.
- ⁸ См. подробнее: *Петров В. А.* Указ. соч. С. 48—94.
- ⁹ Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии в 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Горький, 1955. С. 336.
- ¹⁰ См.: *Карпов Н.* Крестьянское движение в революции 1905 года в документах. Л., 1926. С. 129.
- ¹¹ Революция 1905—1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии: Документы и материалы. Куйбышев, 1955. С. 47.
- ¹² Красный арх. 1930. Т. 2 (39). С. 91.
- ¹³ Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Начало первой русской революции. М., 1955. С. 751. (Далее: Революция 1905—1907 гг. в России. . .).
- ¹⁴ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905. Д. 2550. Ч. 21. Л. 36.
- ¹⁵ Там же. Ч. 33. Л. 6а.
- ¹⁶ Революция 1905—1907 гг. в Удмуртии: Материалы и документы. Ижевск, 1956. С. 29.
- ¹⁷ *Карпов Н.* Указ. соч. С. 127.
- ¹⁸ ЦГИА СССР. Ф. 1291. Оп. 30. 1905 г. Д. 4. Л. 3.
- ¹⁹ Революционное движение в Смоленской губернии в 1905—1907 гг.: Сб. документов. Смоленск, 1957. С. 61.
- ²⁰ Революционное движение в Н. Новгороде. . . С. 383.
- ²¹ Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции: Документы и материалы. Рязань, 1960. С. 41.
- ²² Революция 1905—1907 годов в Удмуртии. С. 28.
- ²³ ЦГИА СССР. Ф. ВЭО. Оп. 2. 1908 г. Д. 794. Л. 8.
- ²⁴ Аграрное движение 1905—1907 гг. в Московской области: Сб. документов. М., 1936. С. 101.
- ²⁵ История русско-японской войны 1904—1905 гг. М., 1977. С. 365.
- ²⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 88.
- ²⁷ *Лосицкий Ал.* Выкупная операция. СПб., 1906. С. 14; *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе, 1861—1880 гг. М., 1978. С. 73.
- ²⁸ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 1. С. 129. (Далее: КПСС в резолюциях. . .).
- ²⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 383—384.
- ³⁰ Аграрное движение 1905—1907 гг. в Московской области. С. 201.
- ³¹ Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Минск, 1955. С. 583.
- ³² Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 3. С. 283—284.
- ³³ См.: *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 90; *Симонова М. С.* Аграрная политика самодержавия в 1905 г. // Ист. зап. 1968. Т. 81. С. 199—215; *Сидельников С. М.* Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980; Кризис самодержавия в России, 1895—1917. Л., 1984. С. 249.
- ³⁴ Листовки петербургских большевиков, 1902—1917 гг.: В 2 т. Л., 1939. Т. 1. С. 278.
- ³⁵ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 2550. Ч. 52. Л. 43.
- ³⁶ Там же. Ч. 49. Л. 144.
- ³⁷ Революционные события 1905—1907 гг. в Курской губернии: Сб. документов и материалов. Курск, 1955. С. 113.
- ³⁸ Аграрное движение 1905—1907 гг. в Московской области. С. 85.
- ³⁹ Революционное движение на Брянщине, 1895—февр. 1917: Сб. документов и материалов. Тула, 1976. С. 113—114.
- ⁴⁰ Аграрное движение 1905—1907 гг. в Московской области. С. 72.
- ⁴¹ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 1, кн. 1. С. 415—416.
- ⁴² См.: *Харитонова Ю., Шербаков Д.* Крестьянское движение в Калужской губернии, 1861—1917 гг. Калуга, 1961. С. 92.
- ⁴³ Революционное движение в Смоленской губернии. . . С. 168.
- ⁴⁴ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. Д. 700. Ч. 3. Л. 37а.
- ⁴⁵ Революционные события 1905—1907 гг. в Курской губернии. С. 217.
- ⁴⁶ Участие вологжан в первой русской революции. Вологда, 1955. С. 64.
- ⁴⁷ *Шумилов М.* Революционное движение в Карелии в 1905—1907 гг. Петрозаводск, 1955. С. 35.
- ⁴⁸ Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905—1907 гг.: Документы и материалы. Чебоксары, 1956. С. 138, 166.
- ⁴⁹ Революционное движение в Н. Новгороде. . . С. 353.
- ⁵⁰ *Печав И. Л.* Революция 1905 года в Нижегородском крае. М., 1931. С. 123.
- ⁵¹ См.: *Гозлернер В. М.* Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции // Ист. зап. 1955. Т. 52. С. 214—215; *Шмыгин И. П.* Большевицкие организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905—1907 гг. Ульяновск, 1962. С. 300.
- ⁵² *Пальрина А. А.* Крестьянское движение в Вятской губернии в революции 1905—1907 годов. Киров, 1958. С. 43.
- ⁵³ Русские ведомости. 1906. 17 сент.
- ⁵⁴ Сборник документов и материалов о революционном движении 1905—1907 гг. в Башкирии. Уфа, 1956. С. 58—59.
- ⁵⁵ ЦГАОР. Ф. ДП. 4 д-во. 1907. Д. 20. Ч. 1. Л. 2.
- ⁵⁶ Крестьянское движение в Сибири, 1861—1907 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1985. С. 134.
- ⁵⁷ *Шабуня К. И.* Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг. Минск, 1962. Табл. 46, 48, 50, 52.
- ⁵⁸ *Иванов Ю., Шемяков Д.* Революционное движение в Молдавии в 1905—1907 гг. Кишинев, 1955. С. 175—176.
- ⁵⁹ Екатеринославщина в революции 1905—1907 гг.: Документы и материалы. Днепрпетровск, 1975. С. 208.
- ⁶⁰ Голос. 1906. 18 июня.
- ⁶¹ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 4 д-во. 1907 г. Д. 53. Ч. 1. Л. 2.
- ⁶² См.: *Скибицкий В. А.* Героические годы: Очерк о революционном движении в Черноморской губернии в годы первой русской революции. Краснодар, 1956. С. 65.
- ⁶³ Революция 1905—1907 гг. в Грузии: Сб. документов. Тбилиси, 1956. С. 96—97, 104—105, 142—143.
- ⁶⁴ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. М., 1963. Ч. 2, кн. 3. С. 344—345.
- ⁶⁵ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 2550. Ч. 31. Л. 33 об.
- ⁶⁶ Революция 1905—1907 гг. в Литве: Документы и материалы. Вильнюс, 1961. С. 354—355, 421.
- ⁶⁷ *Пясковский А. В.* Революция 1905—1907 годов в Туркестане. М., 1958. С. 433.
- ⁶⁸ Русские ведомости. 1906. 17 сент.
- ⁶⁹ Это обстоятельство отмечено сибирскими учеными. См.: Крестьянское движение в Сибири. . . С. 111.
- ⁷⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 114.
- ⁷¹ Там же. С. 117.
- ⁷² КПСС в резолюциях. . . Т. 1. С. 129.
- ⁷³ Листовки большевицких организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.: В 3 т. М., 1956. Ч. 2. С. 302.
- ⁷⁴ Революция 1905—1907 гг. в г. Самаре. . . С. 201.
- ⁷⁵ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 2. С. 273.
- ⁷⁶ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 3, кн. 2. С. 785—787.
- ⁷⁷ Материалы к крестьянскому вопросу. Б. м., 1905. С. 86.
- ⁷⁸ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии: Сб. документов и материалов. Таллин, 1955. С. 343.
- ⁷⁹ История Эстонской ССР; В 3 т. Таллин, 1966. Т. 2. С. 450.
- ⁸⁰ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 403.

- 81 Пролетарий. 1906. 8 сент.
- 82 Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 559, 576.
- 83 Там же. Ч. 2, кн. 2. С. 344—345.
- 84 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. Д. 25. Ч. 34. Л. 12.
- 85 Революция 1905—1907 годов на территории Мордовии: Сб. документов и материалов. Саранск, 1955. С. 323—324.
- 86 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1907 г. Д. 5. Ч. 8. Л. 29.
- 87 Б-ка ИМЛ: ЦЛН. 43а.
- 88 *Лисовский Н. К.* Долой самодержавие! 1905 год на Южном Урале. Челябинск, 1975. С. 203—204.
- 89 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 7 д-во. 1907 г. Д. 517. Л. 20.
- 90 См.: Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 годов: Документы и материалы. Ульяновск, 1955. С. 142—143; *Водоватов Ф. Я.* Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905—1907 гг. Куйбышев, 1957. С. 171.
- 91 См. соответствующую резолюцию ЦК РСДРП в кн.: Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 310.
- 92 Б-ка ИМЛ: Ц-20833.
- 93 Петербургский комитет РСДРП: Протоколы и материалы заседаний, июль 1902—февр. 1917. Л., 1986. С. 272.
- 94 Революция 1905—1907 гг. в Грузии. С. 349—350.
- 95 ЦГАОР. Ф. 58. 1906 г. Оп. 2. Д. 1180. Л. 2.
- 96 КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 129, 196.
- 97 См.: *Тан.* Новое крестьянство. СПб., 1906. С. 42.
- 98 Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 2. С. 377—379.
- 99 Там же. С. 240.
- 100 Аграрное движение в России в 1905—1907 гг.: В 2 ч. СПб., 1908. Ч. 1. С. 18.
- 101 Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 1, кн. 1. С. 525.
- 102 Аграрное движение в России... Ч. 1. С. 213; *Ромашова В. И.* Корреспонденты ВЭО о крестьянском движении 1905—1907 годов в северо-западных губерниях России // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1986. С. 76.
- 103 ЦГИА СССР. Ф. МЮ. Оп. 194. 1905—1908 гг. Д. 85. Л. 37—40 об.
- 104 Там же. Д. 43. Л. 17—17 об.
- 105 Революционные события 1905—1907 гг. в Курской губернии. С. 119.
- 106 Харьков и Харьковская губерния в первой русской революции 1905—1907 годов: Сб. документов и материалов. Харьков, 1955. С. 295.
- 107 Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 3, кн. 1. С. 639—640.
- 108 ЦГАОР. Ф. ДП. 7 д-во. 1906 г. Д. 2. Ч. 69. Л. 314—315.
- 109 *Золотов В. А.* Крестьянское движение на Дону в 1905—1907 гг. Ростов н/Д, 1955. С. 25.
- 110 Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 2. С. 541.
- 111 Страна. 1906. 23 февр.
- 112 Воронеж. слово. 1906. 17 (30) июня.
- 113 Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 1, кн. 1. С. 252, 440.
- 114 ЦГИА СССР. Ф. 91. Оп. 2. 1907 г. Д. 790. Л. 15.
- 115 Крестьянское движение в Рязанской губернии... С. 87.
- 116 Революционное движение в 1905—1907 гг. в Костромской губернии: Сб. документов. Кострома, 1955. С. 258.
- 117 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. 1 отд. Д. 2. Ч. 7. Л. 126—127.
- 118 *Сулейменов Б. С.* Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 годах. Алма-Ата, 1977. С. 77.
- 119 См.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: В 2 т. Грозный, 1967. Т. 1. С. 185.
- 120 Революционное движение в Юго-Осетии, 1905—1907 годы: Документы и материалы. Сталинири, 1958. С. 154.

- 121 Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 2, кн. 2. С. 349.
- 122 Волгарь. 1907. 15 окт.
- 123 Революция 1905—1907 гг. в г. Самаре... С. 401.
- 124 Крестьянское движение в Сибири... С. 124.
- 125 Перестрой. 1906. 1 сент.
- 126 См.: Революция 1905—1907 гг. в Литве. С. 418—419; Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 4. С. 278.
- 127 Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 2. С. 326.
- 128 Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 3, кн. 1. С. 311.
- 129 Самарский курьер. 1906. 25 янв.
- 130 Вольнь. 1906. 8 авг.
- 131 Революция 1905—1907 гг. на Украине: Сб. документов и материалов: В 2 т. Киев, 1955. Т. 2, ч. 2. С. 223.
- 132 Революционное движение в Смоленской губернии... С. 253.
- 133 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 203.
- 134 *Ауфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России: Конец XIX—нач. XX века. М., 1969. С. 364.
- 135 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 254.
- 136 Подробнее см.: *Симонова М. С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987; *Сидельников С. М.* Указ. соч.; Кризис самодержавия в России, 1895—1917. С. 46—69.
- 137 Полное собрание законов Российской империи. III. Т. 26. Отд. 1. № 27478; Сборник законов и распоряжений по землеустройству. СПб., 1908. С. 111—114.
- 138 Аграрное движение в России... Ч. 1. С. 109, 259.
- 139 ЦГИА СССР. Ф. 408. Оп. 1. 1908 г. Д. 32. Л. 184.
- 140 *Шабуня К. И.* Указ. соч. С. 394.
- 141 *Николаев П. Н.* Революционное движение в Чувашии в 1905—1907 гг. Чебоксары, 1956. С. 165.
- 142 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. Д. 700. Ч. 37. Д. 26.
- 143 *Редькин П. К.* Крестьянское движение в Московской губернии в годы первой русской революции // Учен. зап. МГНИ. 1958. Т. 59, вып. 4. С. 231.
- 144 Курская вест. 1906. 14 июля.
- 145 Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий за первый год их существования. СПб., 1908. С. 1.
- 146 Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Кн. 1. С. 88.
- 147 См.: Законодательные акты переходного времени (1904—1908 гг.). СПб., 1909. С. 404—407, 409—419.
- 148 Там же. С. 452—461.
- 149 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 265.
- 150 *Герасименко Г. А.* Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985. С. 30.
- 151 *Василевский Е. Г.* Идеиная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. М., 1960. С. 67—68.
- 152 ЦГИА СССР. Ф. 1278 (2). Оп. 1. 1907. Д. 780. Л. 145.
- 153 Наиболее значительными являются исследования: *Дубровский С. М.* Указ. соч.; *Перици П. Н.* Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. 1; *Сидельников С. М.* Аграрная реформа Столыпина. М., 1973; *Он же.* Аграрная политика самодержавия в период империализма; *Василевский Е. Г.* Указ. соч.; *Герасименко Г. А.* Указ. соч.
- 154 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 282—283.
- 155 *Ауфимов А. М.* К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Ист. зап. 1959. Т. 65. С. 161.
- 156 *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. С. 537—538; *Литинский Л. П.* Классовая борьба в белорусской деревне, 1907—1914. Минск, 1981. С. 104.
- 157 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 122—125, 139, 164—174, 179; Первый штурм царизма, 1905—1907. М., 1986. С. 10—11.
- 158 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 576—577.
- 159 См.: Там же. С. 236.

- 160 Там же. Т. 10. С. 49.
- 161 Историографию вопроса см.: *Симонова М. С.* Крестьянское движение 1905—1907 гг. в советской историографии // *Ист. зап.* 1975. Т. 95. С. 219—222. За последние годы вышел еще ряд статей, посвященных борьбе сельскохозяйственных рабочих, в основном района Северного Кавказа (авторы А. Годючко, Б. Трехбратов).
- 162 *Лещенко Н. Н.* Стачки сельскохозяйственных рабочих и крестьян на Украине в период первой русской революции // *Из истории экономической и общественной жизни России.* М., 1976.
- 163 Там же. С. 220.
- 164 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 2550. Ч. 41. Л. 8.
- 165 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Ч. 2, кн. 1. С. 450.
- 166 Там же. С. 293.
- 167 ЦГИА СССР. Ф. 515. Оп. 77. 1906 г. Д. 124. Л. 11.
- 168 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 2550. Ч. 41. Л. 63.
- 169 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 2, кн. 3. С. 97.
- 170 Революционное движение в Тульской губернии 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Тула, 1956. С. 233.
- 171 *Обнинский В.* Новый строй. М., 1909. Ч. 1. С. 123.
- 172 Революция 1905—1907 гг. в Литве. С. 303.
- 173 История Эстонской ССР. Ч. 2. С. 409.
- 174 Очерки истории Коммунистической партии Латвии. Рига, 1962. Т. 1. С. 124—125.
- 175 Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России. М., 1955. С. 352.
- 176 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Ч. 2, кн. 1. С. 225; Второй период революции. Ч. 2, кн. 3. С. 128.
- 177 *Лещенко М. Н.* Українське село в революції 1905—1907 рр. Київ, 1977. С. 255.
- 178 Большевики Белоруссии в первой русской революции. М., 1955. С. 62; *Шабуня К. И.* Указ. соч. С. 209.
- 179 ПСЗ-III. Т. 26. Отд. 1. № 27744. Ст. IV.
- 180 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 2. кн. 3. С. 473.
- 181 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. Д. 700. Ч. 46. Л. 111.
- 182 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 2, кн. 2. С. 153, 156.
- 183 *Бабичев М.* Массовые волнения крестьян и казаков Кубани в годы первой русской революции // *Наш край.* Краснодар, 1960. Вып. 1. С. 93.
- 184 См.: *Шигабудинов М. Ш.* Рабочие в авангарде революционного движения на Северном Кавказе в 1905—1907 гг. // *Революция 1905—1907 гг. в Дагестане.* Махачкала, 1976. С. 55.
- 185 *Греков А. М.* Приазовье и Дон. СПб., 1912. С. 51.
- 186 *Годючко А. И.* Борьба сельскохозяйственных рабочих на Северном Кавказе в 1905—1906 гг. // *Рабочие и социал-демократия Северного Кавказа накануне и в годы первой русской революции.* Ростов н/Д, 1976. С. 113.
- 187 См.: Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 2, кн. 3. С. 361—363, 648.
- 188 Приволжский край. 1906. 2 июня; *Шестаков А. В.* Борьба сельских рабочих в революции 1905—1907 гг. М.; Л., 1930. С. 44—45.
- 189 *Гохлернер В. М.* Указ. соч. С. 225—226.
- 190 Революционные события 1905—1907 гг. в Курской губернии. С. 177.
- 191 Курская вест. 1906. 15 июля.
- 192 Выражение помещиков Козловского уезда. См.: Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 2, кн. 2. С. 174.
- 193 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Ч. 1. С. 719—720.
- 194 Страна. 1906. 17 (30) сент.
- 195 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. 2 отд. Д. 700. Ч. 52. Л. 37; см. также: *Маргулис У. Л.* Сельскохозяйственная забастовка в Рязанской губернии в 1906 году // *Учен. зап. Рязан. гос. пед. ин-та.* 1957. Т. 10.

- 196 Революционное движение в Псковской губернии в 1905—1907 гг.: Сб. документов. Псков, 1956. С. 155.
- 197 Там же. С. 136—137.
- 198 *Папырина А. А.* Революционное движение в Вятской губернии в 1905—1907 гг. Киров, 1975. С. 79.
- 199 См.: *Захаров А. И.* Забастовка чекурских крестьян-ямщиков // *Революционные события 1905—1907 гг. в Якутии.* Якутск, 1956. С. 93—110.
- 200 *Ушаков А. В.* Борьба за единство рабочего класса России: (Деятельность В. И. Ленина и большевиков по сплочению пролетариата). М., 1981. С. 137.
- 201 *Шестаков А. В.* Указ. соч. С. 83—84.
- 202 См.: *Дубровский С. М.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956. С. 77, 79.
- 203 См.: *Лещенко М. Н.* Українське село. . . С. 255.
- 204 См.: *Леванов Б. В.* Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой русской революции. Л., 1974. С. 107—112; *Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 53—56; *Гинев В. Н.* Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества 1902—1904 гг. Л., 1983.
- 205 Революционная Россия. 1905. № 67.
- 206 *Гинев В. Н.* Указ. соч. С. 62, 64.
- 207 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 1. С. 434.
- 208 Революция 1905—1907 гг. в Латвии: Документы и материалы. Рига, 1956. С. 130.
- 209 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 1, кн. 1. С. 447—448.
- 210 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Начало первой русской революции. С. 671.
- 211 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 2, кн. 3. С. 175.
- 212 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 319.
- 213 В связи с вышеизложенным вряд ли можно считать правильным категорическое утверждение авторов одного из коллективных исследований, что «большевики считали разгром помещичьих имений. . . одной из самых решительных форм революционных выступлений крестьян и оказывали им поддержку» (курсив наш. — *Л. С.*). (Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством. М., 1969. С. 84).
- 214 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 203; Т. 17. С. 68.
- 215 См.: История СССР: В 12 т. М., 1968. Т. 6. С. 22—23; Первый штурм царизма, 1905—1907. С. 6—7.
- 216 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 134.
- 217 Там же. Т. 9. С. 357.
- 218 КПСС в резолюциях. . . Т. 1. С. 129.
- 219 Листовки большевистских организаций. . . Ч. 2. С. 491.
- 220 Там же. Ч. 3. С. 105.
- 221 См.: *Климов П. И.* Революционная деятельность рабочих в деревне в 1905—1907 гг. М., 1960. С. 85—86; *Тропин В. И.* Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970. С. 77—80.
- 222 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 221—222.
- 223 Конфискация, объяснял В. И. Ленин, есть юридическое признание захвата, утверждение его законом. Для осуществления конфискации земли партия должна звать крестьян к ее захвату, а затем этот захват «должен быть признан, узаконен всенародным учредительным собранием» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 12. Примеч.).
- 224 См.: Там же. Т. 13. С. 12.
- 225 Там же.
- 226 Революционное движение в Белоруссии. . . С. 151—152.
- 227 ЦГАОР. Ф. ДП. Оп. 168. 1905 г. Д. 68. Л. 230—230 об.
- 228 ЦГИА СССР. Ф. 1404. Оп. 107. Д. 7380. Л. 4.
- 229 См.: *Иванов Ю. Г.* Революционное движение в Молдавии (с 1895 по февраль 1917 г.). Кишинев, 1980. С. 118, 126.
- 230 Красный архив. 1936. Т. 5(78). С. 108.
- 231 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 2550. Ч. 45. Л. 30.
- 232 Там же. Ч. 53. Л. 8.

- 233 Там же. Л. 16—17.
- 234 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Ч. 1. С. 652.
- 235 См.: История Дагестана: В 4 т. М., 1968. Т. 2. С. 228.
- 236 Северная Осетия в революции 1905—1907 годов: Документы и материалы. Орджоникидзе, 1955. С. 37, 63—65.
- 237 ЦГИА СССР. Ф.МЮ. Оп. 108. 1906 г. Д. 6819. Л. 3.
- 238 Красный архив. 1936. Т. 5(78). С. 110—111.
- 239 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 2550. Ч. 60. Л. 164—165.
- 240 См.: Крестьянство и революция в России. М., 1907. С. 20; Михайлюк А. Г. Крестьянское движение на Левобережной Украине в 1905—1907 гг. // Ист. зап. 1954. Т. 49. С. 182.
- 241 1905—1907 годы на Дону: Сб. документов. Ростов н/Д, 1955. С. 133—134.
- 242 Аграрное движение в России в 1905—1906 гг. Ч. 2. С. 527.
- 243 ЦГИА СССР. Ф. 1405. Оп. 194. Д. 78. Л. 53.
- 244 Подробнее см.: Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 225—226.
- 245 Азиатская Русь. 1905. 17 дек.
- 246 *Наязкин К. Я.* Революция 1905—1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1955. С. 43.
- 247 ЦГАОР. Ф. Царекосельского дворца. 1905 г. Д. 568. Л. 2—4.
- 248 См.: *Харитонова Ю., Щербаков Д.* Указ. соч. С. 91.
- 249 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. Д. 700. Ч. 59. Л. 53—56.
- 250 Костромская газета. 1906. 24 мая.
- 251 *Гохлернер В. М.* Указ. соч. С. 224.
- 252 Революционное движение в Новгородской губернии 1905—1907 годы: Сб. документов и материалов. Л., 1980. С. 299.
- 253 1905 год в Царицыне: Воспоминания и документы. Сталинград, 1960. С. 172.
- 254 Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Краснодар, 1956. С. 345.
- 255 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. 2 отд. Д. 700. Ч. 7. Л. 91.
- 256 ЦГАОР. Ф. 58. 1906 г. Оп. 2. Ч. 2. Д. 446. Л. 1 об.
- 257 *Першин П. Н.* Указ. соч. С. 269.
- 258 Подробнее см.: *Анфимов А. М.* Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX—начале XX в. // Ист. зап. 1958. Т. 63.
- 259 Аграрное движение 1905—1907 гг. в Московской области. С. 44.
- 260 Революция 1905—1907 гг. в Латвии. С. 124.
- 261 Революционное движение в Смоленской губернии. . . С. 69.
- 262 ЦГИА СССР. Ф. Земс. отд. МВД. Оп. 122. Д. 34-б. Ч. 1. Л. 64.
- 263 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Ч. 1. С. 699.
- 264 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 2550. Ч. 45. Л. 29.
- 265 *Серегин В. П.* Аграрное движение в Тульской губернии и борьба большевиков за крестьянство в период революции 1905—1907 годов. Тула, 1952. С. 65.
- 266 *Чуров В. И.* Крестьянское движение на Севере в годы первой русской буржуазно-демократической революции, 1905—1907 гг. Сыктывкар, 1982. С. 17.
- 267 ЦГИА СССР. Ф. 1405. МЮ. Оп. 108. 1906 г. Д. 6890. Л. 2—2 об.
- 268 Революционное движение в Новгородской губернии. . . С. 161, 229.
- 269 См.: Обзор Казанской губернии за 1905 г. Казань, 1906. С. 99; Обзор Казанской губернии за 1906 г. Казань, 1907. С. 88.
- 270 ЦГАОР. Ф. 124. МЮ. Оп. 65. Д. 4. Л. 5 об., 6.
- 271 Революция 1905—1907 годов в Прикамье: Документы и материалы. Пермь, 1955. С. 203.
- 272 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. Д. 700. Ч. 13. Л. 49.
- 273 Революционные события на Алтае в 1905—1907 гг.: Сб. документов. Барнаул, 1967. С. 128—129, 140.
- 274 См.: *Жидков Г. Н.* Указ. соч. С. 222.
- 275 Революционное движение в Тобольской губернии (1905—1914): Сб. документов и материалов. Тюмень, 1961. С. 76.
- 276 Крестьянское движение в Сибири. . . С. 108.
- 277 Революция 1905—1907 годов в Удмуртии. С. 52.

- 278 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 2. С. 155.
- 279 См., напр: Крестьянское движение в Рязанской губернии. . . С. 158; Революционное движение в Псковской губернии. . . С. 131.
- 280 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г., Д. 2550. Ч. 53. Л. 52—52 об.
- 281 Самарская газета. 1905. 1 нояб.
- 282 Третий съезд РСДРП: Сб. документов и материалов. М., 1955. С. 377.
- 283 Рус. ведомости. 1906. 17 сент.
- 284 ЦГИА. Ф. 1405. МЮ. Оп. 108. 1906 г. Д. 6894. Л. 3—5.
- 285 Красный архив. 1936. Т. 5(78). С. 110—112.
- 286 ЦГАОР. Ф. МЮ. 1908 г. Д. 141. Л. 18.
- 287 Там же. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 2540. Л. 147; *Шмыгин И. П.* Указ. соч. С. 193.
- 288 Там же. Д. 2550. Ч. 45. Л. 111—112.
- 289 ЦГИА СССР. Ф. 1405. Оп. 230. 1910 г. Д. 1851. Л. 7 об.
- 290 ЦГАОР. Ф. МЮ. Оп. 65. Д. 5 Л. 7 об.; Д. 12. Л. 5 об.
- 291 Там же. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 1350. Ч. 12. Л. 65—74.
- 292 *Иванов Ю. Г.* Указ. соч. С. 129—130.
- 293 Уфимский рабочий. 1907. 1 янв.
- 294 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 4. Ч. 6. Л. 156.
- 295 См.: *Патырина А. А.* Крестьянское движение в Вятской губернии в революции 1905—1907 годов. С. 85.
- 296 Революционное движение в Смоленской губернии. . . С. 323—324, 326—328.
- 297 *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. С. 541.
- 298 Корреспондент газеты «Вперед» (1905, 29(16) марта) писал, что движение из Курской губ. перекинулось в Черниговскую потому, что «целью крестьянских отрядов» был Шостенский пороховой завод, расположенный в Глуховском у., и что поэтому в Шостку спешно стягивались войска.
- 299 О событиях на Михайловском хуторе см. подробнее: Революция 1905—1907 гг. на Украине. Т. 2, ч. 1. С. 125—136.
- 300 Революционное движение в Орловской губернии в период первой русской революции 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Орел, 1957. С. 9; Искра. 1905. 5 апр.
- 301 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 2550. Л. 38.
- 302 Революционная борьба трудящихся Пензенской губернии в 1905—1907 годах: Сб. документов. Пенза, 1955. С. 74—75.
- 303 Крестьянское движение 1905—1907 гг. в Тамбовской губернии: Сб. документов. Тамбов, 1957. С. 48.
- 304 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 2. С. 387—388, 390.
- 305 ЦГИА СССР. Ф. Сов. мин. Оп. 2. 1906 г. Д. 518. Л. 1.
- 306 Страна. 1906. 9 мая.
- 307 ЦГИА СССР. Ф. 1405. МЮ. Оп. 194. Д. 102. Л. 9 об.
- 308 Революционное движение в Воронежской губернии 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Воронеж, 1955. С. 291, 306—307, 317—319.
- 309 Революционное движение в 1905—1907 гг. в Костромской губернии. С. 179.
- 310 *Никишин П. О.* 1905 год: Очерки по рабоче-крестьянскому движению в Пензенской губернии. Пенза, 1925. С. 91.
- 311 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Кн. 1. С. 366, 368.
- 312 1905: Аграрное движение в 1905—1907 гг. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 605.
- 313 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 1. С. 135.
- 314 Ист. вестн. 1913. № 6. С. 857—859.
- 315 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 3, кн. 1. С. 306.
- 316 Революция 1905—1907 гг. на Украине. Т. 2, ч. 1. С. 693; ЦГИА СССР. Ф. 1405. МЮ. Оп. 194. Д. 78. Л. 12—14; ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. Д. 700. Ч. 15. Л. 4—5.
- 317 Революция 1905—1907 гг. на Украине. Т. 2, ч. 1. С. 685—692.
- 318 Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 3, кн. 1. С. 688.
- 319 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. Д. 700. Ч. 15. Л. 5.
- 320 Революционная борьба на Херсонщине в 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Херсон, 1962. С. 13.

- ³²¹ Красный архив. 1935. № 6. С. 133.
- ³²² Греков А. М. Указ. соч. С. 65.
- ³²³ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 2550. Ч. 31. Л. 140; Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 4. С. 417.
- ³²⁴ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 1, кн. 1. С. 175.
- ³²⁵ Там же. Ч. 3. С. 197.
- ³²⁶ Тульская речь. 1906. 22 окт.
- ³²⁷ Воронежские большевики в революции 1905—1907 гг. С. 260.
- ³²⁸ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. Д. 700. Ч. 7. Л. 90 об.
- ³²⁹ Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.). Минск, 1953. Т. 3. С. 566—570; Революционная борьба на Херсонщине. . . С. 323—324.
- ³³⁰ Революционные события 1905—1907 гг. в Курской губернии. С. 221—225.
- ³³¹ С.-Петербургские ведомости. 1906. 30 дек.
- ³³² См.: *Веселовский Б.* Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России, 1902—1906 гг. СПб., 1907. С. 86—87.
- ³³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 322.
- ³³⁴ Симонова М. С. Крестьянское движение 1905—1907 гг. . . . С. 214—215.
- ³³⁵ Там же. С. 247.
- ³³⁶ См.: *Волков Н. В.* Влияние пролетариата на крестьянское движение в губерниях Верхнего Поволжья (1905—1907 гг.) // Рабочий класс и Советы в революции 1905—1907 гг. в России. Иваново, 1976. С. 129; Революционное движение в Калужской губернии в период первой русской революции 1905—1907 годов: Сб. документов. Калуга, 1953. С. 239; *Платов В. С.* Революционное движение в Тверской губернии (конец XIX—начало XX в.). Калинин, 1959. С. 227; Революционное движение в Смоленской губернии. . . С. 16—17; *Шульпин П. И.* Нижегородское крестьянство в борьбе с царизмом и помещиками, 1900—1917. Горький, 1968. С. 52; *Мужев М. Ф.* Очерки истории революционного движения на Северном Кавказе в 1905—1907 гг. Нальчик, 1957. С. 241.
- ³³⁷ *Дубровский С. М.* Крестьянское движение. . . С. 72.
- ³³⁸ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 1. С. 42.
- ³³⁹ Протоколы делегатского совещания ВКС 6—10 ноября 1905 г. в Москве. М., 1906. С. 46—47.
- ³⁴⁰ Сын Отечества. 1905. 12 нояб.
- ³⁴¹ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 1350. Ч. 20. Л. 61—68.
- ³⁴² Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 2. С. 395.
- ³⁴³ *Обнинский В.* Указ. соч. С. 115.
- ³⁴⁴ Подробнее см.: *Киржица А.* Рабоче-крестьянские массы в борьбе с погромами 1905 года. М., 1930.
- ³⁴⁵ Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1909. Т. 2, ч. 1. С. 62, 119; *Прокопович С. Н.* Аграрный кризис и мероприятия правительства. СПб., 1912. С. 79.
- ³⁴⁶ Статистика пожаров в Российской империи за 1895—1910 годы. СПб., 1912. Ч. 1. С. XXVIII.
- ³⁴⁷ *Ермолов А. С.* Современная пожарная эпидемия России. СПб., 1910. С. 119.
- ³⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 179—180.
- ³⁴⁹ Подробнее см.: *Сенчакова Л. Т.* Российское крестьянство в декабрьских событиях 1905 г. // Преподавание истории в школе. 1982. № 6.
- ³⁵⁰ *Шморгуи П. М.* Советы рабочих депутатов на Украине в 1905 г. // Ист. зап. 1954. Т. 49. С. 38.
- ³⁵¹ ЦГАОР. Ф. МЮ. 124. Оп. 57. Д. 34. Л. 12 об.
- ³⁵² Революция 1905—1907 гг. на Украине. Т. 2, ч. 1. С. 582.
- ³⁵³ Бюл. БСК. 1905. 22 дек.
- ³⁵⁴ Екатеринославщина в революции. . . С. 247—248.
- ³⁵⁵ Революция 1905—1907 гг. на Украине. Т. 2, ч. 1. С. 591.
- ³⁵⁶ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 1. С. 98.
- ³⁵⁷ Волна. 1906. 29 апр.
- ³⁵⁸ *Ортабаев В. Х., Бекузаров Х. Х.* Революционное движение в Северной Осетии в 1905—1907 гг. // Северный Кавказ в период революции 1905—1907 гг. Краснодар, 1981. С. 134.
- ³⁵⁹ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 2. С. 552.
- ³⁶⁰ См.: *Куценко Я. И., Латкин В. Ф.* К истории вооруженного восстания в Сочи в декабре 1905 г. // Ист. арх. 1955. № 6. С. 47—74.
- ³⁶¹ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 1350. Ч. 1. Л. 115.
- ³⁶² См.: Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1969. С. 20—21.
- ³⁶³ См.: Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 гг. М., 1981. С. 222—223.
- ³⁶⁴ Очерки истории Коммунистической партии Грузии. Тбилиси, 1971. С. 162.
- ³⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 306.
- ³⁶⁶ О народных восстаниях в Латвии см.: *Красный Я. П.* Революция 1905—1907 гг. в Латвии. М., 1952.
- ³⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 288. Продолжая свою мысль, В. И. Ленин отмечал: «Оно (крестьянство. — Л. С.) догоняет его все время после декабря и в значительной степени благодаря декабрю. . .» (Там же).
- ³⁶⁸ Там же. С. 76.
- ³⁶⁹ 1905: Аграрное движение в 1905—1907 гг. Т. 1. С. 526.
- ³⁷⁰ См.: Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 1, кн. 2. С. 248—250; *Иванов Ю. Г.* Указ. соч. С. 136—137.
- ³⁷¹ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 1, кн. 1. С. 732.
- ³⁷² Там же. Ч. 2, кн. 2. С. 348.
- ³⁷³ Воронежские большевики в революции 1905—1907 гг. Воронеж, 1955. С. 263.
- ³⁷⁴ 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С. 468.
- ³⁷⁵ *Кошко И. Ф.* Воспоминания губернатора, 1905—1914 гг. Пг., 1916. С. 66.
- ³⁷⁶ Революция 1905—1907 годов в Удмуртии. С. 53; *Павырина А. А.* Революционное движение в Вятской губернии в 1905—1907 гг. С. 126—127.
- ³⁷⁷ Наш край: Ист.-рев. сб. Царицын. испарта. Царицын, 1924. Вып. 1. С. 68; ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. 2 отд. д. 763. Л. 17—18.
- ³⁷⁸ Революционное движение в Таврической губернии в 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Симферополь, 1955. С. 171—172; *Губенко Г. Н.* Революционное движение в Таврической губернии в 1905—1907 гг. Симферополь, 1955. С. 98.
- ³⁷⁹ Крестьянские волнения в Алтайском округе в 1905—1907 гг.: Сб. документов. Барнаул, 1951. С. 15—123; Крестьянское движение в Сибири. . . С. 292—293; *Горюшкин Л. М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков, конец XIX—нач. XX в. Новосибирск, 1967. С. 315.
- ³⁸⁰ *Тофорова Г. С.* Большевики Томска в борьбе за осуществление ленинской тактики гегемонии пролетариата в 1905 году // Большевики Сибири в трех революциях. Омск, 1981. С. 69.
- ³⁸¹ Революционное движение в Чувашии. . . С. 254—260.
- ³⁸² ЦГИА СССР. Ф. МЮ. Оп. 194. 1908 г. Д. 126. Л. 1.
- ³⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 4, 7.
- ³⁸⁴ См.: Там же. Т. 12. С. 228—229.
- ³⁸⁵ Там же. Т. 14. С. 4.
- ³⁸⁶ *Бейка Д.* Год лесных братьев: Мемуары. Рига, 1970. С. 224.
- ³⁸⁷ *Иопане И. А.* Руководство СДЛК партизанским движением в революции 1905—1907 гг.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Рига, 1963. С. 15—16.
- ³⁸⁸ *Красный Я. П.* Указ. соч. С. 202.
- ³⁸⁹ Революционное движение в Юго-Осетии. С. 162.
- ³⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 312—313.
- ³⁹¹ История Дагестана. Т. 2. С. 235—236.
- ³⁹² История Азербайджана: В 3 т. Баку, 1960. Т. 2. С. 577.
- ³⁹³ *Писковский А. В.* Революция 1905—1907 гг. в Туркестане: Автореф. дис. . . д-ра ист. наук. М., 1956. С. 28—29; *Он же.* Краткий обзор источников по истории революции 1905—1907 гг. в Туркестане // Проблемы источниковедения: В 11 т. М., 1955. Т. 4. С. 113.
- ³⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 153.
- ³⁹⁵ Там же. Т. 30. С. 54.
- ³⁹⁶ Там же. Т. 12. С. 172.
- ³⁹⁷ Там же. Т. 13. С. 376.

Глава вторая

РЕВОЛЮЦИОННО- ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Российская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. подняла к историческому творчеству огромные массы народа. Постигая на практике науку классово-борьбы, участники революции стали создавать самые разнообразные, подчас очень неопределенные как по составу, так и своим задачам беспартийные организации. В РСДРП вначале не было единого мнения об отношении к революционным объединениям, которые по своему составу и характеру являлись массовыми, беспартийными. В. И. Ленин считал необходимым выступить со специальной статьей «Социалистическая партия и беспартийная революционность», которая была опубликована 26 ноября и 2 декабря 1905 г. в газете «Новая жизнь». В статье В. И. Ленин подчеркивал, что в эпоху буржуазно-демократической революции, эпоху, характеризующуюся «сравнительно неразвитостью классовых противоречий капиталистического общества», закономерно возникают беспартийные организации. «Отпечаток внешней беспартийности, видимость беспартийности неизбежно приобретает при этом всем движением в целом — не только видимость, конечно»¹. Эта «видимость» беспартийности резко отличается от беспартийности, провозглашаемой буржуазией в качестве политического лозунга. Как определил В. И. Ленин в другой статье — «Социализм и анархизм», лица, входящие в такие объединения, являются «не вообще беспартийными, а лишь беспартийными революционерами, ибо их сочувствие всецело лежит на стороне революции, за победу которой они борются с беззаветным энтузиазмом, энергией и самоотвержением»².

Участие социал-демократов в массовых беспартийных организациях В. И. Ленин считал крайне необходимым. В статье «Социалистическая партия и беспартийная революционность» он писал: «Неправильно было бы сказать, что ни в каком случае и ни при каких условиях участие социалистов в беспартийных... организациях не допустимо. В эпоху демократической революции отказ от участия в беспартийных организациях равнялся бы в известных случаях отказу от участия в демократической революции». В. И. Ленин говорил: «...мы заключим и заключаем... временный боевой союз со всей революционной демократией», чтобы демократический переворот осуществлялся быстрее, полнее и решительнее. Он указывал, что в эпоху демократической революции, когда пролетариат выступает гегемоном и играет руководящую роль в освободительном движении, участие социал-демократов в революционных орга-

низациях и союзах «может оказаться» даже «необходимым»³. Это участие нужно как в интересах пропаганды идей научного социализма среди демократических элементов движения, так и в интересах совместной борьбы партии пролетариата и революционной демократии против царизма и сил контрреволюции. В. И. Ленин подчеркивал, что участие социал-демократов в таких организациях возможно лишь при полной самостоятельности партии пролетариата и при обязательном контроле партии за членами, работающими в беспартийных организациях.

Участвуя во всякого рода революционных объединениях и союзах, социал-демократы должны пользоваться всякой возможностью для организации самостоятельных связей партии. Они должны определять политические задачи задачи момента с точки зрения полного осуществления революционно-демократического переустройства общества, направлять представителей революционной демократии на осуществление демократического переворота. «Лишь при такой постановке дела, — писал В. И. Ленин, — может быть допустимым и плодотворным участие членов нашей партии в беспартийных революционных организациях... Лишь при такой постановке дела мы в состоянии будем выполнить двойную задачу рабочей партии в буржуазной революции: довести до конца демократический переворот, расширить и укрепить кадры социалистического пролетариата, которому нужна свобода для беспощадной борьбы за низвержение господства капитала»⁴.

Эти ленинские указания имели принципиальное значение в выработке тактики большевиков в отношении беспартийных революционных объединений и союзов. Они явились основой определения линии местных большевистских комитетов и по отношению к революционно-демократическим организациям крестьянства, важнейшими из которых были крестьянские революционные комитеты.

1

Революционные крестьянские комитеты

Одним из главных требований большевистской аграрной программы на этапе буржуазно-демократической революции явилось требование создания революционных крестьянских комитетов. Их идея была выдвинута и разработана В. И. Лениным еще до революции 1905 г. в трудах «Проект программы нашей партии», «Рабочая партия и крестьянство», «Аграрная программа русской социал-демократии», «К деревенской бедноте» и др. В статье «Аграрная программа русской социал-демократии» (февраль—март 1902 г.), которую В. И. Ленин называл комментарием к аграрной части проекта программы РСДРП, он пояснял: «Выражение: „крестьянские комитеты“ выбрано для ясного указания на то, что — в противоположность „реформе“ 1861 года с ее дворянскими

комитетами — новое регулирование должно находиться в руках крестьян, а не в руках помещиков»⁵.

Разъясняя смысл идеи создания этих комитетов, В. И. Ленин в брошюре к «Деревенской бедноте» писал, что «свободные крестьянские комитеты, выбранные из доверенных людей» от всех крестьян — батраков, бедняков, середняков, богатых крестьян, смогут лучше, чем кто-либо другой, изобличить помещичью кабалу, избавить крестьян от вмешательства чиновников и показать, «что крестьяне сами хотят и могут устраивать свои дела...». «Крестьянские комитеты — первый шаг к тому, — указывал В. И. Ленин, — чтобы и по захолустным деревням крестьяне встали на свои собственные ноги и взяли свою судьбу в свои собственные руки»⁶.

Последовательное осуществление требования создания революционных комитетов обеспечивало решительную ломку крепостнических отношений самими крестьянскими массами, которые в целом были заинтересованы в ликвидации пережитков феодализма. Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что комитеты останутся едиными только до ликвидации помещичьей кабалы и завоевания демократических свобод. Вслед за этим по мере развертывания социалистической революции в деревне неизбежно должен наступить разрыв между крестьянской беднотой и кулачеством, объединяющимся со всей буржуазией. Поэтому необходимо было заранее раскрывать перед крестьянской беднотой перспективы освободительной борьбы, «укреплять ее особый союз с городскими рабочими против всей буржуазии»⁷.

Впервые требование учреждения крестьянских комитетов было записано в Программе партии на II съезде. Тогда их создание связывалось главным образом с задачей возвращения крестьянам земель, отрезанных в пользу помещиков при отмене крепостного права. Однако с началом революции и в условиях ее бурного развития крестьянские комитеты не могли уже ограничивать свою деятельность борьбой за возвращение «отрезков», так как в ряде мест крестьяне уже практически осуществляли конфискацию помещичьих земель. В этих условиях выражением большевистского курса являлось требование учреждения таких комитетов, которые должны были бы немедленно и самым решительным образом, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, покончить с помещичьей властью и привилегиями, явочным порядком захватить помещичьи земли и распоряжаться ими вплоть до установления всенародным Учредительным собранием нового земельного устройства. В. И. Ленин писал, что комитеты «тут же, на месте, сейчас должны расправиться с помещиками и захватить права, подлежащие санкции всенародного учредительного собрания»⁸.

Не меньшевистские «революционные самоуправления» при недемократической центральной власти⁹, не либерально-чиновничьи комитеты и комиссии, выражавшие интересы прежде всего помещиков, а крестьянские революционные комитеты как органы народной власти на местах — такова сущность большевистского подхода к идее создания революционных крестьянских комите-

тов. Ленин считал их наиболее целесообразной формой органов местной, «близкой народу и сильной революционной власти»¹⁰. Они должны были стать в деревне зачаточными органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Об их значении и роли в ходе революции В. И. Ленин писал: «Крестьянские комитеты, в переводе на простой язык, значит призыв к тому, чтобы крестьяне сами немедленно и непосредственно расправились с чиновниками и помещиками самым решительным образом. Крестьянские комитеты — это значит — призыв к тому, чтобы угнетенный остатками крепостничества и полицейскими порядками народ расправился с этими остатками, как говорил Маркс, „по-плебейски“»¹¹.

В. И. Ленин выступал за немедленную организацию комитетов в целях развития революционной инициативы крестьян, их политической сознательности, которые открыли бы полный простор для революционно-демократических шагов в ходе развития революции. Он определял круг задач комитетов от собственно «аграрных» до «демократического преобразования всех вообще деревенских отношений»¹², в том числе административных.

В письме III съезду партии (апрель 1905 г.) «О нашей аграрной программе» В. И. Ленин подчеркивал: «Если бы удалось связать хотя бы в отдельных случаях успешные революционные мероприятия крестьян в деле улучшения их положения (конфискации хлеба, скота, земли) с учреждением и деятельностью *крестьянских комитетов*. . . тогда можно было бы считать выигранной борьбу за привлечение крестьян на сторону демократической республики. Без такого же привлечения все революционные шаги крестьянства будут очень непрочны, и все их завоевания будут легко отобраны стоящими у власти общественными классами»¹³.

Выступая на III съезде партии с докладом об отношении к крестьянскому движению, В. И. Ленин показал, что крестьянские комитеты, создаваемые в революционное время для осуществления земельных преобразований, должны втягивать крестьян в политическую борьбу с царизмом, за победу демократии. В противном случае крестьян могут легко обмануть всякими посулами и обещаниями об экономических улучшениях, которые на деле «неосуществимы без политических преобразований». Необходимо поэтому призывать не просто к учреждению крестьянских комитетов, как это было записано в Программе партии, а к созданию *революционных* крестьянских комитетов, которые в случае победы над самодержавием становились бы органами Временного революционного правительства, «Раз нет сомнения, что крестьянские комитеты могут быть только революционными при данных условиях, — отмечал В. И. Ленин, — то мы, указывая это, применяем программу к революционному моменту, а не изменяем ее»¹⁴.

В принятой III съездом резолюции «Об отношении к крестьянскому движению» в качестве важнейшей задачи партии в деревне выдвигалась организация революционных крестьянских комитетов «с целью проведения всех революционно-демократических пре-

образований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета». Съезд рекомендовал также «стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата... и к проведению представителей его в крестьянские комитеты»¹⁵. Партийные организации призывались к активному участию в борьбе за создание крестьянских комитетов, за укрепление в них позиций деревенской бедноты в интересах дальнейшего развертывания классовой борьбы в деревне на путях перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Центральная и местная большевистская печать широко пропагандировала решения III съезда. 29 октября 1905 г. в легальной большевистской газете «Новая жизнь», в передовой статье «Ближайшие задачи в деревне», разъяснялось: «На обязанности этих комитетов будет лежать фактическое установление демократического строя в деревне на место царствующего там теперь начальнического произвола. Они же займутся вопросом об урегулировании на местах земельных отношений... Чем скорее будет осуществлена намеченная организация крестьянства, тем прочнее будут завоевания свободы и демократизма в России».

Таким образом, в условиях буржуазно-демократической революции лозунг создания революционных крестьянских комитетов был важен как средство пробуждения политического сознания эксплуатируемого крестьянства, форма сплочения и организации крестьянских масс, практического осуществления ими своих требований, подготовки к вооруженному восстанию и учреждению органов революции, способных помочь пролетариату в создании Временного революционного правительства.

Но во многих местных социал-демократических комитетах того времени было немало меньшевиков, вносящих путаницу и неразбериху в деятельность партии среди сельского населения. Женевская конференция меньшевиков (апрель 1905 г.) следующим образом формулировала задачи партии в аграрном вопросе: «... социал-демократия поддерживает всякие попытки крестьян к насильственному захвату земель, разъясняя при этом крестьянству, что его завоевания в борьбе с помещиками могут быть прочно обеспечены только свободно избранным всенародным учредительным собранием, которому должно быть предъявлено требование образования, на демократической основе, особых комитетов для окончательного устранения старых, столь тяжелых для крестьянства, деревенских порядков»¹⁶.

Вместо революционного лозунга о немедленной организации крестьянских комитетов для проведения революционно-демократических преобразований меньшевистская резолюция хотя и содержала в себе пункт о передаче помещичьих земель в руки крестьянства, но ставила ее в зависимость от «свободно избранного всенародного учредительного собрания», которому только должно быть предъявлено требование создания демократически выбранных крестьянских комитетов. «„Крестьянский вопрос“, — писал В. И. Ленин в работе „Две тактики социал-демократии в демокра-

тической революции“, — поставлен совершенно различно съездом партии и конференцией... В одном случае выдвигается центральный практический лозунг агитации — немедленная организация революционных крестьянских комитетов для проведения всех демократических преобразований. В другом — „требование образования комитетов“ должно быть предъявлено учредительному собранию. Почему мы должны непременно ждать этого учредительного собрания? станет ли оно на деле учредительным? прочно ли оно будет без предварительного и одновременного учреждения революционных крестьянских комитетов? — все эти вопросы упущены из виду конференцией. На всех ее решениях так и отражается прослеженная нами общая мысль, что в буржуазной революции мы должны вести только свою специальную работу, не задаваясь целью руководства всем демократическим движением и самостоятельного проведения его»¹⁷.

В статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», опубликованной в сентябре 1905 г. в «Пролетарии», В. И. Лениным были вскрыты ошибки местных комитетов, допускаемые ими при реализации решений III съезда партии о работе в деревне. Отвечая на вопрос о соотношении социал-демократических организаций и крестьянских комитетов, В. И. Ленин разъяснял, что он является новым, порожденным практическими требованиями «деревенской» агитации, «которая стала упрочиваться и отливаться в крепкие, постоянные формы»¹⁸. Он подчеркивал, что центр тяжести работы в деревне лежит на создании связанных с социал-демократическими организациями революционных крестьянских комитетов. Вместе с тем В. И. Ленин говорил о необходимости создания и укрепления где только возможно социал-демократических организаций в деревне и вовлечения в них сельского пролетариата, подчеркивал недопустимость слияния и смешения их с крестьянскими комитетами и другими беспартийными организациями в деревне. В. И. Ленин указывал на неправильность мнения, будто пропаганда большевистских идей, организация и поддержка крестьянского движения возможны лишь там, где существуют социал-демократические организации. Такая работа возможна и необходима даже там, где таких организаций нет. Именно поэтому партия придает огромное значение организации революционных крестьянских комитетов. «Без них (т. е. без революционных крестьянских комитетов. — Л. С.), говорим мы, все преобразования ничто. С ними и опираясь на них возможна победа крестьянского восстания». Определяя характер этих организаций, В. И. Ленин подчеркивал: «Социал-демократических крестьянских комитетов, по нашему мнению, быть не должно: если социал-демократический, значит не только крестьянский, если крестьянский, значит не чисто пролетарский, не социал-демократический»¹⁹.

Разъяснения В. И. Ленина помогали местным партийным работникам глубже и правильнее понять суть решений III съезда по крестьянскому вопросу. Практически на всех конференциях и совещаниях местных партийных организаций, на которых подни-

мались вопросы крестьянского движения, обсуждались и разрабатывались идеи III съезда о необходимости создания революционных крестьянских комитетов. Так, IV конференция Кавказского союза РСДРП (ноябрь 1905 г.) рекомендовала «взяться за немедленную организацию на началах широкого демократизма революционных крестьянских комитетов, советуя при этом не смешивать таких организаций с социал-демократическими, а стремиться подчинить их последним»²⁰. Указание конференции о подчинении крестьянских комитетов социал-демократическому влиянию было направлено на усиление руководящей роли партии в крестьянском движении.

Конференция комитетов Уральского и Средневожского районов (октябрь 1905 г.) в своих решениях подчеркнула, что социал-демократы обязаны внести в стихийное крестьянское движение «элементы организованности и сознательности, связывая каждое отдельное выступление с общей революционно-демократической деятельностью крестьянских комитетов»²¹.

Задачи комитетов были четко определены на январской (1906 г.) конференции групп РСДРП Виленского района. В качестве первоочередных мероприятий социал-демократических организаций в деревне выставлялось создание комитетов, «которые должны были являться боевыми организациями революционного крестьянства: а) для расширения и руководства революционным движением в деревне вплоть до вооруженного восстания крестьянства и б) для проведения конфискации монастырских и кабинетских, удельных, частновладельческих и др. земель»²².

Вторая Областная конференция Саратовской организации РСДРП (февраль 1907 г.) в резолюции «О работе среди крестьян» записала:

«Крестьянские революционные организации должны:

1). Руководить массовой борьбой против помещиков, стражников, местных сельских властей и т. д. 2). Удерживать крестьян всеми силами от поджогов помещичьих экономий, лесов, хлеба и т. д. 3). Стремиться, чтобы сельские должности были замещены стойкими и энергичными защитниками интересов революционного крестьянства.

В момент всероссийского вооруженного восстания революционные крестьянские организации должны:

1). Приняться за немедленную организацию сельских боевых дружин. 2). Смещать немедленно все сельские власти, заменяя их выборными. 3). Немедленно приложить все усилия к созданию беспартийных революционных Советов крестьянских депутатов, избранных по возможности массою крестьянства. 4). Организовать отряды народного ополчения, пригодные как для оборонительной, так и для наступательной тактики против правительственных войск. 5). Немедленно войти в самую тесную боевую связь с железнодорожными организациями, гл(авным) образом с целью парализовать движение войск. При этом руководство в технике этого дела должно принадлежать железнодорожным организациям.

6). Организовать охрану захваченных экономий, казенных учреждений, хлеба и т. п. 7). Взять в свое распоряжение все захваченные земли, руководить временным распределением их между крестьянами, внушая им, что окончательное закрепление земель за ними зависит от Учредительного собрания»²³. В такой подробной регламентации обязанностей крестьянских комитетов нашел отражение обобщенный опыт их деятельности в предыдущие годы.

Призыв к созданию комитетов звучал и в большевистских листовках. В них разъяснялись задачи комитетов, а иногда и указывалась их структура. «Что же делать?» — спрашивал в листовке к крестьянам Уфимский комитет РСДРП и отвечал: «Надо свергнуть нынешнее правительство и заменить его новым, народным. К этому надо готовиться. И мы говорим вам, крестьяне, устраивайте в деревнях свои революционные комитеты для руководства борьбой. Эти выбранные комитеты должны указывать, что делать и как делать. Они должны связать деревню с деревней, волость с волостью.

Должна исчезнуть разьединенность, разобщенность в действиях. Все должны за дело браться сразу. . . Революционные комитеты сплотят вас, скрепят; они подготовят возможность восстать, восстать с оружием в руках для уничтожения нынешнего правительства»²⁴.

«Обязательно организуйтесь, составляйте крестьянские комитеты, — призывала Крестьянская группа Виленского комитета РСДРП, — пусть они ведут нас на борьбу с царем и помещиками, пусть они помогут вам отнять у помещиков землю, от царского правительства власть»²⁵.

Призывая крестьян к немедленной организации революционных комитетов, партийные органы обращали особое внимание на установление связей этих комитетов с городскими социал-демократическими организациями. Это было крайне необходимо для осуществления политического влияния и руководства крестьянским движением. Тульский комитет в апрельской (1905 г.) листовке «К крестьянам» писал: «На каждом селе и в деревне крестьяне должны устраивать свои крестьянские комитеты из людей наиболее преданных народному делу. Эти комитеты должны завести сношения с нашим Тульским социал-демократическим рабочим комитетом, который по возможности будет оказывать им свое содействие. Он будет присылать в деревню свои прокламации, в которых всегда разъясняется правда о положении рабочих и крестьян и указываются пути, как добиться лучшей жизни»²⁶.

Петербургский комитет обращался к крестьянам: «Поручите вашим комитетам войти в сношение с вашими братьями городскими рабочими, чтобы в один день с рабочим классом и вы восстали, сбросили с себя начальство и создали свое народное правление — демократическую республику»²⁷.

Выполняя решения III съезда партии, большевистские организации на местах направляли свои усилия на создание крестьянских комитетов. 27 июля 1905 г. в газете «Пролетарий» была опубли-

ликвана корреспонденция о работе среди крестьян Новоторжской группы Тверского комитета. В ней, в частности, сообщалось, что «быстро расширились связи группы. . . не менее 100 деревень уже попали в сферу революционного влияния. Было устроено нечто вроде организации крестьянских комитетов, объединивших по нескольку деревень каждая».

В конце ноября 1905 г. состоялся Первитинский волостной съезд крестьянских депутатов, на котором был создан крестьянский комитет. Он сразу стал пользоваться популярностью среди населения. При возникновении конфликтов в деревне крестьяне обращались в комитет, который фактически стал исполнительной властью в волости. Об этом сообщалось 29 ноября 1905 г. в либеральной газете «Русские ведомости», естественно никак не заинтересованной в преувеличении успехов крестьянского движения. Газета писала: «Сильной степени развития крестьянское движение достигло в Первитинской волости. Ранее эта волость пользовалась особым вниманием со стороны местного помещика Хвостова, всячески притеснявшего крестьян, и земских начальников Трубниковых. Зато и результаты этого особенного отеческого попечения сказались здесь ранее, чем в других местностях. В настоящее время здесь полное и открытое отрицание существующих властей. Власть земского начальника не существует; на основании общественных приговоров (30 обществ, от 10 ожидают) смещены также власти волостные и сельские. Всеми делами управляют избранные населением депутаты, волостными делами заведует избранный комитет. Из повинностей собираются только страховые платежи».

Волостные крестьянские комитеты в Тверском у. были созданы также в Васильевской и Никулинской волостях, в ряде мест Ржевского и Новоторжского уездов. Они игнорировали распоряжения царских властей, настраивали крестьян против правительства. Их создание происходило под непосредственным руководством тверских большевиков²⁸.

В протоколе заседания Петербургского комитета РСДРП от 4 октября 1905 г. отмечено, что «состоялся съезд крестьянских комитетов»²⁹.

Одним из ярких и интересных моментов истории крестьянского движения в Московской губ., да и России в целом, является история так называемой «Марковской республики». В расположенном в 150 км от Москвы с. Маркове Волоколамского у. избранный крестьянский комитет был фактической властью с 31 октября 1905 г. по 18 июля 1906 г. Крестьяне объявили Марковскую вол. «республикой». В нее вошло шесть селений: Марково, Корневское, Монасеино, Горы, Фроловские и Дулепово — с населением 6 тыс. жителей. 31 октября 1905 г. на общем собрании крестьян был принят «Приговор», указывавший на необходимость созыва Учредительного собрания и наделения крестьян землей, а также наметивший структуру управления волостью. «В состав волости, — указывалось в „Приговоре“, — должны входить все, живущие в ее пределах; волости должно быть предоставлено право облагать сборами

для своих надобностей всех жителей сообразно их доходам; население волости должно пользоваться полной свободой как по выбору должностных лиц, так и ведению всех своих общественных дел. Должность земского начальника следует немедленно отменить»³⁰. На этом же собрании крестьяне решили не платить налогов и податей, не поставлять рекрутов в армию, не выполнять распоряжений земских и губернских властей. Главой крестьянской «республики» был избран «президент» — крестьянин П. А. Буршин.

Сообщения о «Марковской республике» появились в газетах как в России, так и за границей. Марковский «Приговор» был опубликован в ряде московских газет и издан отдельной брошюрой чуть ли не в полмиллиона экземпляров в издательстве «Колокол». В Маркове приступили к революционным преобразованиям. Все очередные дела решались на собраниях, которые проводились довольно часто. Марковцы помогали продовольствием бастовавшим рабочим местной фабрики, поддерживали выступления сельскохозяйственных рабочих своего округа против князя Меццерского.

Сам факт существования крестьянской «республики» после подавления декабрьских восстаний и на протяжении всей первой половины 1906 г., отмеченной усилением кровавых царских репрессий, необыкновенен. Только летом 1906 г., после роспуска I Государственной думы, прибегая к различным уловкам и хитростям, власти арестовали руководителей «республики», а затем и еще около 300 человек. Им удалось восстановить в волости прежние порядки³¹.

На примере действующих комитетов трудящееся крестьянство убеждалось в силе организации, необходимости союза с рабочим классом и от стихийных выступлений переходило к организованной борьбе. На собрании представителей 15 деревень Валовской вол. Макарьевского у. Костромской губ. 9 ноября 1905 г. было решено учредить революционные крестьянские комитеты, которые возглавили бы борьбу и провели аграрные преобразования³².

В Глуховской вол. Смоленской губ. в конце 1905 г. был создан комитет действия, в состав которого вошло 5 человек — крестьян и местных учителей. Возглавил его возвратившийся с питерских заработков крестьянин В. Коржнев. В целях повышения заработной платы весной 1906 г. комитетом была объявлена сельскохозяйственная стачка, в которой участвовали батраки и батрачки. Во время крестьянского восстания летом 1906 г. Глуховский комитет предусмотрительно уничтожил телефонную связь в уезде, установил на колокольнях дежурство сельчан, которые колокольным звоном извещали о приближении карательных отрядов в ту или иную деревню³³.

В декабре 1905 г. подобные комитеты были избраны в села Грузское, Землянка, Вязовой, Бочечки Путивльского у. Курской губ. Здесь сказались активная работа Путивльской большевистской группы, одной из лучших по постановке работы среди крестьян в губернии, и влияние рабочих Конотопских железнодорож-

ных мастерских³⁴. 25 декабря 1905 г. генерал Рудов телеграфировал курскому губернатору: «Многие селения Путивльского у., в особенности граничащие с Ковтопским у., объята возмущением. Полиции нет. Сельские власти заменены комитетами». 26 декабря курский губернатор докладывал вышестоящим инстанциям: «В Путивльском у. арестовано 18 руководителей беспорядков, среди них члены мятежных сельских комитетов». 27 декабря им же было послано сообщение об аресте членов сельского комитета в с. Бочечки³⁵.

С лета 1905 г. стали возникать комитеты в Тульской губ. Крестьяне с. Молоденки Епифанского у., возглавляемые комитетом, захватили имение помещика Самарина, изгнали оттуда слуг, установили караул и стали сами распоряжаться имением. Руководимые комитетом крестьяне с. Рудоговицы Одоевского у. запретили местному помещику вывозить хлеб для продажи в другие места и установили на хлеб твердые продажные цены. В Веневском у. крестьяне с. Красного под руководством своего комитета не допустили земство к порубке леса, купленного им у графа Шереметьева, на том основании, что лес этот должен принадлежать крестьянам³⁶.

Пензенский губернатор 14 августа 1906 г. сообщал министру внутренних дел, что «в Пензе, уездах и больших селах существуют революционные комитеты, обладающие средствами, имеющие между собой связь и с центральной организацией в Пензе, куда приезжают из сел депутаты за указаниями»³⁷. В селах Ильмино, Высокая Лашма, Высокая Лука, Бессоновка и др., как установил А. Кузьмин, крестьянские комитеты действовали под руководством большевиков³⁸.

Крестьянскими комитетами разрабатывались и принимались документы революционно-правового характера, в том числе уставы, иногда в виде приговоров. В них формулировались цели и задачи избранными самими крестьянами органов управления.

Так, в «Уставе уездного крестьянского комитета при Моршанской группе РСДРП» было зафиксировано, что Моршанская группа «организует: 1) беспартийные крестьянские комитеты в селах и деревнях для работы на местах и 2) уездный крестьянский комитет в городе для объединения деятельности сельских комитетов». Отмечалось, что крестьянский комитет не должен быть многочисленным, в него должны входить лишь наиболее сознательные и революционные крестьяне, «по возможности, наибольшая часть его должна состоять из сельских пролетариев». Комитеты должны устраивать библиотеки, выписывать газеты, вести широкую агитацию и пропаганду революционно-демократических идей среди крестьянства, устраивая в этих целях массовки и собрания: «обострять отношения крестьян к правительству и помещикам, доводить крестьян до сознания, что их земельные и политические требования могут быть удовлетворены только всенародным Учредительным собранием, созванным на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, при полной свободе слова, печати, собраний и созывов и неприкосновенности личности. . . доводить

крестьян до сознания необходимости вооруженного восстания — одновременного и согласованного с восстанием пролетариата в городах, — как единственного при настоящих условиях средства добиться созыва Учредительного собрания»³⁹. Устав рекомендовал и практические способы борьбы крестьянства, которой должны руководить комитеты.

Факт широкого распространения революционных крестьянских комитетов в Саратовской губ. был отмечен в «Тактической платформе» большевиков к IV Объединительному съезду РСДРП. «Элементы местного населения, способные решительно выступать против старой власти. . . — говорилось в ней, — приведены были к необходимости создавать такие организации, которые фактически являлись зачатками новой революционной власти, — Советы рабочих депутатов в Петербурге, Москве и других городах, Советы солдатских депутатов во Владивостоке, Красноярске и пр., железнодорожные комитеты в Сибири и на юге, крестьянские комитеты в Саратовской губ. . . »⁴⁰. Наиболее ярко проявил себя в губернии комитет с. Николаевской Городок, расположенного в 45 верстах от Саратова. Под руководством большевиков и при участии эсеров этот комитет в октябре 1905 г. поднял крестьян ряда деревень Саратовского и Аткарского уездов на вооруженное восстание⁴¹.

В Самарской губ. ощутимые результаты принесла работа аграрной группы Самарского комитета РСДРП в Старо-Буянской вол. Самарского у. Центром движения явилось с. Царевщина, находящееся в 30 верстах от Самары. Здешние крестьяне, бывшие помещичьи, имели очень мало земли, к тому же неплодородной, что заставляло их заниматься подсобными промыслами. Главные заработки они получали работой по найму на Волге, лесоразработках, в каменоломнях. Все это приближало их по экономическому положению к пролетариату. Еще весной 1905 г. в с. Царевщина часто проводились собрания крестьян. Их посещали и крестьяне окружающих сел. В Царевщину приезжали из Самары агитаторы социал-демократы. Особенно многочисленными стали собрания в октябре — ноябре 1905 г. Городские и местные агитаторы рассказывали присутствующим о революционном движении в России, борьбе пролетариата, роли крестьянства в революции. 22 октября крестьяне учредили свою кассу взаимопомощи.

На 13 ноября по распоряжению земского начальника в с. Старый Буян были назначены выборы волостных должностных лиц — старшины, его помощника и писаря. К этому времени в село должны были собраться уполномоченные от всех 10 обществ, входящих в волость. К вечеру 12 ноября в Старый Буян явилось около 200 крестьян с. Царевщина с красными флагами, пением революционных песен. Часть из них были вооружены. В Старом Буяне их встретили колокольным перезвоном. Возглавляли царевщинских крестьян деятели местного революционного комитета Порфирий Солдатов и Лаврентий Щибраев. Пришедшие направились к помещению земского училища и открыли там собрание, на которое пришли и старобуянские крестьяне. «Собрание, — по сообще-

нию начальника Самарского ГЖУ, — имело следующие суждения: 1) долой самодержавие, 2) устранить пристава, урядника и вообще полицию, 3) охранять казенные, удельные и владельческие леса своей стражей, переименовать учреждение волостного собрания, дав ему другое название, и в нем учредить должности председателя и секретарей и проч. . . .»⁴² Было решено создать в волости народное самоуправление.

На собрании 13 ноября был принят «Временный закон по Старо-Буянскому народному самоуправлению», в первой части которого определялось, что законодательная власть в волости принадлежит народному съезду, исполнительная — народному правлению. Во второй части «Закона» или, точнее, устава перечислялись функции волостной законодательной власти. Принимая во внимание наличие в волости мордовского и украинского населения, «Закон» подчеркнул принцип национального равенства.

В разъяснении к «Закоу» конкретизировались его основные положения. Так, в главе «Земельное дело» указывалось: «Все земли, леса и угодья Старо-Буянской вол. до созыва Учредительного собрания поступают в распоряжение волости»⁴³.

Революционное самоуправление в Старо-Буянской вол. действовало около двух недель. 26 ноября оно было разгромлено прибывшими казачьими отрядами. События в Старо-Буянской вол. — яркий пример политической активности крестьян, роста их классовой сознательности, революционного творчества. Они оставили неизгладимый след в сознании крестьян не только этой волости, но и окружающих ее местностей⁴⁴.

В конце 1905 — начале 1906 г. активно действовал революционный крестьянский комитет в с. Кинель-Черкассы Бугурусланского у. Самарской губ. В состав революционного крестьянского комитета, созданного в конце 1905 г. в Николаевском у. той же губернии, вошли представители ряда волостей. Руководителем комитета единогласно избрали крестьянина М. Т. Тарасова, который еще до начала революции во время прохождения военной службы в Петербурге поддерживал связи с социал-демократами. В комитет входили наиболее сознательные и грамотные крестьяне, в том числе и крестьянин Перфил Баулин, который впоследствии, в годы гражданской войны, возглавил революционный отряд повстанцев дер. Теликовки и с ними же сражался в рядах Чапаевской дивизии⁴⁵.

В отчете Самарского комитета РСДРП («Борьба». 1905. 5 янв.) сообщалось, что тактика комитета в деревне сводится к следующему: «Намечаются наиболее значительные по своему революционному влиянию или географическому положению деревенские центры. Здесь организуются местные крестьянские революционные комитеты, которые должны стать опорными пунктами нашей деятельности для целого деревенского округа. Эти центры, в свою очередь, тесно связаны с Самарским комитетом партии».

9 июля 1906 г. в с. Барышская Слобода Алатырского у. Симбирской губ. на митинге крестьян (1000 человек) трех смежных уез-

дов — Алатырского, Ардатовского и Курмышского — Симбирской губ. был избран революционный комитет и принята следующая резолюция: «1) хлеб помещиков сvezти и сложить в общий амбар; 2) старшин, старост и писарей, если они принадлежат к разряду черносотенцев, бойкотировать; 3) стражников полицейской стражи исключить из состава обществ; 4) податей не платить, солдат не давать»⁴⁶.

В Нижегородской губ. революционные крестьянские комитеты возникли в ряде селений Нижегородского, Балахнинского, Арзамасского, Княгининского, Сергачского уездов. Только в Нижегородском у. их было создано семь, представлявших 31 селение. Комитеты действовали под руководством Приокской окружной организации РСДРП, они активно участвовали в собраниях, распространяли прокламации и газеты в деревне, являлись застрельщиками крестьянских выступлений⁴⁷.

В августе 1906 г. Нижегородский окружной комитет провел конференцию. На ней присутствовали 24 делегата, выбранные от деревенских организаций из всех уездов. Перед ними была поставлена задача проводить в жизнь лозунги партии, считаясь при этом с условиями местной работы и настроением сельских жителей, «организовать крестьянство в крестьянские комитеты»⁴⁸.

Неизвестный автор письма из Казани сообщал в Петербург в октябре 1905 г., что «в деревнях Казанской губернии, в частности в уезде, возникли за последнее время крестьянские комитеты, руководимые социал-демократами»⁴⁹. В другом письме, написанном уже в ноябре 1906 г., от объезжавшего в 1906 г. Тетюшский у. по заданию Окружной группы Казанского комитета работника этой группы «Нила» (Н. С. Фролова), говорилось: «В д. Степановке (Большая Фроловская вол.) собрались немногие, но вполне подготовленные. Здесь удалось образовать крестьянский деревенский комитет (из 4 человек) . . . прием везде, и особенно у крестьян, самый радушный»⁵⁰.

В циркуляре астраханского губернатора, разосланном в конце 1905 г. уездным исправникам и земским начальникам, говорилось, что при обыске у одного лица обнаружена была рукопись, озаглавленная «Устав крестьянской организации», которая включала в себя следующие положения: «1. Руководство в пределах села принадлежит сельскому комитету, состоящему из 3—5—7 человек. . . 3. В случае недовольства комитетом со стороны большинства организованных членов села избирается новый комитет, утверждаемый комитетом уездного города. 4. В комитете сельском должен быть кассир, секретарь по внутренним делам, секретарь по внешним сношениям и член по организации вооруженного восстания. . .» Всего в уставе девять параграфов, в которых определялись функции комитета и каждого его члена в борьбе «с угнетателями, понами и полицией». «Принимая во внимание, что означенный устав в будущее время может получить дальнейшее распространение. . . — говорилось далее в циркуляре, — предлагаю вам обратить особое внимание на чрезвычайную опасность устройства

среди крестьян тайных организаций, а равно принять самые энергичные меры к воспрепятствованию преступной пропаганды в указанном в программе смысле среди сельского населения». Одновременно предлагалось следить, чтобы крестьяне не приобретали оружие. Известна деятельность крестьянского революционного комитета в Болхунах Енотаевского у.⁵¹

В Вятской губ. революционные комитеты были созданы в удмуртских и русских деревнях (Новая Мултана, Итчигурт, Удугучин и др.). В августе 1906 г. крестьяне деревень Итчигурт, Новая Монья, Лекшур избрали революционный комитет, в состав которого вошли удмурты и русские⁵².

Довольно разветвленной была сеть революционных крестьянских комитетов на Украине. Об их структуре и направлении деятельности можно судить по уставам некоторых комитетов. В «Уставе Захарьевского исполнительного крестьянского комитета» (Херсонская губ.) указывалось, что он формируется на основе выборов от 100 человек по одному представителю. «Захарьевский исп (олнительный) крестьянский комитет должен стараться служить населению органом местн(ого) самоуправления, игнорируя во(лостные) суды и земских начальников», — подчеркивалось в нем⁵³. Комитету поручалось выяснять сведения об имевшихся в волости землях, разрешать земельные конфликты, вести волостной кассой.

Крестьянское движение, охватившее весной и летом 1905 г. Херсонскую губ., по сведениям департамента полиции, было «организовано крестьянскими комитетами»⁵⁴. 21 октября 1905 г. под председательством С. И. Гусева состоялось собрание Одесского комитета РСДРП. Наряду с другими был также рассмотрен вопрос «Об отношении к крестьянским комитетам». В октябре же состоялся съезд представителей крестьянских комитетов Одесского у., на котором присутствовали также выборные лица от солдат. Съезд принял решение, чтобы крестьяне не платили налогов, не поставляли рекрутов в царскую армию, готовились к восстанию против самодержавия⁵⁵. Революционные крестьянские комитеты действовали в Херсонской губ. и в 1906 г.

11 декабря 1905 г. на собрании «мещан-землевладельцев» г. Бобруйска Елисаветградского у. была принята резолюция: «Учредить свой, крестьянский комитет, избираемый на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, который должен взять на себя функции городской думы, в особенности разрешение земельного вопроса»⁵⁶.

В селах Славяносербского и Бахмутского уездов Екатеринославской губ. в крестьянские комитеты для постоянной совместной работы входили рабочие — представители Луганского Совета рабочих депутатов. Крестьяне, в свою очередь, участвовали в работе этого Совета⁵⁷. В 1906 г. наиболее сильным в Екатеринославской губ. крестьянское движение было в ее восточной части — Бахмутском у. Им руководил выборный комитет⁵⁸.

На очередной конференции Стародубской, Новозыбковской,

Клинцовской, Унечской, Семеновской и Новгород-Северской организаций РСДРП (август 1906 г.) было «признано необходимым призывать крестьян к объединению по селам, уездам и губерниям в беспартийные крестьянские организации, устраивая периодические съезды их». По сведениям (сентябрь 1906 г.) черниговских властей, «крестьянские организации уже кое-где существуют... против Творищенской сельской организации помечено: „Имеется комитет и касса“»⁵⁹.

В декабре 1905 г. на большом сходе крестьян дер. Ледное Харьковской губ. было решено «образовать крестьянский комитет». Сельские комитеты в декабре 1905 г. действовали в Юнаковской вол. Сумского у. Харьковской губ.⁶⁰ В Люботинский сельский комитет входили крестьяне окрестных сел и железнодорожники ст. Люботин Харьково-Николаевской железной дороги⁶¹.

В селах Полтавщины, по неполным данным, в 1905 г. было создано более 11 революционных крестьянских комитетов. В с. Тимки Лубенского у. в состав комитета входило девять человек, и в течение месяца в его руках фактически была сосредоточена вся власть. По распоряжению комитета крестьяне прекратили работу в помещичьих экономиях, плату податей и налогов, производился сбор денег на оружие для боевой дружины⁶². В период восстания в декабре 1905 г. в с. Великие Сорочинцы был создан революционный комитет, который арестовал местных пристава и урядника, изгнал стражников и попа-черносотенца, сменил волостного и сельского старост. Над волостным правлением были вывешены красные флаги⁶³.

В Ставрополье комитеты в конце 1905 г. — начале 1906 г. были созданы во многих местах Благодарненского, Прасковейского, Ставропольского и других уездов. В августе 1906 г. ставропольские власти доносили, что «революционное движение в губернии охватывает все большие и большие районы. Во всех почти селах губернии происходят митинги, на которых выбираются революционные комитеты для управления селами». Летом 1906 г. революционные комитеты действовали в селах Константиновское, Кугульт, Благодарное, Петровское, Винодельное, Белая Глина и др. Власть здесь фактически находилась в руках крестьян⁶⁴. Комитет в с. Петровском Благодарненского у. имел свое знамя, на одной стороне которого было написано «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», на другой — «Земля и воля»⁶⁵.

В Белоруссии, в ряде волостей Люцинского и Себежского уездов Витебской губ., граничащих с прибалтийскими губерниями, по сообщению губернатора, осенью 1905 г. крестьяне «открыто примкнули к революционному движению, сместили должностных лиц волостного и сельского управления, заменили их особыми, самовольно выбранными „комитетами“»⁶⁶. В феврале 1906 г. были арестованы 32 члена «волостного распорядительного комитета» с. Борхова Режицкого у. Витебской губ.⁶⁷

Большая крестьянская организация действовала в районе местечка Уваровичи Гомельского у. В нее входило почти 200 крестьян

окрестных деревень. Во главе стоял комитет из трех человек, поддерживавший связь с Гомельским окружным комитетом РСДРП. Группы организованных крестьян имелись также в Речицкой, Тельшовской, Чебатавичской и других волостях уезда. Они охватывали до 600 передовых сознательных крестьян. Крестьянская организация Вилейского у., поддерживавшая связь с Долгиновской группой РСДРП, насчитывала свыше 50 человек, 10 из них — члены партии. Во главе организации стояла сходка представителей различных селений, для повседневной текущей работы был избран руководящий центр — комитет из четырех человек. В районе Вилейка — Куринец крестьянский комитет объединял до 40 крестьян различных деревень, в его состав входили и четыре народных учителя⁶⁸.

В антипомещичьих восстаниях в декабре 1905 г. руководящую роль играли революционные крестьянские комитеты в Климовичском и Чериковском уездах Могилевской губ. В их создании и деятельности принимали участие рабочие, которые в силу разных обстоятельств вернулись в деревню⁶⁹.

На съезде крестьян Могилевской губ., созванном Могилевским окружным комитетом РСДРП летом 1906 г., по докладам с мест было выявлено, что во многих деревнях существовали крестьянские комитеты. В извещении о съезде и его решениях говорилось: «Входящие в состав комитетов наши товарищи выясняют причины бедноты и разорения крестьянского, кто враги крестьян, что нужно крестьянам и как бороться против своих врагов за лучшую жизнь». Далее отмечалось, что «число деревень, среди которых ведет свою работу тот или иной крестьянский комитет, не везде одинаково. Есть комитеты, работающие в 3—4 деревнях, а есть и такие, которые ведут работу в 10—15 деревнях»⁷⁰. Вынесено решение: продолжать создавать в деревнях крестьянские комитеты, которые, в свою очередь, должны были избирать волостные, а те — уездные.

В результате работы местных партийных групп в районе деятельности Сморгонской организации РСДРП (Ошмянский и Вилейский уезды) к концу 1906 г. было создано 22 крестьянских комитета. Четкая схема их построения была дана в резолюции II конференции Окружной организации при Сморгонской группе РСДРП. В ней перед членами крестьянских комитетов ставилась задача участия в подготовке всенародного вооруженного восстания⁷¹.

В 51 случае закончились учреждением революционных крестьянских самоуправлений выступления народа против властей на Северном Кавказе (из них 34 в ноябре—декабре 1905 г.)⁷².

Острое малоземелье, феодальные пережитки (в частности, сохранение обязательных и зависимых отношений крестьян к помещикам)*, национальный гнет возмущали крестьян Кавказа и За-

кавказья, побуждали искать их новые формы борьбы. В одном из районов Закавказья, в Гурии, крестьянское движение стихийно началось еще в 1901 г. под влиянием большого неурожая. Как писала 1 ноября 1905 г. газета «Новая жизнь», он «приобщил часть крестьянского населения к рабочему движению тем, что вначале за куском хлеба громадный процент сельского населения отправился в город за заработком. Революционизированные городом крестьяне, понав в среду революционного пролетариата, уже выступившего открыто против буржуазии и произвола правительства, восприняли у рабочего класса его тактику и его лозунги борьбы». После же знаменитой стачки в Батуми в марте 1902 г. из города на родину были высланы сотни рабочих. В основном это были гурийцы. И на долю маленькой Гурии (всего один — Озургетский у. Кутаисской губ.) пришлось большое число рабочих, агитаторов и пропагандистов, которые не замедлили начать революционную работу. Она слилась с деятельностью социал-демократов, взявших на себя руководство развертывавшимся крестьянским движением и придавших ему организованность⁷³. Возникшие под влиянием социал-демократов уже летом 1903 г. революционные комитеты гурийских крестьян имели достаточно четкую структуру. Основным их ядром были кружки, состоявшие из 10 человек каждый и выбиравшие «десятника». Десять «десятников», в свою очередь, избирали «сотника». Совет «сотников» составлял крестьянский комитет, которым руководил избранный представитель сельского общества. Несколько обществ составляли район, имевший своего члена в партийном комитете. В Гурии таких районов было семь⁷⁴. Подобная организационная структура обеспечивала оперативное руководство крестьянскими массами.

В начале 1905 г. комитеты Озургетского у. сместили во всех селах старост, писарей, приставов. Уездный начальник бежал. Всеми 25 сельскими обществами уезда руководили выбранные революционные комитеты. Газета «Вперед» 10 марта 1905 г. сообщила: «Уезд в полной власти своих комитетов, они вмешиваются во все мелочи жизни крестьянина: никто не смеет идти к кому-либо в услужение, и крупные хозяйства пустеют».

Развертыванию деятельности революционных крестьянских комитетов в Закавказье способствовало усиливавшееся рабочее движение: во всех промышленных центрах Кавказа практически не прекращались забастовки, митинги, демонстрации рабочих, отвлекавшие на себя основные силы правительственных и местных властей. Немалую роль сыграл «красный губернатор» Кутаисской губ. — В. А. Старосельский. Именно он вопреки указаниям наместичества узаконил комитеты⁷⁵.

Крестьянские комитеты были созданы почти во всех уездах Западной Грузии — Сенакском, Кутаисском, Шаропанском, Ра-

* Большая часть бывших помещичьих и владельческих крестьян Закавказья состояла и в начале XX в., несмотря на истечение свыше 40 лет со времени их освобождения от крепостной зависимости, в обязательных отношениях к своим бывшим хозяевам. Они выражались в ежегодной уплате крестьянами помещикам известной части урожая, получаемого со скудных наделов, причем собственни-

ками земли продолжали оставаться помещики. Особенно тяжелой была эта повинность для сельских жителей Тифлисской и Кутаисской губерний, обязанных по закону отдавать помещикам $\frac{1}{4}$ часть урожая.

чинском и других, Горийском и Душетском уездах Восточной Грузии, сельских районах Сухумского округа (Абхазия). Они действовали здесь как органы вооруженного восстания, народной власти и пользовались среди населения огромным авторитетом. Из страха перед повстанцами, которыми руководили комитеты, помещики и лица духовного сословия во многих местах отказывались от получения налогов и покидали села.

Крестьянские комитеты осуществляли бойкот правительственных учреждений и игнорировали их мероприятия. Они выносили постановления: прекратить деловые отношения с помещиками, чиновниками; отказаться от уплаты налогов; безвозмездно пользоваться землями, пастбищами, лесами. Комитеты на деле распоряжались захваченными помещичьими и казенными землями, которые распределяли между сельскими обществами и крестьянами. Устанавливали правила пользования лесами. В них предусматривалось бесплатное пользование лесом бедняками, платное — зажиточными крестьянами. Порубка леса производилась только с разрешения комитетов.

В районах, где народ создал свое управление, царил образцовый порядок. Женщины имели равные права с мужчинами. Религия была объявлена частным делом, церковные обряды при совершении браков, похорон и т. д. заменены гражданскими актами. Были основаны народные библиотеки. В Гурии казенные школы закрывались, создавались особые комитеты для организации школьного дела; преподавание велось по программе, выработанной в Тифлисе при участии социал-демократов. Политические «преступники» из Тифлиса, Кутаиси, Батуми уезжали не за границу, а в Гурию. Там они были в безопасности. Газета «Вперед» (1905. 12 апр. (30 марта)) характеризовала движение в Гурии как «редкое явление во всемирной истории», подчеркивала, что «это не обычный крестьянский бунт, а вполне сознательное политическое движение, всецело примыкающее к сознательному движению всероссийского пролетариата».

Опираясь на вооруженные отряды крестьян, комитеты провозгласили образование свободных Гурийской, Сванетской, Зугдидской (Мингрельской), Квирильской (Имеретинской) и других «республик». Начальник полиции на Кавказе доносил в октябре 1905 г., что в Кутаисской губ. политическое состояние приняло характер не просто «анархии... а какого-то особого государства из самоуправляющихся революционных общин, признающих лишь власть революционных комитетов и ныне запасавшихся оружием для открытого восстания... Происходящие в Кутаисской губернии события настолько поразительны на общем фоне государственного строя империи, что иностранцы специально приезжают на Кавказ с целью ознакомиться на месте с новыми формами государственности»⁷⁶. Восставшие крестьяне во главе со своими комитетами поддерживали тесную связь с бастующими рабочими городов и особенно с железнодорожниками.

Возникшие в Грузии путем творческой инициативы самих кре-

стьянских масс еще до появления Советов рабочих и крестьянских депутатов в Центральной России крестьянские революционные комитеты осуществляли, особенно в период Всероссийской октябрьской стачки, те же задачи, что и Советы рабочих депутатов, фактически они выполняли те же функции, что и Советы. В. И. Ленин в статье «За что бороться?» высоко оценил деятельность крестьянских комитетов в Гурии. Он отмечал: «Советы рабочих депутатов во всех крупных промышленных центрах, ряд экономических завоеваний, вырванных у капитала, Советы солдатских депутатов в армии, крестьянские комитеты в Гурии и в других местах... все это было *началом* завоевания политической власти пролетариатом, опирающимся на революционную мелкую буржуазию, в особенности на крестьянство»⁷⁷.

В 1905 г. под непосредственным руководством Борчалинской организации РСДРП крестьянские комитеты возникли в селах Армении. Газета «Пролетариати крив» («Борьба пролетариата») писала: «Общее положение вещей и настроение крестьян создают хорошую почву для социал-демократической агитации. Крестьяне, узнав, что созывается собрание, на котором речь пойдет об их нуждах и заботах, с радостью собираются. В нескольких селах по предложению самих крестьян прямым и тайным голосованием были избраны сельские комитеты. Эти комитеты руководят внутренними делами сел... Заметно, что крестьяне с большим сочувствием относятся к нашей агитации и внимательно слушают нас»⁷⁸.

О борьбе крестьянства и работе социал-демократических организаций Закавказья по руководству крестьянским движением выступил с докладом на III съезде РСДРП Барсов (псевдоним Миха Цхакая). Касаясь революционных крестьянских комитетов, он отметил, что, как показал опыт, их существование «важно и необходимо для социал-демократии не только в интересах поддержки движения как такового против крепостнических отношений самодержавного государственного строя России, но и для создания кадров социал-демократов в среде деревенских пролетариев. А такие условия, какие в Гурии, Имеретии, Мингрелии и др. районах Кавказа, могут быть, да есть на самом деле, и во всех местах России... Значит, опыт Гурии и Имеретии с Мингрелией, вообще опыт работы Кавказского союза необходимо применить и в других местах и сейчас же учреждать революционные крестьянские комитеты»⁷⁹.

Широкий размах создание революционных крестьянских комитетов получило осенью 1905 г. в Прибалтийском крае. В Латвии они назывались распорядительными комитетами. Трудящиеся Латвии внесли большой вклад в общую борьбу народных масс Российской империи против царизма. «Несомненно, что среди тех причин, которыми объясняются успехи латышской социал-демократии, — писал В. И. Ленин, — необходимо поставить на первое место более высокую степень развития капитализма как в городе, так и в деревне, большую ясность и определенность классовых противоречий, обострение их национальным гнетом, концентрацию латышского населения и более высокую степень его культурного развития»⁸⁰.

Во главе революционной борьбы трудящихся Латвии шла ЛСДРП, которая в своей устной и письменной пропаганде раскрывала перед массами причины негодности старых органов власти, а также цели и задачи вновь создаваемых, подчеркивала их значение как орудия революционной борьбы и основы будущей системы государственной демократической власти.

Для решения вопроса о крестьянских комитетах под руководством партийных организаций повсеместно созывались волостные народные собрания. В них принимали участие хозяева, арендаторы и батраки. На съезде волостных делегатов Лифляндской и Курляндской губерний в Риге 19—20 ноября 1905 г. была разработана инструкция о правах и обязанностях этих комитетов, избрано Центральное бюро волостных делегатов, оно было тесно связано с ЦК латышской СДРП.

Местные власти подвергались бойкоту, а иногда и ликвидации еще до съезда. 3 ноября 1905 г. лифляндский губернатор доносил в министерство внутренних дел: «В Риге временное наружное затишье: революционная партия направила свою деятельность в уезды. В Рижском уезде состоялось несколько волостных митингов с участием революционеров; постановлено сместить всех должностных лиц крестьянского управления, что приведено силой в исполнение. Образуются особые комитеты для самоуправления; такие же случаи появились в Венденском уезде. В Вольмарском, Валкском и Юрьевском началось такое же движение»⁸¹. В донесении от 15 ноября снова говорилось, что «во многих волостях удалены все должностные лица и заменены вновь избранными на... собраниях»⁸².

Таким образом, съезд представителей волостей исходил уже из известного опыта борьбы масс. Тем с большей энергией взялись за дело крестьяне и батраки после съезда. Это подтверждают и правительственные документы. В одном из них говорилось: «После съездов (учительского и крестьянского. — Л. С.) пошел открытый мятеж в губернии. Почти повсюду начались сборища, на которых заезжие агитаторы призывали крестьян к вооруженному восстанию, к изгнанию помещиков, образованию народного управления и пр. Тогда... стал хозяйничать в селениях сельский пролетариат, в одних волостях под главенством волостного учителя, в других — псаломщика, а в иных — волостного старшины или писаря». Далее сообщалось, что «на революционных митингах в волостях... смещались законные волостные правления и взамен их избирались самовольные „исполнительные“ или „распорядительные“ комитеты»⁸³. Крестьяне проводили «чистку» волостных правлений, уничтожали символы царской власти, учетные списки, земельные акты, судебные дела.

Руководила деятельностью комитетов ЛСДРП, ее члены входили в их состав (так, в Цирстенской вол. Венденского у. организацией комитетов по заданию ЦК ЛСДРП активно занимался Я. А. Берзинь)⁸⁴. Местные комитеты, автономные в вопросах хозяйственного управления, являлись исполнительными органами центра на местах.

В октябре—ноябре 1905 г. в Лифляндской и Курляндской губерниях возникло почти 430 крестьянских распорядительных комитетов⁸⁵. Выбравшиеся на широкой демократической основе сходами крестьян, они являлись зачатком новой, революционной власти. Комитеты организовывали народную милицию, собирали средства на приобретение оружия. Они игнорировали указания и распоряжения царских учреждений, что приводило к дезорганизации административных и полицейских органов, а в ряде мест к фактической их ликвидации. Комитеты становились хозяевами на селе, разрешали вопросы, имевшие важное значение для латышской деревни. Для школ была принята новая программа. Школа отделялась от церкви, уроки закона божьего исключались, преподавание велось на родном языке. Большое внимание уделялось вопросам социального обеспечения. Комитеты создавали дома для нетрудоспособных, пошли на закрытие трактиров и казенных заведений по продаже вина. Старые налоги и повинности заменялись прогрессивно-подходящим налогом, который обычно устанавливался в зависимости от количества земли. В некоторых волостях бедноту совершенно освобождали от уплат. Почти везде комитеты брали в свое ведение леса, распределяли дрова и строительные материалы. При бегстве помещиков распорядительные комитеты фактически конфисковывали баронские имения.

В состав комитетов входили в основном батраки и беднейшее крестьянство, но были в них и представители сельской буржуазии. Конечно, и в этот период существовали разногласия между сельской буржуазией и пролетариями села, батраки предъявляли требования не только помещикам, но и кулакам. Но в целом их объединяла общая ненависть к помещикам, против которых все слои крестьянства выступали единым фронтом. В составе комитетов большое участие принимали женщины. Распорядительные комитеты пользовались доверием населения. Они были своеобразной школой, в которой народные массы приобретали навыки и опыт управления⁸⁶.

Боевой характер действий комитетов настораживал реакцию. Вот почему свои удары контрреволюция в первую очередь направила на их ликвидацию. Не желая сдаваться врагу, 4 января 1906 г. делегаты 14 распорядительных комитетов Лифляндской губ. постановили: «Мы, нижеподписавшиеся делегаты вышеупомянутых распорядительных волостных комитетов, признаем нужным сообщить обществу, что остаемся непоколебимы для исполнения задач, налагаемых обществом на волостные распорядительные комитеты. Остаемся в той же надежде, что и все остальные распорядительные комитеты Прибалтийского края, которые были избраны на основании всеобщего равноправного народного голосования, будут и впредь действовать в пользу народа и останутся, как прежде, при исполнении своих обязанностей»⁸⁷.

Активная деятельность комитетов продолжалась до января 1906 г. Вскоре после разгрома Московского декабрьского вооруженного восстания последовал разгром революционной Латвии.

Но и за короткий срок своего существования комитеты показали, что могут успешно справляться с решением различных социальных проблем.

Массовый характер носило создание крестьянских комитетов в Литве. Огромное влияние в этом отношении оказал съезд сельских рабочих и крестьян Ковенской, Сувалкской и Виленской губерний, созванный социал-демократией Литвы 23 ноября 1905 г. в Вильнюсе и принявший решение: «Создавать всюду революционные комитеты, которые связывались бы с Центральным Комитетом Социал-демократической партии Литвы, руководили народным восстанием против царской власти и захватили бы всю власть в свои руки (держа ее) до тех пор, пока революция не завершится и не будет созван Вильнюсский сейм»⁸⁸.

Примерно в 125 из 250 литовских волостей либо местные власти были переизбраны демократическим путем, либо волостные правления просто закрыты⁸⁹. В некоторых местах создавались так называемые «республики», охватывавшие волости, окрестные местечки и деревни, где власть перешла в руки народа. Органы власти избирались, как правило, всеми жителями волости на демократических началах, без различия пола и национальности, религии и имущественного положения.

В Эстонии на первую половину ноября 1905 г. были назначены перевыборы волостных правлений на дореволюционных началах. Но сельскохозяйственные рабочие и передовые крестьяне решили провести эти выборы явочным путем на новых, демократических началах. В результате революционное крестьянское самоуправление (революционные крестьянские комитеты, «республики») было создано в 50 волостях⁹⁰.

Таким образом, в период высшего подъема революции во всех прибалтийских губерниях были созданы революционные крестьянские комитеты. На их организацию большое влияние оказали проведенные под руководством революционных социал-демократов крестьянские съезды. Комитеты в большинстве своем работали под руководством деревенских социал-демократических организаций и были одними из инициаторов вооруженных выступлений крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

В целом по стране наиболее плодотворным в деле создания революционных крестьянских комитетов был период высшего подъема революции — осень—зима 1905 г., когда революционная борьба подвела народные массы к решению вопроса о власти, об осуществлении демократических преобразований как в городе, так и в деревне. Революционные комитеты в тот период были организованы практически во всех районах массового крестьянского движения⁹¹. Возникшие по революционному почину масс, они образовывались различными путями, соответствовавшими конкретным условиям той или иной местности, но чаще всего — открытым прямым голосованием на сельских сходах (т. е. в соответствии с гражданским обычным правом). Здесь положительную роль сыграли навыки крестьянского общинного самоуправления. В двух районах наибо-

лее интенсивного движения крестьянства — Грузии и Прибалтике эта форма революционной организации в деревне была основной. В конце 1905—начале 1906 г. комитеты были разгромлены карательными отрядами. Возродились они весной и летом 1906 г., в период нового подъема крестьянского движения.

В 1905—1907 гг. все партии, считавшие себя революционными, формально стояли за образование крестьянских комитетов, однако только большевики отводили им роль органов народного восстания и ставили перед ними задачи социального переустройства деревни. Конечно, работа большевистских организаций по созданию революционных крестьянских комитетов не всегда и не везде протекала гладко. Деятельность революционеров в деревне проходила в условиях жесточайших полицейских преследований. Развернувшееся крестьянское движение опережало организационное оформление. Но в целом созданные в ходе революции крестьянские комитеты воплощали в себе творческую активность масс, направляющуюся революционной социал-демократией.

Характеризуя октябрьско-декабрьские события 1905 г., В. И. Ленин в 1920 г. писал: «Массовая революционная борьба указанного периода вызвала к жизни такие, невиданные раньше в мировой истории, организации, как *Советы рабочих депутатов*, а вслед за ними *Советы солдатских депутатов*, *Крестьянские комитеты* и т. п.»⁹². Из многих работ В. И. Ленина видно, что он ставил революционные крестьянские комитеты в один ряд с Советами рабочих депутатов и считал их одним видом организаций. «Советы рабочих депутатов, — писал он, — и аналогичные им учреждения (крестьянские комитеты, жел.-д. комитеты, Советы солдатских депутатов и т. п.) пользуются громадным и вполне заслуженным авторитетом»⁹³.

Там, где комитеты были созданы, крестьянство фактически становилось хозяином положения. На подконтрольных территориях революционная власть, хотя и недолго существовавшая, немедленно приступала к практическому разрешению многочисленных социальных и экономических задач. Она регулировала хозяйственную жизнь в своей местности, устанавливала революционную охрану общественного порядка, руководила созданием крестьянских вооруженных отрядов, осуществляла отмену государственных податей, налогов в пользу духовенства, свободу слова, приступала к созданию своих школ; бралась за разрешение земельного вопроса в смысле ликвидации крупного землевладения и конфискации имущества помещиков, вмешивалась в конфликты между трудом и капиталом (например, сокращала рабочий день и увеличивала заработную плату сельскохозяйственным рабочим и батракам). Словом, крестьянские комитеты на деле осуществляли революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, способствовали тому, что движение в деревне принимало решительный, наступательный характер, они становились органами восстания.

Упразднение в сельской местности старых властей и создание крестьянских комитетов — важнейшая форма борьбы крестьянства за демократические порядки. Крестьянские комитеты были одной из организационных форм сотрудничества рабочего класса и крестьянства. И хотя с поражением революции крестьянские комитеты прекратили свою деятельность, их опыт был широко использован большевиками в дальнейшей работе в деревне, в борьбе за победу революции.

2

Советы крестьянских депутатов

Возникшие в ходе первой российской революции Советы «создавались, — как отмечал В. И. Ленин, — исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут»⁹⁴.

В. И. Ленин, большевики считали Советы органами вооруженного восстания, зачаточными органами революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян и ставили вопрос о необходимости привлечения в Советы крестьян.

Одним из первых Советов рабочих и крестьянских депутатов было созданное под руководством большевиков в марте 1905 г. Собрание рабочих депутатов Алапаевского металлургического завода на Урале. Алапаевская социал-демократическая группа еще до революции вела пропаганду среди крестьян прилегающих к заводу деревень. Уже в 1903 г. жители дер. Алапахихи читали нелегальную литературу, среди которой был «Проект Программы РСДРП», выработанный ленинской «Искрой». Собрание рабочих депутатов Алапаевского завода рассматривало не только заводские вопросы, но и земельные. В последнем были заинтересованы не одни крестьяне, но и кадровые рабочие. Объяснялось это тем, что предприниматели систематически нарушали закон, по которому рабочие, лишённые работы, должны были получать от предприятия надел земли, необходимый для жизнедеятельности. Собрание пользовалось авторитетом среди рабочих и крестьян ближайших деревень. От некоторых крестьянских обществ в него были избраны представители. По призыву Собрания рабочие завода и крестьяне организованно провели 1 мая 1905 г. митинг и демонстрацию, на которых читались революционные прокламации, проносились политические речи⁹⁵. На Урале представители крестьян входили и в Надеждинский Совет уполномоченных, созданный также весной 1905 г. На одном из его заседаний был обсужден земельный вопрос⁹⁶.

В Твери в начале ноября 1905 г. рабочие по инициативе и под руководством большевистского комитета создали Совет рабочих депутатов, ставший позднее Советом рабочих и крестьянских депутатов. Осенью 1905 г. в Тверской губ. появились и первые Советы крестьянских депутатов. Это не было случайностью, так как тверское крестьянство, в большинстве своем бедняцко-средняцкое, было тесно связано с городом и поэтому легче воспринимало революционную пропаганду. Во многих тверских деревнях существовали социал-демократические ячейки.

Наиболее изучена у нас деятельность Новинского волостного Совета крестьянских депутатов⁹⁷. Новинская вол. была одной из самых революционных в Тверском у., значительная часть ее населения работала на фабриках и заводах Твери. В деревнях и селениях волости социал-демократами постоянно проводились сходы, митинги, демонстрации, распространялись листовки, создавались кружки.

Новинский волостной крестьянский Совет был избран 21—25 ноября 1905 г. крестьянами более чем 30 селений. Активно работал в нем по поручению Тверского комитета РСДРП один из опытных большевистских подпольщиков — рабочий вагонного завода А. Д. Хромов. Приезжали регулярно представители Тверского комитета. При создании Совета крестьяне отстранили от власти волостное начальство — старшину и писаря. На первом заседании Совета решались такие вопросы: 1) выборы представителя в Тверской Совет рабочих депутатов (избран А. Д. Хромов), 2) о прекращении самовольной порубки леса. Было решено «через представителей из деревень оповестить граждан, под страхом ответственности перед народом, прекратить порубку леса (здесь говорится о казенных лесах), так как власть перейдет в руки народа и леса будут наши»⁹⁸. В конце заседания избрали исполком Совета в составе трех крестьян и двух рабочих. Последние, как писала газета «Северный голос», были нужны «в видах более тесного единения с рабочим движением» и партийной организацией социал-демократов⁹⁹.

В Новинках начался период, в течение которого управление всей жизнью волости осуществлял Совет крестьянских депутатов. Свои заседания он проводил в доме волостного правления, на них решались такие злободневные вопросы, как отказ от уплаты налогов, выполнения воинской повинности, улучшение дела народного просвещения в волости, прекращение самовольных порубок леса и др. В своей повседневной деятельности Совет решал и те задачи, которые раньше входили в компетенцию старых волостных властей, например выдача паспортов, а также новые, порожденные развитием революционных событий. В декабре было принято решение о проведении сбора продовольствия в помощь бастующим рабочим Твери, каждый член Совета должен был провести добровольный сбор продовольствия и денег в своей деревне. Совет принимал участие в проведении революционной агитации. Им было решено поставить в каждой деревне волости столб с витриной для объявле-

ний и наклейки прокламаций, воззваний и т. п., что во многих деревнях было сделано.

Тверской комитет РСДРП имел постоянную связь с Новинской вол.: не реже двух раз в неделю сюда приезжали представители из Твери, в том числе депутаты Тверского Совета рабочих депутатов, которые выступали перед крестьянами. 15 декабря 1905 г., в период Декабрьского вооруженного восстания в Москве, была предпринята попытка нарушить движение поездов по Николаевской железной дороге недалеко от Твери, чтобы тем самым воспрепятствовать переброске войск из Петербурга в Москву. В районе ст. Кулицкая крестьяне во главе с А. Д. Хромовым устроили завалы, спилили телеграфные столбы. Для помощи восставшим рабочим Твери в Новинской вол. был организован сбор оружия.

Эти факты показывают, сколь недальновиден был местный губернатор, доносивший в апреле 1905 г. министру внутренних дел, что в его губернии «рабочее движение в городах сочувствием крестьян не пользуется. Точно так же мало заметно влияние на крестьян агитаторов, старающихся вовлечь население в противоправительственную борьбу по вопросам государственного устройства и политических прав»¹⁰⁰.

21 декабря 1905 г. в дер. Поддубки Новинской вол. к А. Д. Хромову нагрянули 25 казаков во главе с земским начальником. Дом был окружен, Хромов арестован. Полицейские и стражники разъезжали по деревням волости, выявляли депутатов Совета, расправлялись с ними¹⁰¹.

Советы рабочих и крестьянских депутатов были и в подмосковных уездах. В Мытицах в Совет рабочих депутатов входили представители крестьян и железнодорожников¹⁰².

В ноябре и особенно декабре 1905 г. старалось объединяться донское крестьянство. Во время декабрьского восстания, когда Юго-Восточная дорога фактически находилась в руках забастовочных комитетов, имевшихся почти на всех станциях, крестьяне ближайших деревень совместно с железнодорожниками организовывали новые, революционные органы власти. На совместном заседании комитета ст. Глубокая и представителей хут. Ивановка было принято решение об учреждении на время забастовки делегатского собрания из представителей разных групп населения хутора и районного комитета станции. Несмотря на неоформленность, распыленность в составе и функционировании этого делегатского собрания, можно считать, что оно также было Советом рабочих и крестьянских депутатов¹⁰³.

Крестьяне сел Усатово, Беляевка Херсонской губ. входили в состав Одесского Совета рабочих депутатов. Постоянные представители крестьян были в Новороссийском Совете. По инициативе большевиков в него было избрано несколько депутатов-крестьян с. Геленджик¹⁰⁴.

Накал крестьянской борьбы в Череповецком у. Новгородской губ. и умелое руководство социал-демократов позволили организовать в июле 1906 г. Совет крестьянских депутатов в местечке

Заболотье. В этом сыграл большую роль бывший учитель И. В. Сараев, член Череповецкой группы РСДРП. Он был очень популярен среди населения. По некоторым данным, «лично его знающим стражникам отдан приказ стрелять в него, где бы они его ни увидели»¹⁰⁵. Совету подчинялось несколько окрестных волостей, он возглавлял борьбу крестьян уезда¹⁰⁶.

В феврале—марте 1907 г. под руководством большевистских организаций прошла «хлебная кампания». Наметившийся спад революционного движения, неурожай в земледельческих губерниях были использованы купцами и лавочниками в корыстных целях. Они значительно подняли продажные цены на хлеб и другие продукты первой необходимости по сравнению с закупочной ценой. Представители царской власти на местах не предпринимали мер для обуздания торгашей. Воздорожание тяжело отразилось на жизненном уровне рабочих и крестьянских семей. Большевики организовали борьбу за снижение цен на хлеб, стремясь придать ей политический характер. Активно «хлебная кампания» прошла в Кинешме, где 15 февраля состоялся десятитысячный митинг, избравший «хлебный совет» из 45 делегатов от рабочих и крестьян окрестных деревень. Он просуществовал две недели и провел ряд важных мероприятий, направленных на снижение цен: проверил запасы муки, закупочные цены, установил контроль за транспортировкой зерна. Купцы вынуждены были пойти на уступки. Таким образом, в годы революции был создан рабоче-крестьянский орган, который предпринял первую попытку ввести народный контроль над распределением продуктов¹⁰⁷.

Следует подробнее остановиться на взаимоотношениях крестьян с Советами рабочих депутатов. Как правило, последние занимались и крестьянскими вопросами. «Отовсюду, из самых глухих местечек и сел, — вспоминал М. В. Фрунзе, — в Иваново-Вознесенск стекались за советом, инструкциями и указаниями десятки делегаций. Являлись они с самыми разнообразными запросами, начиная от требования прислать ораторов и кончая просьбами о материальной помощи. Еще более многочисленны были письменные запросы. Безграмотные по форме, они были проникнуты необыкновенно глубокой верой в силу и значение Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов, в безграничное могущество руководящих им „социал-демократов“»¹⁰⁸. Шуйские крестьяне просили дать им указания, «как отобрать землю и земских начальников уничтожить»¹⁰⁹.

Член Костромского Совета рабочих депутатов П. А. Карваев вспоминал: «В Совет обращались также и поднимавшиеся против помещиков крестьяне. Начиная борьбу за помещичьи земли, крестьяне посылали своих ходяков в Совет просить помощи и руководства. Совет вместе с Костромским комитетом большевиков посылал в таких случаях представителей в деревни»¹¹⁰.

На повестке дня Петербургского Совета стояли такие вопросы, как движение в Саратовской губ., в Гурии; о «царских милостях крестьянам», расширении агитации среди деревенских жителей

и др. Начальник Петербургского охранного отделения в донесении управляющему министерства внутренних дел от 8 декабря 1905 г. указывал, что «обнаружены в значительном количестве преступные издания, и в их числе свыше 100 экземпляров печатных прокламаций к крестьянам от имени Совета рабочих депутатов»¹¹¹. На заседании Совета 5 ноября 1905 г., в дни ноябрьской забастовки, представитель крестьян Сумского у. Харьковской губ. заявил: «Обращаемся к вам, чтобы соединиться с вами и вместе бороться за свои права. Когда вы найдете, что настало время для окончательной борьбы с существующим строем, вы известите нас; мы присоединимся к вам и будем бороться на жизнь и смерть. . .»¹¹².

Большевики Николаева через Советы руководили революционными выступлениями рабочих и крестьян. В деревни Николаевского у. выезжали агитаторы Николаевского комитета РСДРП и Совета рабочих депутатов. Совет считал своей важнейшей задачей «организацию помощи бастующим рабочим и безработным (в частности, помощь со стороны крестьянства: привоз хлеба, сала, масла и других продуктов)»¹¹³. Николаевский Совет пользовался большим авторитетом среди сельских жителей. И они оказывали ему помощь.

Тесные связи с крестьянами окрестных сел поддерживали Екатеринославский большевистский комитет РСДРП и Совет рабочих депутатов. По заданию Екатеринославского комитета в сельскую местность выезжал член исполкома Совета рабочих депутатов И. Е. Захаренко, который проводил митинги и собрания. В с. Саксагань крестьяне выбрали несколько делегатов для поездки в Екатеринослав, где они присутствовали на заседаниях Совета рабочих депутатов¹¹⁴.

Активный участник революционного движения в Екатеринославе, член исполкома Совета рабочих депутатов И. И. Меренков вспоминал, что в декабре 1905 г. агитаторская коллегия Совета, придавая большое значение работе в деревне, откомандировала его и еще двоих товарищей в Верхнеднепровский у. По дороге они выступали на станциях. В дер. Божедаровке провели большой митинг. «Из Божедаровки нас крестьяне на подводах повезли по волостям, где, как только мы появлялись, моментально сбегалось все население, проводились митинги, беседы об эксплуатации помещиками крестьян, во время поездки приходилось выслушивать массу жалоб на попов, урядников и старшин. . . Трудовое крестьянство встречало нас как избавителей и легко усваивало лозунг: „Долой царское самодержавие!“ и наш лозунг о „самодержавии народа“»¹¹⁵. В Екатеринославский Совет рабочих депутатов приезжали ходоки от крестьян. Вопросы, с которыми они обращались, почти все были сходны между собой: что делать крестьянам, как решить земельную проблему? Случалось, что обращались в Совет и по частным вопросам сельского быта, например из-за разных земельных недоуразумений, и получали на них ответы¹¹⁶.

В Донбасе широкую агитационно-массовую работу среди крестьян развернули Советы рабочих депутатов Луганска, Ена-

киева, Горловки. Часто выезжал в села председатель Енакиевского Совета Г. Ф. Ткаченко-Петренко, разъяснявший программу большевиков по аграрному вопросу и призывавший поддержать рабочих в борьбе против царизма¹¹⁷.

На Дальнем Востоке большим авторитетом пользовался Читинский Совет солдатских и казачьих депутатов. Один из его руководителей — большевик В. К. Курнатовский рассказывал о теплой встрече, которую оказали крестьяне делегации Совета, ехавшей в декабре 1905 г. на Акатуйский рудник для освобождения заключенных матросов. «Всюду в деревнях, — писал Курнатовский, — она встречала радужный прием, крестьяне, казаки и инородцы стекались на остановках в те избы, где останавливались делегаты, с жадностью спрашивали о том, как идет борьба за освобождение народа от старого режима, рассказывали о своих нуждах, спрашивали, что им делать, чтобы избавиться от хищника — Кабинета, опутавшего все Забайкалье, как добиться лучших условий своего существования»¹¹⁸.

Сформированный в декабре 1905 г. на тех же началах, что и Советы рабочих депутатов в других районах страны, «Союз амурских рабочих» в Благовещенске был хорошо известен местным крестьянам. На заседаниях «Союза» слушалась информация о положении в амурской деревне. На областном съезде крестьян в январе 1906 г. был оглашен приговор Красноярского волостного съезда с требованием изменить государственный строй. Приговор был одобрен, размножен и разослан по деревням, а его подлинник сдан в бюро «Союза амурских рабочих»¹¹⁹.

Характерен тот факт, что МК РСДРП 21 июля 1906 г. принял специальное постановление: «Развивать усиленную агитацию в деревне при активном участии Московского окружного комитета и эту часть работы передать для непосредственного руководства Совету рабочих депутатов»¹²⁰.

Готовясь к IV съезду партии, В. И. Ленин написал проекты резолюций, в которых содержалась оценка деятельности возникших в ходе революции Советов, показано их значение, выяснены условия их успехов в будущем и отношение к ним партии большевиков. В резолюции «Временное революционное правительство и местные органы революционной власти» В. И. Ленин обращал внимание на то, что Советы возникли в ходе открытой борьбы пролетариата и передовых слоев мелкой буржуазии против царизма, они были зачатками новой, революционной власти. Это «Советы рабочих депутатов в Петербурге, Москве и других городах, Советы солдатских депутатов во Владивостоке, Красноярске и пр., железнодорожные комитеты в Сибири и на юге, крестьянские комитеты в Саратовской губ., городские революционные комитеты в Новороссийске и других городах и, наконец, выборные сельские органы на Кавказе и в Прибалтийском крае». Одно перечисление различных видов Советов, комитетов и других однотипных Советам учреждений свидетельствует о том, насколько внимательно В. И. Ленин следил за развитием новых форм организаций, создаваемых

народным творчеством в ходе революции. Резолюция рекомендовала образовывать их «во всех городах и общинах, примыкающих к восстанию, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования»¹²¹.

Основу Советов составлял революционный союз пролетариата и крестьянства. Критикуя меньшевистское, сектантское, мнение о Советах как чисто пролетарской организации, В. И. Ленин писал: «Вспомните, господа радикалы, что „чисто пролетарскими“ не оставались большей частью Советы рабочих депутатов. Они принимали в свой состав нередко делегатов от солдат, матросов, служащих, крестьян»¹²². В период первой российской революции Советы рабочих депутатов могли влиять на крестьян лишь немногих пригородных сел и деревень, имевших наиболее тесную связь с городом. Но всей своей деятельностью, проведением большевистской тактики «левого блока» они способствовали слиянию революционных сил в единый демократический революционный поток.

В деревне функции Советов выполняли в основном революционные крестьянские комитеты. Весь вышеизложенный материал свидетельствует о том, что революционные крестьянские комитеты и Советы были организациями практически идентичными. На IV съезде РСДРП, оценивая деятельность Советов рабочих депутатов и крестьянских комитетов в конце 1905 г., В. И. Ленин говорил: «Революционная власть не интеллигентов, не группы заговорщиков, а рабочих и крестьян уже имела место в России, уже осуществилась в ходе нашей революции»¹²³. Таким образом, и Советы рабочих депутатов, и революционные крестьянские комитеты, утверждал В. И. Ленин, уже осуществляли власть¹²⁴.

Мы выделили крестьянские Советы в отдельный раздел с тем, чтобы подчеркнуть, что сам факт появления в период революции крестьянских организаций под названием «Советы крестьянских депутатов» и Советов рабочих и крестьянских депутатов еще и еще раз говорит о действенной тенденции к слиянию двух революционных сил — пролетариата и крестьянства и его организационных форм. Создание в ходе революции крестьянских Советов являлось прежде всего результатом революционной инициативы рабочего класса, его воздействия на крестьян, результатом влияния большевистской пропаганды.

3

Всероссийский крестьянский союз

В период революции под влиянием массового рабочего движения, подъема революционной борьбы в деревне, по инициативе крестьян Московской губ. возник Всероссийский крестьянский союз (ВКС).

Идея создания Крестьянского союза и созыва «всекрестьянского» съезда витала, как говорится, в воздухе уже с начала рево-

люции. Во «Всеподаннейшем докладе» Николаю II от 14 марта 1905 г. С. Витте привел письмо «одного толкового крестьянина» из Владимирской губ., в котором тот доносил, что по губернии разъезжают «объездчики» и предлагают «развитым» крестьянам «осенью участвовать на всероссийском съезде крестьян», который предполагается быть тайным «чисто мужицким аграрно-политическим собранием» и где должно быть постановлено о разделе земель между крестьянами, сложении с них выкупных и других платежей, удалении «ненужных, но дорогих властей, как-то: земских начальников, исправников и их подчиненных». «Собрание, — писал доносчик, — предполагается быть совершенно мирным и тихим, но беда в том, когда эти выборные возвратятся на родину и сообщат по своим углам, что постановил всероссийский мир и что стало для всех обязательно. С этого-то времени и начнется такое, как я думаю, что не приведи Бог!.. Резне, которой я боюсь, навверное, помешает весна с нужными сельскими работами, и заваруха должна быть после уборки». Николай II выделил это письмо и написал: «К докладу 16 марта 1905 г.»¹²⁵

Мы не знаем дальнейшей конкретной реакции правительства на это сообщение «толкового крестьянина». Но уже на съезде крестьян Московской губ. в мае 1905 г. (около 50 представителей от разных уездов) в ответ на попытку властей заполучить «верноподданнический» адрес было принято решение: «Настоящее бедственное положение крестьян вследствие малоземелья, непосильных поборов и налогов со стороны администрации, неграмотности населения, его бесправия не может быть исправлено настоящим чиновничьим государственным управлением, а для достижения всех намеченных благ народа и впредь до уравнивания крестьян с остальными условиями учреждается Всероссийский Крестьянский союз»¹²⁶. Для реализации этого решения было избрано специальное организационное бюро. Резолюция об организации ВКС была напечатана в газете «Русь» и в «Вестнике сельского хозяйства». Когда она стала известна в деревнях, идея образования ВКС была подхвачена крестьянскими массами. Началось составление крестьянами приговоров о создании его местных отделений.

31 июля — 1 августа 1905 г. в Москве состоялся Учредительный съезд ВКС. Подготовка к нему и сам съезд проходили нелегально. На съезд прибыло свыше 100 крестьян из 22 губерний и почти 25 «гостей» — интеллигентов, главным образом врачи, учителя, агрономы¹²⁷. Было пять женщин. Одних делегатов послали сельские сходы, других — небольшие собрания, организованные местными земскими деятелями, третьих — политические партии.

Прения сосредоточились вокруг трех основных вопросов: политической платформы, аграрного и тактики. По каждому из них были приняты специальные резолюции.

По политическому вопросу съезд, высказав «полное недоверие правительству»¹²⁸, единогласно признал необходимым созыв Учредительного собрания с предоставлением права участия в выборах всем лицам начиная с 20 лет (кроме лиц, служащих в полиции,

представителей царской администрации, а также находящихся на военной службе).

В целом политическая платформа, выработанная съездом, была демократической, но отличалась непоследовательностью и половинчатостью. Она обходила молчанием проблему будущего государственного устройства страны. Требование представителя большевиков А. В. Шестакова включить в резолюцию пункт о необходимости свержения царизма и установления демократической республики было отклонено.

Важнейшее место в работе съезда занял аграрный вопрос. С неподдельной страстностью говорили делегаты-крестьяне о нужде в земле и о необходимости радикального земельного перераспределения. Все делегаты высказались за ликвидацию частной собственности на землю и передачу всех частновладельческих, казенных, удельных и монастырских земель в распоряжение самого народа, т. е. за национализацию земли. У частных владельцев земля должна быть конфискована частью за вознаграждение, частью без него. Подробные условия отобрания частновладельческих земель должно выработать Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего избирательного права путем прямого, равного и тайного голосования. Было принято также предложение, чтобы ВКС к следующему съезду возможно подробнее разработал этот вопрос и чтобы он был обсужден на местах, на сельских сходах.

При обсуждении вопроса о тактике часть делегатов высказались за необходимость вооруженной борьбы. Но в конечном счете была принята резолюция, в которой ничего не говорилось ни о свержении самодержавия, ни об организации революционных крестьянских комитетов. Главное ее содержание сводилось к тому, что членам ВКС «настойчиво советуется пользоваться своим правом составлять общественные приговоры на сельских и волостных сходах и частных собраниях об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшении народного благосостояния»¹²⁹, т. е. вместо революционной крестьянам навязывалась легальная, «законная» тактика борьбы. Весь текст этой резолюции был пропитан духом мелкобуржуазного реформизма. «Такая резолюция, — писал В. И. Ленин, — крайне неудовлетворительна. Вместо революционного призыва к восстанию она дает лишь либеральные советы общего свойства»¹³⁰.

Съезд принял также резолюцию о необходимости организации крестьянства, созыва съездов «всероссийских, областных и губернских», учреждения губернских, уездных, волостных и сельских комитетов ВКС.

Съездом были избраны Главный комитет ВКС и Центральное бюро содействия, в которые вошли в основном представители народнической мелкобуржуазной интеллигенции (земские врачи, статистики, учителя, агрономы и т. п.).

К началу сентября 1905 г. местные организации ВКС существовали в 42 губерниях и насчитывали не менее 100 тыс. человек¹³¹.

6—10 ноября 1905 г. в обстановке мощного движения пролета-

риата и крестьянства состоялся второй съезд ВКС. На этот раз он проходил легально. Но, чтобы избежать обсуждения и, следовательно, возможности изменения программы ВКС, принятой Учредительным съездом, второй фактически съезд ВКС был назван его руководителями «Делегатским совещанием Всероссийского крестьянского союза» (совещание менять программу не имело права). На совещании (съезде) присутствовало 187 делегатов от 75 уездов 27 губерний. Делегатов-крестьян было 145 человек, остальные — интеллигенты (учителя, земские служащие, врачи и пр.). Подавляющее большинство было избрано на сельских сходах или прислано местными организациями ВКС. Преобладали беспартийные. Были две женщины.

Руководство съезда добилось, чтобы на него были допущены лишь два представителя от социал-демократической партии, с правом совещательного голоса и выступающих только по предложению собрания, т. е., по существу, эти представители были лишены слова. Такое решение вызвало возмущение среди рабочих Москвы¹³².

Второй съезд подтвердил политические требования созыва Учредительного собрания, демократизации местного самоуправления, выборности всех должностных лиц в государстве.

По вопросу о земле съезд повторил требование Учредительного съезда об отмене частной собственности на землю и превращении ее в общенародное достояние. Наиболее передовые делегаты-крестьяне настаивали на необходимости передачи земли народу без выкупа, но под давлением руководства было подтверждено решение Учредительного съезда о частичном вознаграждении помещиков за отобранную землю. Однако размеры его, так же как и способы распоряжения захваченной помещичьей землей, должны были установить сами крестьяне, их выборные комитеты. Этим программа Крестьянского союза коренным образом отличалась от кадетской, которая отдавала решение вопроса о земле помещичье-чиновничьим комиссиям.

Съезд заслушал доклады с мест о ходе революционного крестьянского движения и об организации местных отделений ВКС. Из выступлений делегатов вырисовывалась картина широкого крестьянского движения, пронизанного стремлением уничтожить до конца помещичье землевладение и крепостнические остатки в деревне.

Центральное место в работе второго съезда занял вопрос о тактике ВКС. В России назревало вооруженное восстание. Большинство выступавших делегатов свидетельствовали о том, что в сознании крестьянства под воздействием пролетарской борьбы и революционной агитации произошли большие изменения. Значительная его часть уже теряла веру в возможность мирного разрешения земельного вопроса и приходила к выводу о необходимости вооруженной борьбы не только с помещиками, но и с правительством. Однако двойственность крестьянского сознания, его либерально-монархические колебания и давление руководства ВКС

привели к тому, что было принято решение ждать Учредительного собрания, которое «должно обязательно разрешить земельный вопрос на благо народа, согласно его требованиям». Правда, для оказания нажима на правительство в деле осуществления передачи земли в собственность народа и созыва Учредительного собрания выдвигались такие меры, как отказ от покупки и аренды земли, от вступления в какие бы то ни было соглашения с землевладельцами, применение всеобщей забастовки. В резолюции звучало предостережение правительству: «Съезд заявляет, что он предвидит: неудовлетворение народных требований приведет страну нашу к великим волнениям и неизбежно вызовет всеобщее народное восстание, потому что чаша крестьянского терпения переполнилась»¹³³.

Съезд принял резолюции, носившие ярко выраженный революционно-демократический характер. В резолюцию по поводу волнений и волнений крестьян было включено требование о немедленной отмене всех исключительных законов, судов и полномочий, о выводе войск и отзывании генерал-адъютантов из губерний, охваченных волнениями, а также о немедленной амнистии всем политическим заключенным. В другой резолюции — о местном самоуправлении — провозглашался бойкот земских начальников и призыв к новым выборам должностных лиц на основе четырехчленной формулы. В случае преследования ВКС съезд решил ответить отказом от уплаты податей и поставки рекрутов, закрытием винных лавок, изъятием из сберегательных касс и банков вкладов.

Съезд признал необходимым вести крестьянам борьбу против эксплуататоров совместно с «нашими братьями — рабочими городскими, фабричными и заводскими, железнодорожными и другими союзами, а также организациями, защищающими интересы трудящихся классов». В принятых документах имелись неоднократные указания на необходимость совместных действий с рабочим классом. Подчеркивалась, например, необходимость соглашения с железнодорожными рабочими о том, чтобы не доставлять солдат, посылавшихся для расправы над крестьянами¹³⁴.

Несмотря на половинчатые, непоследовательные резолюции, в целом съезд принял решение «бороться дружно и стойко, беззаветно и без колебаний за полную волю и за всю землю». В. И. Ленин приветствовал революционные решения съезда и делегатов-крестьян. Через два дня после его окончания он писал в газете «Новая жизнь»: «Пошлем же горячий привет Крестьянскому союзу... Эти крестьяне — действительные революционные демократы, с которыми мы должны идти и пойдем вместе на борьбу за полную победу теперешней революции»¹³⁵.

Решения съезда, широко распространяемые делегатами, способствовали дальнейшему росту политической сознательности и организованности крестьян.

Осенью 1905 г., т. е. в период «революционного вихря», Крестьянский союз рос со «сказочной» быстротой. Это объясня-

лось следующим рядом обстоятельств. Во-первых, ВКС представлял собой, как отмечал В. И. Ленин, безусловно «почвенную», реальную организацию масс. Он начал создавать свои отделения на местах осенью 1905 г., когда революция быстро шла на подъем. Во-вторых, в объединении своих сил передовые крестьяне видели возможность скорейшего завоевания земли и свободы. Поэтому нередко в приговорах сельских и волостных сходов после изложения ряда экономических и политических требований отмечалось, что для их осуществления крестьяне присоединяются к ВКС. В-третьих, часть крестьян присоединялась к ВКС потому, что видела в его требованиях ответ на самые наиболее насущные вопросы.

ВКС не выдвигал лозунга свержения царского самодержавия и установления в России демократической республики. Эта умеренность давала возможность рассматривать его как организацию, которая не выходит из рамок «свобод», предоставленных царским манифестом 17 октября 1905 г. Нередко вступающие в союз даже оговаривали, что они входят в него при условии, что он не будет бороться против царя. Но, оставаясь верными царскому престолу, эти же крестьяне часто активно выступали против помещиков и царских чиновников.

Осенью 1905 г. по Европейской России было создано не менее 359 сельских и 111 волостных организаций ВКС, в которых насчитывалось около 200 тыс. человек¹³⁶. Областные бюро союза существовали в Петербурге, Саратове, на Украине, в Белоруссии; губернские организации — в Центре, Поволжье и на Украине. Большинство из них было создано в период между первым и вторым съездами ВКС.

Многие организации союза выпускали брошюры, прокламации и листовки, в которых разъяснялась программа и тактика ВКС. Областные и губернские комитеты созывали свои съезды. Губернские съезды Крестьянского союза состоялись осенью 1905 г. в Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Казанской, Нижегородской, Саратовской, Смоленской, Тобольской, Ярославской губерниях. 29—30 декабря 1905 г. состоялся первый северный областной съезд ВКС¹³⁷. На них были выдвинуты революционные требования национализации земли, причем саратовский, нижегородский и северный потребовали конфискации всех земель без выкупа. В вопросах тактики съезды в основном повторяли решения ноябрьского всероссийского съезда, а саратовский и екатеринославский пошли дальше и призвали крестьян к вооруженному восстанию.

Во второй половине октября и в ноябре 1905 г., в период так называемых «дней свобод», развернулась деятельность и уездных комитетов ВКС. Они созывали митинги, распространяли литературу, организовывали сельские и волостные комитеты союза, созывали уездные крестьянские съезды. В сентябре—декабре 1905 г. в 15 губерниях России состоялось более 30 уездных съездов Крестьянского союза¹³⁸.

В борьбе за крестьянство активное участие в съездах союза принимали большевики. Использование их трибуны позволяло устанавливать непосредственный контакт с аудиторией делегатов и воздействовать на них большевистским словом.

В резолюциях губернских и особенно уездных съездов настойчиво проводилась мысль о необходимости уничтожения помещичьего землевладения, превращении земли в общенародное достояние, т. е. ее национализации; об установлении политических свобод, о ликвидации сословий, выборности всех должностных лиц и другие, в целом сводившаяся к требованию осуществления основных задач буржуазно-демократической революции.

Революционные социал-демократы, стремясь поднять крестьянство на вооруженную борьбу в союзе с рабочим классом, старались использовать в этих целях ВКС. Борьась за осуществление решений III съезда партии о создании революционных крестьянских комитетов, большевики одновременно большое значение придавали ВКС. Они выработали свою тактическую линию по отношению к нему. Центральный орган партии газета «Пролетарий» 3 ноября 1905 г. напечатала статью «Крестьянский съезд», в которой, выполняя пожелания местных комитетов дать разъяснение по вопросу об отношении к союзу, не только всесторонне оценила его деятельность, но и указала задачи партии по отношению к этой организации. Статья призывала большевиков вести борьбу с буржуазно-либеральным влиянием на союз и добиваться, чтобы крестьянство стало союзником рабочего класса. «Привлечь крестьян на свою сторону, втянуть их в революцию — вот задача социал-демократии», — писал «Пролетарий».

Другой большевистский орган печати — газета «Новая жизнь» 17 ноября 1905 г. разъясняла: «Крестьянский союз представляет собой зачаток революционной организации крестьянства, которая при правильном развитии и умелом руководстве может сыграть немалую роль в российской революции. К осуществлению этого руководства и должна быть направлена деятельность социал-демократов по отношению к Крестьянскому союзу... социал-демократы должны образовывать на местах революционные крестьянские комитеты и входить в состав уже образовавшихся революционных крестьянских союзов, местных и центральных, чтобы проводить в них лозунги революционной борьбы пролетариата, тактику революционного движения деревни и города, превратить его в один могучий поток, смывающий все препятствия, воздвигнутые самодержавным строем на пути к демократической республике».

В директивах ЦК РСДРП о работе среди крестьян была поставлена задача войти в организации Крестьянского союза для проведения в них партийной программы и тактики¹³⁹. На основе этих директив местные организации принимали решения об отношении к ВКС. Конференция Северных комитетов РСДРП в ноябре 1905 г. приняла специальное постановление об отношении к ВКС. В нем указывалось, что РСДРП вступает с союзом в известные

соглашения, поскольку он революционен, но будет критиковать его за недостаточную революционность в случае проявления таковой. По отношению к филиальным отделениям ВКС РСДРП придерживается следующего: «1) там, где их нет, РСДРП создает революционные крестьянские комитеты; 2) где отделения эти имеются, наряду с ними создаются рев(олюционные) крест(ьянские) комитеты, и они воздействуют на отделение Кр(естьянского) союза с целью революционизирования его и подчинения рев(олюционному) кр(естьянскому) комитету; 3) где имеется сильное отделение союза и им охвачен весь район, необходимо воздействие на него в целях превращения его в революционный крестьянский комитет»¹⁴⁰. Это была линия на практическое руководство крестьянским движением, на его революционизирование, повышение его политической сознательности.

Специальные резолюции об отношении к ВКС были приняты на одном из ноябрьских заседаний Херсонского губернского комитета сельских организаций РСДРП и февральской (1906 г.) конференции РСДРП юга России¹⁴¹.

Борьась за создание широкого блока всех демократических сил, большевики, являясь наиболее последовательной силой революционно-демократического лагеря, критиковали непоследовательность и псевдосоциалистический характер мелкобуржуазных партий и организаций и вместе с тем вступали с ними в соглашение для более успешного штурма самодержавия. ВКС, как уже было сказано, не выдвигал лозунга свержения царского самодержавия и установления демократической республики. Но большевики поддерживали союз, чтобы через него внести в крестьянскую массу революционную решительность и организованность. Одновременно они разоблачали непоследовательность и половинчатость решений ВКС.

«Нижегородская крестьянская газета» писала в декабре 1905 г., что социал-демократы, участвуя в деятельности ВКС, добиваются, «чтобы союз вел решительную борьбу с царским правительством. Но они должны быть вечно настороже, чтобы не дать другим крестьянам — богачам и хозяевам — захватить дела союза в свои руки и повернуть их в свою пользу».

В центре и на местах большевики принимали все меры к тому, чтобы превратить организации союза в подлинно народные, способные применять действительно революционные методы борьбы, всячески расширяя размах революционного творчества масс. Некоторым большевистским организациям (например, Владимирскому окружному комитету и его Ковровской и Суздальской группам, Нижегородскому окружному комитету и др.) удалось идейно и организационно возглавить местные комитеты ВКС и придать им более революционное направление. В донесении Владимирского ГЖУ в департамент полиции сообщалось, что им «было обращено внимание на лиц, на которых падало подозрение в принадлежности к... существованию в Суздале организаций Суздальской группы Владимирской окружной организации

РСДРП и Беспартийного крестьянского союза. Агентурными источниками установлено, что комитеты обеих организаций состоят из одних и тех же лиц»¹⁴². В Ковровском у., по полицейскому сообщению, председателем уездной группы Крестьянского союза был член РСДРП крестьянин с. Кляземский Городок Ф. И. Носков, арестованный в декабре 1905 г.¹⁴³ Начальник Пензенского ГЖУ среди «преступных» организаций, действовавших в губернии в 1906 г., назвал и «Пензенское бюро ВКС», отнеся его к «партии социал-демократов» (а не к эсеровской, например)¹⁴⁴. На экстренном заседании в ночь с 19 на 20 октября 1905 г. Казанский комитет РСДРП вынес решение создать для практического руководства выступлениями масс Объединенный комитет (Городскую коммуны) — беспартийную революционную организацию, куда вошли большевики, меньшевики, эсеры и представители Крестьянского союза. От имени местных комитетов революционных партий, групп и организаций Объединенный комитет обращался к населению с воззваниями, призывал к борьбе с реакцией, разоблачал контрреволюцию, руководил митингами, формировал народную милицию, т. е. фактически исполнял функции революционной власти¹⁴⁵. В Москве в Сельскохозяйственной школе располагался склад нелегальной литературы РСДРП и ВКС. При обыске там в 1906 г. полицией было обнаружено 7 тыс. экземпляров печатных изданий, в том числе много экземпляров газет «Пролетарий» и «Казарма»¹⁴⁶. Руководствуясь указаниями В. И. Ленина о революционно-демократическом характере ВКС, содействовали образованию крестьянских союзов сибирские организации РСДРП¹⁴⁷. В информации газеты «Пролетарий» от 2 мая 1907 г. об организациях, входящих в состав Уральского областного союза РСДРП, названы: «... 2. Уфимский окружной комитет (Уфимский крестьянский союз)».

В прошедшем мимо внимания исследователей секретном циркуляре П. Дурново от 23 ноября 1905 г. к губернаторам указывалось, что некоторые из руководителей «профессионального» Крестьянского союза вместе с тем входят членами частью в «Партию социалистов-революционеров», частью в «Российскую социал-демократическую рабочую партию»¹⁴⁸. Конечно, это утверждение П. Дурново требует своей полной расшифровки (хотя нам известны имена меньшевистствующих братьев Мазуренко, эсера С. Блеклова и т. д.), но для нас в данном случае важно, что тем самым даже министр внутренних дел косвенным образом подтверждал принадлежность ВКС к организациям революционно-демократического лагеря, а не либерально-буржуазного, как это пытались представить позднее дворянские и буржуазные историки, а также некоторые советские — в ранний период советской историографии¹⁴⁹.

Созданные под руководством или при участии организаций РСДРП, местные отделения ВКС в отличие от либерально-народнических характеризовались большей революционностью и последовательностью в борьбе против помещичьего землевладения

и административных властей. В районах массовых крестьянских восстаний (Украина, Поволжье, Центр) они фактически выполняли функции революционных крестьянских комитетов. Твердая и последовательная позиция большевиков в защите интересов крестьян укрепляла среди них влияние партии пролетариата. В свою очередь, наиболее передовая и сознательная часть крестьянства искала связи с большевистскими организациями и Советами рабочих депутатов, особенно с Петербургским и Московским, рассматривая их как всероссийские руководящие центры. Местные комитеты ВКС обращались в организации РСДРП с просьбой направить к ним членов партии для практической работы¹⁵⁰.

Большевики ставили перед собой задачу влиять на ВКС и, как показали исследования советских историков, довольно успешно действовали в этом направлении в Тверской, Нижегородской, Воронежской и других губерниях¹⁵¹.

17 ноября 1905 г. Д. Ф. Трепов докладывал Николаю II: «„Всероссийский крестьянский союз“ в основе представляет организацию чисто революционного характера, ничего общего с экономическими требованиями крестьян не имеющую, что ярко выразилось на последнем, происходившем в ноябре месяце съезде членов союза, которые нисколько не скрывали своих революционных стремлений»¹⁵². В вышеуказанном циркуляре Дурново было отмечено: «Все революционные сообщества преследуют одну цель — захват государственной власти; для достижения этой цели крестьянство в руках революционных сообществ является необходимым для них орудием. Таким же революционным сообществом, как и все прочие, следует считать «профессиональный» Крестьянский союз, съезд которого происходил недавно в Москве»¹⁵³. Такова была оценка царской администрации второго съезда ВКС и самого союза. О ВКС как об организации «революционно-демократической» и как о «сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя и создание взамен его нового строя на началах социалистических», говорилось в позднейших определениях различных судебных палат (Петербургской, Киевской, Саратовской, Воронежской, Харьковской, Одесской, Новочеркасской, Полтавской и др.), выносивших приговоры в 1906, 1907 и 1908 гг. по делам крестьян, участвовавших в организациях ВКС¹⁵⁴.

Царское правительство, опасаясь объединения крестьянства, преследовало Крестьянский союз. Со второй половины ноября и особенно после подавления Декабрьского вооруженного восстания оно вплотную приступило к уничтожению организаций ВКС, массовым арестам его членов и агитаторов, вооруженному разгрому его отделений.

Но в 1906 г. деятельность ВКС еще продолжалась. В марте 1906 г. состоялся съезд его представителей от ряда губерний. Цель состояла в выяснении положения дел по работе среди крестьян и в решении некоторых тактических вопросов¹⁵⁵.

Эмигрировавшие за границу некоторые деятели ВКС создали в мае 1906 г. в Париже Заграничное бюро ВКС, но, не имея прочной опоры в России и ничем себя не проявив, оно вскоре прекратило свое существование. 8—10 июня 1906 г. в Гельсингфорсе состоялось совместное совещание представителей «Трудовой группы» и ВКС (делегатов от 24 губерний), созванное по инициативе последнего. В совещании приняли участие делегаты от эсеров и Финляндской красной гвардии. Были приняты резолюции, в которых рекомендовалось «всеми силами стараться поддерживать „Трудовую группу“, организовав для этого в каждом уезде комитеты, которые обязаны разоблачать действия правительства на местах, сообщать обо всем «Трудовой группе» и знакомить местное население с деятельностью сей последней»¹⁵⁶.

В 1906 г., особенно в мае—июне, в момент нового подъема крестьянского движения, состоялись губернские и уездные съезды союза. Но осуществлять их решения в условиях начавшегося наступления контрреволюции было почти невозможно. Деятельность союза стала резко сокращаться. После подавления революции царскому правительству удалось полностью разгромить Крестьянский союз.

Создавшийся в период подъема первой российской революции, ВКС был массовой революционно-демократической организацией крестьянства. «Это была, — писал В. И. Ленин, — действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, податливая к мелкобуржуазным иллюзиям крестьянина...»¹⁵⁷ В статье «Цель борьбы пролетариата в нашей революции» В. И. Ленин называл Крестьянский союз «зачатком, зародышем» крестьянской партии. Но он не считал союз партией, отмечал, что в нем много «неустойчивого, неопределенного, шаткого», указывал на особую трудность организации в партию крестьян¹⁵⁸.

Хотя ВКС не удалось стать крепкой и прочной организацией (иногда крестьяне ограничивались лишь составлением приговоров о присоединении к союзу), в целом его деятельность протекала в революционно-демократическом направлении. Многие местные организации ВКС объективно выступали за ликвидацию самодержавно-помещичьего строя, стояли на революционных позициях. Создание союза с разветвленной сетью местных организаций было новым явлением в истории крестьянского движения в России, показавшим возросшую степень его политической сознательности и организованности.

История ВКС является также одним из ярких примеров осуществления большевистской партией своей левоблокистской тактики и одновременно ее принципиальной борьбы с буржуазным либерализмом. Партия большевиков поддерживала организации ВКС, ставила своей целью превратить их в органы активной борьбы против самодержавно-помещичьего государства, стремилась при их помощи упрочить союз рабочих и крестьян.

Стачные комитеты

В районах с сильно развитым движением сельскохозяйственных рабочих в ходе революции создавались стачечные комитеты. В этом проявлялись попытки найти организационные формы совместных выступлений сельских рабочих, батраков, крестьян, поденно работавших у помещиков. Уже в начале марта 1905 г. в Эстонии из представителей Раплаской, Кохиласской и других волостей было организовано нечто вроде стачечного комитета, который именовал себя «Всеобщим эстляндским обществом бастующих России». В его создании, очевидно, принимали участие некоторые члены Таллинского комитета РСДРП. Общество вырабатывало требования сельскохозяйственных рабочих и предъявляло их помещикам¹⁵⁹.

Власти Херсонской губ. отмечали единообразие требований сельскохозяйственных рабочих, которые в июне—июле 1905 г. тысячами переходили из одной экономии в другую. Это дало властям «основание предполагать, что крестьяне получили их уже готовыми, в выработанном кем-то виде». Перепуганные помещики всюду давали подписки, что принимают требования бастующих, причем по настоянию последних в подписки было «включено указание на их обязательность и на будущее время». «В толпе, — отмечал прокурор Одесского окружного суда, — являвшейся в каждую экономию, принимали участие крестьяне не только ближайших к экономии селений, но и из соседних волостей. Каждая толпа имела своих руководителей, называющих себя „комиссией“ или „комитетом“»¹⁶⁰.

Осенью 1905 г. в селах Екатеринославской и северных уездов Таврической губерний создавались и действовали стачечные комитеты сельскохозяйственных рабочих, которые в значительной степени активизировали аграрное движение в районе степной Украины. Екатеринославский уездный исправник докладывал 19 декабря 1905 г. екатеринославскому губернатору: «В последних числах текущего месяца членами стачечного комитета произведено разоружение чинов полиции в селах Новых Кайдаках, Диевке и поселке Надеждино»¹⁶¹.

Осенью 1905 г. стачечные комитеты были созданы в селах Большая и Малая Буромка Лубенского у. Полтавской губ. В мае 1906 г. в 26 селах Брацлавского и Гайсинского уездов Подольской губ. были образованы «Советы крестьянских депутатов», которые, по справедливому наблюдению С. М. Дубровского, были по существу стачечными комитетами, а их название являлось показателем того, что идея Советов прочно проникла и в среду крестьян¹⁶².

По свидетельству корреспондентов ВЭО, наибольшее распространение крестьянские стачечные комитеты с лета 1906 г. получили в губерниях Юго-Западного края, где «за пропаганду идеи организации стачечных комитетов взялись дружно все деревенские

партийные работники: социал-демократы, социалисты-революционеры и члены Крестьянского союза работали рядом»¹⁶³. Об этом же 1 июля 1906 г. писала газета «Мысль»: «Сельские стачечные комитеты не носят партийного характера. Над их организацией работают эсеры наряду с эс-деками и членами Крестьянского союза».

Стачечные комитеты избирались на собраниях в селах и деревнях. «Авторитету комитета подчинялись беспрекословно. Стоило комитету объявить забастовку, и рабочие охотно прекращали работу на полях. . . В некоторых селах в состав стачечных комитетов вошли и женщины»¹⁶⁴. «Во многих селах женщины входят в состав стачечных комитетов»¹⁶⁵.

Повсеместно стачечные комитеты образовывались на Украине. Из представителей сельских комитетов создавались волостные или районные комитеты. Имеются сведения об уездных и даже губернских стачечных комитетах. В мае 1906 г. состоялась областная крестьянская конференция в целях объединения стачечного движения. Было определено, что «первейшая и пока единственная цель комитетов — организация экономической борьбы путем стройно проводимых стачек. Комитеты объявляют стачку, руководят ею, вырабатывают и устанавливают цены на производство разных работ и определяют длину рабочего дня. . . Такова деятельность комитетов пока. Какова она должна быть в близком будущем. . . этим займется уже второй съезд. . .»¹⁶⁶. Комитеты выработывали требования, согласованные по районам, и руководили забастовками. Авторитет их был очень велик: по их призыву работы прекращались или возобновлялись.

В июне 1906 г. из Васильевского и Таращанского уездов Киевской губ. сообщалось: «. . . образуются забастовочные комитеты, которые должны будут устанавливать цены на рабочие руки и следить за тем, чтобы ниже установленной нормы крестьяне не работали. . . В некоторых местах они выносят решение на сельских и волостных сходах и составляют надлежащие приговоры. Наконец, были даже попытки устроить совещания делегатов крестьян от сел и деревень целых уездов»¹⁶⁷. Киевский губернатор в своем донесении от 4 июля 1906 г. министру внутренних дел о сельскохозяйственных забастовках в Уманском у. сообщал, что, например, в с. Нерубайка крестьяне выбрали «для руководства забастовкой на сходе комитет»¹⁶⁸.

Симферопольский полицмейстер докладывал 17 июня 1906 г. таврическому губернатору о деятельности в Симферополе нелегального комитета по найму на полевые работы среди пришлых рабочих. Комитет, по сообщению полицмейстера, установил «такую высокую таксу, по которой никто из землевладельцев нанимать рабочих не желал». Нередко комитетчики, узнав, «что какая-либо партия рабочих нанялась в экономию, являлись в место сделки и. . . насильственно сбрасывали с телег вещи, сложенные рабочими, намеревавшимися ехать в экономию»¹⁶⁹.

На Полтавщине сильным было движение в местечке Диканька и хут. Балясном. Здесь крестьяне в июне 1906 г. объявили стачку, в которой приняло участие свыше 3 тыс. человек. Ею руководил комитет из 24 представителей крестьян, сельскохозяйственных рабочих и казаков. Эта стачка, проходившая в условиях обострения классовой борьбы в других местах, заставила местного помещика пойти на уступки¹⁷⁰.

В ночь на 26 июня во всех селах Грушецкой и Косиковецкой волостей Новоушицкого у. Подольской губ. была объявлена жатвенная забастовка. Ее возглавил комитет, который запретил односельчанам собирать хлеб у помещика и разгонял чужих жнецов. «Возможно ли это в нашем государстве? Что же это за забастовочные комитеты?» — восклицал в своем письме в департамент полиции пострадавший помещик Шиманский. И сам же отвечал: в селах «образовалась нелегальная власть»¹⁷¹.

Характерно, что стачечные комитеты не ограничивались лишь организацией экономической борьбы. На собраниях, устраиваемых комитетами, говорилось и о Государственной думе, составлялись указы депутатам. «Тут же, — по сообщению корреспондента ВЭО, — разъяснялось все значение организованной защиты не только экономических интересов, но и политических прав»¹⁷².

Забастовку сельскохозяйственных рабочих летом 1906 г. в Новогрудском у. Минской губ. возглавляли комитеты, в состав которых входили крестьяне и бывшие фабричные рабочие. Комитетчики тайно собирали сходки крестьян, вели устную и письменную пропаганду. При аресте в августе 1906 г. у них нашли социал-демократические листовки¹⁷³.

Стачечные комитеты действовали и в Тульской губ., где также летом 1906 г. получили распространение забастовки сельских рабочих и крестьян, поденно работавших у помещиков¹⁷⁴.

В это же время в Саратовской губ., в с. Аркадаки Балашовского у., во время объединенной стачки местных и пришлых сельскохозяйственных рабочих был создан комитет, который взял на себя не только руководство стачкой, но и некоторые функции власти. По его распоряжению были закрыты кабаки, создан комитетский суд. Чтобы поддержать туляков и тамбовцев, пришедших на наемные работы вместе с семьями и без всяких средств, комитет открыл сбор пожертвований деньгами и продуктами и организовал столовые для нуждающихся. Избранные стачечные комитеты сельских рабочих действовали и в других уездах губернии¹⁷⁵.

Кратковременность существования стачечных комитетов, обусловленная, как правило, необходимостью проведения конкретной забастовки, а также то, что их члены не составляли никакой документации (или она до нас не дошла), привели к тому, что мы не имеем даже приблизительных сведений о количестве таких комитетов. Но факт их существования подтверждается многими официальными документами того времени. Их возникновение является еще одним свидетельством восприятия крестьянами пролетарских форм революционной борьбы и организации.

Боевые дружины

В нашей исторической литературе, если не считать отдельных «беглых» упоминаний, вопрос о боевых крестьянских дружинах специально рассмотрению не подвергался, они никогда не выделялись в качестве самостоятельных революционно-демократических организаций крестьянства; практически не исследованы вопросы военно-боевой работы партии в крестьянской среде. Правомерность посвящения боевым крестьянским дружинам отдельного раздела в главе о революционно-демократических организациях крестьянства обуславливается, по нашему мнению, теми особыми задачами, которые стояли перед вооруженными отрядами революции.

После событий 9 января 1905 г. революционное движение в России разгоралось «в прямую революцию»¹⁷⁶, в связи с чем большевики во главе с В. И. Лениным «как прямой призыв»¹⁷⁷ поставили вопрос о вооруженном восстании.

Уже на третий день после Кровавого воскресенья В. И. Ленин в статье «Начало революции в России» писал: «Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента... Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений — вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры»¹⁷⁸.

Некоторое время спустя, в первых числах апреля 1905 г., В. И. Ленин в прокламации «Первое мая» призывает рабочих и крестьян: «К оружию, рабочие и крестьяне! Устраивайте тайные сходки, составляйте дружины, запасайтесь каким только можете оружием...»¹⁷⁹

III съезд РСДРП принял специальную резолюцию «О вооруженном восстании», в которой отмечалось, что революционное движение привело уже к необходимости вооруженного восстания, поставило этот вопрос на очередь дня. Съезд требовал не только разъяснять трудящимся политическое значение восстания, но и вести организационно-техническую работу по его подготовке. Он также обязал партийные организации принимать самые энергичные меры к вооружению пролетариата, организации специальных групп для руководства вооруженной борьбой. Это решение было направлено на создание революционной армии рабочих и крестьян путем организации сотен и тысяч боевых отрядов, вооруженных всеми видами оружия, способных под руководством партии идти на вооруженную борьбу с самодержавием.

В статье «Последнее слово „искровской“ тактики» В. И. Ленин, разоблачая меньшевиков, отвергавших практическую работу по вооружению народа, указал на необходимость создания революционной армии и дал определение ее социального состава. Военная сила

революционного народа, писал В. И. Ленин, «состоит 1) в вооруженном пролетариате и крестьянстве, 2) в организованных передовых отрядах из представителей этих классов, 3) в готовых перейти на сторону народа частях войска. Взятые все вместе, это и составляет *революционную армию*»¹⁸⁰. Классовый состав этой армии определялся, таким образом, движущими силами революции.

Отряды революционной армии, считал В. И. Ленин, должны были: 1) провозгласить и возглавить восстание, 2) дать массам военное руководство, 3) создать опорные пункты открытой всенародной борьбы и перебросить восстание в соседние местности, 4) обеспечить — сначала хотя бы в небольшой части территории государства — полную политическую свободу, 5) начать революционную перестройку прогнившего самодержавного строя, развернув во всю ширь революционное творчество народных низов.

Костяком революционной армии, по мысли В. И. Ленина, должны быть пролетариат и крестьянство. Пролетариат — это передовой отряд революционной армии, руководитель и организатор ее. Вооруженное крестьянство как составная часть армии могло добиться победы в борьбе с помещиками только вместе с пролетариатом, под его руководством. Революционные выступления крестьян пролетариат поддерживал, так как они помогали ему в общей борьбе против царизма. Партия призвала крестьян создавать, подобно рабочим, боевые дружины, «связанные одной непосредственной революционной задачей: восстание против правительства». В. И. Ленин писал: «Пусть на каждой фабрике, в каждом профессиональном союзе, в каждой деревне (разрядка наша. — Л. С.) раздаются призывы к организации таких вольных боевых дружин»¹⁸¹. Недостаточная организованность и почти полное отсутствие оружия значительно ослабляли мощь народного движения. Тот факт, что полусотне казаков или роте солдат удавалось без значительных потерь подавить выступление тысяч крестьян, свидетельствовал о необходимости их вооружения и обучения искусству вооруженной борьбы.

Вопросам организации вооруженных сил революционного крестьянства были посвящены постановления ряда конференций социал-демократических организаций. Конференция крестьянских работников Уральского и Средневолжского районов постановила: «Лозунг, с которым мы идем к крестьянам: Всенародное Учредительное собрание. Как часть этого лозунга предлагается выдвигать лозунг: организация крестьянских боевых дружин» («Новая жизнь». 1905. 30 окт. (12 нояб.)).

Петербургская окружная конференция приняла специальную резолюцию «О снабжении крестьян оружием», в которой указывалось, что с ходом революции, развитием партийной и вообще революционной агитации в деревне крестьянство стремится к самовооружению, сама деревня предлагает необходимые для этого денежные средства. Принимая все это во внимание, конференция считала: «1) что задачей партии в настоящ(ий) момент является всеми силами содействовать вооружению крестьянства; 2) что

по отношению к Петерб (ургской) губ. эта задача ложится прежде всего на Окружную организацию; 3) с этой целью О (кружная) р (айонная) к (онференция) организует специальную техническую группу. . . Кроме того, О (кружной) р (айонной) к (онференцией) решено вооружить и партийных работников в крестьянстве в зависимости от районных средств» (Пролетарий, 1906, 7 дек.).

По поручению Нижегородской окружной организации РСДРП ее военно-техническое бюро в июле 1906 г. разработало специальную, тщательно продуманную «Инструкцию руководящего коллектива Нижегородской окружной организации о деятельности крестьянских военно-технических групп в селах и уездах». Инструкция точно определяла формы организации боевых крестьянских групп, их цели и методы действий. В ней указывалось на необходимость создания боевых групп различного назначения: разведчиков для выяснения военно-полицейских сил в данной местности, специальных групп, которые препятствовали бы передвижению противника через реки на паромах и лодках; групп боевиков для экспроприации боеприпасов на оружейных складах и обезоруживания полиции и т. п. В заключительном пункте инструкции указывалось, что «военно-технические группы должны объединять все вышеуказанные организации, направлять их деятельность. . . установить тесную связь с центральным военно-техническим бюро окружной организации»¹⁸².

Призыв создавать деревенские дружины громко прозвучал в большевистских листовках, обращенных к крестьянам. «Готовьтесь к восстанию, крестьяне и рабочие, — призывал Тульский комитет. — Собирайте дружины, добывайте оружие, собирайте силы для решительной борьбы»¹⁸³. «Пусть ваши комитеты устроят боевые дружины среди вас, достанут оружие, обучат стрельбе», — обращался к крестьянам Петербургский комитет¹⁸⁴. Этот же призыв характерен и для листовок 1906 г. Сызранская группа РСДРП в марте 1906 г. выпустила листовку «К крестьянам», в которой призывала продолжать борьбу: «Товарищи крестьяне! Надейтесь на себя, подымайтесь все, отстаивайте свои права. Соединяйтесь в дружины, собирайте деньги. Запасайтесь оружием»¹⁸⁵. «Необходимо всюду строить боевые дружины (ополчения) и с этой целью забрать все оружие из поместий, у полиции, если есть ружейные правительственные склады, то из них», — учила крестьян листовка Симбирской группы¹⁸⁶. «Крестьяне, смыкайтесь тесно в деревенские дружины!» — призывала в ноябре 1906 г. Окружная группа при Казанском комитете¹⁸⁷.

Вооружиться для предстоящей схватки с врагом — одна из главных задач революционного момента. «Запасайтесь оружием, голыми руками ничего не сделаешь», — обращался к крестьянам и сельским рабочим еще в апреле 1905 г. Дерптский комитет РСДРП¹⁸⁸. «Запасайтесь оружием, готовьтесь к бою, — писал в том же апреле Тульский комитет. — На рабочих и крестьянах держится все государство, — если они восстанут, то самодержавие рухнет и воля народа будет законом»¹⁸⁹.

«Вооружайтесь!» — звучало в декабрьских (1905 г.) листовках: «Вооружайтесь, отнимайте оружие у стражников, урядников, становых, приставов, лесничих и помещиков и с оружием в руках защищайте свои справедливые требования» (Северо-Западный союз РСДРП); «Вооружайтесь для защиты родины от насилий чиновников!» (Велижская организация РСДРП)¹⁹⁰.

В ходе борьбы крестьяне сами убеждались, что добровольно помещики землю не отдадут, нужна вооруженная сила против вооруженной охраны помещиков — стражников, казаков. Об этом говорят и выступления крестьянских делегатов на съездах ВКС. «Борьба неизбежно будет, одних наших слов не примут в резон», — говорил, например, тульский делегат. В связи с этим он предлагал «организовать по местам нечто вроде боевых дружин»¹⁹¹. Это предложение поддержали представители Саратовской, Минской, Казанской и других губерний¹⁹².

В деревнях Центральной России широкий размах вооружение крестьянства и создание крестьянских боевых отрядов приняли осенью—зимой 1905 г. В начале декабря 1905 г. была создана боевая дружина в с. Перове Московской губ. Активными участниками в ней, кроме перовцев, были также и крестьяне соседних сел. В селах Анискино и Городище Осеевской вол. Богородского у. и на расположенной там фабрике Четверикова все местные власти были разоружены и удалены, охрану порядка осуществляли крестьяне. Боевые отряды были созданы в Павловском Посаде, в пос. Дрезны Богородского у.¹⁹³ Во время Декабрьского вооруженного восстания в Москве дружина с. Быкова Бронницкого у. вместе с рабочими принимала участие в разоружении полицейских и регулярных войск, направлявшихся в Москву по Казанской железной дороге.

Вооруженные крестьянские дружины действовали в волостях Тверской губ. В Петербургской губ. они были в селениях Губаницкой вол. Петергофского у. В конце октября 1905 г. в связи с локаутами многие рабочие, оказавшись без работы, уехали в деревни и там возглавили подготовку крестьян к восстанию. 5 января 1906 г. петербургский уездный исправник в рапорте на имя петербургского губернатора сообщал, что в с. Клопицах «имеется правильно организованная боевая крестьянская дружина. . . Как в Клопицах, так и в соседних деревнях имеются особые караулы для выслеживания приезда властей, которые должны поднять тревогу, чтобы собрать дружинников для вооруженного противодействия властям»¹⁹⁴.

В слободе Коренной Богучарского у. Воронежской губ. в ноябре 1905 г. крестьяне по примеру рабочих создали вооруженную дружину («отряд ружейников») из 30 человек. Крестьянские дружины действовали и в других уездах губерний¹⁹⁵.

Боевая дружина из 25 человек, вооруженных револьверами, была создана в 1905 г. в с. Братовка Ранненбургского у. Рязанской губ., которое в 1905 г. было центром революционного движения в губернии и где сильным было влияние социал-демократов¹⁹⁶.

Дружины действовали в некоторых уездах Курской губ. Широко практиковался сбор денег на оружие. Курский губернатор доносил 16 октября 1906 г. Столышину, что «в Щигровском у. подготовка организации боевых дружин приняла активную форму. . . и в Грайворонском у. пропаганда в этом направлении приняла широкие размеры; боевые дружины организуются; по агентурным сведениям, оружие направляется в Курск из Конотопа, доставка. . . организована очень хорошо»¹⁹⁷. В упомянутом уезде широко развернул свою деятельность местный комитет ВКС, во главе которого стояли эсеры. Им же здесь принадлежала и инициатива в создании крестьянских боевых дружин¹⁹⁸.

Внушительная и хорошо организованная боевая дружина была сформирована крестьянами селений Березники, Пятина, Кочкурово Саранского у. Пензенской губ.¹⁹⁹

В Саратовской губ. дружины создавались при эсеровских крестьянских организациях в деревне, так называемых «братствах»²⁰⁰. Активное участие в их организации принимали, особенно осенью 1905 г., и социал-демократы. Хорошо известна боевая деятельность дружины крестьян с. Николаевский Городок Саратовского у.²⁰¹

Революционную инициативу проявляли крестьяне с. Старая Царевщина Старо-Буянской вол. Самарской губ., часто посещаемого агитаторами Самарского комитета РСДРП. Вооружение царевщинцы считали важнейшим политическим делом. По этому поводу на одном из больших собраний крестьянин Л. Н. Щибраев произнес проникновенную речь: «А для того, чтобы завоевать свободу, нам нужны прежде всего организованность и оружие, и только когда мы, общими силами с городскими рабочими, устроим правление самого трудового народа, только тогда мы получим землю и волю. Мы должны приобретать оружие, ибо здесь наша сила, наша будущность»²⁰². На этом же собрании записались на получение оружия до 300 человек, а через три дня из Самары привезли револьверы, патроны, берданки и несколько винтовок военного образца. Все было сложено в Народном доме и распределялось по назначению. В ноябре в Старо-Буянской вол. была создана сельская милиция, состоящая из дружинников. Дружинники избрали начальника милиции. В селе он подчинялся старосте, в волости — председателю Народного правления. Структура и функции милиции были четко определены во «Временном законе по Старо-Буянскому народному самоуправлению». На одном из митингов, организованном Самарским комитетом РСДРП в Народном доме, крестьянский представитель от Старо-Буянской вол. Порфирий Солдатов, позднее заключенный в тюрьму по делу «Старо-Буянской республики», от имени крестьян волости заявил рабочим: «Если вы выступите, то помните, что мы вооружены и мы явимся по вашему требованию вам на помощь»²⁰³.

Хорошо организованные дружины действовали в селах Ново-Запрудное, Хорошенькое, Шиланский Ключ, Тростянка Самарского у.²⁰⁴ В июне 1906 г. в дер. Печи, около слободы Кинель-

Черкасской Бугурусланского у., была организована боевая дружина из 20 крестьян. Она имела склад оружия, проводила обучение дружинников. 29 июля состоялся митинг жителей слободы, который был разогнан стражниками. Крестьяне оказали вооруженное сопротивление. 1 августа 1906 г. произошло столкновение членов боевой дружины с солдатами 2-й роты Эстляндского полка, находившейся на постое в Кинель-Черкассах. В дружине состояли, кроме местных крестьян, два бывших солдата, бежавшие из части, стоявшей в Самаре. По показанию одного из арестованных крестьян, во второй половине июля в Кинель-Черкассах в течение 10 дней находилось несколько человек, приехавших из Самары. Они жили в риге у одного из крестьян, устраивали в лесу собрания местных дружинников, обучали их военному делу. Из Самары было привезено оружие. Осенью 1906 г. и летом 1907 г. полиция обнаружила 45 винтовок и свыше 1600 патронов, частично зарытых в поле или опущенных на дно р. Кинель. Впоследствии одни члены боевой дружины были приговорены временным военным судом (14 декабря 1908 г.) к смертной казни, другие — к 10 годам каторги²⁰⁵.

Крестьяне с. Теряева Нижегородской губ. на своем сходе 27 ноября 1905 г. составили приговор, в котором записали: «Чтобы не подвергнуться мирным жителям погрому со стороны темных масс, подпоенных и подстрекаемых организаторами черных сотен, мы для самозащиты решили вооружиться, чтобы не подвергнуться насилию со стороны администрации. . . Так пусть правительство не думает, что пулями, штыками и нагайками оно выбьет из голов мужиков гвоздем засевавшую мысль, что земля принадлежит им и что они больше не вернутся к старому порядку. . .»²⁰⁶ Последняя часть приговора свидетельствует о том, что решение вооружиться было принято крестьянами не только в целях самообороны, защиты от черной сотни, но главным образом в целях борьбы за землю и новую жизнь.

Боевую дружину имела социал-демократическая организация, созданная летом 1906 г. в с. Кулебаки Ардатовского у. В с. Юрине Васильсурского у. Нижегородской губ. в состав дружины входили члены местной социал-демократической организации, крестьяне, рабочие. Дружинники изучали оружие, технику постройки баррикад, тактику ведения боя²⁰⁷.

Довольно подробные данные имеются в нашей литературе о крестьянских боевых дружинах в Симбирской губ. В их создании принимали участие социал-демократы и беспартийные рабочие²⁰⁸.

Интересно сообщение делегата Окружной группы Казанского комитета РСДРП Нила Фролова от 13 ноября 1906 г. из Тетюшского у. Казанской губ. «Идея вооруженного восстания, — писал он, — встречает не только сочувствие, но здесь эта мысль о восстании неизбежно влечет за собой вопрос — где бы достать оружие. Во многих местах. . . очевидна мысль, надежда, что „они (т. е. городские. — Л. С.) достанут, привезут“, и если бы действительно это можно было осуществить, если бы это была не мечта, деревня стала бы в десять раз революционнее и решительнее. . .»²⁰⁹

Боевые дружины были созданы крестьянами Великониколаевской вол. Шенкурского у. Архангельской губ. Ружья приобретались у крестьян-поморов Онежского и Кемского уездов, куда выборные шенкуровцы ездили под видом торговцев кожами²¹⁰.

Деятельность рабочих по подготовке к вооруженному восстанию была поддержана крестьянами Мотовилихинской вол. Уже в ходе начавшейся декабрьской (1905 г.) забастовки на волостном съезде рабочих и сельских жителей было принято решение создать милицию в составе 120 человек. На ее содержание было решено взять из волостных средств 2 тыс. руб. и обложить единовременным налогом по 10 коп. каждого домохозяйина и квартиранта. Кроме того, было решено передать все револьверы, находившиеся у волостного старшины, в распоряжение милиции. В Мензелинском у. Уфимской губ. для защиты от налетов карателей были организованы «крестьянские боевые дружины»²¹¹. В с. Каракузы Минусинского у. в годы революции действовал вооруженный отряд из 150 человек. Он встал на защиту крестьян и не допустил изъятия описанного за недоимки крестьянского имущества. Для пресечения действий этого отряда была послана рота солдат²¹².

Боевые дружины были во многих селах Украины, в особенности расположенных вблизи рабочих центров. Крестьяне соседних с Екатеринославом сел обезоружили полицию и создали дружины в Новом Кайдаке, Деевке, Надеждине, а также в селах Донбасса, около Александровска, Харькова, Никополя, Николаева и в других местах. Александровский уездный исправник, докладывая 20 декабря 1905 г. екатеринославскому губернатору о подготовке к восстанию крестьян Пологи и Федоровки, отмечал: «Вооружено, хотя и плохим оружием, много крестьян... изготовлены, говорят, бомбы и прочие разрывные снаряды... собрано много денег на вооружение». Боевые крестьянские дружины действовали в селах Одесского у. Херсонской губ.²¹³

Боевой дружиной крестьян с. Сытая Буда Новозыбковского у. Черниговской губ., состоящей из 50 человек, вооруженных дробовиками, винтовками, револьверами, командовал большевик Д. Д. Рудченко. Сытобудовская боевая дружина не только обороняла новые порядки в селе, но и участвовала в городских «беспорядках». В одном из боев в Новозыбкове 28 февраля 1907 г. Д. Д. Рудченко был убит²¹⁴.

С 1905 г. действовала боевая дружина в с. Кагальники Ростовского округа Области войска Донского, во главе ее стоял социал-демократ Г. Гурари, в дружине имелись револьверы. Крестьянские дружины были и в других селах округа²¹⁵.

Помощник начальника Могилевского ГЖУ 11 ноября 1905 г. сообщал, что рабочие Оршанского гвоздильного завода, на котором была влиятельная большевистская организация, «будучи сами вооружены холодным оружием и револьверами, вооружают таковым же оружием крестьян»²¹⁶. В Чериковском у. осенью 1905 г. борьбой крестьян руководил, как сообщала хроника, «комитет под красным флагом». Он распространил свое влияние

на многие деревни, имел свою боевую дружину со штабом в дер. Силичи, держал связь с Гомельской организацией РСДРП. Силичская дружина состояла главным образом из бывших шахтеров, вооруженных револьверами и динамитными гранатами, у нее были свои разведчики. Боевые крестьянские отряды действовали в селах Еримичской вол. Новогрудского у. Минской губ., Борховской вол. Режицкого у. и в Лепельском у. Витебской губ.²¹⁷

Правительство принимало все возможные меры для разоружения крестьян. 1 января 1906 г. из министерства внутренних дел губернаторам была послана телеграмма: «В министерстве имеются сведения, что во многих местностях империи крестьянское население вооружается огнестрельным оружием. Предлагается безотлагательно самым решительным образом и без всяких колебаний, где нужно, силою отобрать все оружие»²¹⁸.

Но вооруженные крестьянские отряды, несмотря на все правительственные меры, действовали на протяжении всей революции.

При Кавказском союзном комитете РСДРП была создана военно-техническая комиссия, непосредственно руководившая организацией боевых отрядов, их вооружением и обучением. Идея создания боевых дружин пользовалась широкой популярностью среди трудящихся Грузии. Они возникли здесь уже с весны 1905 г. Наибольшее количество боевых дружин было создано среди крестьянства охваченной восстанием Гурии. Отряды насчитывали от 3—5 до 15—30 и даже 150—200 человек. Создавались санитарные подразделения. Бывшие солдаты обучали крестьян стрельбе, уличному бою, рытью окопов, добыванию оружия. Гурийские крестьяне вооружались револьверами, охотничьими берданками, ощущался недостаток винтовок и бомб.

В период Всероссийской октябрьской политической стачки Гурийский комитет создал военный революционный штаб, руководивший вооруженными силами крестьян Гурии²¹⁹. Осенью 1905 г. значительная часть Кавказа была объята восстанием. В это время собралась кавказская меньшевистская конференция и выразила возмущение тем, что после манифеста 17 октября возможны подобные неконституционные действия со стороны рабочих и крестьян. В резолюции конференции говорилось: «Социал-демократия помимо своей воли становится в роль правительства и этим самым отходит от оппозиции, теряет оружие свободной критики буржуазного строя»²²⁰. Конференция обратилась к восставшим крестьянам Гурии, Мингрелии, Кахетии, Абхазии и других районов с предложением снять бойкот правительства и сложить оружие. Это была прямая измена по отношению к революционному народу. Зато царское правительство высоко оценило «лояльность» меньшевиков. Воронцов-Дашков 5 декабря 1905 г. доносил Николаю II: «...я решил выдать 500 ружей рабочей партии чистых социал-демократов меньшевиков, вызвавшейся, в отступление от своего принципа, не пользоваться оружием при преследовании партийных целей... ружья получили только русские и грузины, члены партии, которой я доверился». Меньше-

вики вполне оправдали доверие Воронцова-Дашкова, который доносил царю накануне восстания в Тифлисе: «Рабочая партия, получившая от меня ружья на честное слово... возвращает их»²²¹.

Несмотря на измену меньшевиков, восстание охватывало все новые районы Кавказа. В декабре 1905 г. Дурново в докладе царю подчеркивал наличие колоссальных революционных возможностей гурийского крестьянства. В докладе говорилось: «При непосредственном и направляющем участии „Гурийского комитета Российской социал-демократической рабочей партии“ разрослось до размеров, угрожающих весьма опасными последствиями, возникшее первоначально на аграрной почве крестьянское движение в Гурии, входящей в состав Озургетского у. Кутаисской губ. Ныне в этой местности около 20 тысяч хорошо вооруженной революционной милиции ждут от своих руководителей призыва к дальнейшим в отношении правительства агрессивным действиям, а правительственные органы находятся в полной невозможности осуществлять в Озургетском у. лежащие на них по закону обязанности»²²². Докладывая уже 19 сентября 1906 г. в Главный штаб о революционном движении в Озургетском у., командир 132-го Бендерского пехотного полка полковник Толмачев сообщал, что в каждом сельском обществе здесь «есть начальник военного бюро, которому подчиняется красная сотня; в его распоряжении состоят оружие и бомбы. . . в каждом обществе производится усиленный сбор денег на революционные нужды и на вооружение»²²³.

Красносотенцы Цхинвальского района были объединены в один отряд, насчитывавший свыше 300 вооруженных бойцов. Свыше 1000 дружинников было подготовлено на местах как резерв, который в дни вооруженного восстания должен был явиться под руководством десятских и сотских в заранее назначенные сборные пункты²²⁴. В Горийском у., по подсчетам Я. Г. Хуцишвили, к осени 1905 г. число красnodружинников достигло 3 тыс., из которых вооружено было до 470 человек²²⁵. «Красные сотни» — боевые дружины рабочих и крестьян осенью 1905 г. действовали в Сухумском округе (Абхазия).

Разоружая помещиков, карателей и полицию, вооружались боевые крестьянские отряды. У бывших солдат оружие частично осталось от русско-японской войны. В целом ряде мест были организованы мастерские по изготовлению оружия и взрывчатых веществ.

Вооруженные крестьянские отряды были в Армении — в селах Лорийского у. Начальник Борчалинского у. в одном из своих донесений отмечал, что в период ноябрьской забастовки 1905 г. алавердеким рабочим помогали вооруженные крестьяне из окрестных сел²²⁶.

Многие из крестьян-переселенцев в Черноморской губ. имели берданки, которые они получили от казны для защиты от диких зверей. В дни восстания это оружие, как жаловались власти, было использовано ими для «мятежного дела»²²⁷.

Массовое вооружение крестьян и организация народной милиции были характерны для революционной Прибалтики. В Латвии этим занимались распорядительные комитеты. Сельское население, следуя призыву комитетов, записывалось в милицию и собирало деньги на оружие. Милиционеры арестовывали помещиков-баронов, конфисковывали оружие в их имениях, разоружали урядников, управляющих имениями, лесничих. 17 ноября 1905 г. в имении Сесвеген Венденского у. крестьяне обезоружили взвод Красноярского пехотного полка²²⁸.

Избранное съездом волостных делегатов Лифляндской и Курляндской губерний в ноябре 1905 г. Центральное бюро волостных делегатов на заседании 8 декабря подтвердило необходимость создания милиции. Были даны конкретные указания по вопросам вооруженной борьбы. Предлагалось, например, избегать открытых столкновений там, где революционным силам противостояли крупные контингенты войск. Бюро рекомендовало вовлекать в борьбу самые широкие слои населения, в том числе сельского.

Начальник Веросского у. Лифляндской губ. сообщал 12 декабря командиру карательного отряда, что «социал-демократическая рабочая партия настолько успешно агитирует среди местного населения, что крестьяне поголовно вооружаются». Виндавский революционный комитет в декабре 1905 г. захватил «морское сообщение этого города», чем, как докладывал курляндский генерал-губернатор, «сильно облегчалась доставка оружия в Курляндскую губ.» из-за границы на иностранных судах²²⁹.

Во время Тукумского восстания «строго были распределены все силы, состоявшие главным образом из вооруженных крестьян. Бойцов насчитывалось около 1700 человек»²³⁰.

В обвинительном акте временного военного суда в Риге по делу о вооруженном восстании в Кокенгузенской вол. Рижского у. отмечалось, что в ноябре—декабре 1905 г. «боевые дружины существовали почти во всем Рижском уезде», «они составляли вполне организованное войско с начальствующими лицами во главе их отрядов, выставляли патрульных и караулы, имели разведчиков и конных посыльных. Для сношения между собой пользовались световой сигнализацией, телефоном и телеграфом»²³¹. В принадлежности к боевым дружинам обвинялись сотни крестьян Латвии.

Об организованности, дисциплине крестьянских вооруженных отрядов сообщалось из Валкского и Венденского уездов Лифляндской губ. Боевая дружина крестьян Лубянской вол. Венденского у. после поражения в ноябрьско-декабрьских боях собрала все имевшееся оружие и спрятала его. Так же поступила дружина посада Руен перед приходом туда карательных отрядов²³².

После декабрьского восстания широкий размах в Латвии получило движение вооруженных «лесных братьев», которое было борьбой деревенского населения против царского самодержавия и местных баронов в условиях наступающей контрреволюции.

Массовое разоружение лесников, земских стражников, полицейских урядников и организация вооруженных отрядов крестьян

осенью 1905 г. были распространены явления в сельской местности Литвы²³³. 17 ноября 1905 г. в местечке Купишки, центре революционного движения в Ковенской губ., крестьянами была сожжена конюшня кавалерийского эскадрона, прибывшего расправиться с крестьянами, и похищены винтовки «для вооружения себя к восстанию». 25 ноября помощник начальника Ковенского ГЖУ доносил, что «в районе Купишской и других волостей носят слухи, что к 1 января ожидается там общее восстание крестьян. Для означенной цели. . . собираются по подписке деньги на вооружение и закупку припасов»²³⁴. 7 декабря начальник Ковенского ГЖУ докладывал губернатору: «. . . литовское население повсеместно вооружается револьверами, ружьями, пиками и штыками. . . Все кузнецы работают штыки и пики». В другом его донесении, от 15 декабря, говорилось, «что в последнее время железо и сталь в местечковых лавках раскупается населением, также и порох. . . очевидно, идет тайное изготовление холодного оружия и снарядов»²³⁵.

Аналогичные события происходили в сельской местности Эстонии.

Создание вооруженных сил революции было сложным и чрезвычайно трудным делом. Большую роль в нем сыграли революционные комитеты. Организация сельских боевых дружин, народной милиции, партизанских отрядов, сбор средств на приобретение оружия, разоружение контрреволюции — все это составляло отдельные звенья одной цепи — подготовки вооруженного восстания. Крестьянские отряды, подобно боевым дружинам рабочего класса, должны были обучиться технике владения оружием, тактике боевых действий и выступить в момент восстания в качестве передовых военных отрядов революционного народа. В период революции они ограждали народ от террора и бесчинства карательных войсковых и полицейских частей, расправлялись с их агентами. Под охраной дружин крестьяне проводили митинги, собрания, сходы, демонстрации, демократические преобразования. Положительные стороны крестьянских вооруженных отрядов, особенно в Грузии и Прибалтике, заключались в их массовости и сплоченности.

Следует отметить, что крестьянские отряды имели и уязвимые места, как, например, недостаток технической оснащенности, слабая военная подготовка. Повсеместному созданию боевых дружин в деревне мешало наличие колеблющихся элементов среди крестьян. Все это заставляло революционных социал-демократов принимать необходимые меры для усиления боевой работы среди крестьянства, которая в целом имела важное значение для развертывания крестьянского движения. Она пробуждала революционное сознание крестьян, поднимала их творческую инициативу, вдохновляла на боевые выступления.

Вооруженные отряды рабочих и крестьян в годы первой российской революции явились как бы зародышем, первыми ячейками революционной армии социалистической революции.

Революционные суды

Значительным препятствием для установления и укрепления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства являлся царский государственный аппарат. Надо было разрушить главные органы старой государственной власти, служившие оплотом контрреволюционных сил, и создать взамен их органы новой, народной государственной власти.

Программа РСДРП, принятая на II съезде, предусматривала для демократической республики, которую предстояло завоевать при помощи вооруженного восстания и свержения царского самодержавия, упразднение главнейших орудий старой власти, в том числе судебно-чиновничьего аппарата — замену его судебными органами, построенными на основе выборности судей народом.

В 1905 г. народное, в том числе крестьянское, правотворчество весьма ярко проявилось в организации и деятельности революционных судов. В результате активных действий масс функционирование старых судебных учреждений во многих местах было прекращено или парализовано. Возникавшие по народной инициативе революционные суды были призваны сыграть важную роль в борьбе за победу демократической революции, за установление и укрепление новых общественных отношений, в борьбе с контрреволюционными действиями и другими посягательствами на интересы рабочих и крестьян и на установленный ими порядок.

Несколько позже, оценивая события 1905 г., IV (Объединительный) съезд РСДРП в резолюции «О партизанских выступлениях» отметил, что «деклассированные силы общества, уголовные преступники и подонки городского населения всегда пользовались революционными волнениями для своих антисоциальных целей и что революционному народу приходилось принимать суровые меры против вакханалии воровства и разбоя; наконец, что важнейшая сила революции заключается в ее морально-политическом влиянии на революционные массы, на общество и на всю армию, что, дезорганизуя государственную власть, она ставит своей задачей не общественную анархию, а организацию общественных сил»²³⁶.

Неравноправность крестьян царской России как особого класса-сословия заключалась наряду с другими моментами в том, что они были лишены каких-либо гарантий правосудия. В высших законодательных инстанциях империи господствовало убеждение в том, что крестьянство должно иметь свой особый сословный суд, приспособленный к его скромным потребностям только в соблюдении местных обычаев и находящийся под опекой сильной административной власти. И для крестьян специально был создан такой орган судебной защиты, как волостной суд, который с введением института земских начальников стал находиться под их надзором. По закону 1889 г. волостные судьи избирались на волостном сходе из крестьян-домохозяев, достигших 35 лет, не судившихся и по возможности (но не обязательно) грамотных. Их обычно

было от 4 до 12 человек. Делопроизводство велось волостным писарем или одним из волостных судей, если между ними оказывался грамотный. На практике же почти везде эта обязанность лежала на волостном писаре, который, как единственное лицо, сведущее в письмоводстве и поднаторелое в обращении с законом, пользовался влиянием при решении дел.

Волостные судьи были ответственны как перед волостным старшиной, так и перед земским начальником (который зачастую и «подсказывал», кого надо выбирать в судьи). Земский начальник мог не только изменить приговор суда, но и за непонравившееся ему решение подвергнуть взысканию самих судей (оштрафовать их или даже посадить под арест). Обращались в волостной суд и помещики, и купцы, и другие лица, проживавшие в волости и вступившие по тем или иным причинам в конфликт с крестьянами. Но платили за содержание суда лишь крестьяне.

Волостные суды никак не обеспечивали охраны повседневных интересов сельского населения, которое, в свою очередь, было совершенно неразвитым в юридическом отношении. Неправильность решений этих судов приводила к сутяжничеству, связанному с материальными затратами, и к тому, что дело обычно выигрывал тот, кто был богаче, т. е. к господству тех же помещиков и кулаков-мироедов над беднотой. Решения волостных судов вообще зачастую были произвольными и зависели от множества разнообразных факторов, но никак не связанных с общими правовыми нормами. Крестьянин в сфере его «мира» всегда находился в переплете своеобразных правоотношений и обычаев. Для огромного большинства гражданских дел волостные суды пользовались не законами, которых даже и не было, а лишь принципами существовавших чуть ли не для каждой местности особых неписаных обычаев («обычное право»). Сословные перегородки, в том числе в своеобразности крестьянского юридического быта, имели целью отчуждение крестьянского «мира» от остального населения страны.

В период революции крестьяне требовали создания вместо существующего волостного суда и юрисдикции земского начальника бессословного местного суда на основании общих судебных установлений и независимости от административной власти. Они считали, что «было бы гораздо справедливее, если бы законы были одинаковы как для купцов, дворян, так и для крестьян равным образом и суд был бы одинаков для всех» («Наша жизнь». 1905. 12 июля). И одной из характерных черт возникавших крестьянских комитетов как органов новой, народной власти было стремление избавиться от старого суда в деревне и создать свой, народный. Не случайно наибольшее распространение революционные суды на демократических началах получили в районах массовой организации революционных крестьянских комитетов — в Грузии и Прибалтике.

В Западной Грузии народные суды появились в основном с октября 1905 г. Они защищали интересы трудящихся: арестовывали чинов полиции, которые препятствовали народу в осуществ-

лении своих прав, всех, кто прямо или косвенно пытался нарушить порядок и внести дезорганизацию в нарождавшиеся взаимоотношения, а также и тех, кто подстрекал граждан против революции. В революционной Грузии разбор особо важных дел происходил на многолюдных собраниях, которые собирались преимущественно по воскресным дням. Выбранные народом судьи решали спорные вопросы быстро и справедливо. В корреспонденции из Абаша, которая была опубликована в газете «Цнобис Пурцели», отмечалось: «Народ совершенно порвал с полицейским судом. Все дела разбираются по-товарищески, и поэтому в селении заметно сократились случаи воровства, дороги отремонтированы, ликвидировано взяточничество. Дела, разбирательство которых затягивалось в судах обычно на 10 и более лет, сегодня разбираются в течение трех дней»²³⁷.

В Старосельский писал: «Взамен парализованных, бойкотированных учреждений народ создал свои, основанные на строго демократическом принципе. . . За разрешением некоторых сомнений по политическим преступлениям судьи нередко обращались к революционным комитетам. . . Порядок установился полный. Грабежи и разбой стали исключительно редкими явлениями. Ни один преступник не мог скрыться. Решения народного суда спискали всюду доверие, и, как ни странно, к нему прибегали сплошь да рядом даже дворяне-помещики»²³⁸.

Ввиду того что судьи вели разбор дел объективно и беспристрастно, народ единодушно поддерживал их, и поэтому неподчинение приговорам исключалось. В том случае, когда преступное деяние выходило за рамки одного общества или, вернее, в преступлении принимали участие члены различных сельских обществ, собирались жители нескольких районов, и это межрайонное собрание решало вопрос²³⁹. В сентябре 1906 г. командир 132-го пехотного Бендерского полка полковник Толмачев сообщал в Главный штаб: «Короче, в Гурии действует своя революционная администрация, свои суды. . .»²⁴⁰

В прибалтийских губерниях революционная власть вела беспощадную борьбу с наиболее ненавистными баронами и их сатрапами, с черной сотней, сыщиками. Была введена строгая революционная законность, карающая всякие хулиганские выходки и ненужные жестокости. Были созданы новые народные суды. Формы их были весьма разнообразны. Нередко судили сами народные массы. Например, общее собрание крестьян Смильтенской вол. Валкского у. Лифляндской губ. 2 декабря 1905 г. рассмотрело дело в отношении группы лиц, обвиняемых в грабежах. Собрание приговорило: двоих подсудимых — к расстрелу, нескольких лиц — к ударам нагайкой, остальных — оправдать. Приговор в тот же день был приведен в исполнение²⁴¹.

Часто на волостных собраниях одновременно избирались распорядительный комитет и волостной суд. Последние появились практически повсеместно в Курляндской и Лифляндской губерниях на основе решения съезда представителей от волостей этих

губерний, высказавшегося за решительный слом старого государственного аппарата, в том числе и волостных судов. В резолюции съезда, определившей права и обязанности революционных органов власти в волостях, указывались и такие: волостное общее собрание переизбирает суд, которому поручает судить по совести, не придерживаясь «старых законов и приказаний администрации», «издает обществу постановления для исполнения и инструкции, как действовать волостному комитету и суду»²⁴² и др. Из 501 волости, населенной латышами, революционные суды были избраны не менее чем в 400²⁴³. Обычно в их состав входило несколько человек — жителей данной волости. Так, в составе вновь избранного Керсельского волостного суда в Юрьевском у. было четыре женщины и пять мужчин²⁴⁴.

Суды назывались по-разному: новыми волостными, товарищескими, народными, революционными, но, по сути дела, все они были революционными народными судами. Конечно, не все избранные новые правоохранительные органы сумели проявить себя. Период существования многих из них был слишком кратким, и не всегда возникали дела, требующие судебного вмешательства. Но само появление народных судов как новых органов власти на местах было закономерным проявлением правотворчества народа.

Революционная масса, являясь решающей силой в борьбе за власть рабочих и крестьян, «непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право», — писал позднее В. И. Ленин²⁴⁵.

В ряде уездов Центральной России в 1905 г. старые суды также были заменены выборными (в некоторых местах их функции выполнял комитет). Так, царевщинские крестьяне Самарского у. в ноябре 1905 г. постановили на собрании избрать в каждом селе и деревне «своих народных судей»²⁴⁶.

На Северном Кавказе в период высшего подъема революции народные суды действовали в селениях Сочи, Хоста, Гагра, Аибка, Веселое и в деревнях Черноморской губ.²⁴⁷ Судьи избирались на народном собрании. В пользу суда с обратившихся к нему взыскивалось 3 % исковой суммы, а иногда принимались и добровольные пожертвования. Однако не все дела рассматривались специально избранными для этого судьями. Бывали случаи, в особенности при решении дел уголовного характера, когда правом голоса пользовался собравшийся народ под руководством избранного председателя. В целом народный суд пользовался большим доверием населения²⁴⁸.

Сельскими судами разрешались вопросы в основном местного значения. Если же предстояло рассмотреть дело, имеющее более важное значение, то, как правило, его решала особая судебная комиссия, выбираемая на уездном собрании крестьян.

Народный суд был создан при Новинском Совете крестьянских депутатов. В одной из деревень Новинской вол. были пойманы на месте преступления три поджигателя крестьянских построек.

По решению Совета их арестовали и предали народному суду, который приговорил их к высылке из Тверской губ.²⁴⁹

На рассмотрение революционных судов поступали дела о совершенных преступлениях, а также о трудовых и имущественных спорах. Судебное разбирательство совершалось оперативно, без обычной для царских учреждений волокиты. При решении дел суды руководствовались постановлениями органов революционной власти и народным правосознанием. В постановлениях революционных органов содержались указания, которые прямо относились к деятельности демократических судов. «Временный закон», принятый 13 ноября 1905 г. народным съездом Старо-Буянской вол. Самарского у., предусматривал возможность обжалования решений сельских судов и устанавливал следующие меры наказания: выговор, штраф, изгнание из села или волости²⁵⁰.

Широкое применение в практической деятельности революционных судов получили такие меры наказания, как предупреждение и высылка. Лишение свободы применялось редко, так как в обстановке революционной борьбы суды не имели возможности организовывать содержание заключенных. Для этих судов было характерно применение мер уголовной репрессии, которые могли быть сразу же приведены в исполнение. Этим, в частности, объясняется то, что в сельских районах Лифляндской губ. в некоторых случаях, как, например, было указано выше, наказывали ударами нагайкой.

Конечно, в работе некоторых судов были ошибки и перегибы, но в целом организация и их деятельность в период первой российской революции дали народным массам определенный опыт*, который имел положительное значение в дальнейшей борьбе против угнетения и эксплуатации, он был учтен при создании первых судов пролетарской диктатуры.

* * *

«С вопросом о форме борьбы тесно связан вопрос об организации для борьбы», — писал В. И. Ленин²⁵¹. И одной из характерных особенностей первой российской революции как революции народной было то, что она создала новые, ранее неизвестные народные демократические организации. Они родились в ходе классовых битв, в результате революционного творчества народа. Свою задачу большевики видели в том, чтобы на основе марксистской теории выделить из опыта масс все наиболее ценное, связанное с новыми организациями и формами их деятельности, помочь массам развить и укрепить их, связав с задачами и перспективами революции. «Мы не замыкаемся от революционного народа. . . мы опираемся

* Напомним, что в городах в обеспечении революционного порядка участвовали созданные Советами новые судебные органы: народные суды (Екатеринослав, Сочи, Новороссийск), трибуналы (Ярославль), судебные коллегии (Кострома); в других местах судебные функции выполняли сами Советы, а также отдельные стачечные комитеты.

всецело и исключительно на свободный почин, исходящий от самих трудящихся масс», — писал В. И. Ленин ²⁵².

Разрабатывая и детализируя в период революции вопрос о непосредственно-революционной борьбе как форме общественного движения, В. И. Ленин в 1906 г. указывал, что «главной формой общественного движения в современной России остается по-прежнему непосредственно-революционное движение широких народных масс, ломающих старые законы, уничтожающих органы угнетения народа, завоевывающих политическую власть, творящих новое право» ²⁵³. В. И. Ленин выделил три основные формы непосредственно-революционной борьбы: явочный захват и осуществление народом политических свобод, создание новых органов революционной власти, применение насилия над угнетателями народа ²⁵⁴.

Все эти формы непосредственно-революционной борьбы были присущи и российской деревне периода революции 1905—1907 гг. Что касается революционных органов власти в деревне, то это были прежде всего крестьянские революционные (распорядительные) комитеты и Советы крестьянских депутатов, призванные стать в деревне органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, революционно настроенные организации ВКС, стачечные комитеты. Революционные суды и боевые крестьянские дружины несли в основном исполнительные функции, но их авторитет и сила являлись опорой для новых органов власти.

Все эти организации создавались вопреки всяким законам царских властей, в результате отстранения и смещения этих властей; были детищем революционных крестьянских масс и действовали не мирным путем, просьбами и петициями, а насильственно, диктаторски, опираясь на созданные в ряде мест свои вооруженные силы. Возникающим органам власти были присущи общие черты крестьянского движения в период революции: развитие под влиянием пролетарской борьбы против самодержавия и в то же время заметное отставание крестьян с переходом к активным формам борьбы, местная замкнутость, недостаточная пока еще связь с рабочими, неумение четко поставить политические задачи деятельности. Партия большевиков прилагала все возможные в тех исторических условиях усилия к тому, чтобы взять руководство действиями этих организаций в свои руки. Однако сказывалось отсутствие опыта, партия не имела еще достаточных сил, чтобы охватить своим влиянием всю деревню. В сельских революционно-демократических организациях большевики работали вместе с представителями эсеров и других мелкобуржуазных партий. Это было проявлением левоблокнистской тактики большевиков, рассчитанной на расширение социальной базы движения, на привлечение на сторону пролетариата — как гегемона революции — крестьянства. Это была тактика, направленная на освобождение крестьянства из-под влияния либеральной буржуазии, кадетов, которые стремились демагогическими фразами обмануть массы, отвлечь их от борьбы.

Созданные революционно-демократические организации были показателем растущего политического сознания крестьянства, неизбежно приходившего к мысли о необходимости захвата власти революционным путем. В складывавшихся принципах их организации отражалось революционное правосознание народа.

«Крестьянство хочет земли и воли», — писал В. И. Ленин. Что это значит? «„Всю волю“ — это значит выборность чиновников и должностных лиц, которые управляют общественными и государственными делами. „Всю волю“ — это значит полное уничтожение такой государственной власти, которая бы не зависела целиком и исключительно от народа, которая не была бы выбрана народом, не была бы подотчетна народу, не была бы сменяема народом. „Всю волю“ — это значит, что не народ должен подчиняться чиновникам, а чиновники должны подчиняться народу» ²⁵⁵.

Деятельность революционно-демократических организаций крестьянства подтверждала ленинские слова о том, что «крестьянство выступает сознательным творцом нового уклада русской жизни» ²⁵⁶. Эти организации, несмотря на краткость своего существования, успели проявить себя как власть, принципиально отличная от прежней — эксплуататорских классов, которые открыто или замаскированно опирались на силу штыка, полиции, денег и т. п. Новые органы власти черпали силу непосредственно в народной массе. По мере возникновения они приступали к осуществлению практических революционных мероприятий, непосредственно направленных против царского самодержавия, к ликвидации ненавистных порядков и утверждению новых, отвечающих интересам крестьян. В ряде мест они, особенно крестьянские революционные комитеты, являлись органами вооруженного восстания революционного крестьянства. Реакция, начавшаяся после поражения декабрьских вооруженных восстаний, положила конец деятельности многих крестьянских революционно-демократических организаций. Тем не менее создание революционным путем органов народного управления в деревне имело большое политическое значение. Их опыт был сохранен и развит партией большевиков в новых исторических условиях 1917 г., когда крестьянские комитеты стали орудием борьбы за решение задач сначала буржуазно-демократической, а затем и социалистической революции.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 136.

² Там же. С. 130.

³ См.: Там же. С. 127, 139, 140.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ Там же. Т. 6. С. 323.

⁶ Там же. Т. 7. С. 186—187.

⁷ Там же. С. 188.

⁸ Там же. Т. 12. С. 264.

⁹ Меншевицкий лозунг «революционного самоуправления», по мнению В. И. Ленина, был неприемлем и ошибочен, так как он заслонял или отодвигал прямой и ясный призыв к восстанию и мог породить иллюзию, будто в условиях царской России возможно добиться народного «самоуправления» без вооружен-

- ной борьбы с самодержавием. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 171—172, 206—207.
- ¹⁰ Там же. Т. 42. С. 260.
- ¹¹ Там же. С. 363.
- ¹² Там же. Т. 9. С. 360.
- ¹³ Там же. С. 360—361.
- ¹⁴ Там же. Т. 40. С. 154—155.
- ¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 1. С. 129. (Далее: КПСС в резолюциях...).
- ¹⁶ Искра. 1905. № 100. Прил.
- ¹⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 79.
- ¹⁸ Там же. С. 219.
- ¹⁹ Там же. С. 221, 223.
- ²⁰ Третий съезд РСДРП: Сб. документов и материалов. М., 1955. С. 510.
- ²¹ Новая жизнь. 1905. 30 окт. (12 нояб.).
- ²² Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Второй период революции. М., 1959. Ч. 1, кн. 2. С. 402. (Далее: Революция 1905—1907 гг. в России...).
- ²³ Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. М., 1963. Кн. 1. С. 398—399.
- ²⁴ Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 2. С. 887.
- ²⁵ Революция 1905—1907 гг. в Литве: Документы и материалы. Вильнюс, 1961. С. 406.
- ²⁶ Революция 1905—1907 гг. в России... Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Ч. 1. С. 607—608.
- ²⁷ Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 1. С. 434.
- ²⁸ Подробнее см.: *Платов В. С.* Революционное движение в Тверской губернии (конец XIX — начало XX в.). Калинин, 1959. С. 188—193.
- ²⁹ Петербургский комитет РСДРП: Протоколы и материалы заседаний. Июль 1902—февраль 1917. Л., 1986. С. 184.
- ³⁰ Приговор сельского схода крестьян с. Маркова Московской губернии. М., 1905. С. 12.
- ³¹ См. об этом подробнее: *Павлов И. Н.* Марковская республика: Из истории крестьянского движения 1905 г. в Московской губернии. М.; Л., 1926; *Смирнов И. И.* «Марковская республика»: Из истории крестьянского движения 1905 г. в Московской губернии / Предисл. Б. Г. Литвака. М., 1975. В денежном отчете Трехдорожного райкома Московского окружного комитета РСДРП за сентябрь 1906 г. помечено: Пом. орг. Мар[ковской] вол[ости] — 3 р[уб.] // Б-ка ИМЛ. ЦЛ1.38. Можно предположить, что в этой волости наряду с членами ВКС работали и лица, специально выделенные МОК.
- ³² Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 2. С. 83.
- ³³ См.: 1905 г. в Бельском уезде. Белый, 1925. С. 44—49; *Емельянов П.* Борьба смоленских крестьян за землю в революции 1905—1907 гг. Смоленск, 1955. С. 140, 145.
- ³⁴ См.: *Абрамов П. Н.* Из истории крестьянского движения 1905—1907 гг. в Центрально-черноземных губерниях // Ист. зап. 1956. Т. 57. С. 307; *Малаяцкий А. Д.* Крестьянское движение в Курской губернии в революции 1905—1907 гг. // Зап. Курского краевед. музея. 1959. Вып. 1. С. 42—43.
- ³⁵ См.: Революционные события 1905—1907 гг. в Курской губернии: Сб. документов и материалов. Курск, 1955. С. 137—139.
- ³⁶ См.: *Демочкин Н. Н.* Борьба тульских рабочих за союз с крестьянством накануне и в годы первой русской революции // Учен. зап. МГПИ. 1957. Т. 110, вып. 4. С. 83.
- ³⁷ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. Д. 2. Ч. 43. Л. 19.
- ³⁸ См.: *Кузьмин А.* Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905—1907 гг. Пенза, 1955. С. 197—198, 229.
- ³⁹ Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Кн. 1. С. 359—360.
- ⁴⁰ КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 184.
- ⁴¹ См.: *Гохлернер В. М., Харламова К. П.* Из истории крестьянских революционных комитетов в Саратовской губернии в 1905 г. // Поволжский край. Саратов, 1977.

- № 5; *Ложкин В. В.* История одного поиска: «Николаевская республика», страницы революционной борьбы. М., 1979; *Он же.* К изучению источников по истории «Николаевской республики» (1905 г.) // Источниковедение отечественной истории, 1981. М., 1982.
- ¹² Революция 1905—1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии: Документы и материалы. Куйбышев, 1955. С. 224.
- ¹³ См.: Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 2. С. 708—712.
- ¹⁴ Подробнее см.: *Солдатов Г. П.* Записки старобуянца // 1905: Годы первой русской революции в Среднем Поволжье. Самара, 1931; *Полов Ф. Г.* Летопись революционных событий в Самарской губернии, 1902—1917. Куйбышев, 1969. С. 120—122.
- ¹⁵ См.: *Лавриненко Б.* Матвей Тарасов. Саратов, 1964. С. 58.
- ¹⁶ Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. М., 1962. Ч. 2, кн. 2. С. 332.
- ¹⁷ См.: Нижегород. крестьян. газ. 1905. Дек.; *Фадеев В.* Очерки по истории Нижегородской большевистской организации, 1901—1907 гг. Горький, 1956. С. 174; *Шульпин П. И.* Нижегородское крестьянство в борьбе с царизмом и помещиками (1900—1917). Горький, 1968. С. 76—77.
- ¹⁸ Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 2, кн. 2. С. 59—60.
- ¹⁹ Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг.: Документы и материалы. Казань, 1957. С. 222.
- ²⁰ Национальные движения в период первой русской революции в России: Сб. документов. Чебоксары, 1935. С. 187—188.
- ²¹ См.: *Сысоев П. С., Парфентьев И. И.* Аграрная программа большевистской партии в первой русской революции и крестьянское движение в Астраханской губернии этих лет // Учен. зап. Астрах. пед. ин-та им. С. М. Кирова. 1955. Т. 5. С. 132, 135.
- ²² См.: Революция 1905—1907 гг. в Удмуртии: Сб. документов. Ижевск, 1955. С. 54; *Мартынова М. М.* Усиление классовой борьбы в вятской деревне в период империализма // Учен. зап. Удмурт. пед. ин-та. 1970. Вып. 21. С. 144.
- ²³ Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции 1905—1907 гг. М., 1956. Ч. 3, кн. 1. С. 605—606.
- ²⁴ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 2550. Ч. 9. Л. 57.
- ²⁵ См.: Хроника революционных событий на Одешине в годы первой русской революции. Одесса, 1976. С. 82; Из истории Одесской партийной организации. Одесса, 1964. С. 79.
- ²⁶ Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 3, кн. 1. С. 604.
- ²⁷ См.: *Сабадырев И. Л.* Борьба большевиков за ленинскую аграрную программу на юге Украины и в Молдавии (1903—февраль 1917 г.). Кишинев, 1972. С. 149.
- ²⁸ Аграрное движение в России в 1905—1906 гг.: В 2 ч. СПб., 1908. Ч. 2. С. 445.
- ²⁹ Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 2, кн. 3. С. 251.
- ³⁰ Харьков и Харьковская губерния в первой русской революции: Сб. документов и материалов. Харьков, 1955. С. 312, 321.
- ³¹ ЦГАОР. Ф. МЮ. 124. Оп. 57. Д. 34. Л. 12 об.
- ³² *Коглов П. Е.* Крестьянское движение на Полтавщине в 1905—1907 гг. // Вопр. истории. 1955. № 3. С. 105.
- ³³ *Пыжов Н.* Сорочинское крестьянское восстание 1905 г.: Воспоминания руководителя восстания. М., 1929. С. 101.
- ³⁴ См.: Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970. С. 41—42.
- ³⁵ Ставрополь: (Альманах). 1955. № 12. С. 160—161.
- ³⁶ Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. М., 1957. Ч. 4. С. 86.
- ³⁷ Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.). Минск, 1953. Т. 3. С. 569.
- ³⁸ *Шабуня К. И.* Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг. Минск, 1962. С. 335.

- ⁶⁹ См.: Там же. С. 269, 297, 317.
- ⁷⁰ См.: *Кузнецов А.* На пути к Октябрю: Из истории партийного строительства в Белоруссии, 1884—1917 гг. Минск, 1970. С. 82—83.
- ⁷¹ См.: *Шабуня К. И.* Указ. соч. С. 341; Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Минск, 1955. С. 583—584.
- ⁷² См.: *Трехбратов Б. А.* Северокавказское село в революции 1905—1907 гг. Ростов н/Д. 1987. С. 56.
- ⁷³ Об этом говорил на III съезде РСДРП М. Цхакая. См.: Третий съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959. С. 233—234.
- ⁷⁴ Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. М., 1956. Ч. 3, кн. 2. С. 812.
- ⁷⁵ В. А. Старосельский был кутаисским губернатором с июля 1905 г. по январь 1906 г. См.: *Магалакелидзе С. В.* Владимир Александрович Старосельский: Документы и материалы. Тбилиси, 1969.
- ⁷⁶ Революция 1905—1907 гг. в Грузии: Сб. документов. Тбилиси, 1956. С. 347.
- ⁷⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 214.
- ⁷⁸ См.: Очерки истории Коммунистической партии Армении. Ереван, 1967. С. 75.
- ⁷⁹ Третий съезд РСДРП: Протоколы. С. 237—238.
- ⁸⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 307.
- ⁸¹ Красный арх. 1940. Т. 5 (102). С. 130.
- ⁸² Ист. арх. 1955. Т. 1. С. 201.
- ⁸³ Красный арх. 1925. Т. 4/5 (11/12). С. 275—276.
- ⁸⁴ *Раевский В.* Начало революционной деятельности Я. А. Берзиня-Зиемелиса // Учен. зап. Латв. гос. ун-та. 1963. Т. 50. С. 69.
- ⁸⁵ *Карьяляяр Т., Крастынь Я., Тила А.* Революция 1905—1907 гг. в Прибалтике. Таллин, 1981. С. 56.
- ⁸⁶ См.: *Духанова З. В.* Борьба ЛСДРП за союз рабочего класса и крестьянства в 1905 г. Рига, 1961. Здесь приводятся данные о структуре, составе и деятельности распорядительных комитетов Латвии и о роли в их организации латышской социал-демократии.
- ⁸⁷ См.: Документы по истории революционного движения сельских рабочих и крестьян в Прибалтике в период первой русской революции 1905—1907 гг. М.; Л., 1957. С. 340—341.
- ⁸⁸ Революция 1905—1907 гг. в Литве: Документы и материалы. Вильнюс, 1961. С. 359.
- ⁸⁹ *Карьяляяр Т., Крастынь Я., Тила А.* Указ. соч. С. 57.
- ⁹⁰ История Эстонской ССР: В 3 т. Таллин, 1966. Т. 2. С. 447. Карта «Крестьянские революционные комитеты 1905 г.».
- ⁹¹ Т. И. Жуков пишет: «По весьма приблизительным данным, которыми мы располагаем, в 1905 г. в Европейской России насчитывалось до 800 революционных крестьянских комитетов» (*Жуков Т. И.* Партия большевиков в борьбе за крестьянские массы в революции 1905—1907 гг.: (На материалах европейской части России): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Львов, 1971. С. 29). Но автор в своих работах не дает никакого указателя, поэтому вряд ли приведенную цифру (так же как и другую — 800 социал-демократических крестьянских организаций) можно считать достоверной.
- В историографической статье М. С. Симоновой высказана справедливая мысль о том, что «пазрела необходимость создания аннотированного списка крестьянских революционных комитетов (по типу списка Совета рабочих депутатов) для последующей проверки и уточнения» (*Симонова М. С.* Крестьянское движение 1905—1907 гг. в советской историографии // Ист. зап. 1975. Т. 95. С. 231).
- ⁹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 370—371.
- ⁹³ Там же. Т. 13. С. 320.
- ⁹⁴ Там же. Т. 12. С. 317.
- ⁹⁵ Революция 1905—1907 гг. в России... Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Ч. 2, кн. 1. С. 19—20.
- ⁹⁶ *Чания В. К.* Советы в первой русской революции. Сухуми, 1972. С. 58.
- ⁹⁷ См.: *Платов В. С.* Революционное движение в Тверской губернии: (Конец XIX — начало XX в.). Калинин, 1959. С. 187—193; *Он же.* Первый крестьянский Совет. М., 1986; *Константинов М. М.* Борьба большевиков за создание революционных

- крестьянских комитетов в 1905 г.: (На материалах Тверской губернии) // Вопр. истории КПСС. 1965. № 11. С. 55—56.
- ⁹⁸ *Хромов А.* Работа в деревне (1905 год) // 1905 год в Тверской губернии. Тверь, 1925. С. 148.
- ⁹⁹ Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 2. С. 199.
- ¹⁰⁰ Революция 1905—1907 гг. в России... Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Ч. 1. С. 585.
- ¹⁰¹ См.: *Хромов А.* Указ. соч. С. 154—155.
- ¹⁰² Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 1. С. 799.
- ¹⁰³ См.: *Попов П. Г.* Большевики Дона во главе движения крестьян в октябре—декабре 1905 г. Творчество, практика, опыт. Ростов н/Д, 1967. С. 424.
- ¹⁰⁴ См.: История Украинской ССР: В 4 т. Киев, 1969. Т. 1. С. 577; *Чания В. К.* Указ. соч. С. 60.
- ¹⁰⁵ *Клейнборг Л.* Хроника русской жизни // Образование. 1906. № 8. С. 123.
- ¹⁰⁶ Революционное движение в Новгородской губернии, 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Л., 1980. С. 43, 240. Неточным является утверждение В. С. Платова, что «Новинский волостной Совет крестьянских депутатов был... единственным крестьянским Советом, возникшим в период революции 1905—1907 гг. в России» (Платов В. С. Первый крестьянский Совет. С. 4).
- ¹⁰⁷ См.: Очерки истории Ивановской организации КПСС: В 2 ч. Иваново, 1963. Ч. 1. С. 203—204, 207.
- ¹⁰⁸ Первая русская... Сб. воспоминаний активных участников революции 1905—1907 гг. М., 1975. С. 66—67.
- ¹⁰⁹ *Жиделев Н.* 1905 год в Иваново-Вознесенске // Первый Совет рабочих депутатов. М.; Иваново, 1935. С. 24.
- ¹¹⁰ См.: Рабочий класс и Советы в революции 1905—1907 гг. в России. Иваново, 1976. С. 128.
- ¹¹¹ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 1800. Ч. 1. Д. 14.
- ¹¹² Известия Совета рабочих депутатов. СПб., 1905. 7 нояб.
- ¹¹³ *Радус-Зенькович В. А.* Страницы героического прошлого: Воспоминания. М., 1960. С. 22.
- ¹¹⁴ *Шморгуи П. М.* Советы рабочих депутатов на Украине в 1905 г. // Ист. зап. 1954. Т. 49. С. 36.
- ¹¹⁵ Революцией призванные: Воспоминания екатеринославских рабочих. Днепрпетровск, 1978. С. 56.
- ¹¹⁶ Брянский завод в 1905 г.: (Коллективное воспоминание) // Летопись революции. 1926. № 3/4 (18/19). С. 174.
- ¹¹⁷ *Шморгуи П. М.* Указ. соч. С. 37.
- ¹¹⁸ Забайкальский рабочий. 1906. 3 янв.
- ¹¹⁹ См.: *Кольхалова Т. Ф.* Социал-демократическое движение на Амуре в период революционной борьбы с самодержавием (янв. 1905—февраль 1917 г.). Томск, 1979. С. 53, 66.
- ¹²⁰ Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 465.
- ¹²¹ КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 184.
- ¹²² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 291.
- ¹²³ Там же. Т. 12. С. 367.
- ¹²⁴ Поэтому вряд ли правомерен вывод авторов книги «Пролог Великого Октября» (Минск, 1986) о том, что «в годы первой российской революции преимущественно создавались Советы рабочих депутатов» (с. 45), и противопоставление последних другим аналогичным организациям.
- ¹²⁵ ЦГАОР. Ф. ДП. 102. 1905 г. Оп. 249. Д. 49. Л. 49—51.
- ¹²⁶ Протоколы делегатского совещания Всероссийского крестьянского союза. М., 1906. С. 140—141.
- ¹²⁷ Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза: (Протоколы). М., 1905. С. 5.
- ¹²⁸ Материалы к крестьянскому вопросу. Б. м., 1905. С. 25.
- ¹²⁹ Учредительный съезд... С. 39.
- ¹³⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 82.
- ¹³¹ Сын Отечества. 1905. 11 сент.; *Кирюхина Е. И.* Всероссийский крестьянский союз в 1905 г. // Ист. зап. 1955. Т. 50. С. 114.

- ¹³² См.: Протоколы делегатского совещания... С. 48, 79, 81.
¹³³ Там же. С. 94—95.
¹³⁴ Там же. С. 90.
¹³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 97.
¹³⁶ Кирюгина Е. И. Указ. соч. С. 133. См. также: Кирюгина Е. И. Местные организации Всероссийского крестьянского союза в 1905 г. // Учен. зап. Киров. пед. ин-та. 1956. Вып. 10.
¹³⁷ См.: Протоколы Первого Северного областного съезда Всероссийского крестьянского союза. СПб., 1906.
¹³⁸ Кирюгина Е. И. Всероссийский крестьянский союз в 1905 г. С. 130.
¹³⁹ Третий съезд РСДРП. Сб. документов и материалов. С. 378.
¹⁴⁰ Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 1. С. 22.
¹⁴¹ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 7 д-во. 1906 г. Д. 11970. Л. 9—10; Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 1, кн. 1. С. 966—968.
¹⁴² Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Кн. 1. С. 267.
¹⁴³ Пролетарская революция. 1925. № 5(40). С. 58.
¹⁴⁴ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1907 г. Оп. 237. Д. 400. Л. 67.
¹⁴⁵ См.: Николаев В. Н. К вопросу об осуществлении тактики левого блока большевиками Казанской губернии в революции 1905—1907 гг. // Учен. зап. НИИ при СМ Чуваш. АССР. 1970. Вып. 52. С. 268.
¹⁴⁶ ЦГАОР. Ф. 58. Оп. 2. Д. 1070. Л. 65—68, 70 об.
¹⁴⁷ См.: Кучер В. В. Крестьянские союзы в Сибири в 1905—1907 гг. // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1980. № 1, вып. 1. С. 75.
¹⁴⁸ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. Оп. 260. Д. 327.
¹⁴⁹ В историографическом плане критику ошибочной точки зрения на характер и роль ВКС см.: Кирюгина Е. И. Всероссийский крестьянский союз в 1905 г. С. 95—96; Тропин В. И. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970. С. 133—134.
¹⁵⁰ См.: Мицилин В. И. Борьба большевиков с мелкобуржуазными партиями за крестьянство в период революции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 18; Воронежские большевики в период революции 1905—1907 гг. Воронеж, 1955. С. 26.
¹⁵¹ См.: Платов В. С. Указ. соч. С. 197—203; Климов П. И. Указ. соч. С. 72—73; Шмыгин И. П. Указ. соч. С. 226—228.
¹⁵² Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 1. С. 41.
¹⁵³ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. Оп. 260. Д. 327.
¹⁵⁴ См.: ЦГАОР. Ф. МЮ. 124. 1908 г. Оп. 46. Д. 448, 450, 518, 519, 522, 303; и др.
¹⁵⁵ См.: Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 1, кн. 1. С. 123.
¹⁵⁶ Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 32.
¹⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 334.
¹⁵⁸ Там же. Т. 17. С. 385.
¹⁵⁹ История Эстонской ССР. Т. 2. С. 410.
¹⁶⁰ ЦГИА СССР. Ф. МЮ. Оп. 108. 1906 г. Д. 6988. Л. 8.
¹⁶¹ Революция 1905—1907 гг. на Украине. Т. 2, ч. 1. С. 670.
¹⁶² См.: Аграрное движение в России... Ч. 2. С. 207, 328; Дубровский С. М. Крестьянское движение... С. 93.
¹⁶³ Аграрное движение в России... Ч. 2. С. 206.
¹⁶⁴ Там же.
¹⁶⁵ Мысль. 1906. 1 (14) июля.
¹⁶⁶ Там же.
¹⁶⁷ Аграрное движение в России... Ч. 2. С. 207.
¹⁶⁸ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. 2 отд. Д. 700. Ч. 12. Л. 135.
¹⁶⁹ Революционное движение в Таврической губернии в 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Симферополь, 1955. С. 166—167.
¹⁷⁰ Леценко Н. И. Стачки сельскохозяйственных рабочих и крестьян на Украине в период первой русской революции // Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976. С. 217.
¹⁷¹ Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 2, кн. 3. С. 123.

- ¹⁷² Аграрное движение в России... Ч. 2. С. 207.
¹⁷³ См.: Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 2, кн. 3. С. 504, 656; Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. 3. С. 566—567.
¹⁷⁴ Демочкин Н. Н. Указ. соч. С. 97.
¹⁷⁵ См.: Шестаков А. В. Борьба сельских рабочих в революции 1905—1907 гг. М.; Л., 1930. С. 44—45; Гохлернер В. М. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции // Ист. зап. 1955. Т. 52. С. 226.
¹⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 154.
¹⁷⁷ Там же. Т. 11. С. 257.
¹⁷⁸ Там же. Т. 9. С. 203—204.
¹⁷⁹ Там же. Т. 10. С. 83.
¹⁸⁰ Там же. Т. 11. С. 365.
¹⁸¹ Там же. Т. 13. С. 322—323.
¹⁸² См.: Текст «Инструкции» // Учен. зап. Калинингр. пед. ин-та. 1964. Вып. 11. С. 57.
¹⁸³ Революция 1905—1907 гг. в России... Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч. 1. С. 574.
¹⁸⁴ Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 1. С. 434.
¹⁸⁵ Листовки большевиков Среднего Поволжья к крестьянам в период революции 1905—1907 гг. Ульяновск, 1958. С. 90—92.
¹⁸⁶ Там же. С. 92—96.
¹⁸⁷ Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 3. С. 265.
¹⁸⁸ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии. С. 224—226.
¹⁸⁹ Революция 1905—1907 гг. в России... Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Ч. 1. С. 609.
¹⁹⁰ Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 4. С. 44, 68.
¹⁹¹ Протоколы делегатского совещания... С. 53.
¹⁹² Там же. С. 57—58, 61, 68—69.
¹⁹³ Редькин П. К. Крестьянское движение в Московской губернии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.) // Учен. зап. МГПИ. 1958. Т. 59, вып. 4. С. 217.
¹⁹⁴ Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 1. С. 556, 861.
¹⁹⁵ Революционное движение в Воронежской губернии 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Воронеж, 1955. С. 402—403; ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 2550. Ч. 21. Л. 394.
¹⁹⁶ Дропин Г. Работа большевиков-железнодорожников в деревне // Старый большевик. 1934. № 1 (9). С. 120.
¹⁹⁷ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. Д. 700. Ч. 58. Л. 326 об.
¹⁹⁸ См.: Из истории Курского края: Сб. документов. Воронеж, 1965. С. 355.
¹⁹⁹ См.: Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовии: Сб. документов и материалов. Саранск, 1955. С. 298.
²⁰⁰ Эсеровские крестьянские боевые дружины в годы революции были созданы примерно в 20 губерниях. См.: Леонов М. И. Аграрная программа эсеров в конце XIX—начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976.
²⁰¹ См.: Гохлернер В. М. Указ. соч. С. 204; Гохлернер В. М., Харламова К. И. Указ. соч. С. 106, 108—109.
²⁰² 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С. 639.
²⁰³ Там же. С. 445.
²⁰⁴ См.: Попов Ф. Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. Куйбышев, 1969. С. 194, 201; 1905 год в Самарском крае. С. 551—552.
²⁰⁵ См.: Попов Ф. Г. Указ. соч. С. 195; Водоватов Ф. Я. Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905—1907 гг. Куйбышев, 1957. С. 163—166.
²⁰⁶ Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии в 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Горький, 1955. С. 376.
²⁰⁷ Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 3. С. 189; Очерки истории Марийской организации КПСС. Йошкар-Ола, 1968. С. 32.

- ²⁰⁸ См.: Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовии. С. 178; *Фирстов И. И.* Мордовия в годы первой русской революции. Саранск, 1955. С. 246—247; Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905—1907 гг.: Документы и материалы. Чебоксары, 1956. С. 222—223.
- ²⁰⁹ Национальные движения. . . С. 188.
- ²¹⁰ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 2. С. 262.
- ²¹¹ См.: Революция 1905—1907 гг. в Прикамье: Документы и материалы. Молотов, 1955. С. 173—176; *Зуйков В. И.* Крестьянское движение на Урале в революции 1905—1907 гг. // Большевики Урала в революции 1905—1907 гг. Свердловск, 1956. С. 148.
- ²¹² См.: *Кабацкий Н. И.* Социал-демократические организации Сибири в борьбе за массы в революции 1905—1907 гг. Иркутск, 1984. С. 110.
- ²¹³ Революция 1905—1907 гг. на Украине. Т. 2, ч. 1. С. 673—674; ч. 2. С. 168.
- ²¹⁴ См.: *Сенчакова Л. Т.* Организационная деятельность социал-демократов в деревне в 1905—1907 гг. // Ист. зап. 1986. Т. 113. С. 133—134.
- ²¹⁵ См.: Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 3. С. 256, 554; *Попов П. Г.* Работа большевиков Дона среди крестьянства в 1906—1907 гг. // КПСС — руководитель масс в борьбе за коммунизм. Ростов н/Д, 1968. С. 196, 199.
- ²¹⁶ ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 4. Ч. 42. Л. 70 об.
- ²¹⁷ Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. 3. С. 543—545, 552—554. 569, 575; ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1906 г. Д. 700. Ч. 8. Л. 101.
- ²¹⁸ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 1. С. 837.
- ²¹⁹ Там же. Ч. 3, кн. 2. С. 814.
- ²²⁰ См.: *Богущая Л. В.* Гурия в годы первой русской революции // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1949. Т. 6, № 6. С. 556.
- ²²¹ Революция 1905 года и самодержавие. М.: Л., 1928. С. 179.
- ²²² Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 3, кн. 2. С. 702.
- ²²³ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 2, кн. 3. С. 345.
- ²²⁴ *Бекоева С. Г.* Юго-Осетия в период первой русской революции. Сталинири, 1956. С. 123.
- ²²⁵ *Хуцишвили Я. Г.* Вооруженное восстание в Грузии в 1905 г. // Ист. зап. 1954. Т. 49. С. 126.
- ²²⁶ См.: Очерки истории Коммунистической партии Армении. С. 76.
- ²²⁷ См.: Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар, 1966. С. 61.
- ²²⁸ Документы по истории революционного движения сельских рабочих и крестьян в Прибалтике. С. 134.
- ²²⁹ Там же. С. 166, 181.
- ²³⁰ Революция 1905—1907 гг. в Латвии. С. 329.
- ²³¹ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 4. С. 493.
- ²³² Документы по истории революционного движения сельских рабочих и крестьян в Прибалтике. С. 140, 361—363.
- ²³³ См.: Революция 1905—1907 гг. в Литве. С. 348—349, 364—365, 371, 373—374, 396.
- ²³⁴ См.: Там же. С. 362—363.
- ²³⁵ См.: Там же. С. 375, 379.
- ²³⁶ КПСС в резолюциях. . . Т. 1. С. 200.
- ²³⁷ См.: *Кокая А. А.* Большевики Грузии во главе выборных сельских органов в период революции 1905—1907 гг.: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Тбилиси, 1967. С. 27.
- ²³⁸ *Старосельский В. А.* Крестьянское движение в Кутаисской губернии // Былое. 1906. № 9. С. 239.
- ²³⁹ Подробнее о работе революционных судов в деревнях Западной Грузии см.: *Мелкадзе И.* Имеретинско-Мингрельский комитет РСДРП и революция 1905—1907 гг. в Западной Грузии: Автореф. дис. . . . д-ра ист. наук. Тбилиси, 1980. С. 69—74.
- ²⁴⁰ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Второй период революции. Ч. 2, кн. 3. С. 345.
- ²⁴¹ Революция 1905—1907 гг. в Латвии. С. 176.

²⁴² Там же. С. 166.

²⁴³ *Стумбина Э. Я.* Революционные суды в Латвии в 1905—1907 гг. Рига, 1971. С. 41.

²⁴⁴ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 4. С. 463.

²⁴⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 383.

²⁴⁶ 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С. 444.

²⁴⁷ *Трехбратов В. А.* Революционное творчество крестьян Северного Кавказа в период высшего подъема первой российской революции // Изв. Сев.-Кавказ. науч. центра высш. шк. Обществ. науки. 1985. № 2. С. 22.

²⁴⁸ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 2. С. 646—647.

²⁴⁹ 1905 год в Тверской губернии. С. 132.

²⁵⁰ Революция 1905—1907 гг. в России. . . Высший подъем революции. Ч. 2. С. 711.

²⁵¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 320.

²⁵² Там же. Т. 12. С. 69.

²⁵³ Там же. С. 350.

²⁵⁴ См.: Там же. С. 317—318, 322.

²⁵⁵ Там же. С. 95.

²⁵⁶ Там же. С. 94.

Глава третья СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КРЕСТЬЯН

Не только экономические условия жизни сказывались на положении крестьян. Основная задача эксплуататоров заключается в развращении сознания и души народа, замене его рассудка массой предрассудков. Сделать народ терпеливым и покорным, удобным для эксплуатации нельзя без внедрения в его сознание идеи неизбежности и закономерности, справедливости и разумности существующего строя. Внедрению этой идеи в самодержавной России способствовало полное политическое и гражданское бесправие крестьян.

Царское правительство держало народ в невежестве и темноте, религиозном дурмане. И хотя развивающийся капитализм все более требовал грамотных работников, лишь небольшая часть крестьянских детей училась в земских, а в основном в церковно-приходских школах, программа которых ограничивалась письмом, четырьмя действиями арифметики, чтением по книгам гражданской и церковной печати, церковным пением. Большинство же подростков вследствие тяжелых материальных условий либо вовсе не посещали школу, либо бросали учебу и шли в батраки к помещику или кулаку. Массовая безграмотность и малограмотность сельского населения были типичны для царской России.

Но крестьянство не было некоей однородной массой. Представляя собой большую часть российского населения, оно, так же как и другие сословия, было весьма разнообразным как по имущественному положению, так и по степени умственного развития. Среди крестьянства были и весьма начитанные, даже образованные люди, были приверженцы различных общественных направлений. Большое воздействие на нравственный, моральный облик крестьянства оказывал развивающийся капитализм. Оно было двояким. Ликвидация феодальной зависимости, развитие промышленности, городов, относительный подъем грамотности населения разрушали экономическую и политическую замкнутость деревни, способствовали пробуждению человеческой личности в забитом, прижатом остатками крепостничества крестьянстве. В. И. Ленин замечал, что именно пореформенная Россия принесла ему «подъем чувства личности, чувства собственного достоинства»¹. В то же время он подчеркивал, что капитализм неизбежно ведет к распространению в крестьянской среде буржуазной морали, к развитию у мелкого хозяйчика индивидуализма и стяжательства, буржуазной прижимистости, ведет к появлению кулака, жадного и бесчело-

вечного. В. И. Ленин раскрыл двойственность сознания крестьянства при капитализме, которая порождалась спецификой его материального, экономического положения, сочетанием в мелком хозяйчике свойств труженика и хозяина-собственника, постоянным колебанием его между капиталом и трудом, буржуазией и рабочим классом. «Две души в мелком хозяйчике: пролетарская и „хозяйская“»². «Хозяйская» была полна предрассудков, собственнических инстинктов, страха перед будущим и остатков трусливой, рабской покорности перед своими угнетателями. «Пролетарская», порожденная положением крестьянства как трудящегося и угнетаемого сословия, приводила в движение его рассудок, такие черты, как ненависть к эксплуататорам, а также непосредственную революционность и демократизм. Последние особенно проявились в период революции 1905—1907 гг.

В статье «К оценке русской революции» В. И. Ленин писал: «Наше крестьянство создало в первый же период русской революции аграрное движение несравненно более сильное, определенное, политически сознательное, чем в предыдущих ... революциях XIX века».

И, как мы уже выше видели, политическая направленность крестьянского движения сильно проявлялась в таких его формах, как отказ от уплаты налогов, поставки рекрутов, в бойкоте аграрных правительственных мероприятий, выступлениях против властей, учреждении революционных органов народного самоуправления, участии в вооруженных восстаниях. Наряду с этими приемами борьбы важное значение имело «сколько-нибудь свободного выражения крестьянских требований в собраниях народных представителей»³. Отчетливо выраженный политический характер имели такие формы крестьянского движения, как «митингово-приговорная» (для удобства изложения она рассматривается нами в двух разделах) и «думская».

1

Митинги и демонстрации

В период революции в сельской местности стали широко применяться такие городские формы революционного движения, как митинги, шествия, демонстрации и т. п. Особенно распространение получили они с осени 1905 г., когда, воспользовавшись объявленной в манифесте 17 октября свободой слова и собраний, революционные организации перешли от тайной агитации и пропаганды к открытой. Большевики в своей деятельности руководствовались ленинскими положениями о пропаганде и агитации. «Эта агитация, — указывал В. И. Ленин, — должна исходить из местных, конкретных, наиболее назревших нужд крестьян, но не останавливаться на этих нуждах, а неустанно расширять кругозор крестьян, неустанно развивать их политическое сознание»⁴.

Политическое воспитание крестьянства имело огромное значение для судеб революции. Чем больше расширялось крестьянское движение, тем существеннее становилась роль пропаганды и агитации в непосредственном руководстве действиями организованных и неорганизованных крестьянских масс. Необходимо было направить их энергию в правильное русло, помочь преодолеть вековые предрассудки и перейти от стихийных к сознательным революционным действиям. В 1905—1907 гг. имело место огромное расширение агитационно-пропагандистского поля деятельности революционных социал-демократов в крестьянской среде. «Политическая агитация в рабочей среде и в крестьянстве никогда не шла в России так широко, так планомерно и так глубоко, как теперь», — писал в годы революции В. И. Ленин⁵. Сама революционная действительность подводила к тому, что нельзя было более ограничиваться работой в конспиративных кружках и на явках. Необходимо было выпускать массовыми тиражами листовки и газеты, распространять их в самых широких крестьянских массах. И за годы революции, по нашим подсчетам, более сотни социал-демократических организаций выпустили около 400 «крестьянских» листовок (известный тираж только 100 листовок составлял более 1,5 млн экземпляров)⁶. Надо было выступать на собраниях, митингах, демонстрациях, теснее связывая политические вопросы с текущими событиями жизни страны.

С развитием революционных событий менялся не только размах, но и характер пропаганды и агитации социал-демократов в деревне. Они должны были не только будить отсталые, политически несознательные массы российского крестьянства, но и отвоевывать их из-под влияния различного рода буржуазных и соглашательских партий, которые пытались использовать политическую неопытность и доверчивость крестьян в своих целях. В то же время в 1905—1907 гг. большевики осуществляли левоблокнистскую тактику, т. е. добивались практических соглашений с мелкобуржуазными демократами для совместной борьбы с самодержавием. В работе с крестьянами они шли, например, на контакты с эсерами, которые заключались, в частности, в доставке и распространении нелегальной литературы, в ведении устной агитации.

Главным содержанием революционной агитации в деревне являлось развитие классового самосознания сельских тружеников, разъяснение противоречий между всем крестьянством и помещичьим классом, политическое обличение царизма и всего существующего эксплуататорского строя, распространение идеи тесного союза рабочего класса и крестьянства, гегемонии пролетариата в этом союзе. Работа большевиков в деревне строилась с учетом местных условий и особенностей тех или других районов страны. Она была сопряжена с огромными трудностями. Жандармы и полиция тщательно следили за тем, чтобы в деревню не проникали революционные веяния. У них на учете находились все работавшие в деревнях учителя, врачи, земские служащие. Они следили за каждым новым лицом, появлявшимся в деревне,

за рабочими, солдатами, приезжавшими домой на побывку. Кроме того, социал-демократам приходилось еще преодолевать естественную раздробленность крестьянства, разобщенного характером своего мелкотоварного хозяйствования. Но тем не менее в период революции партия сумела в значительной мере оказать свое влияние на крестьян. Идеи революционной борьбы и политическое сознание, как писал В. И. Ленин, «заносились» в среду крестьянства «тысячами путей»⁷. Они способствовали его переходу от глухого недовольства к революционной настроенности и активной борьбе.

Партия ставила своей задачей в «целях дезорганизации самодержавия и поддержки революционного натиска на него призывать крестьянство и сельский пролетариат к всевозможным политическим демонстрациям»⁸.

В период революции обычным явлением в селах и деревнях стали митинги, на которых обсуждалось положение в стране, составлялись резолюции с политическими требованиями. Полиция боялась разгонять митинги, которые, как правило, были многочисленными. Помимо специально организованных, они часто возникали стихийно во время ярмарок, у волостных и сельских правлений. В селах, расположенных недалеко от городов, железнодорожных станций, шахт и т. п., происходили совместные сборы рабочих и крестьян. Наиболее насыщенными в этом отношении были Первомайские дни, годовщины 9 января, осень 1905 г., периоды выборных кампаний и деятельности Государственной думы.

О крестьянских митингах и демонстрациях сообщалось в газетах, о них доносили в вышестоящие инстанции местные власти. П. Н. Дурново в специальном циркуляре губернаторам от 12 февраля 1906 г. признавал, что «митинги являются одним из главных средств распространения революции», и обязывал губернаторов не допускать их ни в городах, ни в сельской местности⁹. Но это было не в силах местных властей. Митинги проходили и тайно и открыто. На них выступали представители различных политических партий, тут же происходили диспуты. Один из корреспондентов ВЭО так оценивал их значение: «...споры же представителей различных политических взглядов, освещая вопрос всесторонне, приучали народ к предварительному тщательному разбору предлагаемых резолюций, а не к принятию тех или других решений наобум»¹⁰.

Деревня внимательно слушала речи ораторов. Непривычная свобода слова кое-где первоначально восстанавливала слушателей против агитаторов. Но большинство с жадностью воспринимало идеи революционеров и обмануло ожидание тех, кто предсказывал, что в деревне неизбежно особенное развитие черносотенного движения. Выступления на митингах нередко заканчивались арестом ораторов. Для их защиты крестьяне вынуждены были прибегать к различным приемам, так, например, они окружали выступавшего, не давая пробиться к нему полицейским. Если же оратора все-таки арестовывали, то крестьяне пытались его отбить,

вступая в вооруженный конфликт с властями. Конечно, за такие действия крестьянам нередко приходилось жестоко расплачиваться.

Широко отмечалось 1 Мая 1905 г. в различных уездах Московской губ. Празднование было организовано большевиками. В Петровско-Разумовском первомайская рабочая массовка прошла при участии крестьян. Газета «Пролетарий» писала 27 мая 1905 г.: «Они со вниманием слушали речи ораторов, братались с рабочими; к ним было сделано особое обращение и разъяснено их положение. Крестьяне, видимо, остались очень довольны собранием: дружелюбно расстались с рабочими и в деревни унесли значительное количество прокламаций».

В с. Глазове Можайского у. 27 ноября 1905 г. по инициативе рабочих, уволенных с московских заводов, был организован митинг, после которого крестьяне устроили демонстрацию с красными флагами и пением «Марсельезы». Демонстранты прошли по селам Глазовской вол. ¹¹ В ноябре 1905 г., по данным П. К. Редькина, в Московской губ. состоялось 17 собраний и митингов рабочих и крестьян под руководством большевиков ¹².

Подобные выступления крестьян в декабре 1905 г. имели место в Московском и Подольском уездах. В Звенигородском у. тогда же был проведен митинг, в котором приняли участие крестьяне 17 селений. Митингом руководили рабочие-большевики. Была принята резолюция, отмечавшая неспособность правительства управлять страной и требовавшая бойкотировать выборы в Государственную думу, вместо них проводить выборы в Учредительное собрание, упразднить полицию, постоянную армию, а также не платить податей ¹³.

Тверской комитет РСДРП на пасхальной неделе 1905 г. провел девять сходок в шести деревнях, на которых присутствовало 530 человек. В мае во многих деревнях прошли демонстрации: «... фабричная и деревенская молодежь проходила по улицам со знаменем и революционными песнями, произносились речи комитетскими агитаторами» ¹⁴. С. В. Модестов, член Тверского комитета РСДРП, писал в июне 1905 г. Заграничному бюро ЦК РСДРП: «На крестьян эти митинги производят страшно благоприятное впечатление. Крестьяне, не говоря уже об организованных, постоянно просят устраивать открытые собрания» ¹⁵. Только за четыре месяца (сентябрь—декабрь 1905 г.) в Тверской губ. было организовано 20 демонстраций, 25 митингов, 9 сходок и 35 собраний (в июле 1906 г. — 29 демонстраций, митингов, собраний и сходок), на которых так или иначе обсуждались крестьянские вопросы ¹⁶. По сообщению от 29 ноября 1905 г. газеты «Русские ведомости», «проявляют большую деятельность и пользуются большим сочувствием... в особенности социал-демократы. Последние почти ежедневно устраивают в различных местностях уезда (Тверского. — Л. С.) митинги, на которых произносят речи; ораторы этой партии начинают приобретать все большую и большую популярность, представители Крестьянского союза, социал-

революционной партии и других выступают в роли деревенских ораторов очень редко и самостоятельных митингов не организуют. Священники, выступающие в роли ораторов, не пользуются совершенно никаким влиянием и нередко терпят фиаско».

В Смоленской губ. крестьяне Радичской вол. Рославльского у., узнав о событиях 9 Января 1905 г. в Петербурге, устроили в память расстрелянных митинг, на котором присутствовало 300 человек и было поднято Красное знамя. 1 мая 1905 г. в селах Смоленской губ. прошли «крестьянские демонстрации с красным флагом и пением песен о свободе» ¹⁷. После издания манифеста 17 октября, сообщал в своем годовом отчете за 1905 г. смоленский губернатор, «революционное движение городского и сельского населения очень резко усилилось. На устраиваемых повсюду в городах и селениях митингах и собраниях стали открыто выступать агитаторы, подстрекавшие население требовать немедленного созыва Учредительного собрания, не повиноваться властям, насильственно отбирать у помещиков земли, не платить податей и т. п.» ¹⁸.

Активно направляли агитаторов в деревню для участия в происходивших там сходках и митингах партийные организации Ярославля и Рыбинска. 13 и 20 ноября 1905 г. в с. Балабанове Рыбинского у. в массовых сходках крестьян приняли участие 20 рабочих из железнодорожных мастерских Рыбинска. Рабочие — члены местной группы РСДРП говорили о поддержке пролетариатом крестьянских требований и призывали крестьян, в свою очередь, поддерживать рабочих, например подвозить в город продукты для бастующих и т. д. 21 ноября на митинге в помещении Ростовской земской управы оратор социал-демократ говорил о Крестьянском союзе, движении в армии и тактике пролетариата. Присутствовало много крестьян. Была принята резолюция, в которой участники митинга обещали приложить «все силы к тому, чтобы образовать прочный союз городского рабочего класса с деревенской беднотою для борьбы под знаменем РСДРП за полное экономическое и политическое освобождение». На митинге была распространена социал-демократическая литература. Из окрестных деревень крестьяне приезжали за ораторами социал-демократами (Новая жизнь. 1905. 27 нояб. (10 дек.)).

Крестьянские сходки и митинги проводили большевистские организации Владимирской губ. Описывая одну из поездок окружного организатора Владимирской группы, «Пролетарий» писал 7 ноября 1905 г.: «В третий приезд окружной организатор ходил из Коврова „в народ“, в деревню. Говорил на сходках двух деревень. Особенно удачно вышло в одной деревне. Слушала буквально вся деревня, не исключая и детей. Крестьяне закидывали вопросами и репликами... Пришлось говорить чуть ли не обо всем: и о демокр. республике, и о крестьянск. революц. комитетах, и о рабочем движении».

Ожесточенную борьбу приходилось вести большевикам с кадетами, местные группы которых старались развернуть свою деятельность среди крестьян. 20 мая 1906 г. в с. Парском Юрьев-

ского у. был устроен митинг, на котором присутствовало более 200 человек (сельская полиция благоразумно отсутствовала). Выступал социал-демократ, присланный Иваново-Вознесенским окружным комитетом. Оппонировал кадет. После четырехчасового в высшей степени оживленного митинга, сообщала газета «Светоч» 27 мая 1906 г., единогласно была принята социал-демократическая резолюция: «Только одно полновластное Учредительное собрание, созданное на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, может удовлетворить наши требования... Пора кончить бесплодные речи и приступить к делу. Дума немедленно должна передать выборным крестьянским комитетам и Советам рабочих депутатов разработку и подготовку вопросов земельного и рабочего, немедленно приступить к проведению свобод, к подготовке созыва Учредительного собрания».

Только в течение трех недель, с 4 по 25 июня 1906 г., Иваново-Вознесенским окружным комитетом РСДРП было проведено 11 митингов, столько же массовок и шесть летучек рабочих и крестьян. На них часто выступал М. В. Фрунзе¹⁹.

Многочисленные митинги прошли осенью—зимой 1905 г. и летом 1906 г. в деревнях Петербургской губ. 7 июня 1906 г. в с. Рыбацком собралось около 500 крестьян и рабочих Обуховского завода. Выступившие перед ними большевики, по сообщению газеты «Вперед» от 9 июня 1906 г., дали характеристику крестьянского движения, говорили о бессилии Государственной думы и призвали присутствовавших к борьбе с самодержавием.

«Митинги, — писала 4 июня 1906 г. газета „Северная Россия“, — стали как бы насущной потребностью народа». Другой орган печати констатировал: «До сих пор митинги и собрания были как бы привилегиями только крупных городов, а в них — только сплоченного рабочего класса... Теперь же таковые происходят чуть ли не в каждом уездном городе, в каждом большом селе... Митингам — народным собраниям — уделяется большое внимание. Их ждут!.. На них собираются и спешат... Забывается страх перед казацкой нагайкой, штыком и пулей... Забывается, что ценой жизни можно расплатиться за осуществление этого законного права осуществлять свободу собраний... На митингах любопытных мало; большинство приходит или «учиться» — понимать происходящее, или обсудить, что же делать дальше»²⁰.

Севский уездный исправник докладывал 18 января 1906 г. орловскому губернатору: «Насколько выясняется, между городом и деревней существует большая связь, т. к. агитирующим элементом город кишит. Крестьяне приезжают за советом к агитаторам, а эти, последние, предпринимают поездки в деревни; постоянно слышишь, что приезжали то в ту, то в другую деревню, деревни присылают за ними лошадей»²¹.

Земский начальник I участка Льговского у. Курской губ. доносил 27 июля 1906 г. курскому губернатору, что «в лесах кн. И. В. Барятинского и около с. Волоколонска чуть ли не ежедневно происходят митинги, на которых говорят зажигательные

речи, раздаются прокламации и брошюры и даже оружие для открытого восстания против правительства, прокламации Российской социал-демократической рабочей партии... На первом собрании было 50 крестьян, на втором уже 600, а затем все больше и больше...»²².

Многочисленными и многоядными были митинги многонационального крестьянства Поволжья. В Саратовской губ. в деревнях широко праздновалось 1 Мая 1905 г. Накануне 1 Мая 1906 г. в слободе Покровской Саратовского у. состоялась «манifestация многотысячной толпы с флагами и пением. Произносились речи. В манифестации участвовали преимущественно крестьяне, много женщин»²³.

В докладной записке от 25 августа 1906 г. симбирского губернатора министру внутренних дел о революционном движении в губернии приводились следующие сведения: «Под влиянием упорной антиправительственной агитации, весьма привившейся... несколько больших селений Корсунского уезда настроено в сильно революционном духе. Крестьяне старательно и успешно скрывают приезжих агитаторов, давая им тайно приют и передавая их из села в село. Установлены случаи, что в лесах и вообще вне черты поселений собирались крестьяне этих селений, часто с участием рабочих суконных фабрик, имеющих в этом уезде, и выслушивали ораторов»²⁴.

Активно проводили собрания и митинги самарские большевики. Лишь летом и осенью 1905 г. они провели 35 собраний и митингов крестьян, на которых разъясняли аграрную программу РСДРП и решения III съезда, пропагандировали работу В. И. Ленина «К деревенской бедноте», призывали крестьян к решительной борьбе с помещиками и царизмом совместно с пролетариатом²⁵.

18 января 1906 г. местным революционным крестьянским комитетом был организован митинг в с. Кинель-Черкассы Бугурусланского у. На митинг собралось много народа. Представитель аграрной группы Самарского комитета говорил о событиях в Москве, на юге, в Польше, Сибири, Литве, на Кавказе, о крестьянском самоуправлении, положении рабочих и крестьян России, необходимости уничтожения самодержавия, формах и методах борьбы крестьян за землю. Оратора слушали с большим вниманием. А когда он перешел к характеристике созываемой I Государственной думы, раздались дружные возгласы: «Долой Государственную думу! Да здравствует Учредительное собрание!» Митинг закончился составлением приговора о немедленном созыве Учредительного собрания и сбором денег в пользу аграрной группы Самарского комитета РСДРП²⁶.

В дни после роспуска I Государственной думы митинги и собрания во многих селах были организованы социал-демократическими группами Казанской губ. 30 июля 1906 г. тайное собрание крестьян из разных селений состоялось в казенном лесу недалеко от дер. Кокшамары Чебоксарского у. Выступили три оратора. Во время собрания крестьяне обезоружили полицейских стражни-

ков, выследивших их, втокнули в круг и заставили стоять до конца собрания. 20 сентября 1906 г. гражданский уездный исправник, докладывая казанскому губернатору о настроении крестьян, сообщал: «Революционное настроение пустило настолько глубокие корни, что подростки и молодежь на глазах взрослых. . . , расхаживая по улицам, поют революционные песни с криками „Долой самодержавие!“»²⁷.

Активными и частыми были митинги в Нижегородской губ. Под Сормовом 29—31 марта 1905 г. на них собиралось до 1000 рабочих и крестьян, произносились «речи, в коих высказывалось о немедленном свержении самодержавия»²⁸. В ряде мест происходили объединенные сходки и политические демонстрации крестьян нескольких сел и деревень. В подготовке и проведении их большую роль сыграли агитаторы-рабочие, направленные социал-демократической организацией из Нижнего Новгорода. Осенью 1905 г., по сообщению газеты «Нижегородский листок» от 13 ноября 1905 г., в деревнях «почти через день устраиваются митинги». По сообщению другой газеты («Утро». 1906. 1 янв.), на этих митингах «рассказывался ход событий после крепостного права; кровавая история борьбы, которой вырван манифест у самодержавия; поднимались экономические и политические вопросы; говорили об Учредительном собрании; разъяснялся манифест 17 октября и свободы, дарованные им „на бумаге“. Разъяснялась социал-демократическая программа».

Организирующая роль и влияние на массы революционных социал-демократов ярко проявились в следующих событиях. В середине ноября 1905 г. стало известно о решении правительства назначить на должность нижегородского губернатора одесского градоначальника Нейгардта, известного душителя свободы и организатора черносотенных погромов. Эта весть взволновала общественность губернии. Большевики решили поднять рабочих на всеобщую политическую стачку, использовать силы боевых дружин, но не допустить в Нижний царского палача. Агитаторы на фабриках, заводах, в мастерских, учреждениях, селах и деревнях организовали движение против его назначения, которое вылилось в мощную антиправительственную демонстрацию. В резолюциях, принимаемых на массовых митингах, выдвигались категорические требования не допускать Нейгардта в Нижний Новгород. На совместном митинге крестьян и железнодорожников в с. Лукьянове был высказан решительный протест «против назначения Нейгардта нижегородским губернатором». 23 ноября в дер. Бурнаковке Балахнинского у. в сельской школе под руководством приехавших социал-демократов состоялся митинг, привлекавший почти 150 человек. Он длился с 8 часов вечера до 12 часов ночи. В перерывах и по его окончании крестьяне дружно пели «Марсельезу». Было объявлено о предполагаемом назначении Нейгардта, и «все крестьяне единодушно выразили протест и негодование по поводу этого назначения»²⁹. В результате проведенной социал-демократами кампании победу одержал народ. Правительство вынуждено было отменить решение о назначении Нейгардта.

После октябрьской стачки и до конца 1905 г. повсеместно проходили крестьянские митинги и собрания в деревнях и волостях Сибири. В конце 1905 г. в Канске, Минусинске и других городах были созданы специальные «Комитеты по устройству митингов», ставившие своей задачей организацию митингов для обсуждения политического положения в стране, нужд крестьян и средств борьбы с существующим строем. В эти комитеты входили рабочие, крестьяне, врачи, учителя (социал-демократы, эсеры, члены ВКС, даже кадеты). Часто собрания и митинги сибирских крестьян проходили летом 1906 г. Исследователями отмечено, что одной из особенностей крестьянской борьбы в Сибири является большой удельный вес митингов, собраний, демонстраций: 25,7 % всех выявленных здесь выступлений крестьян (в 1905 г. — 37,2 %). Наибольшее их количество приходится на декабрь 1905 г. (118 случаев) и январь 1906 г. (35)³⁰.

В период высшего подъема революции усилилось аграрное и освободительное движение национального крестьянства. В ноябре 1905 г. командующий войсками Сибирского военного округа докладывал военному министру об усилении революционного движения в Казахской степи (Казахстане): «В степи очень беспокойно благодаря усиленной открытой агитации и пропаганде революционных кружков»³¹. Демонстрация, состоявшаяся 15 ноября 1905 г. в уездном городе Каркаралинске Семипалатинской обл., показала интернациональную сплоченность трудящихся. В общих рядах шли русские и украинские крестьяне-переселенцы, рабочие, ремесленники и верховые казахские джигиты, схватившие почти со всех аулов и волостей уезда разузнать о царском манифесте³². 15 декабря состоялась демонстрация аульной бедноты на улицах Омска (около 1000 человек)³³.

Осуществляя решения III съезда РСДРП, активизировали свою деятельность белорусские партийные организации. Они устраивали в деревнях сходки и массовки. Так, например, в Копыси в память полугодщины 9 Января под руководством группы РСДРП состоялись демонстрации и митинги, прошедшие под красными знаменами. В них участвовало до 1500 рабочих и крестьян окрестных деревень³⁴. В августе 1905 г. представители Мозырской группы РСДРП по просьбе крестьян дер. Дудичи созвали сходку, на которую собралось почти все село, на ней были сформулированы требования, предъявленные потом помещику³⁵.

6 ноября 1905 г. состоялся народный митинг в местечке Кольшики Могилевской губ. Собрались крестьяне не только из Кольшек, но и из соседних деревень Смоленского и Поречского уездов. На нем выступал социал-демократ, объяснивший аграрную программу РСДРП. Крестьяне с напряженным вниманием слушали речь оратора, нередко прерывая ее возгласами: «Правильно!», «Верно!» Была принята резолюция с требованием демократической республики и создания революционных крестьянских комитетов³⁶.

Большую работу по воспитанию революционной сознательности крестьянских масс Белоруссии проводила Минская группа РСДРП.

В газете «Северо-Западный край» от 24 ноября 1905 г. сообщалось, например, что, «согласно доставленным нам сведениям, Минская группа РСДРП посылает своих ораторов в различные уезды Минской губернии для устройства крестьянских митингов и проч. Так, на днях в одной из деревень был организован с.-д. митинг, привлечший до 300 чел. крестьян. Отношение к речам, разъяснявшим с.-д. программу, было очень сочувственным. Продолжался митинг около 4 часов».

Во многих деревнях Белоруссии состоялись митинги и собрания, проходившие иногда совместно с рабочими по поводу первой годовщины Кровавого воскресенья. В течение лета 1906 г. только Минской окружной крестьянской организацией РСДРП было организовано более 500 митингов, которые имели среди крестьян большой успех. На них иногда присутствовало до 1—2 тыс. человек. В сообщении Минской окружной крестьянской организации (Пролетарий. 1906. 29 окт.) говорилось: «...уж больно восприимчива стала крестьянская масса к революционной пропаганде. Как воду высушила от зноя пашня, жадно впитывает эта масса революционные идеи, проникается революционным настроением и сулит нам богатую жатву. Наши агитаторы получают столько приглашений на крестьянские митинги, что не успевают удовлетворить большую часть требований». Речи обычно произносились до позднего вечера, а наутро агитатора уже ждали в других деревнях.

На Украине 19 февраля 1905 г. в с. Манюки Новозыбковского у. Черниговской губ. по инициативе крестьян, побывавших на отхожих промыслах, была организована демонстрация с пением революционных песен. На Красном знамени, под которым шли демонстранты, были лозунги: «Долой самодержавие!», «Свобода!»³⁷. Выезжали в села и выступали на митингах, призывая крестьян силой отбирать земли у помещиков, большевики Екатеринославского и Луганского комитетов РСДРП. Летом 1906 г. почти во всех поселках Донбасса прошли многочисленные митинги рабочих с участием крестьян. Основной их темой являлся вопрос об отношении к Государственной думе и правительству.

По подсчетам Н. Н. Лещенко, за 1905—1907 гг. на Украине произошло 886 собраний, митингов, демонстраций и других подобных крестьянских выступлений (13 % общего числа выступлений)³⁸.

Многолюдные митинги проходили в станицах и селах Дона. За помощью по их организации крестьяне обращались к рабочим. Так, крестьяне Сальского округа из станицы Торговой в декабре 1905 г. послали телеграмму железнодорожному бюро ст. Великокняжеская. В ней говорилось: «На 13 декабря назначен митинг населению крестьян необходим оратор от лица рабочих не откажите срочно ответить собранию ст. Торговой»³⁹. Особенно много было митингов крестьян в Ростовском, Хоперском, Усть-Медведицком округах. Они устраивались совершенно открыто, нередко заканчивались кровавыми столкновениями с полицией и казаками. Но

часто последние, боясь возмущения крестьян, не решались вмешиваться в митинги и демонстрации.

С лета 1905 г. Сочинская группа большевиков выделила специальные агитаторов, которые, разъезжая по деревням, собирали крестьянские сходы, проводя на них политическую агитацию. В дни декабрьского восстания большевики Тихорецкой социал-демократической группы развернули большую работу среди крестьян и казаков окрестных станиц. Они организовали в Тихорецкой несколько массовых митингов рабочих и крестьян, призывая их к совместной борьбе против царского самодержавия.

Своего апогея многотысячные митинги многонационального крестьянства Северного Кавказа достигли в период обсуждения аграрного вопроса в I Государственной думе. Эти митинги в мае—июне 1906 г. носили ярко выраженный политический характер. Заведывающий полицией на Кавказе писал в то время, что «имеются также указания на революционную пропаганду в Кубанской области, где социал-демократы устраивают митинги в русских селах, и на этих митингах ораторы проводят идею насильственного отобрания частновладельческих земель. . . усилия революционеров в настоящее время направлены главным образом. . . на разрешение революционным путем аграрного вопроса и в связи с этим на подготовку вооруженного восстания»⁴⁰. Всего за годы революции на Северном Кавказе состоялось 893 (или 49 % общего количества выступлений) крестьянских митингов, собрания, сходы, демонстрации, подчас совместно с казаками и рабочими⁴¹.

О подъеме крестьянского движения в Тифлисской губ. сообщалось в корреспонденции из Сигнахского у., опубликованной в газете «Вперед» (21 апреля 1905 г.): «Крестьянское движение, охватившее почти весь Кавказ, отозвалось и в нашей, сравнительно глухой и отсталой провинции. У всех на устах слова: свобода, братство, равенство. . . Движению задает тон местная группа соц(иал)-демократов. У нас были общие собрания. . . во многих селах, на собраниях выступали с горячими речами и крестьяне».

В обзоре о событиях в Гурии, составленном начальником Батумского охранного пункта, приводится следующий факт: 21 июля 1905 г. «приблизительно верстах в 12 от г. Озургет, в горах за сел. Вакиджвари, собралась сходка в 5—6 тыс. человек; собирались якобы, чтобы поговорить о починке дорог, а на самом деле, пробывши на сходке до 5 ч. вечера, говорили, что настало время начать восстание и свергнуть правительство, уравнивать сословия, распределить всю землю между работающими на ней крестьянами, уничтожить постоянные войска, учредить народное правительство; говорили, что войска поднимаются, отказываются от беспрекословного подчинения»⁴².

С самого начала революции 1905—1907 гг. в деревнях Прибалтийского края происходили совместные с рабочими города митинги и демонстрации. 27 февраля в местечке Купишкис Укмергского у. состоялось выступление крестьян и трудящихся. Их митинг охраняла прибывшая из Аникшчяя вооруженная группа членов

местной организации СДПЛ. Телеграфные провода, связывающие Купишкис с соседними железнодорожными станциями, были перерезаны. Во время демонстрации взвились два красных флага. Провозглашались лозунги: «Долой войну! Долой царскую власть! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!»⁴³.

Трудящимися Прибалтийского края широко отмечался Первомайский праздник 1905 г. По решению ЦК ЛСДРП во всех промышленных центрах и в селах Латвии 30 апреля в 12 часов дня начались забастовки, которые продолжались до вечера 2 мая. Активное участие в празднествах приняло сельское население. Трудящиеся с красными знаменами шли от хутора к хутору, от имения к имению, устраивали собрания. Весной и летом 1905 г. в прибалтийских деревнях состоялись массовые «церковные демонстрации». Социал-демократы еще до революции распространяли листовки, воззвания во время богослужения или при выходе народа из церквей. Весной 1905 г. этот вид революционной агитации начал применяться более широко. В начале июня только в окрестностях Елгавы в демонстрациях, которые устраивались сразу по выходе людей из церкви, участвовало почти 4600 человек⁴⁴.

В докладной записке от 2 мая 1905 г. ливонского губернатора министру внутренних дел сообщалось, что полиция не в силах предотвратить «торжественные шествия... с красными флагами с надписями „Долой самодержавие!“», потому что «телефонные и телеграфные провода постоянно разрушаются и что мятежники располагают отлично организуемой разведочной и справочной службой (отчасти состоящей из велосипедистов), благодаря которой они своевременно могут принять все меры к устройству или отмене демонстраций»⁴⁵.

Тысячные митинги проходили в Прибалтике в октябре—декабре 1905 г., на них развевались красные знамена с надписями «Долой самодержавие!». Из 240 политических митингов и демонстраций крестьян и сельскохозяйственных рабочих, состоявшихся только в Литве в 1905 г., 193 произошли в октябре—декабре⁴⁶.

Митинги и демонстрации оказывали огромное революционизирующее влияние на крестьян. Здесь надо заметить, что традиционной формой организации внутренней жизни крестьянского общества в России были сельские и волостные сходы. В период революции они «наполнялись» новым содержанием и подчас играли роль митингов. Сходы стали отходить от своего принципа подворного представительства, стремясь охватить все взрослое население сельского общества, волости и даже уезда. В этом выражалось стремление крестьянства, с одной стороны, воплотить в жизнь демократический принцип всеобщей подачи голосов при решении тех или иных вопросов, с другой — избежать какой-либо персональной ответственности, возложив ее на все общество, и тем затруднить возможные преследования властей. Казалось, что в случае чего, целое общество или волость не арестуешь и никуда не сошлешь.

Так, начальник Петербургского ГЖУ уведомлял департамент полиции, что в декабре 1905 г. в ряде волостей «Шлиссельбургского у. устраивались сельские сходы под названием „народные собрания“, на которых, между прочим, обсуждались и вопросы чисто политического свойства. Все такие собрания устраивались без разрешения уездной полиции, и если чины или представители сельской полицейской власти появлялись на собраниях, то они немедленно оттуда были удаляемы»⁴⁷.

В решениях сходов звучали и такие названия, как «общее собрание всего нашего общества», «свободный сход», «первый свободный сход», «соединительный свободный сход», «вольный свободный сход» и т. п. Крестьяне в документах этих сходов — приговорах и наказах — называли себя «гражданами», «свободными российскими гражданами» (см., например, приговор схода 19 сельских обществ Суцевской вол. Духовщинского у. Смоленской губ. («Днепровский вестник». 1906. 18 янв.).

Революционные сходы, собрания, митинги имели большую притягательную силу. Даже самые пассивные крестьяне при малейшей возможности посещали их. Крестьяне, сельские рабочие принимали в них активное участие, что, в свою очередь, являлось своеобразной формой проявления их общественного энтузиазма, самочинного митингового демократизма, потребности в сплочении и организации, широкой информации. Митинги и собрания служили для крестьян, как и для рабочих, средством объединения усилий в деле революционных преобразований. Они способствовали развитию инициативы и активности крестьянства, воспитанию чувства коллективизма и солидарности; представляли собой одну из наиболее подвижных, хотя и непостоянных, форм движения народных масс, а в отдельных случаях и зачаточную форму революционной власти; отражали настроения крестьян и сельскохозяйственных рабочих и в то же время были ареной массовой агитации и распространения революционной литературы, школой политического воспитания. На митингах широко обсуждались как аграрные, так и практически все злободневные вопросы общественно-политической жизни страны. Особенно большое значение имели совместные собрания, митинги и демонстрации рабочих и крестьян, которые являлись одной из форм практического осуществления союза рабочего класса и крестьянства.

В период революции важную роль в политическом воспитании крестьянства сыграли также съезды крестьян, в организации и работе которых активное участие принимали революционные социал-демократы. Они были посвящены вопросам организации крестьянского движения и согласования его с рабочим.

Особенно широкое распространение получила практика их проведения в некоторых губерниях Поволжья и в Прибалтике. Один из первых съездов состоялся под руководством аграрной группы Казанского комитета 24 июля 1905 г. Это был съезд представителей крестьянской бедноты от 125 волостей Казанской губ., на котором присутствовало свыше 120 человек. Основные

вопросы, рассматривавшиеся на съезде, были такие: пропаганда социальных идей среди крестьян, провокационные выступления черной сотни и борьба с ней и др. Кроме крестьян, с речами выступили представители Казанской большевистской организации. Съезд принял несколько решений, «доказывающих симпатию крестьян к РСДРП. Деятельность освобожденцев признана вредной. Отвергнуты все буржуазно-политические партии»⁴⁸. В перехваченном полицией письме от 31 июля 1905 г. Николая Черно (Н. Н. Накорякова) делался следующий вывод из анализа решений этого крестьянского съезда: «Творческая способность народа ожила... жизнь революционизировала даже темную крестьянскую массу. В этой среде, как и в других, девизом нашего времени стало: „жить по-старому нельзя...“»⁴⁹

19—20 ноября 1905 г., несмотря на запрещение полиции, в Риге состоялся съезд волостных делегатов всех уездов Лифляндской и Курляндской губерний. 23 ноября 1905 г. в Вильнюсе социал-демократической партией Литвы был созван съезд сельских рабочих и крестьян Ковенской, Сувалкской и Виленской губерний. 27 ноября 1905 г. эстонской буржуазной партией прогрессистов было создано в Тарту (Юрьев) всеэстонское собрание народных делегатов. Представители батраков и крестьянской бедноты, которые добивались разрешения земельного и других вопросов революционным путем, отделились от представителей буржуазии и провели в университетском актовом зале «Аула» свой съезд⁵⁰.

Резолюции прибалтийских съездов указывали на необходимость объединения угнетенных масс России для свержения самодержавия и призывали народ вооружаться, создавать революционные крестьянские комитеты для руководства восстанием и захвата власти на местах. Решения съездов способствовали развертыванию борьбы широких масс прибалтийских крестьян и сельскохозяйственных рабочих против царизма.

Стремясь придать крестьянской борьбе более организованный характер, аграрная группа Саратовского комитета РСДРП совместно с уездными социал-демократическими группами в начале декабря 1905 г. провела три крестьянских съезда — в Камышинском и Балашовском уездах и объединенный съезд 25 волостей Аткарского и Саратовского уездов⁵¹. На них обсуждались и были приняты тактические резолюции по аграрному вопросу⁵². Отпечатанные в виде листовок резолюции съездов были распространены среди крестьян по всей губернии.

В декабре 1905 г. в Самарском у. под руководством большевиков состоялся съезд представителей крестьянства (12 селений), получивших свои полномочия «от сходов и собраний революционных крестьян». Съезд поставил своей задачей объединение революционной борьбы крестьянства на местах и согласование ее с действиями городского пролетариата; выработку способов воздействия на крестьян, еще не примкнувших к движению; установление форм революционного самоуправления. Вопрос о земле был решен на этом съезде в духе решений III съезда РСДРП⁵³.

Летом 1906 г. Арзамасской группе Нижегородского комитета удалось организовать съезд 20 представителей от деревень Мотовилиха, Чернуха, Постниково, Старое и Новое Иванцево и других, на котором были выработаны требования, касающиеся землевладения и гражданских прав крестьянства⁵⁴.

В августе 1906 г. Самарский комитет РСДРП провел совместное совещание представителей рабочих и крестьян, на котором присутствовало 23 рабочих, 26 крестьян и 7 представителей от трудового мещанства Самары. Подготовке совещания была посвящена листовка Самарского комитета «Письмо самарских рабочих к крестьянам Самарской губернии» (июль 1906 г., 20 тыс. экземпляров). «Письмо» призывало крестьян сплотиться вокруг рабочего класса для борьбы с царизмом и рекомендовало избрать на сходах делегатов и послать их в Самару. На совещании была достигнута договоренность о совместных революционных выступлениях города и деревни, о необходимости тесного союза рабочих и крестьян в борьбе против помещиков и царского правительства. В качестве подготовительных мероприятий к решительному бою с самодержавием крестьянам предлагалось отказаться от платежей налогов, податей, бойкотировать администрацию, полицию, не давать рекрутов, устраивать забастовки, конфисковывать помещичьи, монастырские и казенные земли, а также скот, хлеб, постройки; при этом рекомендовалось не сжигать и не уничтожать конфискованное имущество в целях использования его для нужд народа. В момент решительного наступления нужно было захватывать железнодорожные станции, телеграф, почты, банки и т. д. Решение губернского совещания представителей рабочих и крестьян Самарский комитет издал в виде листовки «Извещение о совещании представителей крестьян, рабочих и мещан» тиражом 15 тыс. экземпляров. Важно отметить, что на совещании «присутствовали все больше люди, выбранные сельскими сходами, обществами, целыми заводами посланные»⁵⁵.

В декабре 1906 г. в одном из уездов Саратовской губ. состоялся съезд представителей так называемых «крестьянских сознательных групп». На съезде присутствовало 30 делегатов от восьми селений. Он был создан по желанию самих крестьян для разрешения продовольственного и податного вопросов. Уже на самом съезде выяснилась необходимость обсудить также и другие злободневные проблемы: о Государственной думе, Учредительном собрании, вооруженном восстании, организации крестьян. В постановлениях по вышеизложенным вопросам участники съезда заявили о недоверии царскому правительству, его чиновникам и министрам, а также земству. Съезд подтвердил большое значение податной забастовки и призвал крестьян осуществлять ее повсеместно. Он постановил принять участие в выборах во II Думу, хотя она «ничего не сможет сделать для крестьян и городских рабочих», но все равно надо избирать в Думу уполномоченных, «крепко стоящих за интересы народа». Съезд выразил надежду на решение всех вопросов Учредительным собранием, которое должно быть

созвано на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании; указал на необходимость готовиться к вооруженной борьбе за землю и волю, отвоевать войска на сторону революции. Съезд отметил, что «необходимость успешной организационной борьбы с правительством за землю и волю осознана почти всем крестьянством», и советовал «там, где можно, создать партийные организации; основывать их, там же, где нельзя, устраивать организации беспартийные». Соседние организации должны сообщаться между собой и время от времени устраивать съезды для решения и обсуждения общих вопросов. Решения съезда были опубликованы Саратовским губернским комитетом РСДРП⁵⁶.

В 1906 г. съезды крестьян проводили Темир-хан-шуринская и Петровская группы РСДРП (май), Елабужская социал-демократическая организация (июль), Могилевский окружной комитет (лето), Херсонский губернский комитет сельских организаций РСДРП (лето), Касимовская социал-демократическая организация (осень), Саратовская и Гомельская организации РСДРП (декабрь) и др.⁵⁷

Крестьянские съезды, как уездные, районные, так и волостные, в организации и работе которых активное участие принимали большевики, имели немаловажное значение в мобилизации революционных сил деревни. Они способствовали доведению до крестьян программы партии, разъяснению ее политики и тактики, выработке практических мер борьбы, принятию решений, ориентировавших массы на новые выступления против произвола и эксплуатации. Созыв таких съездов и принятие ими постановлений в духе революционной социал-демократии сыграли большую роль в политическом воспитании крестьянских масс, помогли еще больше приобщить их к борьбе рабочего класса.

2

Приговоры и наказания

В период первой российской революции широкое распространение получила такая своеобразная форма борьбы народных масс, как приговорное* движение. Под этим термином условно понимается принятие и отсылка в высшие инстанции коллективом крестьян (чаще всего это сельские и волостные сходы, а также собрания, митинги и пр.) документально оформленных обращений, обязательно содержащих в себе, кроме местных, общеполитические и общеэкономические требования. Эти обращения могли иметь форму приговоров, наказов, прошений, заявлений, постановлений,

* Мирской приговор — это скрепленное личными подписями письменное решение крестьянского схода, носящее публично-правовой характер, с конца XIX в. — одна из основных разновидностей массовой крестьянской документации.

резолюций, писем, телеграмм и т. п., что в дальнейшем и будет именоваться собирательным термином «приговор» или «наказ».

Поток приговоров и наказов от сельских и волостных сходов был вызван известным указом царя от 18 февраля 1905 г., предоставлявшим право всем «верноподданым, радеющим об общей пользе и нуждах государственных», подавать «виды и предположения» на «высочайшее» имя «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» (ПСЗ-III. Т. XXV. № 25853). Их рассмотрение возлагалось на Совет министров. Указ, правда, сопровождался оговоркой, сводившей его на нет, а именно что «основные законы империи» должны быть «незыблемо и непременно сохранены». Но в целом это была одна из тех уловок, с помощью которых царское правительство хотело отвлечь народные массы от революционной борьбы, укрепить в них монархические иллюзии, создав видимость непосредственной связи царя с народом. Указ был восторженно принят либералами, пытавшимися направить крестьянское движение в свой фарватер, придать ему облик мирных ходатайств за реформы. Там, где он был доведен до сведения крестьян, а надо сказать, что местные власти скрывали его, или где они узнавали о нем другими путями — из газет, от агитаторов политических партий, местной демократической интеллигенции, — там волостные и сельские сходы начали составлять приговоры как с изложением своих конкретных нужд, так и с выражением различных пожеланий в общеполитической и общеэкономической областях. Но зимой и летом 1905 г. таких приговоров было еще мало.

Следующие этапы приговорного крестьянского движения связаны с организацией и деятельностью ВКС (конец лета — осень 1905 г.)⁵⁸, с выборами и деятельностью I Государственной думы (весна — лето 1906 г.), II Государственной думы (зима — весна 1907 г.). В адрес последних поступили многочисленные письма, телеграммы, наказания и приговоры крестьян, в которых выражались чаяния, пожелания и надежда на успешную деятельность вновь созданных учреждений.

Крестьянские приговоры и наказания, особенно в Государственные думы, не могли пройти мимо внимания историков. Вопрос об их содержании и характере рассматривается в целом ряде работ как дореволюционных, так и советских историков. Выражалось мнение, что составление приговоров вводило крестьян на путь мирной борьбы, порождало у них веру в царя, в Думу; сами приговоры, так как на их содержании сказывалось влияние различных политических сил страны, не могут служить источником для определения уровня общественного сознания крестьян⁵⁹. Отголоски такого мнения звучат и в современных работах. Так, в книге Н. И. Кабацкого говорится, что это была-де лишь «пассивная форма протеста». Он пишет: «В период революции масса приговоров с требованием (! — Л. С.) свободного пользования земельными и лесными угодьями Кабинета была направлена царскому прави-

тельству и в Государственную думу, что свидетельствовало о низком уровне крестьянского движения». И в заключение книги вновь повторяет: «Свои протесты крестьяне часто выражали в форме различного рода жалоб и петиций в правительственные органы, что свидетельствовало о низком уровне их классового сознания»⁶⁰.

Занятно, что в вышедшей буквально годом позже книге «Крестьянское движение в Сибири 1861—1907 гг. Хроника и историография» были даны диаметрально противоположные оценки документации приговорного движения и выводы, сделанные из ее анализа. Это издание — итог многолетней работы коллектива ученых Института истории, филологии и философии СО АН СССР. И вот к чему они пришли: «Ценность приговоров, особенно их подлинников, хранящихся в государственных архивохранилищах Сибири и в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА), заключается в том, что они полнее всего характеризуют подлинные мотивы выступления крестьян, уровень их сознательности, дают точные сведения о количестве участников, месте и дате выступления. . . представляют важнейший источник для выяснения политических и аграрных требований крестьянства». «Резолюции, приговоры и наказания митингов и сходов представляют собой лучший источник для выяснения круга и характера требований крестьянства, степени сознательности его движения. Анализ этих документов позволяет сделать обоснованный вывод о том, что уровень политического сознания сибирской деревни в годы первой буржуазно-демократической революции был достаточно высоким, особенно если учитывать такие неблагоприятные факторы, как удаленность от Центра, разбросанность сельского населения, малочисленность рабочего класса, слабость местных организаций РСДРП, различных партий и организаций революционно-демократического лагеря»⁶¹.

Не только сибирские ученые, но и в целом в результате более пристального изучения приговорного движения большинство исследователей придерживаются точки зрения, согласно которой принятие приговоров является одной из активных форм крестьянского движения, а сами приговоры и наказания дают реальную возможность показать революционное крестьянское правотворчество в решении важнейшего вопроса революции — аграрного, раскрыть положительные и отрицательные стороны крестьянской идеологии, ее эволюцию⁶². В их работах дана общая оценка крестьянских наказов и приговоров, охарактеризованы важнейшие требования и чаяния крестьян. Но, как справедливо было отмечено в статье В. И. Михайловой⁶³, конкретная история этих документов требует более детального и всестороннего исследования, так же как и борьба партий за влияние на их содержание. Особой задачей является статистическая обработка крестьянских наказов и приговоров⁶⁴, их классификация. Мало еще исследованы приговоры и наказания целого ряда губерний (в основном они подаются в качестве иллюстративного материала). Изучение этой специфической

формы крестьянского движения представляется важным для понимания истории крестьянства периода империализма, складывания революционного союза пролетариата и трудового крестьянства. Нашей задачей в данном разделе является обобщенный анализ крестьянских требований и выявление политических настроений российского крестьянства через его приговоры и наказания и с привлечением другого документального материала.

Обычно приговоры и наказания принимались на сельских или волостных сходах в присутствии преобладающего большинства домохозяев, имевших право голоса на сходе (с осени 1905 г. большинство сходов, как указывалось выше, приобретали характер политических митингов). Приговоры и наказания имели подписи участников сходов и удостоверялись подписью и печатью сельского или волостного старосты. Подчас подписи участников ставились по кругу с тем, чтобы нельзя было установить, чья подпись является первой.

Иногда инициаторами и авторами приговоров («патриотических») являлись местные сельские власти. Такие приговоры носили формальный характер, их девиз — «всем премного довольны»⁶⁵. В других случаях, а их большинство, — сами крестьяне. Правописание и слог многих приговоров ясно указывают, что они были составлены без всякой посторонней помощи и подсказки. Об этом говорит сугубая конкретность в изложении фактов крестьянских бедствий, бытовая лексика и т. п. Часть приговоров составлялась под непосредственным влиянием местной демократической интеллигенции, агитаторов различных партий. Однако и в этих случаях крестьяне отнюдь не были пассивными слушателями. Мирясь подчас с включением в текст малопонятных для них требований и формулировок, они в то же время внимательно следили за тем, чтобы в приговоре говорилось о том, что для них представлялось важным. Никакой агитатор не мог заставить крестьян подписать приговор, если он не соответствовал их нуждам и чаяниям.

На форму и содержание крестьянских приговоров и особенно наказов в Государственную думу, без сомнения, влияли типовые приговоры и наказания, являвшиеся средством агитации со стороны различных партийно-политических организаций, вся их устная и печатная пропаганда. Из газет, листовок и прокламаций, из популярной литературы крестьяне узнавали о происходящих в стране событиях, знакомились с различными программами социально-экономического и политического переустройства существующей действительности. Важнейшую роль в этом в годы революции играла периодическая печать, особенно ежедневные газеты (общее количество их в России составляло тогда примерно 1350 названий). Печать в те времена являлась почти единственным источником массовой социальной информации, средством формирования и формулирования общественного мнения. Периодические издания являлись рупором той или иной партии. На страницах газет, как революционно-демократических, так и буржуазно-либераль-

ных, появлялись и крестьянские приговоры и наказания. А это, в свою очередь, вызывало как бы цепную реакцию. «Особенный эффект производился, — писалось в «Праве» (1906. № 1), — когда получалась газета с напечатанным местным приговором. Это вызывало немедленно составление нескольких приговоров другими деревнями, сходных с напечатанным по содержанию, но имевших всегда и некоторые отличия сообразно с местными условиями и носивших следы оригинального творчества».

Сами крестьяне часто посылали свои приговоры или копии с них в «популярные» газеты с тем, «чтобы видели все, что мы не скрываемся от людей» («Нижегородская-земская газета». 1906. 19 нояб.).

«Мы, крестьяне с. Ратислова (Владимирская губ. — Л. С.), собравшись, решили во всеуслышание через газету заявить, в чем мы нуждаемся, а вместе и указать, что, по нашему разумению, надо сделать, чтобы жилось полегче, повольготнее. Заявление это пишем не из одного подражания другим; нет, оно все равно, как крик больного человека, когда ему делается уж очень тяжело переносить свою боль» («Наша жизнь». 1905. 12 июля).

И естественным, никак не умаляющим оригинальности и достоверности документации приговорного движения представляется взаимовлияние материалов, выработанных «наверху» и составленных «в низах». Став однажды известными крестьянам (независимо от того, какими путями — через печать или устную пропаганду), те или иные положения партийных ли программ, материалов ли Думы или приговоров и наказов из других сельских местностей становились принадлежностью крестьянского сознания, если они соответствовали их надеждам и устремлениям. Отсюда же шло и пополнение слога крестьянских приговоров общими выражениями, отвлеченными терминами и формулировками, литературными оборотами, которые довольно-таки быстро усваивались сельскими жителями.

Поскольку за каждым приговором стоял не отдельный человек, а определенный коллектив (составление их, как уже указывалось, сопровождалось обсуждением на сходах), это движение крестьянства имело большое значение. В нем приняли участие широкие массы российского крестьянства. Действенность этой формы движения заключалась в том, что в ней участвовало, как правило, большинство живущих в данной местности лиц. Сама процедура составления, обсуждения и принятия приговоров и наказов сыграла большую роль в революционной мобилизации крестьянства, так как требовала достижения определенного единства мнений и согласованности действий. Конкретное содержание приговоров и наказов почти всегда имело социальное значение.

В приговорах и наказаниях, особенно присланных в Государственную думу (I и II созывов), представлены крестьянские сельские общества почти всех губерний и областей России. Их содержание дает практически полное представление о жизни и быте российских крестьян начала XX в., их нуждах, потребностях,

надеждах, мечтах, о видении крестьянами мира окружающей их социальной действительности, суждениях о своем месте и своих путях в обществе. С различной степенью полноты приговоры и наказания раскрывают экономическое и социально-политическое положение крестьянских масс, конкретные причины и поводы для народного недовольства и протеста. Содержание большинства документов комплексное, в них сочеталось политическое и экономическое, общественное и бытовое, всероссийское и местное, революционное и мирное. Они выявляли крестьянский кругозор, в них объективизировалось общественное сознание и настроение российского крестьянства. Характерной чертой крестьянской документации приговорного движения является эмоциональность ее стиливого облика. Обличительная гамма, пафос преобразований, чувства гнева, скорби, ненависти, отчаяния или одушевления и радости пронизывают почти все эти документы.

В большинстве приговоров и наказов вначале дается описание бедственного положения крестьян, затем излагаются их требования и пожелания.

Невыносимый гнет помещичьих латифундий, отработки, кабала, крепостнические подати — таков преобладающий мотив крестьянского недовольства. Следующими словами-образами определяют крестьяне в приговорах и наказаниях свое экономическое положение, т. е. хозяйственное существование: «малоземелье», «безземелье», «бедность» («крайняя»), «нищета», «нужда», «голод и холод», «разорение», «упадок»; «горькое», «трудное», «плохое», «тяжелое», «безвыходное», «скудное», «злое», «подавленное», «печальное», «убогое», «забытое», «мученическое», «несчастное», «безотрадное», «безнадежное», «отчаянное», «тягостнее смерти», «зависимое», «угнетенное», «крепостное», «подневольное», «скотское». «Тяжелое и бесправное положение крестьянина-хлебопашца, добывающего себе кусок хлеба кровавым потом» (из приговора крестьян Кубинцевской вол. Балахнинского у. Нижегородской губ. — «Нижегородская земская газета». 1906. 1 июня); «Сами в грязи, лохмотьях и есть нечего... никому так худо не живется на Руси, как нашему брату-крестьянину» (из приговора крестьян Погостовской вол. Краснинского у. Смоленской губ. — «Днепровский вестник». 1905. 3 дек.)

О преамбуле крестьянских наказов и приговоров дает представление напечатанное 11 июня 1906 г. в газете «Северная Россия» (Москва), задачей которой было «служение интересам трудового крестьянства», стихотворение за подписью «Дедусь». Называлось оно «Мужицкий резон»:

Погляжу я на пашню — полоска одна!
Луга — нет уж давно и в помине!
И в лесу, кроме пня, ни жердей, ни бревна...
Выйти некуда бедной скотине...

А ведь подать — подай! А солдата — поставь!
Прокорми и семью и скотину...

И мосты на реке, и дороги исправь!
И аренду плати господину!

Нет, уж как ни верти,
Нет, уж как ни юли,
А добыть беспреречно мне надо земли!

* * *

Я живу — раб рабом, словно скот под ярмом,
Что ни вздумай, — все знайся с начальством!
И кого ни возьми, все к тебе с куражом:
Плевый стражник и тот все с бахвальством!

А уж земский — одно: «я — и бог, я — и царь!»
Становой и урядник с ним тоже,
Знай орут на меня: «Скот! ленивая тварь!»
С кулачищами лезут до рожи!

Чтоб убавить их прыть,
Чтоб скотом мне не быть,
Беспреречно мне надобно воли добыть!

* * *

Так мужицким своим пораскинул умом,
Все принявши в резон, порешил я на том:
Чтобы жить мне без горя и боли,
Надо, значит, земли мне и воли!

Главным вопросом для крестьян был вопрос о земле. Почти нет приговоров и наказов, в которых в той или иной форме не говорилось бы о земельных нуждах. И центральным требованием крестьян в этой области было отчуждение (конфискация) помещичьих, казенных, удельных, монастырских, церковных земель и передача их в распоряжение всего трудового народа, т. е. национализация земли⁶⁶.

Примечательно, что уже в петиции, которую петербургские рабочие собирались 9 января вручить царю, имелся пункт «Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и *постепенная передача земли народу*»⁶⁷ (разрядка наша. — Л. С.). Уже в этой неопределенной «реформистской» формулировке была выражена идея, которая в обстановке политического возбуждения, охватившего все слои российского общества, приобрела острое революционное звучание.

Мелкобуржуазность крестьянства, его недостаточная сознательность обнаруживались в вопросе об условиях отчуждения частновладельческих земель. В некоторых приговорах допускалась возможность их выкупа. Но основная масса крестьян отвергала всякий выкуп, требуя безвозмездного отчуждения помещичьих земель. Эта необходимость аргументировалась ими указанием на то, что высокой арендной платой за эти земли в течение 45 лет и дешевым наемным трудом уже уплачено более их действительной стоимости и что выкуп означал бы новую петлю на шее крестьянства.

Нужда в земле была велика, сознание у крестьян своих прав на нее — твердо.

В июле 1905 г. газета «Приазовский край» сообщила о вынесении крестьянами пос. Екатеринославского Донецкого округа приговора с требованием передать землю «в распоряжение всего народа»⁶⁸. Многолюдное собрание крестьян Малюшалаинской вол. Вятской губ. в январе 1906 г. постановило: «Необходимо отменить частную собственность на землю и передать все частновладельческие, казенные, удельные, монастырские, церковные и прочие земли в распоряжение всего народа»⁶⁹. Крестьяне Придруйской вол. Витебской губ. в своем приговоре записали: «Чтобы были переданы в общую собственность всего народа все земли, воды и леса — государственные, удельные, монастырские, церковные и др., а также частновладельческие»⁷⁰.

В наказе крестьян Ликургской вол. Буйского у. Костромской губ., выработанном на деревенских сходах в декабре 1905 г., говорилось: «...2. Чтобы все земли: государственные, удельные, монастырские, церковные, помещичьи, частновладельческие — составляли собственность всего народа без различия сословий и национальностей»⁷¹. Этот документ, состоящий из 14 пунктов, был подписан 1018 крестьянами.

Крестьяне дер. Городец Макарьевского у. Нижегородской губ. считали, что необходимо «уничтожить частную собственность на землю и передать ее в руки народа»⁷². Приговор крестьян Бельтневской вол. Вологодской губ. гласил: «Находим необходимым передать бесплатно все земли частновладельческие, кабинетские, удельные, монастырские и другие в руки трудящегося народа и чтобы земли купле и продаже не подлежали»⁷³.

Переход земли к крестьянам обосновывался трудовым началом: земля должна принадлежать тем, кто обрабатывает ее своим трудом.

Крестьяне одного из сел Симбирской губ. на своем сходе в июне 1906 г. приняли резолюцию: «Земля вся должна принадлежать всему народу, продавать и покупать ее нельзя, а давать ее надо только трудящимся на ней»⁷⁴.

В приговоре крестьян пос. Екатеринославского читаем: «Землею должен пользоваться только тот, кто своей семьей или в товариществе, но без батрацкого труда, будет ее обрабатывать, и в таком количестве, сколько он в силах обработать»⁷⁵. В приговоре крестьян, который подписали 900 человек дер. Городище Павлоградского у., было заявлено: «Мы требуем как трудящиеся и нуждающиеся, чтобы вся земля немедленно была бы объявлена собственностью всего народа и чтобы передана была в равнительное пользование общинам, трудовым артелям и товариществам, так как земля есть дар божий и должна принадлежать не одному или нескольким членам, но всему народу, желающему трудиться для блага родины»⁷⁶.

«Порядок землепользования, — считали крестьяне Костромского у., — должен быть добровольный, по усмотрению местных

жителей, чересполосно, хуторно и общинно, а не по общему шаблону для всей России» («Думский листок». 1907. 31 марта). Об этом же писали крестьяне с. Никольского Орловского у.: «Вся земля — государственная, удельная, кабинетская, частновладельческая, не исключая надельной крестьянской, должна быть отдана всему народу и распределена в равномерное пользование между всеми на ней трудящимися собственными силами без права передачи и аренды. Пользование землей должно быть предоставлено во всех видах, какие сейчас существуют в государстве: общинном, товарищеском, подворном. За пользование отчуждаемой землей выкупа не должно быть никакого. Все расходы по землеустройству должны быть отнесены только на общегосударственный счет» («Северная Россия». 1906. 4 июня).

Таким образом, признавая и общинное, и подворное, и хуторское, и товарищеское владение землей, крестьяне выдвигали прежде всего свое главное требование — полную ликвидацию помещичьей земельной собственности, передачу всех конфискованных земель крестьянам на принципе равного права на землю для тех, кто на ней трудится.

В приговорах и наказах ясно выявляется прежде всего антипомещичья направленность крестьянских требований. Крестьянство четко связывает свою крайнюю земельную нужду в первую очередь с фактом огромной концентрации земли в руках помещиков. Нижегородские крестьяне писали в Государственную думу: «Положение, когда один владеет тысячами и сотнями тысяч десятин земли, а многомиллионное крестьянство влечит жалкое существование только на двух-трех десятинах, мы считаем в высшей степени несправедливым и присоединяемся к общему требованию всего трудового крестьянства: земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает, и принадлежать не на правах аренды или выкупа — будет, уже заплатили вдоволь! — а бесплатно! Довольно богачам пользоваться кормилицей землей, теперь наш черед! Земля народу! Вот наши заключительные слова» («Думский листок». 1907. 6 апр.).

Во многих приговорах авторы их категорически высказываются против частной собственности на землю. Так, крестьяне Муравьевской вол. Мышкинского у. Ярославской губ. заявляли: «Мы признаем землю божьей, которой должен пользоваться тот, кто ее работает; оградите переход земли в одни руки, ибо будет то же, что и теперь, — ловкие люди будут скупать ее для притеснения трудового крестьянства; по нашему убеждению, частной собственности на землю допустить невозможно» («Новоторжский голос». 1906. 8 июля).

«Землей же мы желаем пользоваться на правах общего пользования, — писали крестьяне с. Нижне-Ольшанского Ливенского у. Орловской губ., — чтобы в определенный срок можно было бы ее переделить. . . но отнюдь не на правах частной собственности, отчего в непродолжительное время многие могут оказаться безземельными от изменения семейного положения, отчего и произойдут

опять крупные землевладельцы» («Крестьянский депутат». 1906. 5 июля).

Крестьяне Куракинской вол. Малоархангельского у. подчеркивали, что «вся земля. . . не исключая надельной крестьянской, должна быть отдана бесплатно всему народу и распределена в равномерное пользование между всеми на ней трудящимися собственными силами без права продажи и аренды» («Крестьянская Россия». 1906. 11 июня).

У крестьян России, задавленных малоземельем и владевших землей большей частью общинно, не было развитых традиций частной собственности на нее. Кроме того, притеснения и эксплуатация, которые они терпели со стороны помещиков и своего брата-кулака, приводили их к отрицанию частной земельной собственности.

Словом, крестьяне считали, что земля должна быть общая, а пользуется ею пусть тот, кто сам ее обрабатывает. Справедливость этого решения была признана, и разногласий по этому вопросу в приговорах и наказах практически нет.

В ответе на анкету ВЭО одного из учителей Переяславского у. Владимирской губ. было сказано, что «слова „земля для трудящихся“ вселились в душу каждого крестьянина»⁷⁷.

Идея всенародной собственности на землю была широко распространена в районах как с общинным, так и с подворным землевладением, среди крестьян всех категорий: бывших помещичьих, государственных, удельных и переселенцев.

Материальную основу стремления крестьян к национализации земли при полной их неосведомленности о том, что такое национализация (они и слова этого почти не знали), вскрыл В. И. Ленин⁷⁸. Вся пестрота в землевладении и землепользовании, естественная и необходимая при феодализме, в условиях развивающегося капитализма создавала невиданную запутанность аграрных отношений, тормозивших развитие производительных сил. Экономическое развитие неумолимо требовало уничтожения остатков крепостничества, упразднения всех видов средневекового землевладения — помещичьего, крестьянского, надельного, казенного и др. Все эти исторически сложившиеся в стране объективные условия и породили среди крестьянских масс идею национализации земли. Не должно быть ни помещичьего, ни надельного землевладения, должно быть только новое, свободное. «Земля — ничья, земля — божья», — говорили крестьяне. Или, как выразился один крестьянин на съезде ВКС, «земля — природа»⁷⁹. Из этого положения вытекало: равные права всех людей на пользование землей с обработкой ее личным трудом.

Крестьянские идеи насчет «божьей», «ничьей» земли и «трудового начала» при ее распределении были распространены уже в период подготовки реформы 1861 г.⁸⁰ И после нее крестьянская масса России была «поголовно проникнута принципом принадлежности земли всякому обрабатывающему ее»⁸¹. В годы революции, как это убедительно показано в исследовании

П. Н. Першина, крестьяне, по-разному формулируя свое решение земельного вопроса («земля — трудящимся», «земля — крестьянам», «собственность народа», «общая собственность», «общий юрт», «собственность государства»), практически сводили его к национализации земли, которая давала бы возможность наиболее решительно смести все остатки крепостничества, ликвидировать помещичье землевладение»⁸². Это буржуазно-демократическое требование часто сопровождалось утопическими оговорками, отражавшими мелкобуржуазную природу крестьянской массы, например уравнительностью землепользования.

В «фантастическом» требовании уравнительного землепользования со всей отчетливостью сказывалась ограниченность крестьянского кругозора. В. И. Ленин писал об этом: «Они мечтают об уравнительном распределении земли, о передаче ее всем трудящимся, забывая о власти капитала, о силе денег, о товарном хозяйстве, которое при самом «справедливом» разделении неизбежно вновь создаст неравенство и эксплуатацию. Увлеченные борьбой с крепостничеством, они не видят дальнейшей, еще более великой и трудной борьбы со всем капиталистическим обществом за полное осуществление социализма»⁸³.

Не уставая разъяснять, что в борьбе против капитализма принципы «трудового начала» и «уравнительности» не содержат ничего, кроме иллюзий мелкого буржуа, В. И. Ленин вместе с тем подчеркивал, что в борьбе с феодализмом эти принципы «в туманной форме действительно выражают нечто реальное и прогрессивное... Именно: они выражают истребительную борьбу против крепостнических латифундий». В борьбе с крепостничеством, говорил В. И. Ленин, идея равенства — «самая революционная идея»⁸⁴. Именно она способна поднять широчайшие массы эксплуатируемого крестьянства на борьбу против помещичьих латифундий, этого оплота самодержавия.

Идея равенства, присущая всем крестьянским антифеодальным войнам, как в России, так и в других странах, получила свое ярчайшее выражение в аграрном движении 1905—1907 гг. Но среди крестьянских приговоров были и такие, в которых крестьяне сами выступали против уравнительного землепользования. «При этом способе, — писали крестьяне Городецкой вол. Ярославской губ., — все равно будет неравенство в земле, так как богатые крестьяне (кулаки) сумеют использовать землю лучше, чем бедняки»⁸⁵. Крестьяне и сами приходили к выводу, что уравнительность является фикцией.

Исследования советских историков показывают, что в крестьянских наказах и приговорах не нашли фактически никакого отражения ни эсеровская «социализация», ни меньшевистская «муниципализация». Крестьяне отвергли и столыпинское решение аграрного вопроса⁸⁶. В преобладающей своей массе они высказались за национализацию земли, специально подчеркивая в ряде приговоров готовность отдать и свои наделные земли.

Еще летом 1905 г. некоторые представители местной власти писали в своих отчетах, что у крестьян было «непоколебимое

убеждение в том, что в высших кругах уже решен принципиально вопрос об увеличении площади крестьянского землевладения за счет казенных и помещичьих земель путем наделения за известное вознаграждение, а также и вопрос об отмене выкупных платежей. Все эти крестьяне верят твердо и ждут с нетерпением окончания войны, т. к. надеются, что после заключения мира осуществятся реформы в ожидаемом смысле»⁸⁷.

Но вот в августе 1905 г. Портсмутским миром закончилась русско-японская война. 17 октября был издан царский манифест о «свободах», но в нем ни слова не говорилось о земле. Примечательным в этом плане было отношение крестьян к манифесту. Во многих местах крестьяне встретили его довольно враждебно, хорошо поняв маневр царизма. «Манифестом недовольны», — доносили 25 октября 1905 г. в департамент полиции агенты особого отдела из Тамбовской губ.⁸⁸

Один из корреспондентов газеты «Симбирские вести» (1905. № 177), объехавший осенью 1905 г. многие села Симбирской губ., писал: «Самый манифест 17 октября не произвел на крестьян почти никакого впечатления.

— А земля? — спрашивали они, — как же о земле ничего не сказано?

— Пустыяковое все это. Какая же свобода без земли?

Вот во что выразилось впечатление деревни от манифеста».

Юрьев-польский уездный исправник, докладывая 31 октября 1905 г. владимирскому губернатору об усилении крестьянского движения в связи с манифестом, отмечал, что крестьяне «толкуют его в том смысле, что теперь все имеют право пользоваться помещичьими и казенными лесами, что земские начальники, волостные старшины и волостные правления потеряли свою власть и силу и, как упраздненных, их нечего более слушаться». Собрания и демонстрации крестьян, связанные с объяснениями манифеста 17 октября и чтением на эту тему революционных прокламаций, прошли в селах Юрьев-Польского у.⁸⁹

Разочарование, с одной стороны, и различные толкования в свою пользу — с другой, были характерны для крестьянского отношения к манифесту 17 октября и становились дополнительными факторами «возбужденных» настроений в деревне.

14 ноября 1905 г. начальник Смоленского ГЖУ доносил в департамент полиции о том, что «настроение умов крестьянского населения Смоленской губ. внушает опасения. Высочайший манифест от 17 октября истолкован крестьянами в нежелательном направлении; разъяснения смысла манифеста властями встречаются с недоверием, и, наоборот, кривотолки представителей противоправительственной организации и свободной печати принимаются на веру. Освобожденные из заключений политические преступники стали героями дня и главарями аграрного и революционного движения»⁹⁰.

В донесении от 9 декабря 1905 г. старшего фабричного инспектора Полтавской губ. о крестьянском движении говорилось:

«Несмотря на то что Полтавская губ. объявлена на положении усиленной охраны, в деревнях по всей губернии проходят митинги, участники которых в большинстве случаев не удовлетворяются положением, устанавливаемым манифестом 17 октября»⁹¹.

Представители всех сельских обществ Прямухинской вол. Новоторжского у. Тверской губ., собравшись 30 октября 1905 г. на волостной сход по поводу манифеста 17 октября, постановили: «Вместе с манифестом от 17 октября. . . приходят ужасные вести со всех концов Русского государства о кровавых столкновениях друзей свободы с правительственными войсками и с организованными полицией черными сотнями; о выражении царем благодарности войскам; приказ Трепова по военному ведомству не жалеть патронов и, наконец, гибель десятков тысяч граждан — все это ясно собою знаменует, что манифест от 17 октября есть то же, что и несколько прежних манифестов, напечатанных только для временного успокоения населения и ничего не дающих в действительности» («Сын Отечества». 1905. 19 нояб.).

Надежды правительства с помощью манифеста отвлекать крестьян от революции не оправдались. Они желали всей земли и действительной свободы.

Требование земли — главное и самое распространенное экономическое требование крестьян. Из других наиболее частыми являются требования замены всех прямых и косвенных налогов единым прогрессивно-подходящим и введения дешевого мелкого кредита.

Но наряду с аграрными, экономическими запросами в значительной части приговоров и наказов крестьяне под влиянием рабочего движения и пропаганды всех оппозиционных царизму сил выставляли и требования политического характера. Они открыто выражали свое недовольство функционирующей общественной системой, правительством. В их документах встречаются такие обличительные выражения: «бюрократический режим», «полицейский режим», «приказной строй, при котором мы вдоволь пострадали от произвола всякого начальства» (Тучковская вол. Судогодского у. Владимирской губ. — «Право». 1905. 25 сент.); «кровожадная чиновничья шайка» (Юрьевский у. Костромской губ. — «Светоч». 1906. 27 мая); «закалятый враг народа — правительство» (Костромской у. — «Костромская газета». 1906. 1 июня); «угнетающее нас правительство. . . кровавое правительство» (Раменская вол. Новоторжского у. Тверской губ. — «Новоторжский голос». 1906. 29 июня). Крестьяне говорили «. . . где же нам дожидаться правды, земли и воли, когда царские чиновники и господа захватили всю власть, землю и волю» (Мокшанский у. Пензенской губ. — «Перестрой». 1906. 20 июня). «Все российское крестьянство, в том числе и мы, изверилось в правительстве», — писали крестьяне деревень Высоцкая и Поречье Можайского у. Московской губ. («Народное дело». 1906. 8 июля).

Крестьяне в своих приговорах прямо требовали сменить правительство, «чтобы, — как это было сказано в приговоре

крестьян 40 селений Московской и Тверской губерний, — не повторились такие ужасные волнения и смуты, такая позорная война» («Сын Отечества». 1905. 29 нояб.).

Крестьяне с. Быкова Бронницкого у. Московской губ. написали, что необходимо устранение «всех видов чиновничьего правительства, доведшего наше Отечество до полного расстройств и разорения, с заменой правительственных назначений выборным началом» («Вечерняя почта». 1905. 19 нояб.).

Крестьяне с. Созыкина и других Елецкого у. Орловской губ., «собравшись 14 ноября 1905 г. на частное совещание и обсудив свое положение, пришли к заключению, что при общем государственном беспорядке не могут быть как следует разрешены и. . . местные нужды. Для устранения этого беспорядка необходимо, чтобы государством управляли не чиновники, а выборные от всего народа, которые знают все нужды и как им помочь» («Орловский вестник». 1905. 29 нояб.).

Крестьяне и крестьянки с. Слободка Тульской губ. требовали, «чтобы все начальство, от мала до велика, было выбрано самим населением, так чтобы оно соблюдало интересы народа, а не так, как теперь, когда оно, это начальство, народу только ущерб наносит да требует к себе рабского подчинения» («Северная Россия». 1906. 1 июня). «Все чиновники и власти, — наказывали смоленские крестьяне, — должны быть избираемы, а не назначаемы правительством. Пусть они, как живущие на счет народа, будут подвластны ему, а не народ им» («Трудовая Россия». 1906. 10 июня).

Выборность снизу доверху всего начальства и его подотчетность народу — одно из главных политических требований крестьян в период революции 1905—1907 гг.

В различных формулировках и вариациях в последовательности в крестьянских приговорах и наказах содержатся также требования полновластной законодательной Думы или Учредительного собрания при всеобщих, прямых, равных выборах и тайном голосовании; отмены сословного деления и привилегий, равноправия всех граждан; действительного осуществления свободы слова, совести, печати, собраний, союзов, стачек; неприкосновенности личности и жилища; уничтожения института земских стражников, введения широкого народного самоуправления; бесплатного всеобщего, организованного на демократических началах судопроизводства; амнистии всем политическим заключенным, пострадавшим за землю и волю; отмены смертной казни и всех исключительных законов; введения всеобщего обязательного начального образования за счет государства и предоставления всем желающим доступа к среднему и высшему образованию; отделения церкви от государства, 8-часового рабочего дня для пролетариата. В национальных районах, кроме того, выдвигались пожелания уничтожения различных указов и положений, ограничивающих права национального языка, введения родного языка в школах, в государственных и общественных учреждениях, т. е. осуществления равноправия национальностей.

Эти требования крестьян, будучи уже сами по себе качественно новым компонентом крестьянского движения, носили общедемократический характер и свидетельствовали о пробуждении и росте политического сознания у передовой части крестьян⁹².

Но осуществление как экономических, так и политических требований крестьян было невозможно без свержения самодержавия. С развитием революции у крестьянства развивались антимонархические настроения. 3 апреля 1905 г. «все крестьяне Никорциндского и Валиевского обществ Рачинского у., собравшись в сел. Агора, подняли Красный флаг и с песнями и криками „Долой самодержавие, долой государя“ пронесли через селение». 26 августа 1905 г. на сходе крестьян Кватанского, Суджанского и Абашского сельских обществ был поднят Красный флаг, на котором было написано по-грузински: «Долой самодержавие! Да здравствует социал-демократическая партия!» 28 августа такой же флаг был поднят на сходе крестьян Маранского и Гулекарского сельских обществ⁹³.

Крестьяне с. Красина Тульской губ. прямо заявили: «Мы не хотим самодержавия, а желаем, чтобы государством управлял народ»⁹⁴. На ноябрьском совещании ВКС делегат Смоленской губ. приводил такой факт. На губернском съезде некоторые крестьяне говорили, что «царя трогать нельзя... Старик староста говорил, что царь не виноват: он ничего не знает. Один крестьянин: „А ты по железной дороге ездил, видел, что один дом покрыт железом, другой соломой, ведь и царь это видел“. Другой: „Если царь видит, да не может — то его в богадельню“»⁹⁵.

Докладывая о настроениях крестьян, управляющий Шенкурским удельным имением писал 27 ноября 1905 г.: «У нас в Шенкурском уезде царя уже ни во что не ставят». На шенкурском съезде крестьян 20—21 ноября открыто произносились такие речи: «Долой Удел, долой царя-кровопийцу, все будет наше»⁹⁶. Крестьянин с. Горелки Тульского у. Д. Глухов в ноябре 1905 г., прочитав односельчанам прокламацию противоправительственного содержания, провозгласил: «Долой самодержавие и правительство»⁹⁷. В декабре 1905 г. крестьянин дер. Дмитриевки Моршанского у. Тамбовской губ. А. Поленов говорил односельчанам: «Нам государь император не нужен, мы обойдемся и без него». Другой крестьянин той же деревни — С. Собачкин, прибывший из Сибири, рассказывал крестьянам «про бунты в Сибири, где желают свергнуть и нашего царя, причем высказывался, что необходимо государя сменить, без него народу будет гораздо лучше жить и вольнее»⁹⁸. Крестьянин А. Шляков из дер. Аксеново Владимирской губ. говорил крестьянам: «... надо устроить в настоящее время республику и у государя отнять самодержавие, а то правительство, которое держит государь, не делает никакого порядка и от него нет никакой пользы»⁹⁹.

В архивах сохранились тысячи дел «об оскорблении непотребными словами его величества». Крестьянские девушки распевали такие песни, как «Выберем дубинушку на проклятую царскую спинушку»¹⁰⁰.

Антицаристские высказывания крестьян были своеобразной формой идейного выражения классовой борьбы. Как отмечал В. И. Ленин, «без „человеческих эмоций“ никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины»¹⁰¹.

Но при всем том крестьянские приговоры и наказания показывают, что в своей основной массе крестьяне, особенно в начальный период революции, не осознавали еще неразрывной связи экономических и политических преобразований с необходимостью свержения самодержавия. Лозунг демократической республики, подхваченный частью крестьянства, еще не стал требованием его большинства. Идя в своих политических требованиях подчас дальше, например, кадетов (превращение Государственной думы в Учредительное собрание), крестьяне не связывали их с ликвидацией монархии. Некоторые из них наивно полагали, что народные запросы могут быть удовлетворены царем. В приговорах высказывалось мнение, что царь не знает о нуждах народа, что министры, чиновники и баре, от которых идут все притеснения, «препятствуют единению царя с народом» и т. д. В приговорах крестьяне обращались к членам Думы с просьбой изложить их нужды царю, не понимая, что всякие обращения к царю бесполезны, когда они затрагивают интересы класса помещиков.

Монархические иллюзии издавна были свойственны крестьянам (и не только крестьянам, и не только в России, но и повсюду в европейских и других странах¹⁰²). В. И. Ленин, раскрывая их причину, отмечал, что, так как высшая власть неограниченно и единолично принадлежала монарху, который осуществлял ее через только ему подчиненный государственный аппарат, казалось, что в России царь и его правительство не зависят ни от каких классов и заботятся о всех одинаково¹⁰³.

Веками господствующий класс феодалов средствами государственного аппарата, церкви далеко не безуспешно внушал забитым, неграмотным массам крестьянства идеи о божественном происхождении царской власти и ее незыблемости. Поэтому в массе своей деревня все еще верила в «добраго монарха» и с его именем связывала возможность разрешения своих проблем. Сказывалось отсутствие у крестьянства четкого представления о «воле» и путях ее достижения. Именно эту мысль подчеркивал В. И. Ленин в работе «О нашей аграрной программе» в марте 1905 г., когда писал: «В крестьянском движении масса темноты, бессознательности... Темнота мужика выражается прежде всего в непонимании политической стороны движения, — в непонимании, например, того, что без коренных демократических преобразований во всем политическом строе *всего государства* совершенно невозможны никакие прочные шаги по пути расширения землевладения»¹⁰⁴. Вера крестьянства в царя являлась в конечном счете следствием экономических условий мелкого, раздробленного и разобщенного его хозяйства¹⁰⁵.

В революцию наблюдалось падение веры в царя, виновность и ответственность его, а не одних лишь «бар» и «панов» за народ-

ные бедствия выкристаллизовывалась в умах крестьянства. Но надежда, что «бог смилуется, а царь опаматуется», еще не исчезла. Впрочем, иллюзорно-монархическая утопия не парализовала, как это видно из всего предшествующего изложения, активных действий крестьян в борьбе с эксплуататорами и произволом местных властей. А под монархической оболочкой многих приговоров и наказов подчас скрывалось глубокое «взрывное» содержание, свидетельствующее об отсутствии преклонения перед самодержавием «государя императора».

Вопрос же о форме государственного устройства — республика или монархия — почти не затрагивался в крестьянских приговорах еще, очевидно, и по той причине, что эти документы готовились для представления в правящие инстанции и, естественно, в них содержались лишь те пожелания и требования, которые хоть как-то можно было соотнести с существовавшим порядком. Крестьяне довольно реалистически относились к действительности. Кроме того, они и сами (а не только под влиянием либералов, как это у нас принято считать) очень хотели, чтобы все разрешилось «мирным», «законодательным» путем, с соблюдением принципа справедливости, т. е. чтобы на место старого законодательства было введено новое, на которое они могли бы опираться. Отсюда их надежды то на царя, то на Думу, в которых они хотели видеть социальную опору для своих преобразовательных — антипомещичьих — планов. Но им же, судя по приговорам и наказам, особенно с развитием репрессивных мероприятий царизма, все более очевидной становилась призрачность этих надежд. Взывая к депутатам Государственной думы («добывайте нам земли и прав»), крестьяне Стопинской вол. Владимирского у. в своем наказе предупреждали: «Не делайте из нас, мирных хлебопашцев, революционеров. Мы доведены до отчаяния»¹⁰⁶. Более решительно были настроены крестьяне Клинского у. Московской губ.: «Если правительство не пойдет навстречу вышеназванным требованиям, а это, наверно, так и будет, то мы возьмем все это собственными силами — силами всего народа» («Северная Россия». 1906. 4 июня). Несомненно, что там, где влияние рабочего класса было сильным, где большевистскими организациями велась активная идеологическая работа, — там крестьяне обнаруживали большую политическую зрелость и высказывались за созыв Учредительного собрания.

Еще в феврале 1905 г. царское правительство, объявив на военном положении Гурию, одновременно командировало туда особую комиссию под руководством либерального царского чиновника Султан-Крым-Гирея «для ознакомления с нуждами населения». Комиссия побывала в 12 сельских обществах Гурии, где в присутствии большого количества крестьян Султан-Крым-Гирей беседовал с выборными депутатами. Они предъявили ему заранее выработанные и обсужденные на крестьянских собраниях сходные по содержанию требования, включавшие в себя все пункты программы-минимум РСДРП. Ознакомление с ними заставило начальника Озургетского уезда доложить кутаисскому губерна-

тору: «По моему мнению, движение в Озургетском у. ошибочно называют аграрным — оно таковым было три года тому назад; в настоящее же время оно преследует исключительно политические цели с очень широкой программой. . . оно есть революционное, так как цель его в ниспровержении существующего порядка»¹⁰⁷.

Обсуждение крестьянами своих нужд, активность в составлении приговоров и наказов, безусловно, играли немалую роль в росте их общественного сознания, так как в процессе составления и обсуждения приговоров и наказов крестьяне формулировали свои конкретные требования, думали о путях их осуществления, уясняли связь экономики и политики.

Крестьянские наказания и приговоры вызывали тревогу и раздражение в правящих кругах и у местной администрации. Власти использовали все средства, чтобы повлиять на их содержание*, помешать их составлению. Все усилия местной администрации, вплоть до прямых репрессий, были направлены на то, чтобы отбить всякую охоту у «радеющих об общей пользе и нуждах государственных» обнаруживать свои «виды и предположения по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Еще 6 августа был отменен царский указ от 18 февраля, но ходатайства от сельских и волостных сходов продолжали поступать. Их поток особенно усилился к концу 1905 г., чему немало способствовала агитация ВКС. Министр внутренних дел Дурново, находя, что крестьяне в одних своих приговорах делали представления об изменении общественного строя, а в других выражали требования «явно мятежного свойства, иногда подкрепляемые даже угрозой осуществить их путем насилия», 31 декабря 1905 г. издал циркуляр губернаторам о привлечении к ответственности как крестьян, участвовавших в составлении приговоров «по вопросам, не подлежащим ведению деревенских сходов» так и лиц, самовольно их созывающих¹⁰⁸.

Однако, несмотря на преследования и репрессии, большое количество приговоров и наказов поступило в Государственную думу**. Интенсивное развитие приговорное движение приняло в связи с выборами и деятельностью I Думы, в которую было направлено преобладающее число всякого рода обращений. Это было связано с поражениями, понесенными крестьянством в борьбе за землю в 1905 г. Выборы в Думу и наступившая в связи с этим видимость свободы дали толчок для пробуждения деревни, скованной террором карательных отрядов. В Думу со всех сторон стали посылаются телеграммы, приговоры, наказания. Только «Трудовая группа» получила из 50 губерний свыше 400 приговоров и наказов

* Понимая пропагандистское значение подобных документов, власти пытались воздействовать на крестьян, публикуя в различных изданиях подложные верно-подданические крестьянские наказания.

** Хотя 61-й параграф Положения о Государственной думе гласил: «В Государственную думу воспрещается являться депутациям, а также представлять словесные и письменные заявления и просьбы» (ПСЗ—III. Т. XXVI. 1906. № 27425).

сельских обществ, под которыми стояли подписи 45 тыс. человек¹⁰⁹.

В работе П. Н. Першина имеется утверждение, что в районах со слабым крестьянским движением было принято больше приговоров в I Думу, чем в районах острого и бурного крестьянского движения¹¹⁰. Но этот вывод не подтвержден у него никакими документальными выкладками. В то же время комплексный сравнительно-статистический анализ крестьянского движения на примере только одной Самарской губ., проведенный О. Г. Буховцом, позволил сделать интересное наблюдение о том, «что крестьяне, участвовавшие в „приговорном“ движении, представляли собой наиболее активную часть крестьянского движения в губернии в период революции 1905—1907 гг.»¹¹¹.

Крестьяне, обращаясь к депутатам Думы с призывом стоять твердо и отстаивать до конца требования народа, обещали им свою поддержку. Но надежда их на Государственную думу вовсе не означала слепого, полного доверия к ней. Крестьяне, как это видно из приговоров, относились к ее деятельности с определенным скептицизмом. Конечно, не следует переоценивать степень преодоления конституционных иллюзий у крестьянских масс. Для этого понадобился опыт четырех дум. Некоторые крестьянские заявления о недоверии к Думе в 1906 г. не были отводом от надежд на Думу вообще. Это было лишь недоверием к данному органу. Но писавшие не теряли еще надежды, что другая, «подправленная» Дума удовлетворит их требования. И все же тот факт, что приговоров, адресованных II Думе, встречается гораздо меньше, чем адресованных I Думе (1900 против 4000¹¹²), и они менее развернуты и содержательны, объясняется, очевидно, не только усилившимся полицейским гнетом (после роспуска I Думы сыск и расправа коснулись прежде всего крестьян, так как они, как правило, полностью подписывали свои приговоры и их было легче найти), но отчасти и разочарованием в возможности парламентским, конституционным путем добиться осуществления крестьянских чаяний.

Вместе с антимонархическими и антиконституционными развивались в ходе революции антиклерикальные настроения крестьянства. Они выражались прежде всего в растущем равнодушии к религии и в открытом осуждении церкви, защищавшей самодержавие и имущие классы. Крестьяне захватывали церковные и монастырские земли, изгоняли реакционных священников, отказывались платить «руги» (деньги на содержание церковнослужителей) и «требы» (плата за церковные обряды — венчание, крещение, отпевание и пр.). По неполным данным, более чем в 350 приговорах и наказах крестьянских сходов звучало требование отчуждения церковных и монастырских земель и передачи их народу, в некоторых — требование свободы совести, отделения церкви от государства и школы от церкви¹¹³.

Что же в конечном счете, кроме улучшения своего положения, хотело российское крестьянство и что оно ждало от будущего, если бы его требования были удовлетворены?

«Жить в свободной России, свободной от гнета и насилий и чиновничьего произвола» (из наказа курских крестьян — «Курская жизнь». 1906. 8 июня). «Встать к новой жизни на более твердой почве труженика и быть свободными, равноправными и полезными гражданами» (из приговора петербургских крестьян)¹¹⁴. «Вообще урегулировать все так, чтобы тунеядцам невозможно было оставаться таковыми, а трудящемуся люду дать возможность трудиться честно и независимо» (из приговора тверских крестьян — «Новоторжский голос». 1906. 29 июня). «Новая жизнь» нужна крестьянству, как и прочим «гражданам земли русской», чтобы «свободно развиваться на своем трудовом поприще в полной сознательности и уверенности в своей работе на пользу себе и дорогому отечеству. Только тогда наше отечество и может быть могущественно само по себе, а также в кругу других держав» (из приговора костромских крестьян)¹¹⁵.

Таким образом, экономические и политические требования крестьян, их идеология (т. е., условно говоря, программа освободительной борьбы, со всеми проявлениями сильных, демократических и слабых, утопических, противоречивых сторон его сознания) и тактика нашли свое отражение в приговорах и наказах периода первой революции. Их изучение показывает, что крестьянство в революции выступало как демократическая сила. В. И. Ленин отмечал: «Конечно, не все крестьяне, борющиеся за землю. . . вполне сознательно относятся к этой борьбе и доходят до требования республики. Но демократическое направление крестьянских требований стоит вне сомнений»¹¹⁶.

Анализ программы, заключенной в приговорах и наказах, показывает рост политической сознательности крестьян, их настойчивое стремление к пересмотру всех устоев общественно-экономической жизни страны — от скорейшего осуществления земельных преобразований до широкой демократизации всего государственно-политического строя страны.

Кроме того, составление, обсуждение и принятие крестьянами России запрещенных царским законодательством приговоров и наказов представляли собой реальные действия, не менее важные, чем участие в каких-либо других формах крестьянского движения. Противоправные коллективные действия крестьян в этом направлении стимулировали усиленную работу крестьянской мысли, заставляли трудящихся деревни задумываться над истинными причинами их угнетенного положения и искать пути выхода из него, способствовали революционной мобилизации деревенского населения, которая, в свою очередь, влияла на ход революционных событий, на политику классов и партий в революции.

Неспособность и нежелание официальных органов удовлетворить народные требования убеждали крестьян в необходимости революционного решения вопросов. Впрочем, надо отметить, что участие в принятии приговоров не мешало, как правило, крестьянам в годы революции активно проявлять себя и в других формах движения. Крестьяне зачастую не ограничивались лишь вынесе-

нием приговоров и наказов. Подобно тому как рабочие самовольно устанавливали восьмичасовой рабочий день, отстраняли царскую администрацию и брали в свои руки управление различными производственными делами, так и крестьяне, как это видно из предшествующего материала, явочным порядком проводили в жизнь свои приговоры-решения. А парализованным размахом революционного движения царской администрации ничего не оставалось делать, как мириться с этим. Крестьяне и рабочие добивались осуществления, пусть в дни первой российской революции ненадолго, своих стремлений благодаря именно тому, что каждый на своем месте или, что реже, все совместно парализовали царские власти, — и это была самая действенная помощь союзников в революции друг другу.

Но нужны были еще опыт революционной борьбы и большая идеологическая работа большевиков в деревне, чтобы крестьяне убедились в главном — в необходимости свержения царизма — основного условия перехода помещичьих земель в руки крестьян и осуществления революционно-демократических преобразований.

3

Крестьяне и Государственная дума

Революция 1905—1907 гг. заставила царизм провести серьезные изменения в системе его высших органов. Поэтому естественно внимание исследователей к истории возникшего в ходе революции и невиданного ранее в России такого представительного учреждения, как Государственная дума¹¹⁷. В настоящем разделе, помимо освещения общих сторон думской проблемы применительно к предмету нашего исследования, основное внимание уделяется наименее изученному вопросу — отношению крестьян к Думе.

Булыгинская дума

В обстановке бурно развивающихся событий народной революции царское правительство, сознавая, что одними репрессиями покончить с ней нельзя, стремилось сочетать карательные действия с политическим лавированием. Обещанием всяческих реформ власти пытались расколоть силы революции, оторвать от движения умеренно настроенные мелкобуржуазные слои, прекратить или, по крайней мере, ослабить борьбу классов. С этой целью 6 августа 1905 г. правительством был издан манифест, составленный министром внутренних дел Булыгиным, о созыве «не позднее половины января 1906 года» Государственной думы.

Дума созывалась как совещательный орган при царе, который по-прежнему сохранял всю полноту власти. Для выборов в Думу устанавливался высокий имущественный ценз, поэтому господствующее положение в ней должны были занять помещики и круп-

ная буржуазия. Рабочие, безземельное крестьянство и значительная часть мелкой буржуазии отстранялись от участия в выборах.

Либеральная буржуазия и меньшевики заняли соглашательскую позицию и готовы были пойти на сотрудничество с самодержавием. Большевики в интересах развития революции провозгласили тактику активного бойкота Думы. Это не означало простого отстранения от выборов, рабочие и крестьяне и так практически были лишены возможности избирать и посылать в Думу своих депутатов. По словам В. И. Ленина, «в центре всей бойкотистской агитации стояла *борьба с конституционными иллюзиями*. Эта борьба была, поистине, живой душой бойкота»¹¹⁸. Партийные комитеты развернули широкую кампанию по разъяснению трудящимся массам подлинных целей созыва булыгинской Думы.

Реакция самих крестьян на Думу была весьма сдержанной. Они считали, что «Государственная дума такая, какой ее хотят устроить, мало пользы принесет. . . забитому, угнетенному крестьянству. . . всему русскому народу. . . Государственная дума в настоящем ее виде не может ничего улучшить в теперешнем тяжелом для народа положении, ее выдумали чиновники не на пользу народную, а только для отвода глаз»¹¹⁹. «Крестьяне-граждане» Худаянского сельского общества Духовщинского у. Смоленской губ. в своем приговоре записали: «. . . дарованная Государственная дума при настоящих условиях не улучшит положения трудящегося народа»¹²⁰.

Крестьяне считали, что манифест от 6 августа написан людьми, «враждебными простому народу», что в такую Думу мало пройдет крестьянских доверенных и больше таких людей, которые «будут угодны начальству»¹²¹.

Газета «Северный край» 3 октября 1905 г. писала: «Высочайший манифест об учреждении Государственной думы был встречен крестьянами равнодушно; многие не придали значения новому государственному учреждению, долженствующему объединить народ с царем, будучи убеждены, что представители от «народа» будут существовать только на бумаге, а на деле эта бумага свербована для тех же „бар“ и купцов-богачей, от которых мужику будет не лучше».

Под влиянием большевистской пропаганды и агитации крестьяне нередко отказывались от выборов в Думу и требовали вместо нее созыва Учредительного собрания, а также удовлетворения своих нужд. Так, сход крестьян Пущинской вол. Серпуховского у. Московской губ. 6 ноября 1905 г. решил не участвовать в выборах в Думу и потребовал созыва всенародного Учредительного собрания. Одновременно крестьяне выразили сочувствие участникам Кронштадтского восстания и заявили о своем отказе подчиниться местным властям и платить подати¹²². Аналогичные приговоры вынесли жители д. Алексеевки Ефремовского у. Тульской губ., с. Безводного Нижегородского у.¹²³

Крестьяне Тонкинской вол. Варнавинского у. Костромской губ. на своем сходе 6 ноября 1905 г. постановили отказаться от выборов

в Думу и не платить никаких налогов, если не будут выполнены следующие требования: убрать земских начальников, устроить крестьянское правление из самих крестьян не на бумаге, а на деле, уравнивать в правах всех крестьян, передать землю в собственность трудящимся. В заключение сход выразил глубокую благодарность и сочувствие всем борцам за свободу и независимость народа¹²⁴.

Как сообщал 18 октября 1905 г. «Пролетарий» во многих местах России за бойкот булыгинской Думы высказались целые села и деревни. В с. Юрьево Костромской губ. собрание 300 крестьян постановило «... не принимать никакого участия в Госуд. думе, так как эта последняя не является действительно народным представительством. Всякого, кто принимает участие в этой Думе, нужно считать изменником и предателем дела народной свободы». Такое же решение вынесли крестьяне некоторых сел и деревень Владимирской, Тверской и других губерний.

Бойкотистские настроения крестьян отразились на работе II съезда ВКС, состоявшегося в ноябре 1905 г., в постановлении которого указывалось на необходимость бойкотировать Думу и «считать врагами народа всех, кто будет принимать участие в выборах в Государственную думу»¹²⁵.

Правительству не удалось организовать выборы. Нарастающий подъем революции и всеобщая политическая стачка в октябре 1905 г. смели булыгинскую Думу, сорвав попытки царя и правительства перевести развитие освободительного движения с революционного пути на конституционно-монархический.

I Государственная дума

11 декабря 1905 г., во время вооруженного восстания в Москве, царское правительство опубликовало указ о выборах в I Государственную думу, которая в отличие от совещательной булыгинской должна была обладать законодательными функциями. Царское правительство снова лавировало, преследуя цель посеять среди легковерных конституционные иллюзии, расколоть силы и сорвать революционное движение. Правительству крайне важно было распространить в народе убеждение, что царь отныне будет советоваться с представителями народа, решать с ними коренные вопросы. По оценке В. И. Ленина, Дума была своеобразной конституционной приманкой, «оттяжным пластырем от революции»¹²⁶. Избирательный закон от 11 декабря вносил некоторые изменения в Положение о выборах в булыгинскую думу. Была оставлена в неприкосновенности вся система выборов, в основе которой лежали имущественный ценз и классовое неравенство. Правительство делало ставку на крестьян, рассчитывая на их темноту и политическую неискренность. В целом голос одного помещика равнялся трем голосам городской буржуазии, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Для крестьян выборы были четырехстепенными.

Большевики объявили бойкот выборов. Они энергичным образом использовали связанные с выборами собрания для изложения взглядов социал-демократов, беспощадной критики Думы, разоблачения кадетов, меньшевиков, сеявших конституционные иллюзии. Тактика активного бойкота Думы была одобрена большинством левых партий России, Всероссийским крестьянским союзом. Однако бойкот I Думы не мог сорвать ее, как булыгинскую, так как проводился, как это выяснилось уже впоследствии, в обстановке начавшегося спада революции. Но он подорвал авторитет Думы и «дал народным массам в живой, конкретной форме пролетарскую оценку Думы, как учреждения бессильного разрешить коренные интересы революции»¹²⁷.

Выборы в I Государственную думу проходили в феврале-марте 1906 г. в условиях жесточайшего полицейского террора. Царизм свирепо расправлялся с участниками революции. По данным газеты «Страна» (1907, 1 (14) янв.), лишь с декабря 1905 г. по май 1906 г. было повешено и расстреляно свыше 500 человек, арестовано и сослано до 20 тыс. На военном положении в период выборов находилась 41 губерния или область (на всем их пространстве или в частях), усиленная охрана действовала в 27 губерниях и чрезвычайная — в 15. Всего ко времени открытия I Государственной думы было заключено в тюрьмы по политическим мотивам более 70 тыс. человек¹²⁸. В Прибалтике, Закавказье, Сибири, в центральных и южных губерниях бесчинствовали карательные отряды и усмирительные экспедиции, черносотенные банды.

Опасаясь, что в Думу попадут революционно настроенные представители рабочих и крестьян, правительство использовало полицию, административные власти и владельцев предприятий для наблюдения и организации выборов. В деревне во время избирательной кампании земским начальникам вменялось в обязанность вести беседы с крестьянами, настраивая их против революционеров, против любых изменений государственного строя. В этих целях использовалось и духовенство. Многостепенная система выборов давала широкий простор всякого рода злоупотреблениям со стороны администрации.

Буржуазия приветствовала создание Думы. Она надеялась, что Дума отведет рабочих и крестьян от революции и даст ей самой возможность участвовать в управлении страной. Большую помощь самодержавию в проведении выборов оказали кадеты, развернувшие в деревне широкую пропаганду. Они издавали брошюры о целях и задачах кадетской партии, писали статьи в газетах, огромными тиражами выпускали листовки с призывом отдавать голоса за кандидатов партии «народной свободы» (так для большей популярности кадеты именовали свою партию), посылали в деревни лекторов и агитаторов. Особенно щедры кадеты на обещания по земельному вопросу. Они демагогически обещали провести в Думе закон о раздаче даром крестьянам части помещичьих земель.

После разгрома рабочих и крестьянских восстаний в конце декабря 1905 г. менее стойкая часть крестьян и городской мелкой

буржуазии, усомнившись в пользе непосредственного революционного натиска против царизма и помещиков и поддавшись на кадетские посулы, поверила в Думу, рассчитывая, что она «выхлопочет» им землю и свободу. Да и преуменьшать значение указа от 11 декабря нельзя. В глазах народа, крестьянства сбывалась, казалось, его вековая мечта иметь своих выборных представителей в законодательных органах страны. Этот социально-психологический момент существенным образом влиял на поведение крестьянства.

Конечно, революционная агитация в деревне за бойкот Думы не могла пройти бесследно. Имелись случаи, когда крестьяне выносили приговоры об отказе выбирать в Думу. Так было в ряде уездов Московской губ.¹²⁹ 15 января 1906 г. Троснянский волостной сход Балашовского у. Саратовской губ. постановил не участвовать в выборах в I Думу, мотивируя свое постановление следующим образом: «Так как выборы для крестьян четырехстепенные, то сквозь эти четыре сита, по нашему глубокому убеждению, не может пройти действительный народный представитель, который крепко бы стоял за общенародные интересы и отстаивал крестьянские нужды и права»¹³⁰. В Катав-Ивановской вол. крестьяне принимали участие в демонстрациях рабочих, посвященных бойкоту выборов в Думу. Отказалась от участия в выборах в I Государственную думу половина населения Дагестанской обл.¹³¹

Статистическое отделение Саратовского губернского земства решило выяснять настроение местного, главным образом крестьянского, населения по отношению к выборам в I Государственную думу и чего оно ждет от нее (было опрошено 318 человек). И оказалось, что многие вообще не связывали никаких надежд с царской Думой, не надеялись получить от нее для себя каких-либо облегчений. Крестьяне Аркадакской вол. Балашовского у. характеризовали Думу как «барскую затею»; один из крестьян Безводинской вол. Петровского у. выразился так: «Население не верит, что Дума будет защищать интересы мужика». Еще яснее высказался крестьянин Бакуринской вол. Сердобского у.: «Изменений к лучшему страны население не ожидает, потому что старый режим этому будет препятствовать»¹³².

Но в целом крестьяне в отличие от большинства рабочих, поддавшись конституционным иллюзиям и под давлением полицейского террора, приняли участие в выборах. Однако во многих случаях, инстинктивно питая недоверие к «господам» из кадетской партии, они сплывались и выдвигали своих кандидатов, будущих трудовиков. Общей тенденцией при избрании уполномоченных от волостных сходов было стремление выбирать беднейших или малоземельных, твердых и способных постоять за крестьянские интересы. Охотно выбирали «пострадавших за мир», побывавших в ссылке или тюрьме. По признанию кадетов, крестьяне старались провести в Думу «своего брата-мужика», отдавая предпочтение выборным «из молодежи, побывавшим на стороне, не обладающим имущественным достатком и являющимся теперь самым беспокоящим, самым горячим элементом деревни»¹³³. В своей статье

«Некоторые итоги первой думы», написанной в сентябре 1906 г., ученик и соратник В. И. Ленина, большевик В. В. Воровский указывал, что в некоторых губерниях крестьяне очень широко использовали свои избирательные права. «И, в первую очередь, — писал он, — следует указать на Тамбовскую губернию, где крестьяне забаллотировали всех „господ“: здесь не прошел ни один помещик, ни один промышленник, ни один чиновник. Из 12 депутатов — 10 принадлежат к крестьянскому сословию, 1 — мещанин-рабочий и 1 — священник»¹³⁴.

Выборы сами по себе были для крестьян чреватые последствиями. Газета «Наша жизнь» писала 4 февраля 1906 г.: «Происходящие в некоторых уездах выборы уполномоченных от волостных сходов на уездные избирательные съезды, как оказывается, служат местной администрации чрезвычайно удобным средством для изъятия лучших людей из крестьянской среды. Администрация преспокойно арестует их и сажает в тюрьмы».

Но, несмотря на все неблагоприятные для народа условия выборов, их результаты не оправдали надежд правительства, верившего, что крестьяне настроены царистски, и рассчитывавшего получить «попкорного» мужицкого депутата. По своему классовому и партийному составу I Государственная дума оказалась в общем левой, оппозиционно настроенной по отношению к царизму. Октябристы и примыкающие к ним получили лишь 16 мест, представители национальных районов (автономисты) — 63, кадеты — 179, крестьянские депутаты-трудовики — 97, социал-демократы — 18, беспартийные — 105¹³⁵. Черносотенцев в Думе не оказалось.

Победа на выборах досталась кадетам. Объяснялось это тем, что революционные партии бойкотировали Думу и своих кандидатов не выставляли. Поэтому политически несознательные, не понимавшие значения бойкота демократические элементы поневоле голосовали за кадетов, как за самых «левых» из кандидатов участвовавших в выборах партий. Но в целом кадетам не удалось привлечь на свою сторону деревню. За них проголосовало лишь 4 % крестьян¹³⁶. Последние предпочли отдать свои голоса представителям, стоявшим левее кадетов¹³⁷. О провале кадетской политики и тактики свидетельствовало образование «Трудовой группы», состоявшей в основном из крестьян и интеллигентов народнического толка. По величине она была второй после кадетов фракцией в Думе. Ее возникновение было крупным шагом вперед в развитии революционно-демократического крестьянского движения. Многие трудовики участвовали в революционном движении, были организаторами демократических объединений в деревне. Но они были сильно подвержены конституционным иллюзиям и смотрели на себя как на парламентариев, посланных в Думу, чтобы прекратить войну между народом и правительством, добиться земли и свободы мирным путем¹³⁸.

I Государственная дума начала свою работу 27 апреля 1906 г. В этот день в Зимнем дворце состоялся торжественный прием царем членов Думы и Государственного совета. Николай II прочел

короткую речь, в которой приветствовал членов законодательных палат как «лучших людей» и заявил, что они должны отдать «все свои силы... для выяснения нужд столь близкого» его «сердцу крестьянства, просвещения народа и развития его благосостояния»¹³⁹. Государственная дума составила ответный адрес на «тронную», как ее называли кадеты, речь царя, где были изложены пожелания необходимых реформ, в том числе, под давлением крестьянских депутатов, обязательного отчуждения частновладельческих, удельных, монастырских и церковных земель в пользу народа. А 13 мая в Думе выступил новый глава правительства И. Л. Горемыкин с декларацией, в которой заявил, что разрешение аграрного вопроса «на предложенных Государственной думой основаниях безусловно недопустимо», и подчеркнул при этом, что «начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является краеугольным камнем народного благосостояния и общественного развития»¹⁴⁰. По поводу пожеланий расширения законодательных прав Думы было подчеркнуто, что это не подлежит пересмотру по думскому почину. Отказано было и в просьбе о даровании амнистии политическим заключенным. То есть правительство в ответ на адрес Думы ясно и определенно сказало: «ни земли, ни воли».

Декларация вызвала взрыв негодования, крестьянство в своих приговорах и наказах выразило протест против нее. Из Бельшевской вол. Варнавинского у. Костромской губ. писали, «что правительство не хочет удовлетворить народные требования и отказывает в главном — амнистии, земле и свободах. Отсюда мы видим, что на правительство, как и раньше, нет никакой надежды» («Костромской край». 1906. 27 июня). Из Малоярославецкого у. Калужской губ. сообщали, «что ответа министров не принимаем и без земли остаться не желаем» («Речь». 1906. 31 мая). Владимирские крестьяне заявили: «Министерство, раз оно не входит в нужды народа, прямо ведет его к восстанию и кровопролитию» («Речь». 1906. 17 июня). В корреспонденции из Черниговской губ. говорилось: «Вывод, который сделали крестьяне из декларации, у всех один и тот же: „Значит, ни земли, ни воли; приходится, видимо, самим добиваться, своими средствами“. Я думаю, что ни одна прокламация левых партий так не революционизирует крестьян, как горемыкинская декларация» («Светоч». 1906. 25 мая).

Аграрный вопрос занял в Думе центральное место. С ней крестьяне связывали надежды на улучшение своего положения, недаром они называли ее «Государственной земельной думой»¹⁴¹. В своих приговорах и наказах в Думу они недвусмысленно требовали: «Всей земли и всей воли!» Наиболее передовые призывали трудовиков перейти к решительной борьбе за созыв Учредительного собрания, подчеркивали необходимость «идти рука об руку с рабочими», рассчитывать «на свои да на рабочие силы»¹⁴². В своем наказе крестьяне Аксиньинской вол. Звенигородского у. Московской губ. напоминали трудовикам, что их «выбрал народ и не для починки старого гнилого строя, а для

постройки нового, правдивого» («Крестьянский депутат». 1906. 6 июля). Сами трудовики, несмотря на препятствия местных властей, постоянно общались с крестьянством во время поездок по стране, выступали на многочисленных митингах, вели деятельную переписку со своими избирателями. Они издавали газету, в которой публиковали приговоры крестьян, отстаивали свою аграрную программу¹⁴³.

Государственная дума стала ареной политической борьбы, центром столкновения классовых противоречий российской действительности. Раньше многие вопросы внутренней и внешней политики царизма решались в кулуарах и не были достоянием широкой гласности. Теперь же они стали предметом обсуждений в Думе. Выступления депутатов о положении обнищавшего, бесправного крестьянства, кризисном состоянии страны в целом, различных путях выхода из него, распространяемые либеральной и революционной прессой, становились известны во всех уголках страны. Они будоражили народные массы, просвещали их, возбуждали интерес к политической жизни.

Здесь надо еще раз подчеркнуть, что не последнюю роль в событиях сыграли газеты. Периодическая пресса помогала крестьянам разбираться в том, что происходило в России. Интерес к газетам у крестьян был огромен. «Буквально не было ни одного глухого уголка, — писала 10 мая 1906 г. «Страна», — откуда бы не несся один вопль: дайте нам газету! По данным статистического отделения московской губернской земской управы, из ответов корреспондентов из 700 деревень губернии выясняется, что газеты и журналы получают в $\frac{4}{5}$ деревень (79 %) и на каждую деревню приходится по 2—3 периодических издания».

Газета в деревне зачитывалась до дыр, переходя из рук в руки. В деревенских чайных или иногда в специально наняваемых для чтения избах образовывались своего рода политические клубы. Газета рассказала о таком случае: «„Ты, Павел, — обратились крестьяне одной деревни Юрьевского у. Владимирской губ. к грамотею, читавшему им долгую зиму газеты, — не паши, не коси, ты читай и нам передавай, а мы за тебя все делать станем“. И Павел читал газеты в горячую страдную пору и передавал содержимое своим односельчанам, а они благодарили его и хвалили»¹⁴⁴.

За годы революции газета перестала быть в деревне случайным городским гостем. И прессой отмечалось, что «крестьяне решительно предпочитают выписывать прогрессивные издания»¹⁴⁵, несмотря на то что из-за этого просходили пренебрежительные столкновения с полицейскими чинами. С созывом Государственной думы интерес крестьян к газетам возрос еще более. И. д. екатеринославского губернатора сообщал 8 июня 1906 г. министру внутренних дел, что «газетные известия о ходе занятий Государственной думы живо интересуют крестьян, за газетами посылают к ближайшим станциям за 10 и более верст»¹⁴⁶. Михайловский исправник сетовал 3 июня 1906 г. рязанскому губернатору о «страшно

возбужденном» настроении крестьян. Он объяснял его газетными сообщениями об обсуждении аграрного вопроса в Думе и тем, что «повсеместно проезжают на велосипедах, лошадях и пешком агитаторы и, нигде не останавливаясь, следуют из уезда в уезд, пропагандируя, что земля уже отдана крестьянам»¹⁴⁷. Нежинский исправник (Черниговская губ.) 8 июня 1906 г. сообщал, «что с открытием Государственной думы по настоящее время революционные вождедения значительно расширились в среде крестьянских обществ. Крестьяне, жадно ожидающие. . . свободы и земли. . . до мельчайших подробностей знают, что делается в стенах и за стенами Таврического дворца.

Большая часть населения Нежинского у., в особенности молодежь, выписывает и читает массу газет и журналов исключительно революционного содержания. . . Все эти издания, а равно и печатаемые в этих изданиях речи разъяренных до бешенства депутатов Государственной думы развращающим образом действуют на крестьянское население уезда. Все лица из крестьянской среды с революционным направлением благодаря указанным обстоятельствам пользуются почти повсеместно в уезде расположением сельского населения и выбираются сходами (сельскими и волостными) на разные должности крестьянских управлений»¹⁴⁸. Общественная атмосфера того времени была такова, что мало-мальски разбирающийся в событиях крестьянин становился агитатором среди своих односельчан.

Крестьянство довольно живо откликнулось на политические события в стране, неизменно увязывая их со своими интересами и своеобразно трансформируя их к своей борьбе за «землю и волю». Любопытное и знаменательное явление зафиксировала газета «Поволжский вестник» (1906. 24 июня). Еще с начала революции перепуганные ею помещики бросились продавать свои земли. Но, пишет газета, «как выяснилось теперь, толки о земле и воле для крестьянской России в Думе не остались без отражения в деревне. Несмотря на крайне выгодные для крестьян условия покупки земель при содействии Крестьянского банка без доплаты и с переводом на покупателей всего капитального долга, крестьяне наотрез отказываются покупать имения.

Свое нежелание покупать земли у банка крестьяне объясняют предстоящими в близком будущем даровыми наделами землей, которых должна добиться Дума. В зависимости от такого оборота дела ликвидации Крестьянским банком купленных имений очень затрудняются и, во всяком случае, отдаляются на неопределенное время. Между тем со стороны землевладельцев продолжают поступать предложения покупки земель Крестьянским банком, которым ввиду массы предложений могут быть куплены сравнительно лучшие земли и по умеренной цене».

Обсуждение в Думе законопроектов по аграрному вопросу происходило довольно бурно. 7 мая 1906 г. за подписями 42 депутатов вошел свой проект аграрной реформы кадеты. Многочисленные оговорки и ограничения относительно отчуждения, и то лишь

части, помещичьей земли, передача всего дела «реформы» в руки помещиков и бюрократии, наконец, кадетский принцип «справедливого» выкупа наглядно показали крестьянам подлинное лицо этой партии «народной свободы». 23 мая трудовики огласили свой проект (подписали 104 депутата) аграрных преобразований: они предлагали всю землю передать в «общенародный земельный фонд», который местные крестьянские комитеты поделят между земледельцами. Эти же комитеты должны были определять размеры «вознаграждения» бывшим владельцам. При всей непоследовательности «проект 104-х», по существу, предусматривал революционную ломку крепостнического землевладения и передачу всей земли крестьянам. 6 июня часть трудовиков (33 депутата) внесла в Думу эсеровский проект, декларировавший всеобщую «социализацию» земли. Социал-демократическая фракция не выступала с самостоятельной платформой. Здесь сыграли свою отрицательную роль меньшевики, чья путаная и половинчатая программа «муниципализации» земли не встречала сочувствия у крестьянских депутатов. Но по многим вопросам обе фракции — трудовиков и социал-демократов — сплоченно выступали против правых и либералов.

По вопросу о земле крестьянство пошло за трудовиками. Обсуждение аграрного вопроса в Думе принимало все более острый характер и находило живой отклик за стенами Таврического дворца особенно в крестьянстве. При обсуждении аграрного вопроса Дума, по словам В. И. Ленина, «оказалась в тисках между реакционным самодержавием. . . и революционным народом, внедумская борьба которого врывалась, можно сказать, во все отверстия и во все щели Таврического дворца»¹⁴⁹, где она заседала. В стране нарастало революционное движение. На заседании 6 июля 1906 г. Совет министров выслушал заявление министра внутренних дел о том, что им «получена телеграмма от киевского, подольского и волынского генерал-губернатора с уведомлением об усилившихся, по удостоверению киевского губернатора, крестьянских беспорядках во вверенной ему губернии, препятствующих уборке посевов и грозящих гибелью урожая»¹⁵⁰. Губернатор ходатайствовал о предоставлении местной власти более широких полномочий. Зачастую только с помощью войск царизму удавалось подавить рабочие и крестьянские выступления. По свидетельству военного министра А. Ф. Редигера, в течение первых 10 месяцев 1906 г. войска участвовали в расправах с народом 2330 раз¹⁵¹. Однако многие солдаты — крестьяне в солдатских шинелях — не хотели воевать против своих братьев. «Солдат, — писал В. И. Ленин, — был полон сочувствия крестьянскому делу; его глаза загорались при одном упоминании о земле»¹⁵². Только за июль 1906 г. произошли вооруженные выступления солдат и матросов в Севастополе, Рязани, Владивостоке, Батуми, Владикавказе, Тамбове. Революционный дух проник даже в царскую гвардию.

В условиях вновь усилившегося весной и в начале лета 1906 г. в стране революционного движения существование I Государствен-

ной думы становилось опасным для самодержавия. И оно поторопилось распустить ее. В манифесте от 9 июля ей ставилось в вину, что она не успокаивала народ, а лишь разжигала в стране «смуту». Истинная причина заключалась в том, что в Думе брали верх настроения разрешить земельный вопрос в нежелательном для земельного дворянства направлении. А этого самодержавие, являвшееся плотью от плоти, кровью от крови земельного дворянства, естественно, допустить не могло.

Роспуск I Думы был сильным ударом по кадетам, по престижу всех либеральных партий. 9 и 10 июля около 200 бывших депутатов Думы, в подавляющем большинстве кадеты, а также часть трудовиков и социал-демократов, собрались в Выборге. В принятом ими воззвании «Народу от народных представителей», известном под названием «Выборгское воззвание», они призвали народ к пассивному сопротивлению — отказу от уплаты податей и исполнения воинской повинности впредь до созыва новой Думы. Однако и это умеренное воззвание кадетов осталось лишь на бумаге и не было подкреплено конкретными шагами по организации протеста против роспуска Думы. А через два месяца — на своем IV съезде в конце сентября 1906 г. — кадеты поспешили отказаться от «Выборгского воззвания», как слишком революционного. Недаром в циркуляре директора департамента полиции от 25 июля 1906 г. об усилении полицейских репрессий после роспуска Думы говорилось: «... необходимо строго различать лиц так называемого либерального направления, хотя бы громко высказывающих свое недовольство существующим порядком, от преступных деятелей, подстрекающих к учинению беспорядков и участвующих в организациях революционного характера. Только на этих последних группах должны быть сосредоточены все усилия наблюдения, и своевременное выяснение и арестование их будет признано целесообразным результатом деятельности розыскных органов»¹⁵³.

Наряду с «Выборгским воззванием» трудовики и социал-демократическая фракция Думы издали 12 и 14 июля отдельными листовками два революционных манифеста — «Манифест к армии и флоту» и «Манифест ко всему российскому крестьянству», подписанные не только социал-демократической фракцией и комитетом «Трудовой группы», но и ВКС, ЦК РСДРП, ЦК партии эсеров, Всероссийского железнодорожного и Всероссийского учительского союзов. Прямого призыва к вооруженному восстанию в этих манифестах не было, однако народу предлагалось подняться на решительную борьбу с «изменническим царским правительством», «везде и всюду... низлагать местные власти и заменять своими выборными, народными», брать в свои руки волю и землю¹⁵⁴.

При недостатке и неудовлетворительности средств информации, путей сообщения, при значительности расстояний между населенными пунктами и вообще при разобщенности населения крестьянство далеко не сразу и не одновременно узнавало о роспуске Думы. Но, когда весть об этом доходила до них, она вызывала

чувство возмущения против правительства. Крестьяне Елховской вол. Нижегородского у. следующим образом расценили события: «Первая Дума боролась за землю и когда объявила о принудительном отчуждении частновладельческих земель, то правительство разогнало ее»¹⁵⁵. «Крестьянская газета» (Владимир, 1906. 19 нояб.) писала: «Теперь, после разгона первой Думы, у многих раскрылись глаза на то, что раньше и не знали. Прежде еще верили в правительство, а теперь вера пропала». Убедившись, что I Дума не оправдала их надежд на решение вопроса, крестьяне вновь усиливают движение против помещиков и властей. В газете «Курская весть» от 25 июля 1906 г. отмечалось, что после роспуска I Думы «...крестьяне, потерявшие надежду на то, что их выборные решат земельный вопрос и удовлетворят земельную нужду, принимают „свои меры“». Учащаются столкновения крестьян с полицией и войсками, часто на почве защиты вернувшихся в деревни крестьянских депутатов и вновь развернувшегося в деревнях митингового (открытого, но чаще тайного) движения.

В целом деятельность I Думы дала ряд очень важных итогов. Кадетам не удалось убедить массы в том, что Дума является главным инструментом обновления и преобразования России. Ее бессилие способствовало изживанию у народных масс, в том числе и у крестьянства, конституционно-монархических иллюзий. Царизму не удалось с помощью Думы отвлечь трудящиеся массы от революционного движения. Центр тяжести в развитии революции находился не в Думе, а во внедумской борьбе классов. Подтверждались слова В. И. Ленина, опубликованные в большевистской газете «Волна» в мае 1906 г.: «Не в Думе будет решаться великий земельный вопрос. Решит этот вопрос народная борьба со старой властью, а не голосование в Думе»¹⁵⁶.

II Государственная дума

В условиях продолжающейся революции царское правительство, распустив I Государственную думу, не рискнуло упразднить ее вообще. Осенью 1906 г. в обстановке разнузданного террора началась кампания по выборам во II Думу. Избирательную кампанию власти начали открытым наступлением на рабочих и крестьян: запрещали забастовки, разгоняли предвыборные собрания, конфисковывали списки выборщиков, громили типографии, арестовывали агитаторов, передовых рабочих и крестьян, производили спешные казни. Действовали военно-полевые суды. По подсчетам, сделанным на основании только телеграфных и корреспондентских сообщений столичной периодической прессы, за период шестимесячного «междудумья», или «бездумья», с 26 августа 1906 г. по 19 февраля 1907 г., было приговорено военно-полевыми судами к смертной казни и казнено 1105 человек¹⁵⁷. Правительство надеялось, что активизация полицейского террора и проведенные в период «междудумья» реформы (а мы помним, что за это время вышли указы от 12 августа, 5 октября, 9 ноября и другие, направ-

ленные на «облегчение» жизни крестьян) обеспечат более консервативный состав новой Думы.

И несмотря на правительственный террор, в ответ на него и на правительственные аграрные указы, под влиянием широкой революционной пропаганды крестьянство послало во II Думу депутатов, настроенных резко оппозиционно к существующей власти. Так, в с. Страхове Бузулукского у. Самарской губ., по сообщению газеты «Костромич», крестьяне, «прежде чем приступить к баллотировке, предложили кандидатам высказать, что они будут защищать, если попадут в Думу, и выбрали тех, которые говорили, что первое их желание и требование „земли и воли“: „Без земли они пострадали, а без воли и жить нельзя, хотя бы и с землей.“ „Верно, верно“, — кричал сход, и они были избраны»¹⁵⁸. И так было почти повсеместно.

Результаты выборов во II Думу показали, что хотя открытое революционное движение в стране подавлено, однако сознательность и организованность рабочих и крестьян возросли. Эти результаты отразили отход значительной части крестьян от кадетов, успех проведенной большевиками тактики «левого блока». Если на выборах в I Думу в земледельческой курии кадетов в 1906 г. было 22 %, то в 1907 г. — лишь 7 %¹⁵⁹.

«Крестьянин в России большей частью настроен революционно — таков урок выборов во вторую Думу», — отмечал В. И. Ленин¹⁶⁰.

В целом результаты выборов во II Думу оказались не в пользу кадетов, которые потеряли почти половину своих мест. Левый фланг ее насчитывал 222 депутата (43 % общего числа членов, всего их было 518 из 524 полагавшихся по закону), в том числе 65 социал-демократов, 104 трудовика, 37 эсеров, 16 энесов. Правый фланг Думы (октябристы, монархисты и т. п.) насчитывал 54 депутата, кадеты — 98¹⁶¹.

II Государственная дума была открыта 20 февраля 1907 г. в Таврическом дворце. И сразу же вокруг думской трибуны закипела острая политическая борьба, продолжавшаяся все 103 дня существования второго российского «парламента».

В центре внимания по-прежнему стоял аграрный вопрос. 7 марта трудовики внесли «проект основных положений аграрного вопроса», повторявший перводумский «проект 104-х», и в Таврическом дворце вновь развернулись жаркие аграрные дебаты. Кадеты «уточнили» свой «проект 42-х» и, отойдя вправо, решили, что отчуждение части земель помещиков должно происходить не за счет казны, а непосредственно за счет крестьян. Эсеры внесли законопроект, который в основном повторял «проект 33-х» в I Государственной думе. Восемь раз в ходе прений выступали социал-демократы, причем меньшевики защищали свою идею муниципализации, а большевистские депутаты, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, подготовившего специально для них проект речи по аграрному вопросу, выдвигали лозунг конфискации помещичьих земель и подчеркивали связь между удовлетворением земельной нужды крестьянства и полной демократизацией всего

общественного строя страны. В вопросе о земле, сказал в своем выступлении большевик В. М. Серов, «рабочий класс всегда будет стоять на стороне крестьянства». Впервые с трибуны Государственной думы депутаты-большевики провозгласили требование конфискации помещичьей земли и призвали крестьянство взять решение земельного вопроса в свои руки¹⁶².

Обсуждение аграрного вопроса, продолжавшееся более двух месяцев, показало непримиримость интересов крестьян не только с правительством и правыми, но и с либеральной буржуазией. «С.-д. и трудовики говорили в Думе за крестьян. Правые и кадеты — за помещиков. Это — факт, и никакие увертки и фразы не скроют его», — подвел итог думским прениям В. И. Ленин¹⁶³. И хотя они не дали никаких ощутимых результатов, установившаяся в их ходе связь между рабочими и крестьянскими депутатами сыграла положительную роль в отрыве крестьянских депутатов от кадетов, в укреплении союза рабочих и крестьян.

Борьба внутри Думы находила отражение и в деревне. Крестьяне живо реагировали на ход прений по аграрному вопросу во II Думе. За два года революции начала исчезать вековая забитость, отсталость и покорность крестьянства, возросла его политическая сознательность. Это вынуждены были признать даже представители царской власти. И. д. самарского губернатора сообщал в марте 1907 г. в департамент полиции, что «крестьяне сами чутко прислушиваются к суждениям в Государственной думе вообще, и главным образом — по аграрному вопросу»¹⁶⁴. Один из земских начальников Задонского у. Воронежской губ. в донесении от 11 мая 1907 г. жаловался, что с момента открытия II Думы крестьяне «значительно изменились в смысле послушания и почтительности к требованиям, предъявляемым им их начальниками. Читая газеты, и, к сожалению, большей частью левые. . . среди крестьян снова начались разговоры, что землю от помещиков отнимут. . . Теперешние речи в Думе по так называемому аграрному вопросу социалистов действуют на крестьян не хуже агитаторов»¹⁶⁵.

Лифляндский губернатор докладывал 24 мая 1907 г. министру внутренних дел о том, что «речи левых депутатов Государственной думы производят как на сельское, так и на городское население самое пагубное влияние. Во вверенной мне губернии, где вследствие давно введенного всеобщего обучения безграмотных нет и где большинство крестьян читает газеты, полностью печатающие речи левых ораторов с соответствующими пояснениями, влияние думской деятельности и в смысле революционизирования населения особенно заметно»¹⁶⁶. Волынский губернатор считал начавшиеся в губернии волнения крестьян весной 1907 г. следствием «приносимых в Государственной думе членами левых партий речей, помещаемых во всех периодических изданиях, по аграрному вопросу, в коих трактуется о том, что помещичьи и казенные земли должны принадлежать крестьянам»¹⁶⁷.

Эти признания представителей царской власти свидетельствуют о том, что ни новая уловка царизма — созыв II Думы, ни столы-

пинское аграрное законодательство с его ставкой на кулаков не укрепили «порядка» в российской деревне.

Более того, читая и обсуждая думские дебаты по аграрному вопросу, крестьяне все меньше надеялись на Думу. Так, в ответ на анкету ВЭО одного из учителей Переяславского у. Владимирской губ. прямо отмечалось, «что после разгона Думы (I — Л. С.) настроение крестьян сильно изменилось, но надежда на землю не покидала их. „Когда-нибудь да будет наша“ — так говорят все крестьяне... На другую Думу крестьяне надеются мало. Они думают, что ее, как и первую, снова разгонят»¹⁶⁸.

С самого начала работы Думы правительству стало ясно, что договориться с ней будет еще труднее, чем с первой. Когда же началось обсуждение аграрного вопроса, выяснилось, что все партии левее октябристов и кадетов в Думе относятся к указу от 9 ноября 1906 г., который правительство пыталось протолкнуть через Думу, явно отрицательно. Но распустить Думу из-за аграрного вопроса правительство боялось. На третьем съезде уполномоченных дворянских обществ (27 марта—2 апреля 1907 г.) открыто было заявлено, что «Думу из-за аграрного вопроса» нельзя распустить, так как «это вызовет острое движение в деревне, которого ни в коем случае допустить нельзя. Думу надо распустить теперь, пока аграрный вопрос не передан еще в комиссию»¹⁶⁹.

Пользуясь дальнейшим спадом революционного движения в стране и опираясь на поддержку контрреволюционных партий, правительство решило разогнать II Думу, используя в качестве предлога провокаторское обвинение социал-демократической фракции в «военном заговоре» против государственного строя. 3 июня был опубликован царский манифест о роспуске Государственной думы и об изменении положения о выборах в сторону еще большего сокращения избирательных прав трудящихся. Тем самым правительство совершило государственный переворот, так как изменение избирательного права без согласия Думы являлось нарушением Основных законов и манифеста 17 октября 1905 г. Началась полоса реакции.

Роспуск II Думы не вызвал подъема революционного движения. Рабочие еще раньше поняли, что Дума не изменит их положения. Неспособность же Думы решить аграрный вопрос сильно поколебала доверие к ней крестьян.

Таким образом, ход революции 1905—1907 гг., впервые в истории России реально поставившей вопрос о переходе политической власти к трудящимся классам, показал, что справиться с ней одними репрессиями царизм не в силах. Необходимо было найти другие формы борьбы с революционным движением в стране, и одной из них стала тактика лавирования, получившая свое выражение в целом ряде государственно-правовых и аграрных мероприятий.

Одной из важнейших вынужденных уступок царизма было создание такого представительного учреждения, как Государственная дума. Но при этом царизм преследовал прежде всего свои цели: расколоть и ослабить революционные силы, привлечь на свою

сторону буржуазию и крестьянство, посеяв среди них конституционные иллюзии. Однако Дума вопреки правительственным замыслам стала ареной активной политической борьбы всех классов и партий России того времени. С трибуны Думы впервые на всю страну зазвучали голоса крестьянских и рабочих депутатов, требовавших политических свобод, земли, человеческих условий труда и жизни. Думскую трибуну стала широко использовать нелегальная социал-демократическая партия, особенно большевики, в целях революционной пропаганды и агитации.

Стержнем думской тактики большевиков была борьба за крестьянство, за высвобождение его из-под влияния либерально-монархической буржуазии. История Думы подтвердила силу и жизненность тактики «левого блока», которую последовательно отстаивали большевики. В левоблокнистской тактике, в совместных действиях левых думских групп проявлялась «коалиция двух классов»¹⁷⁰, т. е. союз пролетариата и крестьянства. Сотрудничество рабочих и крестьянских депутатов не было постоянным и организационно оформленным, но оно все более настойчиво пробивало себе дорогу. «Все время либералы тормозили борьбу крестьян, предавали их, и только рабочие депутаты направляли и поддерживали крестьян против либералов», — писал В. И. Ленин¹⁷¹. В поддержке мелкобуржуазной демократии, в выдвижении ею революционных, а не либеральных требований В. И. Ленин видел одно из важнейших проявлений пролетарской гегемонии на попроще думской, парламентской деятельности.

Большое значение для политического просвещения народных масс имела пропаганда думских материалов, и недаром после третьеиюньского переворота стенографические отчеты I и II Дум были причислены к запрещенной литературе и изъяты из продажи. Но, как отмечал В. И. Ленин, «громадный политический материал по изучению взглядов и стремлений русского крестьянства и русского трудовичества, имеющийся в этих отчетах, отчасти стал уже, отчасти станет в будущем достоянием всякого образованного человека»¹⁷².

Царизм разгонял негодные ему Думы, ограничивал до предела избирательные права народа, но снова и снова вынужден был и в дальнейшем созывать Думу, так как уничтожить ее уже было невозможно. В. И. Ленин писал по этому поводу, что революционный народ «раз и навсегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений»¹⁷³, которые большевики, в свою очередь, использовали в целях укрепления революционного союза рабочего класса и крестьянства.

* * *

Крестьянское движение в период первой российской революции развивалось при более высоком уровне политической сознательности и несравненно большей активности, чем ранее. Русско-японская война, голод, 9 января, рабочие забастовки, всероссийская политическая стачка, 17 октября, декабрьские вооруженные

восстания, черносотенные погромы, карательные экспедиции, манифесты, указы, циркуляры и другие правительственные акты, различные толки о Государственной думе и работа двух Дум, нетерпеливое ожидание «земли и воли», разочарование в надеждах и т. д. — все это не могло не воздействовать на крестьян, у которых появилась масса всевозможных политических, экономических, материальных и общественных запросов.

Выработке политического сознания, развитию инициативы и активности, воспитанию чувства коллективизма и солидарности крестьянства способствовали сходки, митинги, собрания, демонстрации (часто совместные с рабочими) и крестьянские съезды, проводимые революционерами, особенно социал-демократами. Даже такая официальная газета, как «Новое время», вынуждена была признать (1907, 2 (15 марта): «Среди невообразимейшего хаоса русской жизни наблюдается одно очень странное явление — это успехи социал-демократической пропаганды и агитации среди крестьян».

Содержащаяся в крестьянских приговорах программа общедемократических, политических требований (принципиально новых для крестьянства) отразила коренные сдвиги в общественном сознании крестьян. Устами своих депутатов в Государственной думе крестьянство вслух предъявило требование демократизации страны и изложило революционную аграрную программу — программу национализации земли. «Диалектика истории сделала то, — писал В. И. Ленин, — что крестьянство, — которое в других странах при сколько-нибудь упорядоченном (с точки зрения требования капитализма) земельном строе является опорой порядка, — в России выступило во время революции с самыми разрушительными требованиями вплоть до конфискации помещичьих земель и национализации земли (трудовики I и II Думы)»¹⁷⁴.

Но ни Думы, ни аграрные мероприятия царизма не решили ни одного из коренных вопросов революции. Крестьяне по-прежнему оставались без земли, рабочие — без 8-часового рабочего дня, весь народ — без политической свободы. Опыт I и II Дум и столыпинской реформы показывал, что добиться разрешения всех этих вопросов можно было не на путях убогого буржуазно-помещичьего парламентаризма или осуществления помещичьей программы капиталистического развития страны, а только на путях победоносной демократической революции. После поражения революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин указывал на неизбежность нового революционного подъема. «Великая русская революция, — писал он, — не может прекратиться, пока крестьяне не получат землю в сколько-нибудь достаточном количестве и пока народные массы не получат главного влияния на управление государством»¹⁷⁵.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 433.

² Там же. Т. 25. С. 63.

³ Там же. Т. 17. С. 39—40; Т. 16. С. 195.

⁴ Там же. Т. 4. С. 434.

⁵ Там же. Т. 11. С. 317.

⁶ Сенчакова Л. Т. РСДРП и крестьянство в революции 1905—1907 гг. М., 1984.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 437.

⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 1. С. 129. (Далее: КПСС в резолюциях...).

⁹ Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Второй период революции. М., 1957. Ч. 1, кн. 1. С. 148. (Далее: Революция 1905—1907 гг. в России...).

¹⁰ Аграрное движение в России в 1905—1906 гг.: В 2 ч. М., 1908. Ч. 1. С. 273.

¹¹ Историк-марксист. 1935. № 12 (52). С. 110.

¹² Редькин П. К. Крестьянское движение в Московской губернии в годы первой русской революции // Учен. зап. МГПИ. 1958. Т. 59. С. 215.

¹³ Историк-марксист. 1935. № 12 (52). С. 118.

¹⁴ Пролетарий. 1905. 17 (3) июня.

¹⁵ Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями, 1905—1907 гг. М., 1982. Т. 2, кн. 2. С. 118.

¹⁶ Воскресенская Н. С. Крестьянское движение в Тверской губернии в годы первой русской революции. Калинин, 1980. С. 36—37.

¹⁷ Революционное движение в Смоленской губернии в 1905—1907 гг.: Сб. документов. Смоленск, 1957. С. 59, 69.

¹⁸ ЦГИА СССР. Ф. 1405. Отчеты губернаторов за 1905 г. Ч. 2. Л. 11 об.

¹⁹ Подробнее см.: Калабашкин А. С. Революционная деятельность М. В. Фрунзе в период 1905—1907 гг. // Изв. Молд. фил. АН СССР. 1955. № 7 (27). С. 71—72.

²⁰ Народная газета 1906. 29 июня.

²¹ Революционное движение в Орловской губернии в период первой русской революции 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Орел, 1957. С. 160.

²² Революционные события 1905—1907 гг. в Курской губернии: Сб. документов и материалов. Курск, 1955. С. 204—205.

²³ Приволжский край. 1906. 30 апр.

²⁴ Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 2, кн. 2.

²⁵ См.: 1905: Годы первой русской революции в Среднем Поволжье. Самара, 1931. С. 62; Някин К. Я., Рутберг Г. Н. Большевики Поволжья в годы первой русской революции // Деятельность местных партийных организаций России в революции 1905—1907 гг. Пермь, 1978. С. 124.

²⁶ Революция 1905—1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии: Документы и материалы. Куйбышев, 1955. С. 253—254.

²⁷ Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции в 1905—1907 гг.: Документы и материалы. Чебоксары, 1956. С. 202—203.

²⁸ Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии в 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Горький, 1955. С. 97.

²⁹ Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 2.

³⁰ Крестьянское движение в Сибири 1861—1907 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1985. С. 97, 122, 134.

³¹ Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1955. С. 90.

³² Сидейменов В. С. Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. Алма-Ата, 1977. С. 109.

³³ Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 3, кн. 2.

³⁴ Хроника важнейших событий истории КПБ. Минск, 1962. Ч. 1: (1883—1918 гг.). С. 94.

³⁵ Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Минск, 1955. С. 217.

³⁶ Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. М., 1957. Ч. 4. С. 252.

³⁷ 1905 год на Украине: Хроника и материалы. Харьков, 1926. Т. 1. С. 209.

³⁸ Лещенко М. Н. Українське село в революції 1905—1907 рр. Київ, 1977. С. 346.

³⁹ 1905—1907 годы на Дону: Сб. документов. Ростов н/Д, 1955. С. 229.

⁴⁰ Северная Осетия в революции 1905—1907 гг.: Документы и материалы. Орджоникидзе, 1955. С. 312.

⁴¹ Трехбратов В. А. Северокавказское село в революции 1905—1907 гг. Ростов н/Д, 1987. С. 53.

⁴² Революция 1905—1907 гг. в Грузии: Сб. документов. Тбилиси, 1956. С. 250—251.

⁴³ Революция 1905—1907 гг. в Литве: Документы и материалы. Вильнюс, 1961.

- 44 Очерки истории Коммунистической партии Латвии. Рига, 1962. Т. 1. С. 106.
- 45 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 865. Л. 26—27.
- 46 Очерки истории Коммунистической партии Литвы. Вильнюс, 1973. Т. 1. С. 186.
- 47 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Оп. 233. Д. 2550. Ч. 10. Л. 57.
- 48 Рабочий (Казань). 1905. Сент.
- 49 Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг.: Документы и материалы. Казань, 1957. С. 146.
- 50 См.: резолюции съездов соответственно: Документы по истории революционного движения сельских рабочих и крестьян в Прибалтике в период первой русской революции 1905—1907 гг. М.; Л., 1957. С. 122—124; Революция 1905—1907 гг. в Литве. С. 357—361; Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 4. С. 405—408.
- 51 *Арзун Х.* Борьба большевиков за союз рабочего класса и крестьянства в годы первой русской революции. Сухуми, 1960. С. 146. Эти три съезда ошибочно названы съездами ВКС.
- 52 См.: Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 2. С. 763—764; Большевики во главе Всероссийской политической стачки в октябре 1905 г.: Сб. документов и материалов. М., 1955. С. 767—768.
- 53 См.: Революция 1905—1907 гг. в г. Самаре... С. 250—251.
- 54 *Преображенский А.* Нижегородские большевики в первой революции. // 1905 год в Нижегородской губернии: Сб. статей и воспоминаний. Нижний Новгород, 1931. С. 23—24.
- 55 Революция 1905—1907 гг. в г. Самаре... С. 352—354, 357—379.
- 56 Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 3. С. 283.
- 57 См.: История Дагестана. М., 1968. Т. 2. С. 248; Революция 1905—1907 гг. в Удмуртии: Материалы и документы. Ижевск, 1956. С. 90; *Кузнецов А.* На пути к Октябрю. Минск, 1970. С. 82—83; *Козловский Б.* На работе в 1906 г. // Пролетар. революция. 1922. № 12. С. 176; Пролетарий. 1906. 23 нояб.; Революция в России 1905—1907 гг... Второй период революции. Ч. 3. С. 283—285; Хроника важнейших событий истории КПБ. Ч. 1. С. 166.
- 58 Общее число приговоров о присоединении к ВКС было весьма значительным. С. Мазуренко, один из руководителей союза, писал, что ко II съезду союза (ноябрь 1905 г.) в главный комитет и на съезд было прислано несколько тысяч приговоров. См.: *Мазуренко С.* Крестьяне в 1905 г. М., 1925. С. 55. С 4 августа по 6 ноября 1905 г. Комитетом ВКС было издано и распространено 8 тыс. экземпляров «Образцового крестьянского приговора». Типовые приговоры издавались и местными организациями ВКС. См.: Протоколы делегатского совещания Всероссийского крестьянского союза. М., 1906. С. 7.
- 59 См.: *Шестаков А. В.* Бунт земли. М., 1923. С. 50; *Сперанский Н. Н.* Крестьянское движение в Самарской губернии в годы первой революции // 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С. 459; *Михайлюк А. Г.* Крестьянское движение на Левобережной Украине в 1905—1907 гг. // Ист. зап. 1954. Т. 49. С. 175.
- 60 *Кабацкий Н. И.* Социал-демократические организации Сибири в борьбе за массы в революции 1905—1907 гг. Иркутск, 1984. С. 105, 123.
- 61 Крестьянское движение в Сибири 1861—1907 гг. С. 29, 126.
- 62 См.: *Першин П. Н.* Крестьяне в революции 1905 г. // Вопр. истории. 1946. № 11/12; *Он же.* Аграрная революция в России: В 2 кн. М., 1966. Кн. 1; *Дубровский С. М.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956; *Василевский Е. Г.* Социально-экономическое содержание крестьянских приговоров и наказов во II Государственную думу (1907 г.) // Учен. зап. МГУ. 1956. Вып. 179. *Нильев А. И.* Приговоры и наказания крестьян во II Государственную думу // История СССР. 1975. № 5; *Буховец О. Г.* К методике изучения «приговорного» движения и его роли в борьбе крестьянства в 1905—1907 гг.: (По материалам Самарской губернии) // Там же. 1979. № 3; *Он же.* Массовые источники по общественному сознанию российского крестьянства: (Опыт применения контент-анализа при изучении приговоров и наказов 1905—1907 гг.) // Там же. 1986. № 4; *Михайлова В. И.* Советская историческая литература о крестьянских наказах и приговорах в I Государственной думе // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1972; *Трехбратов Б. А.* О статистическом изучении приговоров и наказов в I Государственную думу: (На примере стенового Предкавказья) // Источниковедение отечественной истории, 1981. М., 1982; и др.
- 63 *Михайлова В. И.* Указ. соч. С. 26.
- 64 Различные формы такой обработки были предложены А. И. Нильеве. См.: *Нильев А. И.* К методике изучения приговоров и наказов крестьян, посланных во II Государственную думу // Археографический ежегодник за 1970 г. М., 1971. См.: также статьи О. Г. Буховца, Б. А. Трехбратова.
- 65 *Веселовский Б.* Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902—1906 гг.). СПб., 1907. С. 60.
- 66 См.: *Василевский Е. Г.* Указ. соч. С. 122—123, 127—128, 132.
- 67 Революция 1905—1907 гг. в России... Начало первой русской революции. М., 1955. С. 30.
- 68 1905—1907 гг. на Дону: Сб. документов. Ростов н/Д, 1955. С. 96.
- 69 Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 1, кн. 1.
- 70 Революционное движение в Белоруссии 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Минск, 1955. С. 334.
- 71 Костром. листок. 1905. 18 дек.; Революционное движение в 1905—1907 гг. в Костромской губернии: Сб. документов. Кострома, 1955. С. 183. Подобные постановления принимались крестьянами деревень Галичского, Юрьевского, Кологривского, Макарьевского, Нерехтского, Солигаличского, Костромского, Варнавинского уездов той же губернии. В данном случае они были результатом огромной работы, проведенной разъездной группой агитаторов Костромского комитета РСДРП, а также местными партийными организациями.
- 72 Революционное движение в Н. Новгороде... С. 401.
- 73 Вологодский архив: Сб. документов и материалов. Вологда, 1963. Вып. 2. С. 39.
- 74 Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 229.
- 75 1905—1907 гг. на Дону. С. 96.
- 76 ЦГАОР. Ф. 1167. 1907 г. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1485. Л. 1.
- 77 ЦГИА СССР. Ф. 91. Оп. 2. 1907 г. Д. 790. Л. 14.
- 78 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 423.
- 79 Материалы к крестьянскому вопросу. Б. м., 1905. С. 11.
- 80 См.: *Федоров В. А.* О крестьянских настроениях в период подготовки реформы 1861 г. // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. Вып. 5. С. 17—18.
- 81 Литература партии «Народной воли». М., 1907. С. 367.
- 82 См.: *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. Кн. 1. С. 259.
- 83 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 96.
- 84 Там же. Т. 16. С. 212—213.
- 85 ЦГИА СССР. Ф. 1278. Оп. 1. 1906 г. Д. 785. Л. 115.
- 86 См.: *Нильев А. И.* Указ. соч. С. 110. *Василевский Е. Г.* Указ. соч. С. 140.
- 87 ЦГАОР. Ф. ДП. ОО. 1905 г. Д. 2550. Ч. 44. Л. 14.
- 88 Там же. Ч. 34. Л. 232.
- 89 Там же. Ч. 49. Л. 68, 78.
- 90 Там же. Ч. 52. Л. 43.
- 91 Революция 1905—1907 гг. на Украине: Сб. документов и материалов: В 2 т. Киев, 1955. Т. 2, ч. 1. С. 717—718.
- 92 В связи с этим в корне неверно положение М. Рахматуллина о том, что крестьянство «оставалось политически индифферентным до 1917 г.» (*Рахматуллин М. А.* Проблема общественного сознания крестьянства в трудах В. И. Ленина // Актуальные проблемы истории СССР эпохи феодализма. М., 1970. С. 433).
- 93 Крестьянское движение в Западном Закавказье в 1902—1905 гг. // Красный арх. 1940. Т. 2 (99). С. 122—123.
- 94 Аграрное движение 1905—1907 гг. в Московской области: Сб. документов. М., 1936. С. 99.
- 95 Протоколы Делегатского совещания ВКС 6—10 ноября 1905 г. в Москве. М., 1906. С. 29.
- 96 ЦГИА СССР. Ф. Гл. упр. уделов. Оп. 77. 1905 г. Д. 124. Л. 203—204.
- 97 Там же. Ф. 1405. Оп. 530. 1906 г. Д. 369. Л. 83.
- 98 Крестьянское движение 1905—1907 гг. в Тамбовской губернии: Сб. документов. Тамбов, 1957. С. 82.
- 99 ЦГАОР. МЮ. Ф. 124. 1906 г. Оп. 44. Ч. 2. Д. 1883. Л. 2.
- 100 1905 год в Вятской губернии: Сб. статей и материалов. Вятка, 1925. С. 95.
- 101 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 112.
- 102 Как верно было подмечено З. К. Янель применительно к эпохе феодализма, монархические иллюзии являлись, «в сущности, мировоззренческой нормой»

- времени, а не признаком незрелости социальной мысли одного лишь крестьянства, как это иногда утверждается» (*Янель З. К.* Феномен стихийности и повстанческая организация массовых движений феодального крестьянства России // *История СССР*. 1982. № 5. С. 93). Монархизмом были заражены значительные слои российского общества. У К. Ф. Шацлло есть такое замечание в отношении русских либералов: «Можно удивляться наивности освободителей, искренне полагавших, что под давлением общественного мнения самодержавие пойдет на... крупные уступки» (*Шацлло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М., 1985. С. 296).
- 103 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 185.
- 104 Там же. Т. 9. С. 357.
- 105 О «наивном монархизме» крестьянства подробнее см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 207—208; *Рындзюнский П. Г.* Российское самодержавие и его классовые основы (1861—1904 гг.) // *История СССР*. 1977. № 2. С. 46—48; *Дружинин Н. М., Федоров В. А.* Крестьянское движение в России в XIX в. // Там же. 1977. № 4. С. 112—113.
- 106 ЦГИА СССР. Ф. 1278 (2). Оп. 1. 1907 г. Д. 757. Л. 8.
- 107 См.: Вперед. 1905. № 12, 14, 16; Революция 1905—1907 гг. в Грузии. С. 262.
- 108 Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 1.
- 109 *Брамсон Л. М.* К истории Трудовой группы: Трудовая группа Первой Государственной думы. Пг., 1917. С. 69.
- 110 *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. Кн. 1. С. 244.
- 111 *Буховец О. Г.* К методике изучения... С. 112.
- 112 См.: Рус. ведомости. 1906. 22 авг.; *Томсинский С. Г.* Борьба классов и партий во Второй Государственной думе. М., 1924. С. 57; *Зайчиков Г. И.* Думская тактика большевиков (1905—1917 гг.). М., 1975. С. 89—90.
- 113 *Емелях Л. И.* Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965. С. 19; *Она же.* Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976. С. 42. См. также: *Грекулов Е. Ф.* Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX—начало XX в.). М., 1969; *Зырянов П. Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1984. В выше перечисленных изданиях довольно обстоятельно исследуются причины, ход и результаты антиклерикального крестьянского движения 1905—1907 гг. Поэтому в данной работе этот вопрос специально не рассматривается.
- 114 Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 369.
- 115 Речь (Государственная дума). 1906. 30 июня (13 июля).
- 116 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 95.
- 117 Историографию вопроса см.: Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978 (статьи Е. Д. Черменского и А. Д. Степанского).
- 118 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 13.
- 119 Из приговора крестьян с. Кардавили Арзамасского у. Нижегородской губ. // Нижегород. зем. газ. 1905. 27 окт.
- 120 Днепровский вестник. 1905. 30 нояб.
- 121 Из приговора крестьян Суджанского уезда // Право. 1905. 28 авг.
- 122 Московская газета. 1905. 13 нояб.
- 123 Аграрное движение 1905—1907 гг. в Московской области. С. 97. Нижегородский листок. 1905. 30 нояб.
- 124 См.: Революция 1905—1907 гг. в России... Высший подъем революции. Ч. 2. С. 80—82.
- 125 Протоколы Делегатского совещания... С. 130.
- 126 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 348.
- 127 Там же. Т. 14. С. 68.
- 128 Работы Первой Государственной думы. СПб., 1906. С. XI.
- 129 См.: Историк-марксист. 1935. № 12 (52). С. 118.
- 130 Приволжский край. 1906. 19 янв.
- 131 См.: *Лисовский Н. К.* Долой самодержавие! 1905 год на Южном Урале. Челябинск, 1975; Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Махачкала, 1956. С. 179—181.
- 132 См.: *Клеянкин А. В.* Письма крестьян Саратовской губернии в связи с выборами

- в Первую Государственную думу как исторический источник // Сов. арх. 1975. № 4. С. 69.
- 133 Речь. 1906. 3 (16) марта.
- 134 *Воровский В. В.* Избранные произведения о первой русской революции. М., 1955. С. 197.
- 135 Государственная дума в России... С. 75.
- 136 См.: *Спириин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.—1920 г.). М., 1977. С. 132.
- 137 См.: *Шелохаев В. В.* Провал деятельности кадетов в массах (1906—1907 гг.) // Ист. зап. 1975. Т. 96. С. 166.
- 138 Подробнее см.: *Колесниченко Д. А.* Трудовики в период первой российской революции. М., 1985.
- 139 Государственная дума в России... С. 76—77.
- 140 Государственная дума. Первый созыв: Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия I. СПб., 1906. Т. 1. Ст. 322.
- 141 Русские ведомости. 1906. 27 окт.
- 142 *Б-ов М., Дан Ф.* Рабочие депутаты в Первой Государственной думе. СПб., 1907. С. 80.
- 143 Подробнее см.: *Павлов М.* Думская тактика большевиков в революции 1905—1907 гг. Л., 1947; *Сидельников С. М.* Образование и деятельность Первой Государственной думы. М., 1962; *Колесниченко Д. А.* Указ. соч.
- 144 Страна. 1906. 10 (23) мая.
- 145 Народная мысль (Н. Новгород). 1907. 21 апр.
- 146 ЦГАОР. Ф. ДП. 00. 1906 г. П отд. Д. 4. Ч. 73. Л. 10.
- 147 Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции: Документы и материалы. Рязань, 1960. С. 157.
- 148 Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. М., 1963. Ч. 2, кн. 3. С. 239—240.
- 149 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 297.
- 150 ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 128. Л. 187.
- 151 Красный арх. 1933. № 5 (60). С. 127.
- 152 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 212.
- 153 ЦГАОР. Ф. ДП. 00. 1906 г. I отд. Д. 556. Л. 3 об.
- 154 Революция 1905—1907 гг. в России... Второй период революции. Ч. 2, кн. 1. С. 40—42.
- 155 ЦГИА СССР. Ф. 1278 (2). Оп. 1. 1907 г. Д. 655. Л. 360.
- 156 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 97—98.
- 157 Товарищ. 1907. 20 апр. (3 мая).
- 158 Костромич. 1907. 30 янв.
- 159 *Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983. С. 256.
- 160 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 41.
- 161 История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. М., 1968. Т. 6. С. 239—240.
- 162 Государственная дума. Второй созыв: Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. 1. Стб. 1498, 1640.
- 163 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 119.
- 164 ЦГАОР. Ф. ДП. 00. 1907 г. Д. 110. Ч. 2. Л. 70.
- 165 Революционное движение в Воронежской губернии 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. Воронеж, 1955. С. 455.
- 166 ЦГАОР. Ф. ДП. IV д-во. 1907 г. Д. 108. Ч. 23. Л. 5.
- 167 Там же. Д. 13. Л. 4.
- 168 ЦГИА СССР. Ф. 91. Оп. 92. 1907 г. Д. 790. Л. 15.
- 169 Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1907. С. 261.
- 170 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 382.
- 171 Там же. Т. 19. С. 362.
- 172 Там же. Т. 22. С. 363.
- 173 Там же. Т. 19. С. 416.
- 174 Там же. Т. 16. С. 423.
- 175 Там же. С. 179.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные выводы по исследуемым аспектам крестьянского движения 1905—1907 гг. были сделаны по ходу изложения в самой книге. Здесь мы подведем общие итоги и остановимся на некоторых вопросах, без которых представление об этом социальном явлении было бы неполным: его размахе, участниках, особенностях, результатах.

В период первой российской революции крестьянские выступления проявлялись в самых различных формах. Они были активными (боевыми) и пассивными; политическими, т. е. непосредственно направленными против государственного аппарата самодержавия, и экономическими, имеющими целью нанесение ущерба земельным собственникам, будь то помещики, казна, церковь и т. д., и улучшение своего материального положения. Распространены были: поджоги и разгромы помещичьих имений, захват и запашка земель, захват хлеба, сена, скота; отравы, порубки помещичьих и казенных лесов, сельскохозяйственные забастовки, «снятие» пришлых рабочих, отказ от аренды «чужих» земель; податные и рекрутские забастовки; недопущение проведения землеустроительных работ, бойкот выборов в землеустроительные комиссии и в Думу; сходки, собрания, митинги, демонстрации, в том числе совместно с рабочими; съезды, носящие антиправительственный характер; составление революционных приговоров и наказов, защита агитаторов, изгнание из сел полиции, стражи; насильственная смена сельских и волостных властей; создание революционно-демократических организаций — крестьянских комитетов, Советов стачечных комитетов, ВКС, «Трудовой группы», боевых дружин, народных судов; вооруженные столкновения с войсками, полицией и администрацией, совместные с рабочими боевые действия, партизанские выступления, восстания. Эффективность отдельных форм борьбы, их роль в движении на разных этапах революции и в разных условиях, разумеется, были неодинаковы, но они переплетались, сочетались, дополняли и усиливая друг друга. Многие из них, особенно экономические, формально были не новы и, более того, традиционны, однако в годы революции они получили новое качественное содержание — массовость, большую наступательность, организованность, сознательность, политическую окраску. Такие же формы, как противоправительственные собрания, митинги, демонстрации, съезды, принятие приговоров с общеполитическими и общеэкономическими требованиями,

создание революционных органов власти, подготовка вооруженных восстаний и совместные с рабочими боевые действия, появились лишь в 1905—1907 гг. Это были политические выступления, прямо направленные против основ самодержавно-помещичьего строя.

Интересные и требующие еще своей расшифровки данные содержатся в статье Б. Г. Литвака. Из материалов «Свода статистических сведений о делах уголовных» он выявил удельный вес крестьян (не только по сословию, а именно по роду занятий) среди привлеченных к ответственности за «государственные преступления и иные, близкие к ним» в 1905, 1907 гг. (сведения за 1906 г. в «Своде» отсутствуют). За «восстание и сопротивление властям» среди всех привлеченных к ответственности в 1905 г. (1907 г.) крестьяне составили 89,5 % (89,6 %). За «оскорбление и неуважение власти», т. е. за оскорбление старшин, низших полицейских чинов, неисполнение требований властей, — 52,5 % (52,1 %). За «другие преступления против порядка» — 46,2 % (38,5 %). За «чисто» политические (государственные) преступления — 18,7 % (12,4 %) ¹. Эти данные свидетельствуют о качественной характеристике крестьянской борьбы, ее месте в общереволюционном движении.

Малоземелье, эксплуатация, бесправие и полицейский режим порождали в широких крестьянских массах жгучую ненависть к своим поработителям и колоссальную энергию, которые проявлялись, как правило, стихийно. Но это была та стихийность движения, которую В. И. Ленин охарактеризовал, как «признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости» ². «Никто не оспаривает неизбежность хаотичности в нем (революционном движении). — Л. С.), — писал В. И. Ленин. — Но этот хаос создает порядок — порядок революции, эту высшую ступень хаотических, стихийных народных взрывов» ³.

В то же время мы видели, что определенные элементы самоорганизации присутствовали почти во всех крестьянских выступлениях, которые часто сопровождались предварительным обсуждением, выбором руководителей, созданием системы оповещения, охраны и т. п. В «Докладе о революции 1905 года» В. И. Ленин отмечал: «Крестьяне собирались группами, обсуждали свое положение и мало-помалу втягивались в борьбу: толпами шли они против крупных землевладельцев, жгли их дворцы и усадьбы или отбирали их запасы, захватывали хлеб и другие жизненные припасы, убивали полицейских, требовали передачи народу земли крупных дворянских поместий» ⁴. Конкретным революционным действиям крестьян В. И. Ленин не случайно предпослал обсуждение ими своего положения. Так было, и это свидетельствовало о стремлении крестьян к выработке коллективного сознания. Революционное настроение, захватив массы, оказало огромное влияние на их деятельность, пробудило в них потребность мыслить, понимать, общаться и высказываться.

В ходе революции у крестьянства созревает сознание необходимости самостоятельной организации. В разгар революции оно

вместе с другими слоями трудящихся проявляло, по словам В. И. Ленина, «величайшую склонность и способность к организации»⁵. На революционное творчество крестьянских масс значительное воздействие оказывала работа различных революционных сил города и деревни. Направляющая роль партии большевиков и самодеятельность трудящихся деревни проявились в создании таких организаций, как революционные крестьянские комитеты, Советы, стачечные комитеты, народные суды, боевые дружины, радикально настроенные отделения ВКС. Все это были ячейки революционно-демократического лагеря. Они объединяли наиболее сознательных крестьян, часть из которых входили в местные группы РСДРП или тесно сотрудничали с ними; являлись проводниками влияния рабочего класса на трудящихся деревни, организаторами их выступлений. Появление множества новых, не подающихся учету революционных объединений в деревне указывало на то, что крестьяне, как и рабочие, выступали в революции не только как разрушители старого, самодержавного строя, но и как творцы новой, революционной власти. Это были, как писал В. И. Ленин, «именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неформальность, расплывчатость в составе и в функционировании. . . это была, в зачатке, диктатура революционных элементов народа»⁶.

Наибольшего развития они достигли во время революционного «вихря» — в октябре—декабре 1905 г., когда, по словам В. И. Ленина, наступил «период непосредственной политической деятельности „простонародья“, которое попросту прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпается мысль и разум миллионов забитых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества»⁷.

Крестьянство в революции выступило в качестве творческой революционно-демократической силы, хотя и не всегда действовавшей последовательно. Революционный демократизм крестьянства выражался в стремлении уничтожить сословные привилегии и помещичий гнет, ликвидировать крупное помещичье землевладение и все остатки крепостничества, т. е. очистить земледелие от всего «средневекового хлама», сдерживавшего капиталистическое развитие деревни, отстоять «крестьянский» путь этого развития; добиться политической свободы и радикальной демократизации всего общественного и государственного устройства страны сверху донизу. Колоссальные крестьянские массы пробудились к революционной борьбе, показав в ней свою решимость, инициативу, смелость, проявив себя творцами новых общественных порядков. И это при том, что большинство крестьян и в начале XX в. были неграмотны, жили в нищете, одурманенные религией и правительственной пропагандой, разобщенные друг от друга условиями своего мелкотоварного хозяйства, отсутствием регулярных и устойчивых межтерриториальных контактов. Но большая потенциальная сила,

таившаяся в крестьянстве, в годы революции наглядно превращалась в динамическую.

Приведенный в монографии материал показывает, что в течение двух с половиной лет на огромном пространстве территории Российской империи — от Прибалтики до Сибири и Дальнего Востока, от Белого моря до Кавказа — развернулось крестьянское движение. По размаху, силе и политической сознательности оно превосходило все предыдущие в истории России.

По подсчетам М. С. Симоновой, исследователями к 1975 г. было выявлено более 18 тыс. крестьянских выступлений за годы революции⁸. В 1987 г. В. Г. Тюкавкиным на основании новых работ эта цифра была скорректирована до 22 126. Им же была составлена таблица⁹, которую в несколько измененном виде мы приводим ниже для того, чтобы дать представление о распространении движения по районам, но уже со своими уточнениями.

Таким образом, анализ опубликованных работ позволил выявить сводное число данных о 25 823 крестьянских выступлениях по всей России. Однако многие сведения являются неполными. Необходимы дальнейшие исследования (особенно по таким регионам, как Кавказ, Закавказье, Средняя Азия и др., где мы не имеем даже приблизительных общих подсчетов).

Но и выведенную нами цифру — 25 823 — абсолютизировать не приходится. Ее основательность может быть подтверждена лишь созданием общероссийской документированной хроники крестьянского движения или местных, региональных, на единой научной основе. Пока мы имеем одну, качественную, на наш взгляд, хронику — по Сибири. Тогда же можно будет судить о конкретной динамике движения — его подъемах и спадах — по месяцам*.

Представляется, что и любые выявленные цифры, наверное, не смогут быть окончательным статистическим итогом крестьянского движения в 1905—1907 гг., так как это было массовое движение в экстраординарных условиях — общенародной революционной борьбы за демократию.

В первой российской революции различные слои сельского населения выступали единым фронтом против феодально-крепостнических остатков в поземельном строе, в первую очередь против помещичьих латифундий. Различные формы антипомещичьих выступлений, по предварительным подсчетам, составляли 75 % общего количества по стране и более 90 % — в Центрально-черноземном районе¹⁰. Это было относительное единство крестьянства как определенного класса-сословия, самого обездоленного и многочисленного, в борьбе с ненавистными остатками крепостничества и социального неравенства.

Но по мере углубления революционных событий обнаружива-

* В настоящее время сделать это не представляется возможным, так как данные многих исследований несводимы. В некоторых из них приводится лишь общая цифра выступлений за 1905—1907 гг., в других есть разбивка по годам и, очень редко, по месяцам.

Крестьянское движение в России в 1905—1907 гг.

Район	Число выступлений крестьян	
	по данным С. М. Дубровского	по уточненным данным
Средневожский	724	5595
Правобережная Украина	985	3930
Центрально-черноземный	2196	3389
Северный Кавказ	Нет свед.	1822 *
Левобережная Украина	850	1688
Белоруссия	655	1638
Латвия и Эстония	Нет свед.	1342
Сибирь	»	1269 ^{2*}
Степная Украина	468	1190
Центрально-промышленный	482	1170 ^{3*}
Литва	168	1059
Урал	Нет свед.	466 ^{4*}
Приуральский	104	334
Нижневожский	244	244
Приозерный	235	235
Северный	54	234 ^{5*}
Бессарабия	Нет свед.	110 ^{6*}
Грузия	»	108
Всего по России:	(по Европейской России — 7165)	25 823 ^{7*}

* *Трехбратов В. А.* Северокавказское село в революции 1905—1907 гг. Ростов н/Д, 1987. С. 46. У В. Г. Тюкавкина сведения отсутствуют.

^{2*} Крестьянское движение в Сибири, 1861—1907 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1985. С. 322. У В. Г. Тюкавкина — 505, из кн.: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 207.

^{3*} У В. Г. Тюкавкина — 667. Мы прибавили сведения о 513 выступлениях крестьян в губерниях Верхнего Поволжья (Владимирской, Костромской, Ярославской), входивших в Центрально-промышленный район; из статьи: *Волкова Н. В.* Влияние пролетариата на крестьянское движение в губерниях Верхнего Поволжья (1905—1907 гг.) // Рабочий класс и Советы в революции 1905—1907 гг. в России. Иваново, 1976. С. 129.

^{4*} Сведения только за 1905 г. по трем уральским губерниям (Пермской, Уфимской, Оренбургской) — *Кубицкая Л. А.* Деятельность уральских большевиков в массовых крестьянских организациях с целью вовлечения крестьян в революцию 1905—1907 гг. // Борьба большевиков Урала за массы в 1905—1907 гг. Межвуз. сб. Челябинск, 1986. С. 24. У В. Г. Тюкавкина сведения отсутствуют.

^{5*} *Чупров В. И.* Классовая борьба в Коми деревне в конце XIX—начале XX вв. (1895—февраль 1917 г.): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Петрозаводск, 1979. С. 15—16; *Он же.* Крестьянское движение на Севере в годы первой русской буржуазно-демократической революции (1905—1907 гг.). Сыктывкар, 1982. С. 60. У В. Г. Тюкавкина — 54, из книги: *Дубровский С. М.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956. С. 60.

^{6*} *Иванов Ю. Г.* Революционное движение в Молдавии (с. 1895 по февраль 1917 г.). Кишинев, 1978. С. 68—69. У В. Г. Тюкавкина — 103, очевидно, из статьи: *Шемяков Д. Е.* Крестьянское движение в Молдавии в 1905—1907 гг. // Ист. зап. 1954. Т. 49. С. 220.

^{7*} У В. Г. Тюкавкина — 22 126.

лись классовая рознь и противоречивые интересы различных групп самого крестьянства. Официальная статистика царского правительства не была заинтересована в выявлении фактов социальной дифференциации крестьян, нет их и в отношении участников революционного движения. В судебно-следственных делах отсутствует

социальная характеристика крестьян — участников движения*. Но она имеется в других источниках, например в анкетах ВЭО. Так, из Пензенской губ. сообщали, что крестьянское движение было «против всех состоятельных, на чей счет можно было уменьшить свою нужду: против помещиков, купцов, землевладельцев и арендаторов. Уничтожались имения всякого размера и независимо от практиковавшейся в них системы хозяйства. . . В движении принимали участие: местные крестьяне, бедные и богатые, старики и молодые, но выделялись особенно бедняки, которым „терять нечего“». В Инсарском у. той же губернии: «Участвовали в движении местные крестьяне: сначала шли дружно все, затем „богачи отстранялись“, и у них начиналась борьба с бедняками»¹¹. Из ответов одного из крестьян Вельского у. Вологодской губ.: «Богатые тоже участвовали под страхом, п. ч. их мало. Бедные сердитее. Крестьяне, имеющие купчую землю, трусили»¹². Большинство корреспондентов ВЭО из Тульской губ. сообщали, что в движении участвовали все слои населения. Правда, корреспондент из Богородицкого у. отмечал, что в движении участвовали только «бедняки и среднего достатка. Зажиточные в массе сочувствовали мало»¹³.

Зажиточное крестьянство, кулачество, было прямо и непосредственно заинтересовано в ликвидации крупной помещичьей земельной собственности, так как она мешала развитию его предпринимательства. Коренные интересы кулачества заключались в том, чтобы захватить побольше помещичьей и крестьянской земли и превратить свое хозяйство при наемном труде батраков и поденщиков в еще более сильное и богатое, придав ему «коммерческий» характер. В силу этого оно было способно примкнуть (и на время примыкало) к борьбе трудящихся масс крестьянства против помещиков и пережитков старины. Но успех революции вызывал тревогу у состоятельных слоев крестьянства, боязнь, что дело может пойти гораздо дальше разгрома помещичьих имений и перекинуться на них. Напуганное размахом движения «голытьбы», получив такие царские «милости», как манифесты 17 октября, 3 ноября, 11 декабря 1905 г. и особенно указ от 9 ноября 1906 г., кулачество стало открыто переходить на сторону реакции. Изощренные методы эксплуатации кулачеством крестьян и возраставшая в ходе революции его контрреволюционность вызывали обострение в деревне второй социальной войны.

Борьба бедноты с кулачеством (в основном на почве земельной аренды и субаренды) по своим средствам и методам, как правило, не отличалась от борьбы с помещиками. У кулаков отбирали земли, производили потравы посевов и лугов, увозили урожай и т. п., подпускали им «красного петуха», что особенно усилилось с выделением кулаков на хутора во время проведения столыпинской реформы. Ранее, когда последние жили непосредственно в деревнях, крестьяне остерегались поджигать их дома и хозяйства, опасаясь, что пожар может распространиться на всю деревню. Этот

* В следственных делах в рубрике «Занятия» писалось, как правило, «хлебопашество», в рубрике «Средства к жизни» — «имеет надел земли» или «имеет землю».

момент обычно упускается исследователями крестьянского движения в годы столыпинщины. Увеличение случаев поджогов кулаков они объясняют, хотя в принципе и справедливо, лишь усилением классовой борьбы. Свообразным отзвуком второй социальной войны было прямое требование, содержащееся во многих крестьянских приговорах, необходимости ограничения размеров крестьянских наделов, введения прогрессивно-подходящего налогообложения и запрещения применения наемного труда.

Факты выступлений крестьян против кулаков в 1905—1907 гг. имели место практически во всех районах страны. Численность их была, естественно, различной в зависимости от местных социально-экономических условий — степени развития капитализма в земледелии, а следовательно, и соответствующего расслоения крестьянства. На Украине, по данным Н. Н. Лещенко, движение против кулачества проявилось примерно в $\frac{1}{5}$ общего количества крестьянских выступлений (1680 антикулацких). В Донской обл. было 59 (из 519—11,4 %) выступлений против кулаков. В Белоруссии — 10 (1905 г. — 0,4 % всех выступлений, 1906 г. — 0,9, 1907 г. — 1,8 %). В губерниях Верхнего Поволжья (Владимирской, Костромской, Ярославской) — 40 из 513. В Саратовской губ. — 129 в 1905 г. и 214 в 1907 г. По Московской, Тульской и Калужской губерниям — от 8 % в 1905 г. до 13,2 % в 1907 г. В Сибири вторая социальная война в деревне составила 2,4 % в общем объеме крестьянских выступлений 1905—1907 гг.¹⁴

Все крестьянство, как класс-сословие, так или иначе участвовало в революции, но авангардную и более последовательную роль играли бедняки и сельскохозяйственные рабочие. Проанализировав данные «Свода статистических сведений о делах уголовных», Б. Г. Литвак выявил удельный вес сельских рабочих среди крестьян, осужденных за государственные преступления: в 1905 г. он составил 15,4 %, в 1906 г. — 27,1, в 1907 г. — 65,7 %¹⁵. Закономерно, что борьбу за социалистическую революцию в 1917 г. пролетариат вел в союзе именно с деревенской беднотой против буржуазии города и деревни, при нейтрализации среднего крестьянства, стараясь преодолеть его колебания в сторону буржуазии и привлечь на свою.

В ходе революции 1905—1907 гг. крестьяне действовали иногда целыми селами, волостями и даже уездами, что свидетельствовало о массовом характере движения. В следственных делах официальных дознаний часто отмечается, что в «беспорядках», «волнениях» принимало участие «большинство крестьян», в некоторых случаях — «вся деревня». Это положение подтверждается и данными анкет ВЭО, в которых нередко встречаются ответы, что в движении участвовали «вся деревня», «все поголовно», «поголовно», «большинство», «больше половины»¹⁶.

Большая роль принадлежала молодежи, которая проявляла активность и инициативу. Женщины, составляя половину деревенского населения, своим участием в борьбе придавали ей массовость и глубину.

Не одиночки, попавшие на скамью подсудимых в процессах, а «общество» («мир») с женами и детьми восставало и «волновалось». Многие выступления начинались по решению сельских или волостных сходов. «Общество», а также в значительной степени и «волость» были, так сказать, уже готовыми формами организации крестьян. Помимо разных прочих причин, здесь сказывалась вековая привычка к артельным, общинным действиям и, как следствие, стремление возложить ответственность за выступления на «мир». С другой стороны, в массовых выступлениях иногда в течение довольно продолжительного времени принимали участие жители ряда деревень и сел, часто соседних уездов и губерний, входящих в разные общинные объединения. Это являлось одним из показателей распада устоев традиционной общинной локальности. Вообще, роль общины в революционном крестьянском движении еще требует своего специального исследования. Но, очевидно, она не была однозначной, так как, с одной стороны, община выступала как «аппарат для воздействия на помещичьи усадьбы»¹⁷, как субъект коллективного действия, с другой — была рычагом административного давления на крестьян. В первом случае в годы революции община часто проявляла себя как демократическая организация крестьянства, опирающаяся на сельский сход. И при анализе характера крестьянского движения конечно же необходимо учитывать позитивные моменты в использовании бедняцко-средняцким большинством общинного права и традиций.

Практически во всех случаях «свои», а не «посторонние подстрекатели», как любили писать в донесениях местные власти, были руководителями и организаторами движения крестьянства. А среди них наиболее активными и сознательными были крестьяне, побывавшие на рудниках, заводах, в городах, других пролетарских центрах. Рабочая среда была для них школой политического воспитания, закалкой в революционной борьбе. Высланные за участие в стачках или уволенные с предприятий (во время локаутов), эти вчерашние крестьяне пользовались большим уважением в деревне. Они хорошо знали рабочую среду и деревню, понимали психологию и настроение крестьянских масс. Активное участие в развернувшейся борьбе принимали демобилизованные крестьяне-фронтовики, вернувшиеся домой после окончания русско-японской войны, участники революционных выступлений в армии и на флоте.

Одной из особенностей первой российской революции было то, что она всколыхнула все многонациональное крестьянство царской России и привела в движение угнетенные народы самых отдаленных окраин. Для крестьян всех национальностей аграрный вопрос был тогда центральным в борьбе за социальное и национальное освобождение. В движении участвовало крестьянство Центральной России, Северного Кавказа и Закавказья, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии. Характерным моментом его была солидарность крестьян различных национальностей.

Все основные черты первой российской революции были присущи революционному движению и в национальных регионах

России. Но единство процесса не исключало специфических особенностей его развития в тех или иных районах страны, в тех или иных конкретных условиях. Неодинаковыми были и интенсивность и преобладание тех или иных форм крестьянского движения на огромной территории многонациональной России. Это зависело от степени развития капитализма и сохранения остатков крепостничества в данном регионе, а также от непосредственного влияния рабочего движения и политической работы революционных партий среди крестьян. Так, на характер, размах и интенсивность (в смысле их относительной ограниченности) борьбы крестьян Сибири накладывали свой отпечаток региональные особенности края: отсутствие помещичьего землевладения, меньшая острота земельного вопроса (по сравнению с Европейской Россией сибирское крестьянство было более зажиточным и многоземельным), огромная территория края, разбросанность и удаленность сельских населенных пунктов, сравнительно слабое развитие промышленности и др. Особенности среднеазиатского региона заключались в сохранении крупных пережитков еще и патриархально-родового быта, в русском по преимуществу составе основных кадров постоянных промышленных рабочих в городах и национальной деревне, т. е. в различиях в языке, культуре, быту и пр., что также сказалось на размахе и глубине движения в среднеазиатской деревне.

Напротив, большая плотность населения как в городах, так и в сельской местности, обеспечивавшая более эффективную работу революционных партий среди населения, определила наряду с другими разными факторами социального, политического и национального характера высокую активность крестьянских масс таких регионов (при всем их внутреннем различии) империи, как Латвия и Грузия, где крестьянское движение приняло характер массового вооруженного восстания.

В целом на опыте революции 1905—1907 гг. национальное крестьянство начинало понимать, что свое освобождение от социального и национального гнета оно сможет получить лишь путем борьбы совместно с русским народом и его передовым отрядом — рабочим классом, под руководством пролетарской партии.

Крестьянское движение общероссийского масштаба было связано с общей картиной революционных событий в стране, но его характер, степень интенсивности, формы зависели от географических, экономических и политических условий, свойственных тому или иному региону, причем не только национальному, они часто были различны в пределах одной губернии, и даже одного уезда.

Революция 1905—1907 гг. оказала огромное воздействие на психологию, самосознание крестьян, что неоднократно отмечал в своих трудах В. И. Ленин. Она «впервые создала в России, — писал В. И. Ленин, — из толпы мужиков, придавленных проклятой памяти крепостным рабством, народ, начинающий... чувствовать свою силу. Революция 1905 года впервые показала царскому правительству, русским помещикам, русской буржуазии, что миллионы и десятки миллионов становятся гражданами, становятся бор-

В ходе революции в крестьянстве развивались тесно связанные друг с другом антипомещичьи, антимонархические и антиклерикальные настроения. Но еще сказывались двойственность социальной природы крестьянства как труженика и собственника, темнота и забитость, скованность вековыми предрассудками и традициями, связь с патриархальщиной. Путь в революцию для крестьян не был простым и прямолинейным. Он был зигзагообразным, сопровождался ошибками, разного рода издержками, отступлениями. В каждом отдельном случае движение крестьянства зачастую направлялось лишь против «своего» ближайшего помещика или помещиков, а не против самодержавно-помещичьего строя в целом. Отсюда, помимо других объективных и субъективных причин, при всем упорстве — дробность многочисленных, более или менее одновременных, но в то же время локальных крестьянских выступлений. Местную и областную раздробленность как крестьянского, так и солдатского движения В. И. Ленин считал одной из главных причин поражения революции 1905—1907 гг.¹⁹ Борьба за землю еще не всегда связывалась в сознании крестьян с необходимостью борьбы за власть, за свержение самодержавия. Историческая ограниченность общественного крестьянского сознания проявлялась в монархических иллюзиях и надеждах получить землю, улучшить свою жизнь «законным», легальным путем. Все эти надежды усиленно подогревались либеральной буржуазией и кулачеством, активизировавшими с развитием событий свою контрреволюционную деятельность. Однако в целом духовный облик крестьянства за годы революции изменился. Бурные события в российской деревне в 1905—1907 гг. показали, что ставка самодержавия на царистские иллюзии, социальную инертность и патриархальность крестьянства потерпела провал, чему немало, надо сказать, способствовала политика самого царского правительства: военно-террористический режим по отношению к народу, крестьянству; минимальность и паллиативный характер аграрных реформ, игнорирование требований крестьянских депутатов в Думе и пр. Разочарование в возможности мирного получения земли путем реформы при поддержке либералов было одним из «горьких, но спасительных уроков»²⁰, вынесенных крестьянством из революции.

Буржуазные историки писали и сейчас еще пишут о политической якобы индифферентности российского крестьянства. Однако анализ требований крестьянства в годы революции показывает рост его политической сознательности, переход от критики «местных» недостатков к настойчивому стремлению пересмотра всех устоев общественно-экономической жизни страны. Деревня уже не только сознавала убожество своего положения, но и в общем понимала, какие перемены нужны в строе российской жизни, чтобы исцелить наболевшие раны. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейско-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной ни-

тью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции»²¹. П. Н. Першин отмечал: «Борьба за народное Учредительное собрание и всеобщее избирательное право вслед за земельным вопросом — наиболее важное звено крестьянской революции; в этом требовании (наряду с требованием конфискации и национализации земли) она наиболее тесно смыкается с революционной борьбой пролетариата за свержение помещичье-полицейского режима»²².

Революция 1905—1907 гг. положила начало глубокой вспашке политической целины в сознании массы крестьянства. А это свидетельствовало, по словам В. И. Ленина, о том, что крестьяне «пойдут, когда поднимется городской пролетариат, на более решительную, более сплоченную борьбу с царизмом и помещиками»²³.

О том, насколько грозной была борьба крестьян в 1905—1907 гг., можно судить, в частности, по размерам убытков помещиков, «пострадавших во время аграрных беспорядков». По официальным данным земского отдела МВД, общая сумма убытков от разгрома помещичьих имений только в 1905 г. и только по Европейской России выразилась в сумме 47 112 446 руб. На первом месте стоит Саратовская губ. (более 10,5 млн), затем Лифляндская (более 5,4 млн), Курляндская (более 5 млн), Черниговская (около 5 млн), Самарская (почти 4 млн), Таврическая (более 3,4 млн) и др.²⁴

Революционные выступления крестьянства привели к конкретным практическим результатам, заставили царизм пойти на некоторые уступки. Одной из них была отмена с 1907 г. выкупных платежей за землю. Упорной борьбой «крестьянская масса добилась „сокращения“ помещичьего произвола, понижения арендных и продажных цен на землю», — писал В. И. Ленин в 1907 г.²⁵ В районах сильного забастовочного движения была поднята заработная плата сельскохозяйственным рабочим. Были отменены некоторые сословные ограничения крестьян в правовом отношении. Крестьяне приравнивались к другим сословиям в отношении избрания места жительства, поступления в учебные заведения, на гражданскую службу и др. Были отменены подушная подать и круговая порука в уплате налогов там, где они еще сохранились. Было упразднено право земских и крестьянских начальников самовольно налагать взыскания на крестьян за невыполнение их постановлений, ограничивалось право уездных съездов отменять решения крестьянских сходов по представлениям земских начальников. Все это было существенным завоеванием крестьянства.

Непосредственным результатом крестьянского движения были начавшиеся под влиянием паники еще в 1905 г. бегство дворян из имений в города и усиленная распродажа помещичьих земель. Здесь сыграла свою роль боязнь помещиков разгрома или национализации (в случае победы революции) их хозяйств. Помещики, особенно земледельческого Центра и Среднего Поволжья, где была очень распространена отработочная система, а, следовательно, дворянское землевладение казалось наиболее устойчивым, теперь спешили порвать всякие связи с землей, деревней, распродавая свои земли крестьянам или Крестьянскому банку. Так, в Саратов-

ской губ. с 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г. было предложено Крестьянскому банку купить 503 имения площадью 707 тыс. дес. А по всему восточному району (Саратовская, Пензенская, Уфимская, Симбирская и Казанская губернии) было предложено к продаже 1306 имений с 1559 тыс. дес. земли²⁶. Как писали 17 сентября 1906 г. «Русские ведомости», «из расспросов землевладельцев или их управляющих оказывается, что буквально все владельцы сделали заявление о желании продать через Крестьянский банк свои земли». Большое количество сделок по продаже земли было совершено и помимо Крестьянского банка.

Первая российская революция, крестьянское движение вынудили царизм пойти на новую аграрную (стольпинскую) реформу, значение которой в целом заключалось в замене сохранившихся еще в деревне полукрепостнических отношений отношениями, более соответствующими условиям капиталистического развития. Начался энергичный процесс разрушения старого уклада российской деревни с «уравнительно»-общинно-наделным землепользованием, «уравнительной» бедностью и голоданием всего крестьянства. На смену патриархальной деревне с ее основными традиционными (вечно враждующими между собой) отношениями барина и мужика, усадьбы и деревни, т. е. экономии и общины, шли новые, чисто буржуазные порядки и отношения.

Крестьянское движение сыграло огромную роль в усилении общего натиска на самодержавие, в росте классовой сознательности сельского населения. Подводя итоги революционной борьбы в 1905—1907 гг., анализируя опыт и уроки революции, В. И. Ленин констатировал, что в ходе революции «в общем и целом, крестьянство... выступало революционно»²⁷. В период выступлений многие крестьяне стали сознательными революционерами и вошли впоследствии в авангард борцов за победу социалистической революции.

Руководящая роль пролетариата, превращение крестьянства из резерва буржуазии в союзника пролетариата — таково коренное отличие российской буржуазно-демократической революции от революций эпохи монополистического капитализма. Активное участие широких крестьянских масс в революции вместе с рабочим классом и под его руководством делало революцию 1905—1907 гг. подлинно народной, усиливало ее масштабность и глубину.

В то время царизм оказался сильнее и организованнее, чем революция²⁸. Впоследствии Ленин указывал, что и в других революциях неоднократно бывало так, что «маленькая, но хорошо организованная, вооруженная и централизованная сила командующих классов, помещиков и буржуазии, подавляла по частям силу „большинства народа“, плохо организованного, плохо вооруженного, раздробленного». Ленинский вывод был таков: «... в революции надо *победить* враждебные классы, надо *свергнуть* защищающую их государственную власть, а для этого недостаточно „воли большинства народа“, а необходима *сила* революционных классов... притом сила, которая бы в решающий момент и в решающем месте *раздавила* враждебную силу»²⁹. Уроки первой россий-

ской революции были использованы большевиками в будущем.

Несмотря на поражение революции 1905—1907 гг., в результате борьбы народным массам удалось добиться некоторых политических свобод, вырвать у царизма первое общероссийское представительное учреждение — Государственную думу, которую большевики использовали как легальную трибуну для разоблачения самодержавия и буржуазных политических партий.

Опыт революции 1905—1907 гг. полностью подтвердил положение марксизма о народных массах как главной движущей силе буржуазной революции XX в., о решающей роли пролетариата в общенародном движении, в достижении победы революции. «Во всех великих буржуазных революциях, — отмечал В. И. Ленин, — решающую победу мог одерживать только пролетариат (более или менее развитой) в союзе с крестьянством. . . Опыт 1905—1907 годов *каждым* крупным поворотом событий давал *практическое* подтверждение этой истины, ибо на деле все решительные выступления, и „боевые“ и парламентские, были именно „совместными действиями“ пролетариата и крестьянства»³⁰. Российская революция окончательно опровергла вреднейшие оппортунистические представления о крестьянстве как реакционной силе, не способной поддержать пролетариат в борьбе с царским самодержавием, ни тем более стать его союзником. В ходе революции «„коалиция“ пролетариата и крестьянства осуществлялась *десятки и сотни раз* в самых различных формах», она характеризовала «все крупные события 1905—1907 годов»³¹.

Первая буржуазно-демократическая революция в России «глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу и всему миру *все* классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способностей действия, их ближайших и дальнейших целей»³². Она «неопровержимо доказала полную шаткость и контрреволюционность нашей буржуазии, доказала способность нашего пролетариата быть *вождем* победоносной революции, доказала способность демократических масс крестьянства помочь пролетариату сделать эту революцию победоносной»³³. В годы первой российской революции было положено начало «завоевания политической власти пролетариатом, опирающимся на революционную мелкую буржуазию, в особенности на крестьянство»³⁴.

Совместная борьба рабочих и крестьян, уровень и размах вывели вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства из области теоретических представлений в сферу непосредственной жизненной практики. И, в свою очередь, эта практика дала реальную основу для новых теоретических обобщений, имевших огромное значение для руководства освободительной борьбой народных масс. Великая сила революционного преобразования общества — союз рабочего класса и крестьянства — до основания потрясла царский строй в 1905—1907 гг., свергла его в 1917 г. и обеспечила победу социализма в нашей стране.

¹ Литвак Б. Г. Забытый источник по истории крестьянского движения в России второй половины XIX — начала XX в. («Свод статистических сведений о делах уголовных», 1872—1914 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1970 г. Рига, 1977. С. 262.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 216—217.

³ Там же. Т. 14. С. 40.

⁴ Там же. Т. 30. С. 316.

⁵ Там же. Т. 12. С. 333.

⁶ Там же. С. 317.

⁷ Там же. Т. 41. С. 391.

⁸ Симонова М. С. Крестьянское движение 1905—1907 гг. в советской историографии // Ист. зап. 1975. Т. 95. С. 212.

⁹ Тюкавкин В. Г. Историографические итоги изучения размаха крестьянского движения в период первой русской революции // Проблемы историографии и источниковедения истории трех российских революций. М., 1987. С. 32.

¹⁰ Основные итоги изучения истории первой русской революции за последние двадцать лет // История СССР. 1975. № 5. С. 53 (автор раздела о крестьянском движении — М. С. Симонова).

¹¹ Аграрное движение в России в 1905—1906 гг.: В 2 ч. СПб., 1908. Ч. 1. С. 120, 122.

¹² ЦГИА СССР. Ф. 91. Оп. 2. 1907 г. Д. 700. Л. 50.

¹³ Аграрное движение в России. . . Ч. 1. С. 71.

¹⁴ См.: Леценко М. Н. Українське село в революції 1905—1907 рр. Київ, 1977. С. 343, 348; Попов П. Г. Большевики Дона в борьбе за союз рабочего класса и крестьянства накануне и в период первой русской революции 1905—1907 гг.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1969. С. 24; Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг. Минск, 1962. С. 316, 391, 416; Волков Н. В. Влияние пролетариата на крестьянское движение в губерниях Верхнего Поволжья (1905—1907 гг.) // Рабочий класс и Советы в революции 1905—1907 гг. в России. Иваново, 1976. С. 129; Шмьгин И. П. Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905—1907 гг. Ульяновск, 1962. С. 332; Аграрное движение 1905—1907 гг. в Московской области: Сб. документов. М., 1936. С. 24; Крестьянское движение в Сибири 1861—1907 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1985. С. 134.

¹⁵ Литвак Б. Г. Указ. соч. С. 264.

¹⁶ См.: Аграрное движение в России. . . Ч. 1. С. 109—110, 220, 364; Ч. 2. С. 291, 370.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 398.

¹⁸ Там же. Т. 20. С. 141.

¹⁹ См.: Там же. Т. 16. С. 313.

²⁰ Там же. Т. 17. С. 280.

²¹ Там же. С. 211.

²² Першин П. Н. Аграрная революция в России: В 2 кн. М., 1966. Кн. 1. С. 253.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 423.

²⁴ К истории борьбы самодержавия с аграрным движением в 1905—1907 гг. / Предисл. М. А. Лурье // Красный арх. 1930. Т. 5 (78). С. 130.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 120.

²⁶ См.: Маслов П. Как крестьяне боролись за землю в 1905—1906 гг. М.; Л., 1926. С. 96—97; Тюменев А. От революции к революции. Л., 1925. С. 11—12.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 177.

²⁸ См.: Сенчакова Л. Т. Борьба царизма с крестьянским движением 1905—1907 гг. // История СССР. 1986. № 1.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 124.

³⁰ Там же. Т. 17. С. 389.

³¹ Там же. С. 342, 382.

³² Там же. Т. 31. С. 12.

³³ Там же. Т. 17. С. 412.

³⁴ Там же. Т. 19. С. 214.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая	
Развитие крестьянской борьбы в 1905—1907 гг.	23
Глава вторая	
Революционно-демократические крестьянские организации	122
Глава третья	
Социально-политическая активность крестьян	192
Заключение	

Научное издание

Сенчакова Лариса Тимофеевна

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства *Л. В. Абрамова*. Художник *Ф. Н. Будапов*. Художественный редактор *М. Л. Храпцов*. Технический редактор *Т. А. Калинина*. Корректоры *Т. П. Вдов*, *М. Ф. Сафонова*

ИБ № 388812

Сдано в набор 05.08.88. Подписано к печати 29.12.88. А-10677. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага для глубокой печати. Гарнитура обыкновенная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,5.

Усл. кр.-отт. 16,88. Уч.-изд. л. 20,7. Тираж 1750 экз. Тип. зак. 880. Цена 4 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». 117864, ГСП-7, Москва, В-485. Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука». 199034. Ленинград, В-34, 9 линия, 12